



*С. Спангенберг*  
ИЗ ЖИЗНИ  
НАТУРАЛИСТА



Евгений Спангенберг

Записки натуралиста

ОТ АВТОРА

Есть люди, каждая беседа с которыми оставляет неизгладимый след. Именно таким человеком и был мой учитель, профессор Борис Михайлович Житков. Когда я поступил в Московский университет, он читал курс зоологии позвоночных, много писал научных и научно-популярных статей, книг и как-то совсем незаметно руководил работой многих студентов.

— Знаете, друзья, — однажды во время беседы обратился он к нам, — за свою жизнь я написал ряд полезных книг, но интересно, что только с тех пор, как мой однофамилец Борис Житков издал свои увлекательные рассказы, я стал пользоваться особенной популярностью.

Года два тому назад меня остановил в нашем дворе маленький мальчуган.

— Это ты написал о слонах? — спросил он, глядя в упор.

— Нет, это другой Житков, — пояснил я.

Одно мгновение, казалось, мальчуган был озадачен моим ответом.

— Но ты Житков? — наконец спросил он.

— Да, Житков.

— И Борис?

— Да, и Борис, — ответил я.

— Ну, если ты Житков и Борис — значит, это ты написал о слонах, — безапелляционно заявил он.

Этот маленький эпизод из жизни старика-профессора, рассказанный нам между прочим, не пропал бесследно. Я понял, что необходимо уметь писать не только научные, но и научно-популярные книги. Ведь их прочтет и оценит не узкий круг специалистов, а масса людей, причем людей самых разнообразных профессий и возрастов. И хотя я не писатель, а научный работник, но, любя науку и вспоминая слова своего учителя, я решил в этой книге в доступной форме изложить те наблюдения над животными, которые вошли в мои научные работы.

Мое раннее детство протекало в Ленинграде. Когда наступало лето, наша семья выезжала на дачу, но жизнь за городом почти изгладилась из моей памяти. Я хорошо помню только отдельные моменты. Как-то в воскресный день мы с отцом, вооружившись сачком и банками, отправились к небольшому пруду и, ловя тритонов и карасиков, провели на его берегу большую часть дня. Эта маленькая экскурсия живо сохранилась в моей памяти. В тот день я впервые услышал пение полевого жаворонка. Он взлетел недалеко от меня из травы, поднялся в голубую высь, и в течение долгого времени оттуда лилась чудная песня — ей,

казалось, не будет конца. Много времени прошло с того дня, но и сейчас, когда бываю весной в поле, я вслушиваюсь в звуки, знакомые с детства, и пытаюсь отыскать в голубом небе маленького певца.

Несравненно лучше я помню свою жизнь в городе. Вспоминается скучная осень и сырая зима; небо, вечно затянутое серыми тучами; как сквозь сито, моросит мелкий дождь, плачут окна. Тускло было на улице, но дома я не скучал. Усевшись на кушетку, часами перелистывал толстые книги, рассматривал картинки и мысленно уносился на далекий юг, где, по моим понятиям, вечно блестело яркое солнце на голубом небе. Однажды отец приобрел десять томов Брема, и эти книги с изображениями разнообразных животных вскоре стали для меня самой большой драгоценностью. Уже в раннем детстве больше всего меня интересовали животные, их повадки и образ жизни. Недавно мне попала в руки моя детская тетрадка с наклеенными картинками. Она оказалась заполненной рисунками всевозможных зверей и птиц.

Приезд к нам деда сделал мою жизнь еще более интересной. В то время ему было 70 лет. За свою жизнь дед — большой любитель природы — много путешествовал и охотился на разнообразных животных. С его приездом в нашей квартире появились чучела белых цапель, уток, фазанов и мелких птичек, перья которых отливали всеми цветами радуги. Эти птицы были собраны Дедом во время его интересных и долгих поездок.

Переходя от одного чучела к другому, я не мог оторвать глаз, сравнивал их с рисунками в книгах, расспрашивал деда.

Но не только чучела птиц привез с собой дед. Из своих вещей он извлек большую шкатулку. Она оказалась заполненной различными мелкими предметами. Здесь были ржавые наконечники стрел, древние монеты, каменные изображения людей, окаменелые раковины и куски дерева. Все это, по его словам, он сохранил на память.

Однажды вечером, когда в комнате запылал камин, дед уселся против него в широкое кресло и поставил на пол свою большую шкатулку. Откинув крышку и вынув из шкатулки один предмет, он с любовью осмотрел его со всех сторон, потом устремил задумчивый взгляд на огонь и, держа в руке невзрачную вещицу, начал долгий, интересный рассказ. Но он рассказывал не только о том предмете, который лежал у него на руке. С ним была связана часть его жизни, проведенной в путешествиях. В первый вечер дед достал маленькую коробочку со странным засушенным насекомым и рассказал нам о песчаных пустынях, где беспощадно палит солнце, где к самому небу поднимаются смерчи. В следующий вечер маленькая трубка, искусно вырезанная из кости моржа, перенесла нас на Чукотку. И перед нашими глазами одна за другой вставали неведомые картины: беспокойное море, мелкие скалистые острова, птичьи базары, парусное судно, скрипящее и плачущее на все лады даже при небольшом ветре.

И так долгими зимними вечерами по рассказам деда я знакомился с многообразной природой нашей родины, а затем — и с жизнью тех изумительно ярких тропических птиц, чучелами которых были завешаны наши комнаты.

Потом наступила другая пора в моей жизни. Из многолюдного, большого города наша семья переехала на маленькую железнодорожную станцию, затерянную в степях Нижнего Поволжья. Именно там, изо дня в день непосредственно соприкасаясь с природой, я полюбил ее всеми силами детской души. Много времени ушло с тех пор, но и сейчас я вспоминаю эту полосу привольного детства. Вот в моей памяти со всеми подробностями встает небольшой железнодорожный поселок — Ахтуба. Среди безбрежных степей ахтубинские сады были настоящим оазисом — весь железнодорожный поселок утопал в зелени. Белые акации, сирень, черешни, вишни и яблони скрывали здания, их ветви настойчиво лезли в окна.

Как любил я наш большой запущенный сад! Зимой я проводил в нем целые дни, и меня не тянуло за его пределы. Весь сад граничил с унылой, то серой, то покрытой белой пеленой степью.

Ша юг и восток она уходила до самого горизонта и казалась мне бесконечной. Непривлекательна была степь зимой. Зато как великолепен был сад. Иной раз ветви деревьев покрывались пушистым инеем, среди них алела грудка снегиря, где-то по стволу дерева деловито стучал дятел, а вечером сотни ворон и галок собирались на высоких акациях и нестройный гомон голосов ночующей стаи проникал в самые отдаленные уголки нашей просторной квартиры.

Но и тогда я особенно любил весну и с нетерпением ждал, когда пройдет зима, когда наступит это чудное время года.

Вот весенний беспокойный ветер качает еще обнаженное дерево, а на его ветви, вздрагивая крылышками, поет скворец. Холодно еще, неприветливо, а прилетевший скворушка поет с увлечением. В его пении вы услышите кряканье утки, крик галки, скрипение немазаного колеса. Жадно вслушиваюсь я в эти нестройные звуки, узнавая в прилетевшем скворушке по манере петь старого знакомого. Второй год он прилетает в наш сад ранней весной и выводит птенцов в дупле тополя.

Пройдет еще неделька, другая. Степь покроется нежной молодой зеленью, а сад побелеет от цветущих фруктовых деревьев. На смену им зацветет сирень и белая акация, и тогда комнаты нашего дома наполнятся пряным, одуряющим запахом.

Что сравнится с весной?

Весна была для меня самым большим праздником, и не только потому, что оживала природа, но и по той причине, что весна сулила мне интересные поездки с отцом на охоту и рыбную ловлю, далекие походы в степь за тюльпанами и новых питомцев. Уже в то время я привык видеть в нашей квартире всевозможных животных. Большая вольтера с канарейками стояла в одной из комнат; на окнах помещались аквариумы с рыбками. Но яркие канарейки — любимицы моей матери — и красные рыбки со свисающими хвостами и выпученными глазами не привлекали моего внимания. Веселый, бойкий скворец, наш воробей и зубастый хищник — щучонок — значительно больше нравились мне; жизнь их меня особенно интересовала. Выпавшие случайно из гнезд скворчата, молодые сорокопутики и птенцы других птичек неизменно весной попадали в нашу квартиру. Их вскармливание и воспитание занимало все мое время и делало мою жизнь осмысленной и интересной.

«Что может быть лучше, интереснее ручной зверушки или пичуги!» — думал я в детстве. И если моих сверстников-мальчуганов интересовали заводная машина, подводная лодка или проектор, то эти пахнущие свежей краской яркие игрушки привлекали мое внимание лишь на самое короткое время.

— Кому что, а курице просо, — посмеивались надо мной в семье, когда в нашей квартире появлялось новое животное. Эти слова были сама истина. Кому что, а для меня в то время зверек или птичка были самым лучшим, самым дорогим подарком.

Никогда не забуду, как однажды из соседнего поселка к отцу приехал сельский учитель. Он долго сидел у отца в кабинете, а затем вышел в столовую и, увидев меня, протянул мне картонную коробку. «Это тебе», — сказал он между прочим и спустился с крыльца во двор, где стояли его дрожки. В крышке коробки было пробито много отверстий; я сразу сообразил, что в ней какая-то живность. Но то, что я нашел, превзошло все мои ожидания. В коробке сидел маленький живой зверек — тушканчик. Для меня это был ни с чем не сравнимый, драгоценный подарок.

Со временем тушканчик стал совершенно ручным и, пользуясь моей заботой, прожил в нашей семье, вероятно, значительно дольше, чем живут эти грызуны на свободе. Будучи ночным животным, дневные часы он проводил в клетке, свернувшись в комочек. Спустя год в маленькой транспортной клетке, специально изготовленной моим отцом, он совершил переезд в Москву, а затем в Иркутск, где около шести лет жил на полной свободе в нашей квартире.

Множество и других зверушек и птиц перебивало у меня в детские годы. О них я смог бы написать большую книгу, но, обдумав, решил отказаться от этого: слишком однообразны показались бы читателям мои рассказы. Я остановлюсь на поступках и поведении только немногих живших в неволе животных.

## ДЕТСКИЕ ГОДЫ И УНИВЕРСИТЕТ

### ОПАСНОЕ СОСЕДСТВО

Содержание мелких птиц в квартире, где живет домашняя кошка, небезопасно. Ведь кошка — настоящий хищник, и заставить ее отказаться от хищнических наклонностей чрезвычайно трудно. Как бы умна и воспитана она ни была, ваши птицы всегда будут под угрозой смерти. В этом я убедился в самом раннем детстве, когда наш общий любимец, лентяй и неженка кот Васька, задушил одну из моих египетских горлинок, как только она вылетела из клетки в комнату. Пока горлинки сидели в клетках, кот не обращал на них никакого внимания и этим усыпил нашу бдительность и осторожность. Это был для меня жестокий, но хороший урок, и в Ахтубе, где в нашей квартире обитали птицы, кота Ваську не пускали в комнаты. Он жил на кухне и вел себя, как подобает хорошей и благовоспитанной кошке. По словам моей няньки, он не даром ел хлеб — добросовестно вылавливал мышей. В свободное время кот спал на печке, а когда я забегал в кухню и гладил его выхоленную, блестящую шкурку, он терся ухом об руку и мурлыкал что было мочи. Но разве можно вполне доверять кошке? Собаке можно верить, но кошке... Не было доверия у меня и к Ваське. Мне казалось, что под его привлекательной внешностью скрывается большой разбойник, гроза и истребитель всего живого.

В те дни, когда выпадал снег и почва покрывалась сплошным белым ковром, я неоднократно находил в саду Васькины следы. В виде ровной цепочки они уходили в отдаленные уголки сада и здесь прихотливо извивались среди густой сирени и маличника. «Что он тут делает? — думал я. — Наверное, ничего доброго — иначе он не вел бы себя так, как это было несколько дней тому назад». Я осторожно шел по следам Васьки и на белом фоне заметил его издали. Он, как настоящий дикий зверь, затаился среди торчащей из-под снега желтой травы и неподвижными глазами следил за мной. Когда же я подошел к нему на несколько шагов и позвал его по имени, он выскочил из своей засады и, как сумасшедший, пустился к дому. Так мог убегать только застигнутый врасплох разбойник. Однако с тех пор прошло много времени, пока, наконец, ловкий Васька не попался на месте преступления. Вот как это случилось.

Было чудное летнее утро. Рано проснувшись, я вышел на веранду и, ежась от утренней прохлады, остановился на верхних ступенях. Как великолепен был цветущий сад, залитый косыми и пока почти не греющими лучами солнца! Да, хорошо было кругом, и я был готов присесть на залитые солнцем ступени, как какие-то странные звуки заставили меня

насторожиться. Это кричали знакомые мне птицы, но их тревожные голоса были так необыкновенны в тишине раннего утра. Желание понежиться на солнышке как рукой сняло; вслушиваясь в доносившиеся издали голоса птиц, я быстро пошел в глубину сада.

Вот кончились редкие яблони, окруженные широкими лунками, вот и край огорода с кукурузой и подсолнухом, а далее за ним высокий дощатый забор и деревянный желоб, по которому с журчанием стекает вода в канавы сада. В этом сыром и прохладном уголке среди густой бузины и цветущей белой акации высоко поднимался погибший тополь. Дерево давно перестало жить. Местами его кора упала на землю, местами висела лохмотьями, обнажая источенный насекомыми ствол, немногие сохранившиеся голые ветви неуклюже торчали далеко в стороны. Отжившее уродливое дерево давно пора было срубить на топливо. Но мы медлили. Жалко было расстаться со старым тополем, своим уродством придававшим своеобразие этому уголку сада. Кроме того, в дуплах тополя постоянно гнездились скворцы, полевые воробьи и еще какая-то птичка. И вот на этом-то тополе, высоко над землей, я и увидел — кого бы вы думали? — нашего Ваську. Видимо, не подозревая о близости человека и мало обращая внимания на жалобные крики птиц, он деловито и бесцеремонно хозяйничал на дереве. Крепко держась на стволе тремя лапами, правую до самого плеча кот засовывал в дупло дерева. Когда же лапа появлялась наружу, за ней из дупла тянулись клочья гнездовой подстилки.

Я отыскал среди валежника сухой сук и двинулся к дереву. В этот момент Васька извлек из дупла целое гнездо птицы, но, заметив меня, бросил свою добычу.

В следующий момент, растопырив лапы, он повис в воздухе, крякнул, шлепнувшись об землю, и стремглав бросился к дому.

— Ах ты, разбойник! — крикнул я ему вдогонку и поспешил к дереву. Под ним среди соломы, ваты и перьев наших кур и индеек я нашел четырех мертвых и одного живого, совсем маленького и голого воробья. Каким-то чудом он остался жив, упав вместе с гнездовой подстилкой с высокого дерева.

Так попал к нам крошечный и беспомощный воробьянок, долгое время проживший у нас и получивший имя Малюска. С этого момента, в сущности и следовало начать этот рассказ, если бы коту Ваське не пришлось фигурировать и в дальнейшем. Воробьев знают все. Однако и о них кое-что сказать можно. В нашей средней полосе воробьи представлены двумя хорошо отличимыми друг от друга видами. К первому относится крупный домовый воробей. Самец этого воробья окрашен значительно ярче, чем серенькая и невзрачная самочка. Обитает он у жилья человека, устраивая гнезда под крышами зданий. Но в такой же обстановке вы можете встретить так называемого полевого воробья. От домового он отличается меньшим размером, более яркой окраской и отсутствием разницы в оперении самца и самки. Полевой воробей, хотя часто поселяется под крышами человеческого жилья, явно тяготеет к большим паркам, лесам и полям. Здесь он селится то в древесных дуплах, то в норах, выкопанных другими птицами, в обрывистых берегах рек и в оврагах. Воробушек, о котором я сейчас расскажу, принадлежал именно к этому виду.

Выкармливать крошечного и совершенно беспомощного воробья, во всяком случае первое время его жизни, очень трудно. Для этого нужны любовь и много терпения. Ведь птенцы в самом начале неволи никак не желают открывать свои рты и их приходится кормить насильно. Попавший мне в руки воробьянок был так мал и слаб, что я не решился взять его на свое попечение и отнес к матери. В моих глазах она была большой специалисткой в этой области. Несчастный воробьянок попал в надежные руки.

Первое время наш новый питомец был настолько непривлекателен, что мы, дети, не проявляли к нему большого интереса. Но не прошло и недели, как веселое и настойчивое чириканье с раннего утра оповещало весь дом о его существовании. Он уже не лежал в

коробочке с ватой, а с самого утра усаживался на ее край и оживленным чириканьем требовал пищи. Когда же на него обращали внимание и приближались с кормом, он широко открывал рот с желтыми краями и трепетал своими еще плохо оперенными крылышками.

Уже в этом раннем возрасте таким поведением он отличался от птенцов живших у нас канареек. Каждый год они выводились в специальных клетках, под присмотром моей матери. Одетые в яркое желтое и пестрое оперение, птенчики канареек были замечательно привлекательны, но у этих птичек как-то не чувствовалось жизни. И разве их можно было сравнить с крошечным, но бойким полевым воробьенком, в глазах которого уже тогда светился какой-то особенный задор и неисчерпаемый запас жизненной энергии.

За день он съедал большое количество нарезанного мелкими кусочками сырого мяса, вареного яйца, намоченного в молоке белого хлеба и рос с поразительной быстротой. Еще десяток дней, и наш смешной воробьенок покрылся перьями и научился пользоваться крыльями. Вот с этого момента и проявился его общественный нрав. Он не желал оставаться в комнате в одиночестве и, с чириканьем перелетая с одного предмета на другой, следовал за матерью по всей квартире. Но интересно, что только к своей воспитательнице юный воробьенок проявлял привязанность и, напротив, настороженно и недоверчиво относился к нам, детям. Это не нравилось нам, и мы, вместо того чтобы завоевать доверие птицы, по своему детскому легкомыслию, стали дразнить воробьенка при всяком удобном случае. Сердясь же, воробьенок вел себя так комично, что это доставляло нам большое удовольствие.

Утро. На просторной, выходящей в сад веранде накрыт стол — мы пьем чай. За столом присутствует и наш Малюська. Взъерошенный, с желтыми краями рта и коротким хвостом, он сидит на углу стола около матери и при каждом ее движении оттопыривает свои короткие крылышки и, чирикавая, просит есть. Время от времени ему в рот попадают маленькие кусочки сырого мяса. Проглотив их, он умолкает, но только на самое короткое время, и вновь начинает чирикать и, склоняя голову набок, заглядывать в глаза матери. Сколько в каждом движении птицы-малютки доверия к человеку-другу. И как же велика разница в отношении того же воробьенка к нам, жестоким детям! Достаточно, например, мне протянуть к нему руку и дотронуться до его хвоста, чтобы в одно мгновение нарушилась мирная обстановка. Воробьенок плотно прижимает к телу свое распушенное оперение, в его маленьких глазах вспыхивает недобрый огонек, и с неистовым чириканьем он бросается на мою руку. Сколько ожесточенных, но, увы, безболезненных щипков и укусов! «Зачем дразнить птицу», — с укором говорит мне мать. «Да ведь я этому злюке ничего не сделал», — оправдываюсь я.

Вскоре, однако, наш воспитанник заслужил прозвище Забияка. У нас давно жил старый охотничий пес — ирландский сеттер.

Звали его Маркиз. Он был настоящей рабочей собакой, но в домашней обстановке его добродушию, казалось, не было предела. «Мухи не обидит», — говорил про него мой отец. И действительно, Маркиз был таким. Долго живший у нас бескрылый перепел без опасения вскакивал на спящую собаку, чтобы отбить свою звучную песню. Лишь изредка в таких случаях Маркиз нехотя поднимал голову. Чтобы доказать добродушие нашего Маркизки, мы, дети, иногда всовывали ему в рот маленького домашнего утенка. И каждый раз умная собака осторожно выталкивала изо рта языком живой комочек, не причинив ему никакого вреда.

Да, Маркиз был добрейшей собакой. И вот, представьте себе, наш общий любимец неожиданно для всех попал в немилость воробью-забияке. Как и прочие животные нашего дома, Маркиз был сильно привязан к моей матери. Ежедневно в конце обеда он подходил к ней и клал свою большую голову ей на колени. Ведь после обеда оставались вкусные вещи, на которые Маркизка был вправе рассчитывать. Если на него долго не обращали внимания, он напоминал о себе тяжелым вздохом.

В тот день, как и обычно, он приблизился к моей матери, но вдруг, к своему недоумению, был встречен воинственным натиском маленького воробья. Наш дружный смех окончательно обескуражил старую собаку. Мы очень любили доброго пса, но разве можно было не смеяться, наблюдая эту сценку! Вздорная птица смело бросилась на собаку, как только ее голова опустилась на колени к хозяйке. Маркиз сильно затряс головой и сбросил своего врага на пол. Другая собака, конечно, воспользовалась бы удобным случаем и отплатила бы своему обидчику. Но великодушный Маркиз не сделал этого. Издали с удивлением и некоторой опаской он обнюхал воробья, большая злость которого так не соответствовала его маленькому росту. Стоит ли большой собаке обращать внимание на вздорную крошку? Однако этот случай не прошел бесследно. В дальнейшем Маркиз не решался подходить к хозяйке, когда около нее вертелся воробей-забияка. Так постепенно смешной воробьянок, обладающий неутомимой энергией и большой смелостью, завоевал в нашем доме всеобщее уважение. Он продолжал оставаться на полной свободе и большую часть дня проводил в саду около дома. Но достаточно было позвать его по имени или собраться нашей семье за накрытым столом на веранде, как среди нас тотчас появлялась веселая птица.

Мне вспоминается множество небольших происшествий, связанных с ручным воробьянком.

— Опять ваш воробей чашку разбил и в молоке выкупался — оставить ничего нельзя, — ворчала няня. — Уж лучше бы Васька тогда съел этого вора, мало канареек, что ли, — воробья завели, житья от него нет никакого.

Далекие прогулки ручного воробья не очень нравились нам. Особенно беспокоило частое появление ручной птицы около кухни, где она могла легко стать жертвой кровожадного кота Васьки. Но ведь после упомянутого столкновения воробья и собаки Маркиз как будто боялся злой птицы.

Не попробовать ли и Ваську заставить бояться смелого воробья — тогда, наш питомец будет в безопасности. И вот бедный Васька в течение ряда последующих дней подвергался безболезненной, но очень неприятной дрессировке. Взяв кота на руки и сдерживая его страшные для всего живого передние лапы, мы подносили его к ручной птице. Сначала воробей остерегался незнакомого зверя и держался от него поодаль. Когда же это ему надоело, он вдруг осмелел и с чириканьем бросился в самую морду кошке. Васька жмурил глаза, злобно шипел и рвался на волю. Уже на другой день, как нам тогда казалось, мы достигли желаемых результатов. Кот, посаженный рядом с воробьем, сердито урча, осторожно попятился назад, а затем опрометью бросился из комнаты. Его поведение явно показывало, что столкновение с птицей не доставляет ему никакого удовольствия.

Настала осень. Один за другим потянулись тихие, то ясные, то серые и сырые дни. Пожелтели, потемнели листья. Они отрывались от дерева, несколько мгновений качались в воздухе и с шелестом опускались на землю. По утрам особенно пахло прелым листом, тревожно перекликались какие-то птички. Мне нравилась эта грустная осенняя тишина, и большую часть дня я проводил в нашем саду. Однажды я возвращался домой из сада и только хотел подняться на террасу, как случившееся заставило меня застыть на месте. Издав тревожный крик, с крыши сорвался наш ручной воробей и стремглав нырнул в густой куст сирени. В тот же момент, как стрела, воздух прорезала довольно крупная птица, но, не сумев пробиться в глубину того же куста, уселась в средней его части. «Ястреб, не поймал», — мелькнула у меня мысль, и я бросился на выручку воробья. В ту же секунду проворный ястреб-перепелятник метнулся в сторону и, вызывая панику среди других воробьев и домашних кур, как страшная тень, низко скользнул сквозь сад и исчез за широким двором. Как зачарованный, я стоял на месте и глазами следил за улетающей хищной птицей. Громкий писк воробья вернул меня к действительности. Не замечая меня, под кустом орудовал кот Васька. Засовывая лапу в самую гущу ветвей сирени, он пытался извлечь оттуда нашего бедного воробья малюську. Через мгновение воробьянок был в моих руках, а Васька улепетывал к кухне.



Все кончилось благополучно. Осмотрев напуганного воробья, я не нашел ни единой ранки. Только вырванные перья свидетельствовали о том, что он чуть не стал жертвой хищника. Как я тогда ненавидел Васюку!

— Ну, чем же виноват Васюка? — успокаивал меня отец в тот вечер. — Ведь кошка прирожденный хищник — не заставишь ты ее есть траву и не обращать внимания на, мышей и птиц.

## СИВКА

В километре от станции Ахтуба протекает рукав Волги. В его пойме водилось много уток и куликов, встречались долговязы цапли и другие птицы, в том числе замечательно красивые, величиной с нашу галку, сизоворонки. Их нарядное оперение из сочетания голубовато-зеленого и коричневого цветов под лучами южного солнца казалось особенно ярким.

Птицы гнездились в степных оврагах и в обрывистых берегах реки, где выкапывали глубокие норы, или заселяли дуплистые ветлы, поднимавшиеся среди речного разлива.

Когда я впервые увидел сизоворонку, она поразила меня своей окраской. Ведь по яркости оперения она, конечно, не уступала тропическим птицам. «Зачем мечтать о ярких попугаях, — думал я, — когда под боком есть такие красивые птицы». И вот я решил достать для себя живую сизоворонку. В то время мы почти каждый день ходили на реку ловить рыбу, и там я стал присматриваться, куда залетали интересующие меня птицы. Вскоре мне удалось установить, что пара сизоворонок загнездилась в норе берегового обрыва. По моим расчетам, до этой норы можно было добраться.

Достав сачок и насадив его на длинную палку, я решил им закрыть нору с таким расчетом, чтобы вылетевшая птица попала в сетку. Уже сильно стемнело, когда я с сачком в руках осторожно подкрался сверху к обрыву, улегся на живот и прикрыл сачком выходное отверстие. Прюродав это, я был уверен, что не пройдет и пяти минут, как прекрасная птица забьется в сетке. Но прошло пять, десять, двадцать минут, а этого не случилось. Лежа на животе и продолжая держать сачок, я ногами стучал по земле в надежде выгнать из норы птиц, но, увы, безуспешно. Руки мои устали, и, решив, что птицы ночуют в другом месте, я поднял и положил около себя сетку. В тот же момент из норы вылетела сизоворонка и с криком скрылась в вечерних сумерках.

Представьте же мою досаду! Как я себя ненавидел за нетерпение и поспешность. В дальнейшем я решил быть более терпеливым. Но, увы, мне не удалось поймать сизоворонку. Напуганные птицы стали крайне осторожны и вылетали из норки, как только я приближался к обрыву. До сего времени не могу понять, как они могли слышать мое приближение. Ведь я, как мне казалось, подходил бесшумно.

Прошло месяца полтора, и, наконец, несмотря на ряд неудач, мое желание исполнилось.

Однажды поселковые ребята принесли нам маленького птенца сизоворонки. Он был как-то особенно уродлив и отличался крикливостью и прожорливостью. Достаточно было войти в комнату, где помещался пленник, как он начинал громко кричать, требуя пищи. Кусочки сырого мяса, лягушата, дождевые черви — все это поедалось ненасытным птенцом в большом количестве. Зато рос он очень быстро, покрывался яркими перьями и вскоре научился летать.

Птенцу была предоставлена полная свобода. Наевшись, он обычно усаживался в саду на сухую ветвь акации, которая росла против балкона, и сидел там до тех пор, пока не чувствовал нового приступа голода. Тогда он принимался разыскивать людей, появлялся на террасе или через открытое окно влетал в комнату. Усевшись на первое удобное место, будь то спинка стула, плечо или голова человека, птенец начинал кричать, требуя пищи. Отделаться от его настойчивых криков можно было, только сунув ему в рот несколько кусочков сырого мяса. С жадностью проглотив пищу, птенец взъерошивал перышки, оставался короткое время неподвижным, видимо наслаждаясь чувством сытости, затем бесцеремонно здесь же оставлял свою «визитную карточку» и через открытое окно улетал в сад на ту же сухую ветку. Здесь он предавался отдыху и переваривал съеденное. Вскоре наш противный, крикливый и надоедливый птенец превратился в красивую взрослую птицу. Мы прозвали его Сивкой.

Чем старше становилась Сивка, тем больше она нуждалась в движении. Иной раз поднимется Сивка высоко в воздух, полетает над садом и усядется на самую вершину пирамидального тополя. Бывали и такие случаи, что после полета кругами у дома птица направлялась в степь и, пролетев с полкилометра, садилась на телеграфную проволоку. Там уже она сталкивалась с дикими сизоворонками. «Неужели улетит?» — замирало в страхе мое сердце. «Наверное, улетит», — отвечал я на свои мысли. Конечно, я мог бы водворить Сивку в пустую комнату и не пускать летать по саду, но лишиться птицу свободы мне было жалко. Будь, что будет, решил я и перестал об этом думать. А сизоворонка, как будто желая разубедить меня в моих сомнениях, продолжала оставаться такой же ручной и доверчивой. Увидишь ее иной раз на высоком дереве и даже усомнишься, что это наш выкормыш. Такая она красивая: оперение гладкое — к телу плотно прилегает, и ведет себя, как настоящая дикая птица — сидит на дереве и зорко следит за окружающим. «Сивка!» — закричишь на весь сад, с уверенностью, что эта случайно залетевшая дикая птица улетит сейчас подальше от беспокойного места. И вдруг видишь, что это действительно Сивка. Сидя на дереве, она откликнется своим коротким, грубым криком, а затем, блестя на солнце яркими крыльями, мелькнет в воздухе и усядется на руку. Только не стала Сивка любить, чтобы ее руками трогали. Толкнешь ее пальцем, а она своим сильным клювом больно за палец хватит, но смотрит на вас так же доверчиво, как и раньше, когда была уродливым птенчиком. Ну разве хватит силы лишиться такую птицу свободы? Но вдали от дома Сивка была так же осторожна, как и ее дикие родственники. Завидит, бывало, издали гурьбу ребятишек, насторожится, сразу же расправляет крылья и летит прямо в наш сад, считая его своим домом. Так эта ручная сизоворонка жила в нашем саду все лето.

Еще задолго до наступления осеннего ненастья Сивка исчезла. Ее искали, звали, но безуспешно. А тут начали желтеть листья в саду, по степи побежали лохматые комья перекасти-поля, в небе загоготали гусиные стаи, закурлыкали журавли. И, наблюдая грустную картину осеннего отлета, мы поняли, куда девалась наша Сивка.

Зима на юге длится недолго. На смену зимнему ненастью пришло веселое время — весна. Снег стаял, серая степь вновь покрылась молодой зеленью и тюльпанами. Появились первые табунки пернатых странников. К северу тянулись крикливые вереницы гусей, летели кулики и чайки. Птицы спешили на родину, наполняя степной воздух веселым гомоном.

Однажды утром нас с братом разбудил голос няни: «Вставайте, дети, скорее — Сивка прилетела!»

Мы мигом оделись и выскочили на балкон. В зазеленевшем саду на привычном месте — сухой ветке белой акации — сидела наша любимица. Мы стали звать ее: «Сивка, Сивка!» Красивая, яркая птица легко соскользнула с ветки, подлетела к нам совсем близко, но не решилась, как прежде, сесть на руку и вновь вернулась на ветку. Сизоворонка одичала, отвыкла от людей. В течение дня она несколько раз влетала через окно в комнаты, но тотчас вылетала наружу.

Перелетные птицы обладают исключительной способностью находить те места, где протекала их жизнь. Улетая на зиму иногда за тысячи километров, они возвращаются весной к месту и даже к дереву, на котором выросли. В этом отношении память у птиц замечательно развита. Таким образом, в возвращении сизоворонки в наш сад нет ничего особенного. Она вернулась на свою родину, на ту самую сухую ветвь акации, где она привыкла сидеть еще желторотым птенцом. Другое меня удивляет. Как могла птица так долго оставаться доверчивой к людям, которые ее выкормили? Из моей большой практики это единственный случай.

Сивка прожила в нашем саду недолго. Несколько дней она продержалась возле дома, влетала в комнаты, садилась на перила балкона рядом с нами, но затем вдруг исчезла. Вероятно, ручную птицу потянуло к собратьям.

## ФОМКА

Мой брат и его закадычный друг — сын школьного учителя Петька — готовились к сдаче экзаменов. Каждый день к девяти часам утра Петька являлся к нам и вместе с братом просиживал в кабинете отца часов до одиннадцати. В одно осеннее утро, о котором я сейчас расскажу, Петька прибежал к нам особенно рано. Войдя в столовую, где вся наша семья собралась к утреннему чаю, он сообщил, что ему сегодня принесли живого и вполне здорового лесного кулика — вальдшнепа. Живой вальдшнеп, и в руках Петьки — это для меня было невыносимо. Достать живого и здорового вальдшнепа уже давно было моей заветной мечтой. Но осуществить свою мечту мне не удавалось.

Желая доставить мне удовольствие, один из знакомых охотников как-то принес вальдшнепа-подранка. Но лучше бы он этого не делал. Крыло птицы, перебитое у самого основания дробью, сильно распухло, и вальдшнеп, спустя два дня погиб от гангрены. Гибель его была для меня настоящим горем. И вдруг живой и здоровый вальдшнеп у Петьки! Если бы это сообщение я услышал от другого мальчика, то, конечно, принял бы все меры, чтобы приобрести птицу. Но это был Петька — сегодня он сознательно прибежал особенно рано только для того, чтобы подразнить меня и вызвать во мне зависть. «Зачем ему вальдшнеп? Он не уделит ему и минуты своего времени, и несчастная птица погибнет с голоду. Эх, если бы он отдал мне этого вальдшнепа!.. Но разве Петька способен на такой поступок?» В тот момент я чуть не заплакал.

Сразу после чая оба мальчугана скрылись в кабинете отца, а я оделся и ушел в сад. В тишине нашего запущенного сада я легче переживал свои детские невзгоды.

Было тихое осеннее утро, низко висело серое небо, от земли поднималось теплое испарение, пахло прелым листом. Я вышел на одну узкую тропинку и незаметно для себя очутился в отдаленной и глухой части сада. Здесь тропинка прихотливо извивалась среди крупных и густых кустов сирени и желтой розы. На одном из поворотов мой рассеянный взгляд неожиданно наткнулся на что-то странное. Совсем близко от тропинки, рядом с полусгнившим пеньком яблони, среди поблекшей сырой листвы неподвижно сидела крупная темная птица. Окраска ее спины со струйчатым рисунком почти сливалась с окружающим фоном, длинный клюв наискось опускался до самой земли, а чудные, большие глаза внимательно следили за моими движениями. Я замер на месте — это был вальдшнеп. Завидев меня, он лишь плотнее прижался к почве и остался неподвижным. Птица подпустила меня так близко, что, сделав вперед два шага, я мог бы попытаться схватить ее рукой, но на это я не решился. Уже тогда я хорошо знал, что вальдшнеп, подпуская к себе на самое близкое расстояние, способен быстро и ловко взлететь в воздух в вертикальном направлении. Я боялся риска. Не делая

резких движений и не производя шума, я осторожно попятился назад и, как только скрылся за ближайшим кустиком, опрометью бросился к дому.

Я решил попытаться поймать вальдшнепа при помощи сачка, насаженного на длинную палку. Но я обыскал комнаты, кладовую, слетал на чердак, а сачка, как назло, нигде не было. Потеряв около четверти часа, я нашел его наконец, но — о несчастье! К длинной палке был прикреплен только металлический остов — кто же сорвал сетку? Но я не мог терять времени. Ведь вальдшнеп не будет оставаться на одном месте так долго. Заменяв сетку куском кисейной занавески, я бросился по знакомой тропинке к месту, где оставил птицу. Я почти не надеялся, что найду ее, и как же велика была моя радость, когда я вновь увидел вальдшнепа! Он продолжал сидеть в той же позе и черными, влажными глазами смотрел в мою сторону. Тихо опустился я на колени и стал осторожно над самой землей двигать сачок вперед — все ближе и ближе к сидящей птице. Вот сачок у самого вальдшнепа, а он продолжает оставаться на месте. Еще секунда мучительного напряжения и, сделав резкий бросок вперед, я накрыл вальдшнепа. Но что за странность? — пойманная птица почти не билась. Трясущимися руками я вытащил ее из-под сачка, и только тогда мне стала ясна причина странного ее поведения. Вальдшнеп был худ, как щепка. Для того чтобы его поймать, не нужно было сачка на длинной палке и особенных предосторожностей. Вальдшнеп оказался так истощен длительным голоданием, что все равно не в силах был подняться на крылья.

Каждый год вальдшнепы появлялись в нашем саду поздней осенью. Как оазис среди бесплодной степи, их привлекали сады Ахтубы. Иной раз вальдшнепов встречалось очень много.

Вальдшнеп, перелетев через бесплодные степи, нуждается в обильной пище. И в первую очередь ему нужны дождевые черви. Но эта пища доступна для вальдшнепа далеко не всюду. Отыскивает ее вальдшнеп своим длинным, чувствительным клювом, засовывая его в сырую почву. Мягкая, сырая почва во всякое время года необходима. Для благополучия птицы. И вот в поисках вальдшнепа я осторожно исследую окраины огорода, где к нему примыкают кустарники, или бесшумно двигаюсь вдоль длинного, пересекающего сад деревянного желоба. По нему летом текла вода и, просачиваясь сквозь разошедшиеся стенки, увлажняла почву. А вот среди густых яблонь стоит наполненная водой большая бочка. Вокруг нее ребята глубоко вскопали землю: это они искали червей для рыбной ловли. Не поискать ли и здесь вальдшнепа? Признаюсь, мои поиски не были вполне бескорыстными. Я мечтал поймать вальдшнепа. И хотя при попытках накрыть птицу сачком меня преследовали неудачи, я все же ни на одну минуту не терял надежды. Вот в глубокой меже огорода, среди снятой капусты, я нахожу отверстия в почве. Это в поисках дождевых червей вальдшнеп натывал землю своим длинным клювом. И я, опустившись на колени, устанавливаю своеобразную ловушку. В том месте, где кормится вальдшнеп, я укрепляю на суровой нитке около десятка сухих стебельков с колючим колоском на вершине. Сколько всевозможных птичек поймал я этим растением! Пристанет колючий колосок к перьям крыла птички, и та не может подняться на воздух.

«Неужели же я не поймаю вальдшнепа?» — думал я, ожидая осеннего появления птиц. Но год этот оказался исключительным: было очень жаркое лето и сухая осень. Почва покрылась твердой коркой, дождевые черви ушли глубже и оказались недоступны для пролетной птицы. Не случайно пойманный вальдшнеп дался мне легко в руки. Сколько погибло в ту осень вальдшнепов — сказать трудно. Истощенные птицы не в состоянии были лететь дальше и массами гибли при выпадении снега.

Когда я нес пойманного вальдшнепа, он несколько раз пытался проглотить маленькую пуговку на моей курточке. Изголодавшаяся птица, видимо, принимала ее за паука или какое-то насекомое. Это заставило меня броситься бегом к дому. Влетев в столовую, я столкнулся с братом и Петькой. Они кончили занятия и собрались выйти на воздух. «Вот», — показал я им пойманную птицу и шмыгнул в комнату матери. Я был крайне возбужден и хотел со всеми

поделиться своей радостью. Но у меня не было времени, чтобы рассказать, как вальдшнеп попал мне в руки.

Но мой поступок поняли иначе. Мальчуганы многозначительно переглянулись, и физиономия Петьки ярко отразила его воинственное настроение. Видимо, только присутствие старших заставило его сдержаться. Ведь Петька и мой брат были уверены, что это их птица и что я завладел ею, пользуясь их отсутствием. Мальчуганы поспешно побежали через наш большой двор к школе. Они спешили выяснить, как их вальдшнеп мог попасть в мои руки. А еще полчаса спустя они принесли мертвого вальдшнепа. В неумелых руках он подох, как только проглотил несколько кусочков сырого мяса. «Разве можно досыта кормить изголодавшуюся птицу?» — с укором сказала им моя мать.

Многие птицы хорошо поют. Ради пения их часто держат в неволе. Но какой интерес держать вальдшнепа, тем более что этот кулик ведет сумеречный и ночной образ жизни? Мой новый питомец был до крайности молчалив и только в минуты беспокойства, да и то не всегда, издавал короткое своеобразное покрякивание. И все же вальдшнеп был для меня во много раз интереснее канареек, наполнявших наш дом своим пением. Я поместил его в светлой пустой комнате. Часть ее пола была устлана душистым сеном; здесь же стояли низкие, наполненные землей ящики с зеленью; вдоль стен и у окна помещались крупные сухие деревья. Помимо вальдшнепа здесь жили однокрылый перепел, ручной полевой воробей и две синички.

Наученный горьким опытом, я очень боялся за жизнь своего питомца и при его кормлении первое время придерживался строгих правил. Пока вальдшнеп вполне не окреп, я кормил его через каждые полчаса, но давал ему такие маленькие порции сырого мяса, что они не могли утолить голода. С жадностью проглотив крошечный кусочек, птица доверчиво тыкалась длинным клювом в мои руки, буквально выпрашивая новую подачку. Но я был непоколебим в соблюдении правил и спешил уйти из комнаты.

Спустя две недели вальдшнеп стал совершенно ручной птицей. К этому времени я уже отбросил излишние предосторожности и два раза в день кормил его досыта. Фомка — так назвал я своего питомца — отлично знал время кормежки.

Бывало, чуть забрезжит поздний зимний рассвет, а я уже в комнате у пернатых любимцев. Ложусь на пол, ставлю перед собой широкую, низкую банку с кормом и прикрываю ее ладонью. С моим появлением проголодавшийся вальдшнеп покидает излюбленный уголок за ящиком с зеленью и доверчиво вперевалку идет к кормушке. Но доступ к корму прикрыт рукой, и, чтобы до него добраться, Фомка поспешно просовывает длинный клюв между пальцами моей руки и один за другим извлекает из кормушки кусочки мяса. В эти моменты я безнаказанно поглаживаю его спинку.

Но вот Фомка утолил голод и, уютно усевшись в уголке, предался дремоте.

— Перестань спать, увалень, — бесцеремонно толкаю я его пальцем в бок, — ведь целый день впереди.

Фомке не нравится моя фамильярность. Сначала он вяло защищается от моей руки и вдруг, выйдя из сонливого состояния, переходит к активному нападению. Видимо, не надеясь на слабый, мягкий клюв, Фомка издает смешные крякающие звуки, взъерошивает оперение и бьет руку крылом, как голубь.

Интересно, что в течение всей зимы Фомка ни разу не пытался взлететь. «Неужели он калека?» — думал я и однажды, желая проверить догадку, подбросил вальдшнепа в воздух. Беспомощно раскрыв крылья, Фомка шлепнулся на сено и торопливо ушел в свой угол. После этого неудачного эксперимента я вполне уверовал, что, по непонятной для меня причине, Фомка потерял способность к полету. Пожалуй, я был даже рад этому. Ведь после суровой

зимы придет весна и будет жалко держать здоровую птицу в неволе. Другое дело — птица-калека. Выпусти ее на волю — она все равно погибнет. Пусть же Фомка живет на моем попечении.

В том году зима затянулась. В марте бушевали метели, как на севере. После них установились морозы, звонко скрипел под ногами снег, и казалось, не будет конца холоду. И вдруг прорвало.

Бурная весна, не оглядываясь, шагала вперед, обнажая почву, превращая сугробы снега в широкие лиманы; в них отражались белые облачка, плывшие в голубом небе. Долго, где-то южнее нас, пережидали перелетные птицы весеннее ненастье и вдруг сорвались с места и неудержимо повалили к северу. Душистый степной воздух сразу наполнился бесчисленными голосами. С гоготом летели вереницы гусей, свистя крыльями, их обгоняли стаи уток, пели жаворонки, где-то кричал чибис. Празднуя победу, запоздавшая весна особенно ликовала.

Прошла неделя; наступили теплые, даже жаркие дни, зазеленела трава, на деревьях лопались набухшие почки.

Однажды, войдя в комнату, я понял, что мне пора расстаться со своими зимними питомцами. Обе синички и полевой воробей беспокойно перелетали с места на место, заглядывали сквозь стекло наружу.

Полчаса спустя я выставил вторую оконную раму и, с трудом отодвинув засовы, распахнул окно настежь. Бодрящий свежий воздух вместе с весенним гомоном ворвался в комнату и в первый момент, видимо, оглушил, испугал мое птичье население. Однокрылый перепел, пытаясь взлететь, несколько раз подпрыгнул в воздух и шлепнулся на пол. Фомка забрался в самый темный угол комнаты.

Много времени прошло, пока, наконец, обе синицы и воробей решились воспользоваться открытым окном и вылетели наружу.

Но зато как пели мои синички, перелетая с ветви на ветвь ближайшего дерева! Такого звонкого и веселого пения я не слышал у них ни разу.

Уже темнело, когда я вновь зашел в птичник, чтобы покормить своих питомцев. После долгого пребывания в саду мне показалось здесь особенно душно. Я открыл окно и, удобно усевшись на сено, поставил на пол чашку с кормом. Как и обычно, смешной Фомка топтался вокруг меня, толкал мои руки своим теплым клювом и, наконец, добравшись до съестного, с удовольствием глотал один за другим кусочки мяса.

Но вдруг вальдшнеп перестал есть и насторожился. Быть может, его поразил какой-нибудь звук или он заметил пролетевшую мимо окна птицу. Он как-то весь подтянулся, оперение плотно прилегло к телу, крылья слегка вздрагивали. Желая подразнить своего любимца, я толкнул птицу в бок пальцем. Но вместо того чтобы защищаться или уйти в свой уголок, Фомка неожиданно взлетел в воздух. Одно мгновение птица билась под потолком комнаты, затем ловко нырнула в открытое окно и вылетела на волю.

В следующие секунды я видел, как вальдшнеп пересек сад, взмыл вверх над большими деревьями и, наконец, как бы растаял в вечерних сумерках. «Прощай, Фомка!» Долго стоял я в раздумье у окна, смотрел на угасающую зарю, вслушиваясь в неясные звуки весеннего вечера, и вспоминал Фомку.

— Прощай, смешной Фомка! — Я закрыл окно и уселся на подоконник.

В комнате совсем стемнело и было безжизненно тихо. Только на белой стене неясно маячила маленькая, сгорбленная фигурка перепела. Однокрылая птица суетливо бегала вдоль стенки

туда и обратно, издавая тихие звуки и шелестя сеном. Что-то сиротливое и гнетущее было в этих неясных звуках. И вдруг нервы мои не выдержали. Невыносимое чувство жалости и обиды заполнило мое сердце. Мне было обидно, но не за улетевшего Фомку, не за свое одиночество. В этот праздник весны до слез мне стало жалко моего бедного бескрылого перепела.

## ДРУГОЕ МОЕ УВЛЕЧЕНИЕ

Не только ручные зверьки и птицы окружали меня в детстве; мое детство было тесно связано с охотничьими собаками, с ружьями, а несколько позднее и с охотой. Как же я мог пристраститься к охоте, когда так любил все живое? На этот вопрос не ответишь сразу, хотя бы в общих чертах нужно познакомить читателя с той обстановкой и с теми людьми, которые окружали меня в детстве.

Самые ранние мои воспоминания связаны с кабинетом отца, инженера-путейца. Кабинет так сильно отличался от остальных комнат нашей квартиры, что особенно врезался мне в память. Я и сейчас как будто вижу его со всеми подробностями. Просторная и всегда прохладная комната невидимой гранью разделялась на две половины. Одна представляла собой мастерскую. Вдоль стены стояли большой дубовый верстак и токарный станок. Над ними правильными рядами висели на стене разнообразные инструменты. Отец любил заниматься токарным и столярным делом и, по его словам, отдыхал за этим занятием после умственной работы. В другой половине комнаты помещались огромный письменный стол, два массивных кресла и широкий диван, обитый кожей. На стенах висели седло, шкуры зверей, охотничьи ружья, рога косуль и оленей. Простота сочеталась здесь со строгостью и образцовым порядком. Все было удобно, под руками, на своем месте. Я никогда не позволял себе шумных игр в этой комнате. Но не потому, что отец не любил шума. Сама обстановка этой комнаты как-то заставляла меня быть серьезным, стараться выглядеть старше своего возраста. С чувством благоговения часто проникал я в кабинет отца, взбирался на широкий диван и часами оставался здесь, рассматривая развешанные на стенах оружие и шкуры животных.

Мне было шесть лет, когда отец впервые взял меня на охоту.

— Приготовь сапоги, смажь их хорошенько салом — завтра пойдем на охоту, — сказал однажды он за обедом. Я едва дождался этого «завтра».

Стоял яркий и теплый сентябрьский день. Мы с отцом по железнодорожному мосту перешли волжский рукав — Ахтубу. По его правому берегу тянулись фруктовые сады и бахчи, а сразу за ними начиналось широкое займище с бесчисленными подсыхающими озерками, извилистыми ериками и болотцами. В эти места мы с отцом отправились на охоту.

Сколько здесь водилось бекасов! С характерным криком они поодиночке взлетали из-под самой морды нашей собаки Маркиза и, часто взмахивая длинными и острыми крыльями, неслись над болотом. Выстрелы отца тревожили болотных птиц. В воздух поднялись утки и стаи крупных куликов-веретенников. Некоторое время они беспокойно носились над лугом в разных направлениях, а затем постепенно рассаживались на болоте.

Первый день, проведенный с отцом на охоте, я всегда буду вспоминать с большим удовольствием. Без ружья, в тяжелых сапогах, стараясь не отставать от отца и Маркизки, бродил я за ними много часов подряд. Под ногами хлюпала болотная почва, иногда хрустели высохшие раковины прудовиков, вымокшая рубашка прилипала к телу, солнце обжигало вспотевшее лицо. Да... тяжело ходить по болоту, трудно с непривычки попасть на лету в

быстрокрылую птицу — бекаса, но, сколько во всем этом жизни, нервного напряжения, своеобразной прелести! А сколько неожиданностей! Никогда не забуду, как в тот день меня испугала стая птиц, вырвавшихся из кустарника так близко и с таким страшным шумом, что у меня буквально захватило дыхание. Птицы оказались обычными серыми куропатками. Эти переживания, конечно, хорошо знакомы охотнику.

Незаметно солнце склоняется к западу и блестит в неподвижной воде. Пора домой. Мы с отцом направляемся в обратный путь. Вот Ахтуба, вот и железнодорожный мост. Над тихой рекой сгущаются сумерки.

— Меньше версты остается, — говорит мне отец. По интонации его голоса, по выражению лица я понимаю, что он хочет меня подбодрить. «Давай, мол, шаг прибавим — дом ведь совсем недалеко». Но ему жалко меня, и вместо этого он задает мне вопрос:

— Ну, что ж делать будем — домой или отдохнем?

— Посидим немного, — прошу я. Мы усаживаемся на берегу Реки и сидим долго-долго. Как приятно отдохнуть после целого Дня ходьбы по болоту. А как хорошо кругом!

«Чух-чух-Чух-чух», — монотонно, без конца позади нас работает водокачка, да над сонной потемневшей водой, перелетая с места на место, свистят кулички-перевозчики.

А знаешь, — говорит мне с улыбкой отец, — ты сегодня, когда придешь домой, обязательно будешь капризничать. «Почему ты так думаешь?» — хочется мне возразить отцу, но это так трудно, язык не желает подчиняться.

— Ну что ж, пошли, — говорит отец. Как ни странно, но после отдыха мне не легче. Я с большим трудом поднимаюсь с места и, едва передвигая отяжелевшие ноги, бреду рядом с отцом по знакомой тропинке. Вот, наконец, и наш дом, вот и балкон. Я с трудом поднимаюсь по пологим ступенькам и, переступив порог нашей столовой, вдруг чувствую себя совершенно измученным и разбитым. Невыносимо болят ноги, кружится голова, горит лицо. Мать усаживает меня за стол, уговаривает выпить стакан молока и съесть котлету. Но разве мне сейчас до еды? «Оставьте меня в покое!» «Но как мог заранее знать о моих капризах отец?» — ломаю я голову, поздно проснувшись на другое утро.

Так вспоминается мне «боевое крещение» — первый выход с отцом на охоту. А после этого дня в моей памяти воскресает много дней, целая вереница дней, проведенных в займищах на островах Волги и на топких берегах широких степных лиманов. Без ружья я хожу сзади отца, таскаю добытую дичь, зорко слежу за его стрельбой, за работой старого пса Маркизки. Я уже не случайное здесь лицо, а терпеливый помощник и спутник, разделяющий все трудности и невзгоды жизни охотника. Иной раз собака поймает утенка или принесет отцу легко раненного в крыло кулика, и эта живая добыча поступает в мою полную собственность.

Когда мне исполнилось семь лет, я получил от отца подарок — ружье. Из него можно было стрелять дробью и пулей. Впрочем, откровенно говоря, оно никуда не годилось. И пулей и дробью оно било одинаково плохо. При стрельбе в мишень пули никогда не попадали в ту точку, куда вы целились. Выстрел же дробовым патроном был вообще безнадежен. Дробь неизменно отскакивала от всякого предмета и, насколько я помню, пробивала только бумагу. С этим ружьем я охотился больше двух лет и сделал не менее трех тысяч выстрелов, но, увы, без всякого результата. Из него мне не удалось убить ни одной птицы. «Старая, разбитая кочерга, — говорил про это ружье отец. — Оно, конечно, не годится для настоящей охоты, но для тебя, начинающего охотника, безусловно, будет полезно. Научись обращаться с этим ружьем, и тебе будет легко со всяким оружием». И правда — отец не ошибся. За всю жизнь я не сделал ни одного случайного выстрела. Кроме того, у отца, видимо, был и другой повод подарить мне именно это ружье. В детстве с ним охотился дед, потом начинали охоту отец и мой брат; наконец, пришла и моя очередь.



Получив в подарок плохонькое ружьишко, по словам отца — старую кочергу, я все же был бесконечно доволен. Тот памятный день для меня был праздником. Представьте себе, у меня было собственное ружье! Но неожиданно слова матери омрачили мою радость.

— Неужели и ты будешь охотником? — с каким-то упреком в голосе обратилась она ко мне.  
— Неужели тебе не жалко будет убивать птиц и зверей — ведь ты их так любишь! Вот ты скоро хочешь выпустить своего зайчонка, а потом встретишь его, и неужели тебе не жалко будет в него выстрелить?

Я держал в руках подаренное ружье, собственное ружье, отказаться от него у меня не хватало сил. Надо убедить мать, что она рассуждает не совсем верно, не так, например, как отец. Разве отца можно назвать злым человеком?. И в то же время он не может жить без охоты.

— Мама, неужели ты думаешь, что я выстрелю в моего зайчика? Я выкрашу ему спину и всегда буду знать, что это мой зайчонок; и почему ты думаешь, что он будет жить там, куда его выпустят? Он, конечно, убежит так далеко, что его никто не найдет.

— Хорошо... предположим, ты прав, — продолжала мать, — но скажи тогда, чем твой зайчонок лучше того бедного зайчонка, который вырос не у тебя в комнате, а на свободе? Ну, скажи, объясни мне, чем он отличается от твоего зайчонка?

Такого вопроса я, конечно, не ожидал, был поставлен в тупик и совсем расстроился.

В тот памятный вечер я долго не мог заснуть. Навязчивые мысли лезли в голову — в них я никак не мог разобраться.

Сколько вокруг меня да и во мне самом странных и непонятных противоречий. Вот сейчас у меня, наконец, есть ружье. Я на седьмом небе. Как мне хочется с ним побродить по знакомым местам, поохотиться — вдруг, — впрочем, почему вдруг, — безусловно, после ряда промахов, мне удастся застрелить красивого дикого селезня. При одной мысли об этом у меня от счастья захватывало дыхание, и почему-то совсем не было жалко птицу. Но разве у меня хватит силы застрелить зайчонка? Никогда. Мама, конечно, ошибается. Мне легче сломать и забросить подаренное ружье, чем решиться на такое дело. Значит, в степи и в лесу выстрелить в живое существо не жалко, а дома... Как все это непонятно, странно. И тем более непонятно, что так, видимо, мысля не только я, но и другие. Даже старого Маркизку не заставишь задушить моего зайчонка. «Возьми его, Маркизка, возьми его!» — сколько раз приказывал я собаке, заранее зная, что из этого ничего не выйдет. Обычно собака в таких случаях посмотрит на меня своими добрыми, смеющимися глазами и начнет искать блох в мехе у зайчонка. А ведь тот же Маркизка на охоте ведет себя совершенно иначе.

Вот и отец тоже не любит, когда у нас убивают домашнюю птицу. В этом меня вполне убедило недавнее происшествие с домашними селезнями. Здоровенных и жирных двух селезней специально для воскресного обеда наша нянька Васильевна однажды привезла с базара. Но ей не удалось осуществить своих намерений. Оба селезня были похищены мной и братом и спрятаны в надежном месте.

— Да вы совсем с ума посходили? — кричала на нас Васильевна. — Где утки? Чтоб сейчас же были на месте!

Но, не рассчитывая на наше повиновение, с этими словами она бросилась к моей матери. Мы с братом поспешили убраться из дому. «Пускай себе разрядится впустую, а там будь что будет». Обычно в четыре часа дня со службы возвращался отец, и вся семья встречалась в столовой. Этим моментом, конечно, воспользовалась Васильевна. Она хорошо знала, что слово отца для нас, ребят, было всегда законом. Но, к большой нашей радости, на этот раз Васильевна ничего не добилась.

— Конечно, дети не должны вести себя так по отношению, к старому человеку, и тем более по отношению к своей бывшей няне. Куда это годится? Чтоб этого больше никогда не было! — закончил отец, но о спрятанных селезнях ни единого слова. Как это понимать? Так этот вопрос и остался неразрешенным. А несколько дней спустя оба злосчастных селезня уже без риска попасть на обед под незаметным присмотром той же Васильевны расхаживали по двору среди прочей домашней птицы.

В октябре, когда дни становились прохладными, а ночи холодными, время от времени мы предпринимали более далекие выезды на охоту. В таких случаях уже с вечера к крыльцу подкатывала большая телега, доверху наполненная душистым сеном. Ранним утром в ней размещали котелки, сумки, ящики с патронами, ружья и прочую охотничью утварь, и мы дня на два отправлялись то на далекие лиманы, то в волжские займища. Частым спутником отца при таких выездах кроме нас, ребят, подростка-кучера Васи и старого Маркизки был сослуживец отца — Николай Иванович Хованский. Из наших знакомых Николай Иванович мне особенно нравился. Коренастый и широкоплечий, с некрасивым, но замечательно симпатичным и добрым лицом, он как-то сразу располагал к себе. Кроме того, Николай Иванович был превосходным стрелком, настоящим любителем-охотником, и это еще больше возвышало его в моих глазах. В молодости он потерял правый глаз, но не бросил охоты, а стал стрелять с левого плеча, прицеливаясь левым глазом, и постепенно достиг в такой стрельбе настоящего искусства. До страсти увлекаясь охотой, больше всего на свете, как выражался Николай Иванович, он любил «трудную стрельбу» по бекасу.

— Мал золотник, да дорог, промахнуться не стыдно и стрелять не жалко — уж очень шустрый «враг». А уж если не спуделяешь, убьешь — сердце радуется. Вот это настоящая охота.

В то же время он с явным пренебрежением отзывался об охоте на уток. И хотя иногда выезжал на утиную охоту, но делал это без обычного азарта, так сказать, за компанию и потому, что в это время «настоящей» дичи, то есть бекасов, было немного.

— Я уж лучше здесь посижу да обед на славу сварю, — бывало, скажет он, оставаясь в лагере. — Не по сердцу мне эта охота. Утята не все еще на крылья поднялись, дураки еще, а их уже выколачивают беспощадно... Разве это охота? Настоящая бойня, только собак портить, — и он с явной недоброжелательностью прислушивался к частой стрельбе, доносившейся с соседних озер. Интересно, что точно такого же взгляда всегда придерживался мой отец. Это, видимо, имело большое значение в их дружбе и в частых совместных выездах на охоту.

Пасмурное утро. Дорогой, убегающей вдаль до самого мглистого горизонта, мы едем на телеге безотрадной осенней степью. Свистит, порой завывает ветер, под его порывами бьются уцелевшие сухие стебли трав, перегоняя друг друга, катятся и скачут по степи круглые серые перекасти-поле. Неуютно, тоскливо кругом. Однако наше настроение совсем не соответствует окружающей картине непогожего осеннего утра. Часа два быстрой езды по укатанной степной дороге, и мы будем у цели — в овражистой местности неподалеку от Волги, где можно пострелять вволю по куропаткам и зайцам. И каждый из нас с нетерпением ждет, когда же кончится долгий, однообразный переезд по унылой степи. От нечего делать смотрю по сторонам, слежу, как позади все дальше уползают и постепенно тонут пирамидальные тополя Ахтубы, как далеко вперед убегает дорога, туда, где открываются все новые и новые горизонты.

— А ну-ка, Вася, останови лошадь, — положив на плечо кучера руку, говорит отец. Телега замедляет ход, сворачивает на целину и останавливается рядом с дорогой. — Не пора ли? — спрашивает меня отец. — Деревень близко нет, и вон там овраг большой начинается, густые заросли.

Мне с полуслова понятно, о чем идет речь. Среди наваленного на телегу сена я нащупываю

прикрытую одеялом корзину и извлекаю из нее за уши большого серого зайца. Он дрыгает в воздухе задними ногами, дико смотрят в стороны его глаза. Я опускаю зайца на землю и, слегка придерживая за уши, глажу по спине. Испуганный светом и необычной обстановкой, мой зайчонок — выкормыш, ставший совсем взрослым и здоровенным зайцем, неподвижно лежит среди жесткой полыни; беспокойный ветер раздувает мягкую серую шерсть. Сойдя с телеги, ко мне приближаются и остальные спутники. Только старый Маркизка, приподняв свою большую заспанную голову, продолжает оставаться в телеге.

— Раз... два... — подняв над головой кнут, медленно командует Вася. — Три! — наконец резко выкрикивает он, с силой ударяя кнутом по сухой полыни; от нее взвивается облачко пыли. Одновременно я отпускаю длинные заячьи уши, толкаю его сзади и когда зверь срывается с места, хлопаю что есть силы в ладоши, моему примеру следуют другие. Засунув посиневшие от холода пальцы в рот, резко свистит Вася.

— Держи его, ату, держи! — зычно кричит и хохочет Хованский.

Ничего не понимая спросонок, среди нас мечется, визжит и лает одуревший Маркизка. А перепуганный русак, заложив на спину длинные уши, во всю прыть несется по степи, унося в своем робком заячьем сердце страх и недоверие к человеку.

Вот и выпустили на свободу бывшего моего питомца, напугали его на прощание, чтобы не доверял людям, и, вновь разместившись в телеге, поехали дальше, и куда же? — на охоту за зайцами. Ну, разве не смешно это, не чудачки разве охотники? И я не вольно всматриваюсь в загорелое и обветренное лицо Хованского, любуюсь им. Какая-то необыкновенная светлая улыбка озаряет некрасивые черты, делая его таким милым и привлекательным.

«Нет, — неволью думаю я, — и Хованский, и отец, безусловно, добрые, отзывчивые люди. Они всем сердцем любят родную природу, животных, но что тут поделаешь, если оба они охотники?»

Много лет спустя мне стало, наконец, ясно, что охота не пустая забава. Она воспитывает превосходного стрелка, выносливого и сообразительного бойца и наблюдательного натуралиста, умеющего хозяйским глазом смотреть на родную природу. Это не только увлекательный, но и полезный вид спорта.

— Я бываю рад, когда в мою часть попадают охотники, сказал мне однажды знакомый полковник: из них выходят отличные разведчики, их редко настигает вражеская пуля.

В один весенний день в моей жизни одновременно произошли два события. За утренним чаем отец как бы вскользь сообщая о своем назначении в Иркутск.

— Итак, поедem на вашу суровую родину, — обратился к нам, ребятам, — увидим прозрачную Ангару, кедры, тайгу, холодный Байкал.

Надо сказать, что из рассказов отца и матери в то время я уже имел представление о суровой красоте сибирской природы знал, что крупные и яркие цветы Сибири совсем не пахнут, что здесь много всевозможной дичи, что сибирские охотники при стрельбе из пулевого оружия почти не делают промаха, я представлял себе, как веками суровая природа Сибири воспитывала молчаливого, предприимчивого и сильного человека; он перестал бояться ее, проникал все глубже в тайгу, использовал ее богатства. Разве это не интересно, не замечательно? И когда я так думал, меня иной раз начинали тянуть неведомые просторы далекой родины. Я мечтал попасть в Сибирь, познакомиться с ней ближе. Однако сообщение отца во время завтрака поразило меня. Как я расстанусь с нашим садом? Ведь в нем протекла большая часть жизни, к нему я был так привязан. Мечтая увидеть родину, я никогда не думал о том, что переезд в Сибирь надолго, если не навсегда, оторвет меня от южной природы. А сад в это утро был чудный, необыкновенный. Цвела белая акация, наполняя

неподвижный воздух пряным запахом, сквозь ветви сирени с балкона виднелось синее небо, пели скворцы, перекликались иволги. Неужели придется навсегда расстаться с этой чарующей красотой юга?

Второе событие по сравнению с решением семьи переехать в Сибирь было ничтожно и все-таки в наших ребячьих глазах казалось большим событием. После долгих ожиданий Николай Иванович Хованский получил, наконец, давно выписанное им ружье. Медленно в то время шли посылки. Это ружье было мелкокалиберной винтовкой бокового огня фирмы «Буфало Лебель». Николай Иванович ждал ружье с таким нетерпением и так часто рассказывал о его преимуществах, сравнивая с прочими моделями, что это нетерпение передалось и нам. Поэтому неудивительно, что в тот памятный день, узнав о полученной посылке, мы с трудом дождались четырех часов, когда Хованский возвращался со службы, и, не теряя ни минуты, отправились посмотреть новинку.

Ружье действительно оказалось замечательным. Длинный легкий ствол винтовки почти на всем протяжении покоился на деревянном ложе, тонкая мушка, способствующая большой точность прицела, была защищена кольцевым предохранителем, механизм скользящего затвора работал безукоризненно. А как оно было прикладисто! Вскинешь его к плечу, и прорезь и мушка сразу встанут на свое место, сольются в одно целое — только остается навести на цель и нажать спусковую гашетку. Одним словом, не ружье, а настоящая драгоценность — мечта охотника.

Вместе с ружьем Хованский получил более десятка коробок с пулями. Одни из них, маленькие остроконечные basketки, по словам Николая Ивановича, годились для стрельбы в белок и рябчиков. К сожалению, ни белки, ни рябчики не водились в степях под Ахтубой. Вторая, контрбоевая, пуля соответствовала современной пуле малокалиберной винтовки. Она была вполне пригодна для стрельбы по сидящим уткам, стрепетам и зайцам. Наконец последняя, боевая, пуля предназначалась для стрельбы крупной Дичи — гусей, дроф, лисиц, причем на самое далекое расстояние.

«Хоть и мала пулька, а лошадь наповал убьет», — пояснял Хованский, показывая длинный и тонкий патрончик. Он был смазан густым, издающим особый запах оружейным салом, сквозь его слой тускло блестела медь. Невольно мы рассматривали боевую пулю с большим волнением. Какая невероятная сила таилась в этом ничтожном снаряде! Немудрено, что при осмотре ружья и патронов у нас с братом разгорелись глаза и дрожали руки. За такое ружье, за такие пули не жалко ничего на свете.

Из толстых досок Хованский изготовил большую квадратную мишень и прикрепил ее метрах в шестидесяти от окна своего кабинета на стене несколько выступающего над землей погреба. Усевшись в кресло и облокотившись на подоконник, было чрезвычайно удобно стрелять по мишени. Уже с первых выстрелов стало ясно, что ружье обладает превосходным боем: пули ложились в мишень удивительно точно. Забыв о горестях дня и испытывая громадное удовольствие, мы стреляли из винтовки до наступления сумерек. После появления нового ружья у Хованского мы охотно заглядывали к нему при всяком удобном случае — вдруг удастся разок-другой пальнуть из винтовочки. Сам Николай Иванович стрелял регулярно после обеда, и если нам удавалось попасть своевременно, то он никогда нам не отказывал.

— Научиться хорошо стрелять из винтовки — не простое дело. Надо стрелять каждый день, практика нужна, и тогда будешь стрелять как следует, — говорил он.

С этими словами Николай Иванович доставал винтовку, коробку с пулями и, удобно усевшись в кресло, делал несколько выстрелов. Мы же с братом должны были бегать к мишени и смотреть, куда попадали пули. После этого он передавал нам винтовку и, усевшись рядом, следил за стрельбой. — Сибиряки хорошо стреляют только потому, что у них белок много. Чтобы не испортить шкурку, они бьют белку в глаз и при этом, конечно, приучаются стрелять

без промаха, — вставлял он фразы.

Прошло около месяца. Но вот однажды, посетив Николая Ивановича, мы застали его в каком-то странном состоянии.

— Тихо, — поднося палец к губам, предупредил он, когда мы несколько громко с ним поздоровались.

Затем он осторожно открыл шкаф, достал оттуда винтовку в чехле и передал ее брату.

— Пока она цела, бери ее себе и беги домой. — Ничего не понимая, мы продолжали стоять на месте. — А пули я потом сам принесу, — продолжал Николай Иванович, выталкивая нас за дверь.

Причину случившегося мы уяснили позднее. За день до нашего последнего посещения возвратилась домой жена Хованского. Она гостила где-то на Волге у своих родственников. Это была уже пожилая, тихая и необыкновенно добрая женщина. Приезд заботливой хозяйки был для Николая Ивановича настоящим праздником. Видимо, ему достаточно надоели все хозяйственные заботы, которые легли на него с отъездом жены. Но, к сожалению, благодушное настроение Николая Ивановича продолжалось недолго. Как и всякая хлопотливая женщина, жена Хованского на другой же день заглянула в свою кладовку. И — о ужас! — на мгновение она остолбенела: банки с вареньем, маринадами, четвертные бутылки с наливками и томатом — гордость хозяйки — все это было вдребезги разбито, уничтожено сильными боевыми пулями.

— Ну, кто мог подумать, что такой маленький кусочек свинца пробьет толстую стену погреба и наделает столько неприятностей!.. — неделю спустя, добродушно улыбаясь, оправдывался Николай Иванович. — А все-таки какой бой, какая невероятная сила! Только здесь ни к чему такая винтовка — стрелять некого, разве сусликов. А вот в Сибири она действительно вам пригодится.

Осенью мы уезжали в Сибирь. Как сейчас помню мрачный ноябрьский день. Мокрые желтые листья покрывали дорожки сада, в кустах бузины, предсказывая затяжное ненастье, как оголтелые, трещали воробьи. Порой налетал ветер, и под его порывами качались и глухо скрипели голые ветви акаций. Я прощался с родными местами, с Хованским, с Маркизкой. Отец не решился везти старую собаку в далекую Сибирь и подарил ее Николаю Ивановичу. Верный пес оставался в надежных, хороших руках, но от этого мне было не легче. Старый Маркизка и одноглазый охотник с того дня навсегда ушли из моей жизни.

## НЕУДАЧНЫЙ ДЕНЬ

Вот и Сибирь — моя далекая суровая родина. Вот и Иркутск, и неприветливая быстрая Ангара. А за ней сначала Кайская, потом Синюшкина гора, поросшие редким смешанным мелколесьем да багульником. Где же сибирская глушь — тайга, темные кедры, о которых я так много слышал, живя на юге?

Широко раскинулась мрачная хвойная тайга в глубине страны, там, где в то время не было ни торных дорог, ни жилья человека. Далекой, недоступной казалась она мне в первое время. Не один Десяток километров трудного пути отделяли меня, жителя большого города, от настоящей природы. А неведомые лесные просторы с каждым днем все сильнее манили меня к себе, я мечтал о них. Но вот прошла долгая зима, и мои мечты, наконец, превратились в действительность. С наступлением летних каникул наша семья переехала в деревеньку

Смоленщину, и оттуда уже я на легкой лодчонке по извилистой речке Ольхе не один раз пробирался в тайгу. Моим постоянным спутником была наша новая охотничья собака, ирландский сеттер; звали его Барька.

Летние экскурсии вдали от Иркутска и частые выезды на охоту весной и осенью несколько примиряли меня с непривычной жизнью в большом городе. Зимой я учился и мечтал о лете, летом в полной мере осуществлял свои замыслы. Когда мне исполнилось четырнадцать лет, моя бабушка подарила мне настоящее двуствольное ружье, и я с особенным нетерпением ждал весны, чтобы вырваться за город и по-настоящему испытать свои силы в стрельбе — поохотиться.

В начале мая представился удобный случай. К нам забежал приятель моего брата и сообщил, что завтра утром мы сможем поехать на винокурный завод, расположенный в пятидесяти восьми километрах от Иркутска, по Верхоленскому тракту. Управляющий заводом звал нас в гости, писал, что в эту весну налетело особенно много уток и гусей, и советовал не терять времени. Мы тут же решили воспользоваться приглашением и прожить в этом интересном, глухом уголке до конца весенней охоты.

Ранним утром на другой день в нашем дворе уже стояла запряженная в телегу лошадка. Хозяин называл ее рысаком. Он торопил нас с отъездом. Но вот все готово, пожитки уложены, мы размещаемся в телеге. Минуем тряскую мостовую города, а затем выезжаем на Верхоленский тракт.

Сразу за Иркутском начинаются горы. Верхоленский тракт, извиваясь змеей, то взбегают на перевалы, то спускается в глубокие лощины. Чуть зеленеет травка, покрываются молодой зеленью березки, на склонах холмов алеют цветы багульника.

Мы мысленно стремимся вперед, но наш пресловутый рысак, называемый так лишь за то, что он под гору бежит рысью, едва передвигает ноги, и не потому, что он стар или плохо упитан, а так, по привычке, свойственной выносливой сибирской лошади.

После долгой зимы нам, впервые вырвавшимся из города, даже однообразная дорога и медленное движение кажутся восхитительными. Целый день почти непрерывной езды, и мы остановились на ночь в маленькой деревушке. Ее бревенчатые избы тянутся вдоль дороги в один ряд. Но как она непривлекательна! Ни одного деревца, ни одного палисадника на всем ее протяжении. Одни потемневшие избы, хозяйственные пристройки, сложенные дрова и ничего больше.

Несмотря на весну и теплые дни, изба, в которой мы остановились, была жарко натоплена. Помимо хозяев ее населяло несметное количество блох, не дававших ни одной минуты покоя. Все наши попытки уснуть не увенчались успехом. Надев валенки и накинув полушубки, мы выбрались на воздух и, пока наши хозяева и возница спали сном праведников, уселись на дровах под открытым небом и ждали рассвета.

Ночь была тихая, звездная, холодная. В темном небе непрерывно летели птицы; они стремились к северу, наполняя воздух свистом крыльев, гортанными голосами, гоготом, писком. В окрестных озерах бухали ночные цапли-выпи.

Раннее утро. Измученные с непривычки бессонной ночью, мы безучастно смотрели, как наш возница бодро и деловито запрягает лошадь.

Опять езда в течение целого дня. На подъемах мы с трудом передвигали ноги, едва поспевая за телегой, используя спуски, забирались в телегу и, трясясь из стороны в сторону, засыпали на короткое время.

Но все трудности позади, забыта скучная дорога, бессонная ночь. Мы на месте. Завод стоит

как бы на острове. Его окружают большие пруды, соединенные журчащими речушками, болота и леса, затопленные полной водой. Вдали на холмах темнеет тайга. Два живых существа — старик-управляющий и его любимец, бесхвостый сеттер Марсик, — были несказанно рады нашему приезду, но кто был рад больше, сказать затрудняюсь.

По старости лет управляющий забросил охоту. Уже два года его двустволка висела на стене без употребления. С этим не в состоянии примириться его четвероногий приятель, и между хозяином и собакой возникают частые недоразумения.

Вот в четверти километра от дома, на противоположной стороне пруда, там, где его берега сплошь заросли лозой, вдруг раздается отчаянный вопль собаки. Старик всполошен. Неужели Марсик попал в капкан, оставленный ребятами от зимнего промысла? Дряхлой походкой он спешит к пруду, садится в лодку и гонит ее к противоположному берегу. Одновременно послан верховой. Он скачет по плотине, огибая пруды. А отчаянный визг все продолжает доноситься. Но тревога напрасна: куцый Марсик просто не может поймать дикого утенка.

Или другой случай.

Сторож завода застрелил утку. Она упала на глубокое место пруда, откуда ее извлек Марсик. Вместо того чтобы отдать птицу владельцу, Марсик выплывает далеко в стороне и, сделав большой полукруг, с уткой в зубах возвращается домой.

С нашим приездом Марсик изменил своему хозяину. В отведенном для нас помещении он проводил дни и ночи. Ведь здесь так приятно пахло ружьями, пороховым нагаром, смазанными жиром охотничьими сапогами. Зайдет, бывало, хозяин, пожурит его за измену, и Марсик, как бы извиняясь за свое поведение, поплетется за ним домой. Но не пройдет и получаса, как он опять; радостный и возбужденный, появится среди нас и своими умными глазами следит за каждым нашим движением — не собираемся ли мы на охоту.

Весенняя охота с подружейной собакой, как известно, запрещена охотничьим законодательством, но в то время мы по молодости лет не придавали этому значения. Ледяная вода крайне затрудняет добычу убитых уток, кроме того, место было глухое, и мы широко пользовались услугами обеих собак — Барьки и Марсика.

Как-то на вечерней заре товарищ брата выстрелил по налетевшей гусиной стае. Одна из птиц, легко раненная в крыло, упала в воду, остальные, издавая тревожное гоготание, взмыли вверх и исчезли в темном небе. Обе наши собаки, не ожидая приказаний, кинулись с берега и поплыли к месту, где упал гусь. Им на помощь по воде быстро скользила легкая лодка. Однако гусь как будто сквозь воду провалился. Его не было нигде. Упустить такую добычу, как гусь, — разве это не обидно?

Я не мог успокоиться весь вечер.

— Попробуй найди его теперь, — заявил товарищ брата, — а уж если найдешь, твой будет.

Эти слова меня окончательно раззадорили, и на другое утро еще до рассвета я был на знакомом месте.

Вот на побагровевшем востоке появилось яркое, но холодное солнце. Над водной поверхностью, как дым, за клубился туман, затягивая лес, кустарники противоположного берега. Несмотря на утренний холод, от которого стыли руки, с двумя верными помощниками-собаками я тщательно обследую берег, кусты, островки.

Солнце поднимается все выше, туман рассеивается, берег пруда обыскан во всех направлениях, а вчерашнего гуся нет и следа. Но куда же он мог деться, не ушел ли за ночь в

Соседнее лесное озеро?

И вместо того, чтобы бросить напрасные поиски, отдохнуть и вернуться домой к горячему чаю, я волоком тащу лодку сначала лугом, затем сквозь густые кустарники, туда, где среди леса блестит вода, где, спускаясь по косо́й линии, в воздухе току́ют бекасы.

Наконец на месте. Вновь начинаются поиски. Собаки обыскивают берег, а я двигаюсь на лодке по чистой воде у прибрежных зарослей. Сколько труда, упорства, и все ради какого-то гуся. Но это поймут только охотники. И вот, когда озеро почти все осмотрено, когда последняя надежда найти птицу исчезает, в прибрежных зарослях поднимается шум, и на чистой воде, хлопая крыльями, появляется вчерашний злосчастный гусь; следом за ним плывут обе собаки. Раздается мой первый выстрел, за ним следует другой, третий, много, целая канонада выстрелов, но гусь невредим. Он быстро уходит от лодки, а я все стреляю, не учитывая того, что тело птицы не на поверхности, а под слоем воды и дробь идет рикошетом, не причиняя ей вреда. И так до последнего выстрела. Патронташ мой пуст, я откладываю бесполезное ружье в сторону.

Домой я вернулся с пустыми руками. К счастью, я не застаю никого дома: все на охоте, и мне не приходится краснеть за себя, за свою неудачу. Дрожа всем телом, спешно переодеваюсь в сухое белье, в костюм, предназначенный не для охоты, а для того, чтобы при случае быть прилично одетым. Счастье в контрастах, и сейчас, согревшись, я ощущаю это в полной мере.

Но прошел час, другой. Я согрелся, набил патроны. Что же Делать дальше? Одному сидеть дома скучно, книг нет, а на дворе весна. Не пойти ли навстречу приятелям? Ведь уже скоро обед, и они должны возвращаться домой с охоты.

Я собрался выйти на воздух. Но неужели не брать ружья? А вдруг налетят гуси: они то и дело пролетают над заводом. Я перекинул через плечо ружье, сунул в карман несколько патронов и вышел на крылечко. За мной увязались обе собаки.

Солнце светило ярко, под крышами оживленно чирикали воробьи, от пруда доносился гомон водяной птицы. Крякали утки, свистели кулички, иногда над водной гладью пролетала чайка.

Незаметно для себя я вышел на берег, а оттуда — на узкую свеженастланную плотину, отделявшую пруд от затянутого тиной болота. Земля здесь еще не просохла, ноги скользили по узкой тропинке, и, выбрав сухой клочок почвы и удобно усевшись на обломок дерева, я стал смотреть на воду, на синеющий вдали лес, на пролетавших в стороне уток. Обе собаки улеглись позади меня.

Но что это? Далеко на насыпи я заметил какое-то животное. Осторожно приподнялся, сделал несколько шагов вперед и стал всматриваться. Это был заяц. Не подозревая о близости человека, он бежал по насыпи, быстро приближаясь ко мне. Выстрелить весной по зайцу — величайший позор для охотника. Серьезный охотник ради мяса не убьет зайца в весеннее время. Я отлично знал это. Мне просто хотелось понаблюдать за ним и так, ради практики, прицелиться по бегущему зверю — ведь мне придется стрелять зайцев в другое время. Еще несколько секунд, и заяц совсем близко, и хоть я стою во весь рост, но косо́й не замечает меня. Как мне было стыдно потом за свой поступок! Но в тот момент я не только прицелился, но и выстрелил. К счастью, я промахнулся. Заяц подпрыгнул на месте и полным ходом пустился наутек. Но того, что произошло в следующую секунду, я никак не ожидал.

Заметив зайца, обе собаки рванулись вперед и сбили меня с ног с такой силой, что я не смог удержаться на насыпи. Мое ружье полетело в сторону, а я скатился по крутонаклонной скользкой поверхности прямо в болото, в тину. Опять холодное купание. Я вылез из болота, скользя и падая, забрался по глинистому откосу наверх и задворками, чтобы меня никто не встретил, пробрался домой. Во что превратился мой праздничный костюм! С головы до ног я был покрыт желтой, холодной и липкой грязью.



Так, незаметно для меня самого, несмотря на большую любовь к животным, я пристрастился к охоте. Что поделаешь! Охота стала для меня чем-то совершенно необходимым. И если суровая сибирская зима заставляла меня подолгу оставаться в городе, я начинал тосковать о природе. Скорей бы весна, первые проталины, робкая песенка рано прилетевшей птички.

Прошел год-другой, и я стал бродить с ружьем не только для того, чтобы застрелить ту или другую птицу. Мне просто необходимо было общение с природой. И когда случалось сделать неудачный выстрел, я не особенно сожалел. Охотясь, я сначала бессознательно изучал животных в природе. Отношение к животным отца и его друзей-охотников, которое я видел в детстве, не прошло бесследно — я сам стал бережно относиться к природе.

## ЖУРКА

Сейчас мне хочется рассказать о ручном журавле-красавке. Эта замечательная птица прожила у меня 6 лет.

С журавлями я познакомился в раннем детстве. Весной и осенью с характерным курлыканьем они пролетали над станцией Ахтуба. Крупные птицы выстраивались в воздухе большим углом, иногда несколькими углами и, медленно взмахивая широкими крыльями, летели в избранном направлении или начинали кружиться над одним местом.

Щуря глаза от яркого весеннего солнца, а осенью прячась от ветра, я спешил отыскать в небе вереницы крикливых странников и провожал каждую стаю глазами до тех пор, пока она не исчезала из виду. Иной раз с высоты до меня доносились не только трубные крики взрослых птиц, но и тонкий протяжный писк. Это кричали молодые журавлята, впервые следовавшие за стариками к местам зимовок.

Мне хотелось, чтобы среди наших подсадных уток, используемых для охоты, и домашней птицы по двору на длинных ногах расхаживал ручной журавль. О том, что журавлей иногда держат на птичьих дворах, где они не допускают ссор среди домашней птицы, я неоднократно слышал от взрослых. Представьте же себе, какими жадными глазами я провожал журавлиные стаи и особенно те из них, среди которых, судя по писку, летели журавлята.

И вдруг мои мечты разлетелись самым неожиданным образом. К счастью или к несчастью, — судите сами — в руки мне попала книжка, в корне изменившая ход моих мыслей. Я прочел рассказ о жизни журавля в неволе. У этого журавля было поранено крыло, он не мог летать и жил на дворе вместе с домашними птицами. Насколько я помню, рассказ назывался «Журка». Вероятно, рассказ был написан с большим мастерством. Во всяком случае, он произвел на меня, сильного и энергичного мальчишку, потрясающее впечатление и глубоко врезался в память.

Десятки раз я вспоминал журавля-инвалида, представлял себе, как он, не имея возможности подняться в воздух, чтобы присоединиться к вольным собратьям, громкими криками провожал пролетные журавлиные стаи. И когда этот призыв достигал стаи, журавли отвечали дружными криками и, поджидая птицу, описывали в воздухе широкие круги. Но журавль-инвалид не мог взлететь, и стоя, все еще призывая собрата, выстраивалась в угол и продолжала свой путь.

Мучительная жалость к птице калеке наполняла мое сердце. Мне казалось, что журавли как-то особенно тяжело переносят потерю свободы, и, не желая быть виновником или даже свидетелем страдания птицы, я решил никогда не заводить журавля. Но я был мальчуганом-подростком, старался казаться грубым, стыдился своего чувства и тщательно

скрывал его от близких.

— Хочешь, подарю тебе живого журавленка? — однажды возвратившись домой, спросил меня отец.

— Не хочу, — наотрез отказался я, и этим отказом поставил его в тупик.

— Не хочешь иметь журавленка? Ничего не понимаю, — продолжал он. — Ведь журавлята замечательно привязываются к человеку, как собака. Он будет совсем ручным.

Отец хорошо знал, что всякая живность для меня всегда была самым лучшим, самым дорогим подарком, и вдруг такой нелепый отказ. В чем дело? Моя выходка, как мне казалось, его обидела.

— Значит, журавленка не брать? — на следующее утро вновь спросил отец и, получив отрицательный ответ, больше уже не возвращался к этому вопросу.

Спустя некоторое время я узнал, что пойманный охотником журавленок был куплен нашим знакомым — железнодорожным врачом, помещен в конюшню и в дальнейшем случайно убит лошадью.

Позднее мне представлялись и другие случаи завести эту птицу, но я не хотел изменять своего решения.

Наверное, лет десять прошло с тех пор, как я отказался от журавленка. За это время наша семья переехала сначала в Иркутск, потом на Украину и поселилась в маленьком Городке на берегу Днепра.

В тот период я особенно увлекался охотой и большую часть свободного времени проводил с ружьем то в днепровских плавнях за утками, то в степях за зайцами и куропатками. Быть может, потому, что это давно прошло, или потому, что я был молод, эта пора моей жизни никогда не изгладится из моей памяти — чудное было время. Я люблю природу Украины. Люблю ее деревеньки с утопающими в зелени белыми хатками, необъятную ширь степей, окруженные вербами ставки, где по вечерам, как исступленные, поют соловьи и квакают лягушки. Душистый воздух, яркое солнце, южное, синее небо — все здесь бесконечно мило и дорого моему сердцу.

Как-то в августе я возвращался с охоты степной дорогой. Было уже очень поздно, когда дорога вывела меня к небольшой деревеньке. Мне же хотелось ночью будоражить деревенских собак, и я, свернув с дороги, пошел в обход, целиной. Надо сказать, что в те годы я не жалел своих ног и, предпринимая большие переходы, часто приводил их в плачевное состояние. Стертые ноги не давали мне покоя, и я решил переобуться. Но, покончив с этим, я не пошел дальше, а разлегся на траве, вслушиваясь в доносившиеся звуки. Кругом в пожелтевшей траве сонно трещали сверчки, где-то далеко, вероятно у куреня на бахче, лаяла собака, из деревеньки неслась украинская песня:

Ты не лякайся, що нас кто пидслухает,  
Тыхо, ни витру, ни хмар.

Ничинька-матонька сном всіх окутала  
И не шелохне в гаю, — негромко пел молодой голос.  
Эти звуки сливались с шорохами и гомоном бесчисленных ночных насекомых и, казалось, вместе с теплом нагретой за день земли поднимались все выше и выше к звездному небу. И хотя в песне, в трескотне сверчков не было ничего особенного, я никак не мог оторваться от этой своеобразной музыки — лежал и слушал.

Вдруг откуда-то поблизости донесся тихий журавлиный голос. Обычно так переговариваются журавли, ночуя в степи. Я застыл на месте. Несколько секунд спустя, производя крыльями

неясный шорох, в двадцати шагах от меня опустилась стая журавлей-красавок. Видимо, возбужденные полетом, птицы сначала негромко «переговаривались» между собой, отряхивали и приводили в порядок оперение, а затем одна за другой укладывали голову на спину и затихали. Только один журавль продолжал бодрствовать и, медленно расхаживая поодаль от спящей стаи, всматривался в окружающую степь.

Стараясь не потревожить птиц, я лежал неподвижно. Но сторожевой журавль случайно несколько приблизился ко мне и вдруг остановился. Видимо, непонятный предмет, лежащий в степи, вызвал его недоверие. Не решаясь двигаться дальше, он, насколько было возможно, вытянул шею и, желая рассмотреть меня, поворачивал голову. Наверное, я все-таки шелохнулся или, быть может, громко вздохнул. Так или иначе, но в следующее мгновение птица поняла, что опасность рядом. Не спуская с меня глаз и потому спотыкаясь о стебли бурьяна, сторожевой журавль как-то боком быстро зашагал в сторону. «Керрии», — прорезал темноту невыносимо резкий в тишине крик, и по этому сигналу все кочующие птицы взлетели в воздух и, уже громко перекликаясь: «ккри-ккру-ккру-ккру», пытались собраться в стаю в ночном небе.

Настала осень. Собираясь участвовать в загоне на лисиц и зайцев, я решил привести в порядок ружье и отправился к оружейному мастеру. Стояло прохладное ноябрьское утро. Покрытое сплошными серыми тучами низко висело небо, на окраине города местами зеленела трава, блестели лужи, к сапогам назойливо липла грязь. После коротких поисков я нашел на воротах нужный номер и постучал в калитку. Долго не открывали. Наконец послышались шаги, оружейный мастер впустил меня во двор и пригласил в комнаты. Однако то, что я увидел, заставило меня задержаться.

Как сейчас помню широкий квадратный двор, какие нередки на Украине. Слева стояли два больших скирда соломы, справа тянулся низкий выбеленный домик с черепичной крышей, а позади помещалась кирпичная конюшня, около нее высоко поднималась куча навоза. Эта куча навоза и привлекла в тот момент мое внимание. На ее вершине, резко выделяясь на темном фоне, на одной ноге стоял журавль-красавка. И, вместо того чтобы пойти к крыльцу, я, увлекая за собой хозяина, направился к конюшне, близ которой стояла птица. Это был великолепный, вполне взрослый журавль. Его чистое светло-серое оперение плотно прилегало к телу, голову украшали белые косички, свисая к тонкой изящной шее, ярко-красные глаза внимательно следили за мной — незнакомым человеком.

— Подранок? — спросил я мастера, указывая на журавля

— Нет, года три тому назад молодым взят.

— Подрезано крыло? — вновь задал я вопрос.

— Да нет, не подрезано, летает, — и, чтобы доказать правоту своих слов, он снял с руки рукавицу, какую иной раз надевают слесари во время работы, и бросил ее под ноги птицы. «Ккри», — кричал журавль и, раскрыв крылья, схватил рукавицу клювом высоко подбросил в воздух. Когда же, падая, рукавица поравнялась с ним, он поймал ее на лету, бросил далеко в сторону и сам залетел. С криком птица сделала большой полукруг над двором, затем опустилась среди группы мокрых после дождя домашних кур.

И не улетаешь? А когда журавли летят, неужели и на них не обращают внимания? А кормите чем? А где зимой держите? — забыв о цели посещения, забрасывал я мастера вопросами, восхищаясь чудной птицей.

Пять минут спустя я уже знал все подробности. Журавля звали Журкой, он прожил на этом дворе три года, был совершенно ручным. Когда весной и осенью над городом пролетали журавлиные стаи, он громко кричал, поднимался в воздух и, сделав несколько больших кругов, всегда возвращался во двор. Журку очень любят, но никто его не хочет принуждать

жить во дворе, и если он улетит, то, значит, на свободе ему будет лучше, жалеть его нечего, тем более что он съедает втрое больше курицы, а толку от него мало — яиц не несет. Я был в восторге.

— Быть может, вы согласитесь продать мне птицу? — обратился я к мастеру. — Я большой любитель всего живого, и вашему Журке будет хорошо житься.

— Ну, уж это вы с хозяйкой решайте, — ответил мастер и повел меня в комнаты.

— Да на что мне ваши гроши! — возразила мне хозяйка.

— Ей деньги не нужны, породистых кур достать хочет, — добавил хозяин.

Но породистых кур взять было неоткуда, и я попробовал предложить жившего у меня самца-павлина или пару цесарок. Пришлось разъяснить, что павлин обладает громадным красивым хвостом, перья которого ежегодно вырастают заново и что цесарки несут много яиц, отличающихся очень крепкой скорлупой.

— Павлин — ничего, — доброжелательно кивнул головой хозяин.

— А те шо, яички крепки несут? — вопросительно добавила хозяйка.

Видя, что журавль почти мой, я решил быть щедрым. Хозяину я отдаю неистощимого носителя ярких перьев, которыми при Желании можно через несколько лет украсить все комнаты, а хозяйке — цесарок, несущих крепкие яйца. К общему удовольствию, обмен состоялся. Но перед тем как рассказать о жизни. У меня приобретенного журавля, несколько слов я скажу о птицах, Послуживших в качестве обменной ценности.

Конечно, каждому из читателей доводилось слышать, как скрипит иногда немазаное колесо. Крутится оно вокруг собственной оси и через определенные промежутки времени цепляется за ось одним и тем же местом, издавая назойливый скрип, вспомнил о немазаном колесе не случайно, а потому, что точно же кричит цесарка. Надоедливая, глупая эта птица. Иной раз попадет она за какой-нибудь низенький заборчик и вместо того, чтобы перелететь через него, начнет бегать вдоль забора, издавая назойливые звуки.

А в это время, соскучившись, вторая цесарка бегаёт и скрипит по другую сторону забора — «чудный» дуэт получается. Терпишь иногда, терпишь и, наконец, запустишь в цесарку метлой или веником. Как пулемет, затрещит испуганная птица и, легко поднявшись на крылья, перелетит во двор соседа. Пройдет некоторое время, забудется пережитый испуг, и цесарка заскрипит в соседнем дворе и будет кричать до тех пор, пока в нее и там не запустят метлой. Этим я не хочу сказать, что цесарки никуда не годные птицы, но мне они; в то время надоели ужасно, и я был рад от них избавиться.

И если крикливые цесарки вызывали у соседей желание запустить в них первым попавшимся под руку предметом, то вид и крик моего павлина вызывали иное желание. Я бы очень хотел увидеть павлина на его родине — в лесах Индии или Цейлоне, но никому не советую держать эту яркую птицу в городских условиях. «Каяуу», — на весь квартал не то громко мяукал, не то кричал павлин, взлетев на забор и опуская длинный разукрашенный яркими спинными перьями хвост на улицу. И по этому сигналу не только у ребят, но и у взрослых появлялось неудержимое желание схватить павлина за хвост и выдернуть из него хотя бы пару замечательных перьев. «Ведь привыкли же не рвать цветы с клумбы городского парка», — раздраженно думал я. Впрочем, спущенный на улицу павлиний хвост — неотразимый соблазн, мимо которого действительно пройти трудно. Так или иначе, павлиний хвост, благодаря своей длине и яркости, бросался всем в глаза и был причиной ссор с ребятами и взрослыми. Меняя павлина, я раз и навсегда избавлялся от неприятной обязанности постоянно следить, чтобы случайный прохожий не вырвал пера из хвоста птицы.

— Какое значение может иметь одно вырванное перо? — говорили мне. Безусловно, никакого — ведь хвост моего павлина все равно никогда не успевал отрасти полностью. Но несчастью, у меня не было сил подчиниться холодной логике и оставаться спокойным.

Я глубоко убежден, что и вы, читатели, поступали бы так в моем положении. Представьте, например, такой случай. Однажды порывистый взлет павлина с забора привлек мое внимание. Несомненно, кто-то пытался схватить его с улицы. «Опять ребята», — мелькнуло у меня в голове. Не теряя ни секунды, я перемахнул через забор и нос к носу столкнулся со «злодеем». Вы, конечно, убеждены, что злодеем оказался соседний мальчишка. Ничего подобного. На тротуаре стоял прекрасно одетый пожилой человек с весьма внушительной внешностью. Мое неожиданное появление привело его в сильное замешательство. Ведь он не успел скрыть следы «преступления». Улика была налицо — в левой руке он держал большое красивое перо павлина.

— Догадываюсь, молодой человек, что это ваш павлин, — любезно заговорил он, не дожидаясь вопросов. — Одно можно сказать — замечательная, красивая птица.

— Да, павлин мой, — бледнея от негодования, процедил я сквозь зубы, — но скажите, пожалуйста, на каком основании вы вырвали это перо? Давайте-ка его сюда.

— Простите, пожалуйста, но ведь я только одно перо, одно перышко. Какое это может иметь значение? Ведь у Вашего павлина множество таких перьев. Право же, молодой человек, нельзя горячиться из-за пустяков. Уверяю вас, что я не мог предполагать, что причину вам неприятность. Конечно, красивое перышко, но, в сущности, оно мне и не нужно.

— Да не один вы перья из павлина щиплите, все соседние мальчишки занимаются этим, но им, десятилетним, простительно, а вот вам, дожившему до седин человеку, стыдно такими вещами заниматься.

Высказав протест в такой форме, мне следовало взять перо и гордо удалиться. Этим я поставил бы противника в незавидное положение. Но, увы, у меня не было дипломатических способностей. Допущенная мной резкость позволила незнакомцу с честью выйти из глупого положения.

— Щипать несчастную птицу не жалко, это пустяки по-вашему, — сказал я, — а вот если у вас прохожие начнут по волоску выдергивать? Как вам это понравится?

Мгновенно лицо незнакомца стало страшным, тяжелая трость застучала о тротуар.

— Вы забываетесь, невоспитанный молодой человек, мои внуки никогда не позволят себе такой дерзости! — кричал он, содрогаясь всем телом. — Вы просто грубиян.

С этими словами незнакомец повернулся ко мне спиной и пошел прочь. Вся его фигура выражала оскорбленное достоинство. Вероятно, случайно, в волнении, он забыл в руке прекрасное павлинье перо и теперь небрежно размахивал им из стороны в сторону. Впрочем, мне показалось, что он боялся зацепить им за торчащие из соседнего палисадника ветви сирени.

«Мало того, что перо вырвал и утащил, он к тому же и меня изругал», — уныло думал я, идя к калитке. После этого случая самое лучшее — как можно скорее расстаться с павлином.

«Как хорошо, — думал я, — что вкусы людей столь различны. Иначе этот обмен не мог бы состояться».

А сейчас мастер был в восторге от павлина, его жене нравились цесарки. Я же был бесконечно рад, что приобретенный журавль не походил ни на цесарок, ни на павлина.

Выпустить хорошо летающего журавля на двор я боялся. Улетит, чего доброго. На первое время я поместил его в просторный сарай, широко открыв дверь и затянув ее сеткой. Пусть привыкает к новой обстановке и сдружится с домашними птицами. В то время у меня жили две самки и один селезень и семья серых куропаток под руководством крошечной курочки-бентамки. Трех таких курочек и одного петушка я специально держал для подкладки под них яиц диких птиц. В ту весну я нашел гнездо серой куропатки и, взяв из него восемь яиц, подложил под курочку. Маленькая квочка прекрасно высидела куропаток, и сейчас уже совсем большие птицы послушно следовали за приемной матерью.

Журка быстро свыкся с этой компанией, и уже одно его присутствие в дальнейшем могло оказаться полезным. Дело в том, что куропаточки привлекали внимание ворон и кошек, но присутствие крупной птицы, конечно, будет сдерживать их хищнические наклонности. Понятно, что я с нетерпением ждал, когда смогу выпустить Журку из сарая на волю.

— Пора! — спустя неделю решил я и, отодвинув сетку, осторожно выгнал всех птиц из сарая на широкий двор.

«Крри», — громко закричал журавль и, совершив короткий пробег, взлетел. Перепуганные куропатки, как горох, рассыпались в разные стороны и неподвижно залегли, где попало. Журка же, взмахивая широкими крыльями и крича, удалялся в противоположную от своего прежнего дома сторону и, наконец, исчез за высокими зданиями.

Остаток дня в высоких охотничьих сапогах пробродил я по улицам окраины, заглядывая в каждый двор и все надеясь найти улетевшего журавля.

— Не опустилась ли здесь большая птица, «як черногуз» (как аист)? — расспрашивал я встречаемых ребят и взрослых.

Но птицы никто не видел. Вероятно, я тщательно исследовал эту часть города. Во всяком случае, когда вечером печальный и усталый я возвращался домой, ребята издали узнавали меня.

— Опять дядька «як черногуз» идет, — говорили они друг другу.

Безрезультатные поиски продолжались и на следующий день. Только к вечеру, потеряв надежду найти улетевшую птицу, я на всякий случай отправился к ее бывшему владельцу. Первого, кого я увидел, войдя в калитку, это Журку. Спрятав голову под крыло, он стоял на одной ноге на вершине выброшенного из конюшни навоза.

— А мы ему второй день ничего есть не даем — все вас поджидаем, — встретил меня хозяин. — Накормишь, так он, пожалуй, сюда летать поведется.

Но мне было не до разговоров. Я спешил перенести Журку и, возвратившись домой, на этот раз без всякой опаски выпустил его во двор у сарая. Пока птица утоляла голод, сильно стемнело, и Журка вынужден был вместе с другими моими питомцами зайти в сарай, где и провел ночь. С этого дня птица уже не пыталась улететь к прежнему владельцу. Вскоре она привязалась ко мне и сдружилась с окружающим ее пернатым населением.

Однажды громкий крик журавля привлек мое внимание. «Что там случилось?» — подумал я и поспешил в конец двора, откуда доносились настойчивые крики птицы.

Здесь несколько грядок маленького огорода, заросшего пожелтевшей растительностью, были обнесены старой рыболовной сетью. В ней, запутавшись в ячейках, беспомощно висела одна моя куропатка, около нее суетился маленький петушок, и, с опаской дергая клювом сетку, кричал журавль. Я поспешил взять бьющуюся куропатку в руки. Журка перестал кричать, но вполне успокоился только после того, как я освободил злосчастную птицу из сетки и выпустил

ее во двор.

Журка, видимо, хорошо знал хищных птиц. Пролетавший низко над двором ястреб-перепелятник или парящий в небе орел всегда привлекали его внимание. Повернув голову набок и зорко всматриваясь в летящую птицу своим красным глазом, журавль громким криком оповещал все живое об опасности. Но и сам он, видимо, боялся этих страшных пернатых и спешил укрыться под группой росших во дворе акаций.

И если о настоящих хищниках журавль только предупреждал криком, то в отношении серых ворон он прибегал к более активным действиям. «Крри», — издавал он короткий резкий крик и стремительно налетал на опустившуюся во дворе ворону, заставляя ее переместиться на другое место. «Крри», — продолжал он гонять ворону, пока та, наконец, теряла надежду завладеть чем-нибудь съедобным и убиралась подальше от голосистой, настойчивой птицы. Появление во дворе всех четвероногих — от собаки до мышонка — вызывало в журавле протест.

Я расскажу только о двух небольших происшествиях. Одно из них связано с кошкой, другое — с крошечным мышонком.

Однажды в холодный декабрьский день я выпустил из сарая во двор всю живность. Ночью выпал снег и сейчас слабо таял под холодными косыми лучами солнца. Вероятно, снег и холодный ветер вскоре побудили моих питомцев забраться в сарай и рассестись там на толстом слое сена. В это время на росших во дворе акациях копошилась большая синица. Неподалеку от жилых построек она разыскала часть шапки подсолнуха, наполненного семенами. С трудом справляясь с порывами ветра, она перетаскивала семечко на акацию, вскрывала и съедала его и опять летела за новой добычей.

Частые перелеты птички над самой землей вскоре заметила кошка. Однако хитрый хищник не пытался поймать синицу близ построек, где негде было укрыться. Кошка залегла на пути перелета синицы, спрятавшись за лежащим поленом, и внимательно следила за движением птицы. Чем ближе пролетала синица, тем напряженнее прижималась к земле кошка — вот-вот прыгнет. Эту сцену я наблюдал через окно комнаты и только хотел выйти наружу, чтобы выгнать кошку из ее засады и прекратить опасную игру, как увидел Журку. Он быстрыми, но осторожными шагами незаметно подошел сзади к кошке, сильно ударил ее клювом в спину и, резко крикнув, подскочил вверх. Как будто подброшенная электрическим током, кошка также подлетела на метр в воздух и затем кинулась через весь двор к строениям. Летя над самой землей, Журка с громким криком наносил ей удар за ударом, дергал за хвост и прекратил преследование только после того, как кошка скрылась в отдушине подполья. После этого случая кошка считала наш двор далеко не безопасным местом и не пыталась здесь охотиться за птицами.

В одно прекрасное утро, кормя птиц во дворе, я обнаружил, что у меня совсем мало осталось корма. Чтобы освободить мешок, я вытряс все остатки среди кормившихся птиц. Вдруг журавль взлетел в воздух и издал такой резкий крик, что я вздрогнул от неожиданности. Все остальные птицы, привыкшие считать крик журавля сигналом тревоги, рассыпались в разные стороны. Недоумевая, я замер на месте и ждал, когда пыль от мешка осядет на землю и позволит выяснить, что случилось. Виновником тревоги оказался маленький мышонок. Я вытряс его на землю вместе с зерном из мешка и этим вызвал переполох среди моего птичьего населения. Преследуемый журавлем мышонок каким-то чудом избежал гибели и скрылся в норке под стенкой сарая. В течение нескольких последующих дней осторожная птица зорко следила за темным отверстием норки. Вероятно, журавль был уверен, что скрывшийся мышонок вновь появится наружу.

Рано наступает на юге весна. В самом начале марта прилетели скворцы. Почти одновременно с ними в степях появились большие табуны дроф, а спустя неделю я уже

видел над городом крикливую стаю гусей. «Когда же полетят журавли? — с некоторой тревогой думал я. — Ведь их появление так или иначе должно отразиться на Журке».

И вот однажды в яркий солнечный день до моего слуха долетели давно знакомые, своеобразные трубные голоса журавлиной стаи. Заслышав вольных собратий значительно ранее меня, Журка взбежал на высокий погреб и, следя отсюда за летящими птицами, наполнил воздух какими-то особыми призывными криками. Но птицы летели очень высоко. Образовав в голубом небе широкий угол, они, как казалось снизу, едва двигались к северу и, вероятно, не слышали крика Журки. Но с этого дня Журку как подменили. Он не находил себе места, мало интересовался окружающей его жизнью и то и дело поглядывал в голубую даль. Его беспокойство с каждым днем возрастало. Как-то громкий крик журавля разбудил меня ночью. Я оделся и вышел на воздух.

Стояла довольно прохладная весенняя ночь. В закрытом сарае громко и настойчиво кричал мой журавль. В разных направлениях ему откликались журавли-красавки. Видимо, пролетная стая, сбита с толку криком ручной птицы, разбилась на маленькие группы и теперь, потеряв ориентировку, носилась в воздухе. Порой журавли опускались так низко, что были слышны взмахи их крыльев, и казалось, что весь двор наполнялся их громкими, резкими криками. Десятки вольных птиц как будто настойчиво требовали освобождения пленного собрата.

— Ручаюсь, улетит, если вы выпустите журавля из сарая, — услышал я рядом знакомый голос.

Разбуженный крикливыми птицами, в валенках и полушубке стоял на крыльце мой сосед.

— Ну и пусть улетает, — раздраженно ответил я и, пройдя двор, настежь открыл дверь птичника.

На темном фоне земли тотчас появился светлый силуэт Журки. Несколько секунд он топтался на месте, затем с криком разбежался по двору и поднялся в воздух. Еще некоторое время крики журавлей раздавались поблизости, затем стали удаляться и, наконец, смолкли. А я еще долго оставался в конце двора. Мне не хотелось сейчас встречаться и говорить с соседом — ведь я прощался с Журкой, к которому успел привязаться за зиму.

«В такую ночь невозможно не улететь», — думал я, вслушиваясь в ночные звуки.

Казалось, все огромное темное небо насыщено свистом крыльев и криком. Масса разнообразных птиц избрала эту ночь для перелета к северу. Вот четко выделяются чудные, протяжные голоса уток-свиязей, захлебываясь, свистит кулик-черныш, цыркает маленькая птичка — лесной конек. Все движется, все спешит в темноте ночи на север, на свою далекую родину.

Осторожный стук в окно разбудил меня утром.

— Вы уж меня не ругайте, что бужу вас так рано после бессонной ночи, — улыбаясь, говорит сосед. — Вы знаете, Журка-то не улетел, а я был вчера уверен, что больше его никогда не увижу. Вот смотрите туда, — указал он в конец двора, когда я вскочил на ноги и прильнул к стеклу. Там у сарая медленно на своих длинных ногах расхаживал Журка. Много раз после описанного случая ручной журавль поднимался в воздух и пытался присоединиться к журавлиной стае. Но по непонятным для меня причинам он не улетал, а, проводив стаю, возвращался обратно. Я уверен, что не только большая привязанность, на которую способна эта птица, удерживала его около человека. У журавля оказался небольшой физический недостаток. Когда Журка поднимался в воздух, он несколько вбок отгибал вытянутую назад правую ногу. При длительном полете она могла мешать прямому движению. Быть может, этот маленький недостаток не позволял ему присоединиться к диким собратьям.



Уезжая с Украины, я не смог расстаться с Журкой и привез его в Москву. Сначала он жил в московской квартире, потом на даче. Позднее я передал его зоопарку, где Журка жил в загоне с другими журавлями. При моем посещении он всегда узнавал меня и, когда я удалялся от загона, поспешно шел вдоль изгороди, а затем кричал, пока я не исчезал из виду.

## ВЫБОР ПРОФЕССИИ

— Не будешь же ты только охотником, — сказал мне однажды приятель.

Мы сидели с ним у костра, на гриве среди торфяного болота. Солнце успело высоко подняться над горизонтом, заливая веселыми лучами желтую прошлогоднюю траву, темные пни, молодые сосенки. Прохладное весеннее утро сменялось теплым безветренным днем. Вдали за обнаженным, прозрачным березняком ворковал тетерев, да в голубом воздухе свистел кроншнеп.

— Что и говорить — замечательная вещь охота, — продолжал приятель, снимая с костра котелок. — Но охота охотой, однако пора подумать и об учебе.

За последнее время разговор о поступлении в высшее учебное заведение особенно часто возникал между нами, но, к сожалению, каждый раз кончался разногласием, почти ссорой. Вот и в это чудное утро, на охоте, когда хотелось отдохнуть от всего, подышать воздухом, он с первых же слов приобрел неприятный характер.

— Не делай глупостей, — продолжал приятель. — Говорю тебе, поступай в технический вуз. Пойми, наконец, что пять лет учебы, и ты инженер — вполне обеспеченный человек, и тогда занимайся птицами, охоться сколько тебе угодно. Ведь за то, что ты будешь знать, как живут звери и птицы, тебе денег платить не будут.

— Не будем говорить об этом, — перебил я собеседника. — Пойду туда, куда меня тянет — не хочу себя ломать только ради какого-то материального благополучия. Лучше скромно жить, но заниматься любимым делом.

— Ну и возись со всякой дрянью — с мышами и лягушками, — увидишь, что из этого выйдет. Вспомнишь мои слова — пожалеешь, да поздно будет, — махнул он рукой, показывая этим, что разговор между нами исчерпан.

Много воды утекло с того времени, но и сейчас я частенько вспоминаю этот разговор на охоте. И вспоминаю его с улыбкой, так как свое дело, свою профессию и сейчас не променяю ни на какие блага в мире.

После тишины лесов и полей, где бойкий крик пестрого дятла или пение жаворонка не мешает нам улавливать едва слышные звуки и шорохи, невообразимым шумом и суетой встретил меня Московский университет. Все куда-то спешили, на ходу сообщали друг другу какие-то новости, объясняли что-то, смеялись. Вот группа юных студенток-первокурсниц. Человек двадцать их сгруппировалось у какого-то объявления. Все они говорят разом, стараются перекричать друг друга, и никто не слушает, что говорит сосед. Ну что тут можно понять, разве можно в чем-нибудь разобраться? Но, вероятно, это и есть та жизнь, о которой читаешь в книгах, — дружная жизнь шумного коллектива студентов. Надо только суметь примкнуть к нему, и тогда все сразу наладится, пойдет своим чередом. Настойчивый, громкий звонок прерывает мои размышления. Толпа студентов разом отрывается от доски объявлений и, продолжая перекидываться фразами и смеяться, шумно рассаживается в просторной аудитории. Захваченный общим потоком, за ними иду и я. Стихает аудитория,

начинается лекция.

Попав в университет, я почувствовал себя совершенно беспомощным. Мне как-то не удавалось достаточно быстро разобраться в массе объявлений, в расписаниях лекций и практических занятий. Я часто по недоразумению посещал лекции, которые меня в сущности мало интересовали, и, напротив, не попадал на те занятия, которые были необходимы. К счастью, это продолжалось недолго. Как и другие новички, я вскоре перезнакомился со студентами-первокурсниками и завел товарищей.

Со смехом и удовольствием вспоминаю знакомство со своим другом и спутником по экспедиции Сергеем Наумовым. Это случилось в первый месяц моего пребывания в университете. «Не совсем обычный студент, — подумал я, пристально рассматривая вошедшего в аудиторию парня. — И почти наверное, судя по его костюму, — охотник». Это был высокий блондин с длинными, зачесанными назад волосами. Простая защитная косоворотка, здоровенные, с длинными голенищами охотничьи сапоги и какая-то естественная непринужденность заставили меня обратить на него внимание. «Интересно знать, охотник он или, только оригинальничая, носит костюм охотника», — подумал я, проводив его глазами, и уткнулся в свою работу.

Кончилось занятие. Я только вышел на широкий университетский двор, как большими решительными шагами ко мне подошел тот самый студент.

— Я Наумов, — отрекомендовался он, протягивая мне здоровенную руку. — Я вашего папашу знаю и вашу собаку сеттера знаю, — на выставке встретились. Давайте познакомимся.

Мое предположение оправдалось: Наумов действительно оказался большим любителем-охотником, и это способствовало нашей дружбе.

Не успело закончиться первое полугодие, как мы с Сергеем были посвящены во все особенности университетской жизни. Выяснили, что ряд студентов-старшекурсников уже ведут настоящую научную работу и ежегодно, то самостоятельно, то под руководством одного из профессоров кафедры, выезжают в далекие научные экспедиции. В то время особенно интересовала московских зоологов Средняя Азия. Из поездок участники экспедиций привозили большие и ценнейшие коллекции. Как это интересно! Исследования в природе и собирание недостаточно изученных зверей и птиц — именно то, о чем я мечтал до поступления в университет. «Надо как можно лучше освоить технику снятия шкурок и набивки тушек», — решил я, глядя на разложенные по столам коллекции. Несколько дней спустя я уже получил разрешение практиковаться под руководством опытного препаратора. В то время единственным препаратором при Зоологическом музее университета был старик Цельмин; звали его Август Карлович. Во многих отношениях Август Карлович был замечательным человеком. В молодости, живя в Латвии, он сначала пристрастился к охоте, потом до тонкости изучил дело препаратора. Он переселился в Москву и работал то в одном, то в другом музее, сопровождая в экспедициях наших ученых.

Иной характер носили тогда научные экспедиции. На далекие окраины русской земли проникали только смелые и энергичные люди.

Представьте себе, что вам сейчас захотелось побывать на Крайнем Севере, увидеть океан, тундру, ее обитателей. Ну что же — это не так сложно. Нужно только желание. Вы со всеми удобствами усаживаетесь в глубокое, мягкое кресло, «стальная птица» поднимает вас в воздух и в короткое время переносит на громадное расстояние. Посмотрите в окно. Где-то далеко внизу медленно уползает назад земля, сначала хвойные леса Севера, потом безбрежная тундра. Постепенно самолет спускается ниже и вскоре летит на высоте ста-двухсот метров. Хорошо видны выступающие среди воды кочки, камни, шапки лишайника. Вот стая гусей-гуменников отдыхает на берегу мелководного водоема. Самолет для них не

диковина. Они лениво склоняют набок головы, смотрят в прозрачное небо. Какое им дело до пролетающей «стальной птицы»? Но вдруг гуси настораживаются, сбиваются, в тесную группу. Прямо на них, меняя свои очертания, бежит по земле тень самолета. Ближе, ближе... С гоготом поднимаются птицы в воздух и крикливым косяком летят в сторону — туда, где до самого горизонта широко раскинулась то ровная, то холмистая тундра, где во всех направлениях, отражая бледное небо Севера, блестят озера.

Еще несколько летных часов, и вы на месте. Но не среди безлюдных пространств Севера, а на одной из факторий или на маяке, где прилетевших встречают радушные люди, где есть радио, теплое помещение и запасы продуктов. Разве не приятна и не интересна такая экскурсия?

А в то время?..

Загадочен, недоступен кячался Север. Страшен был и далекий путь. Тысячи километров бездорожья отделяли города и селения от берегов Ледовитого океана. Глухая тайга, топкие болота криволесья и необъятная тундра преграждали дорогу и пугали своей беспредельностью даже смелого человека. Но тем интереснее русским ученым казался Север. Жажда знания окраин русской земли манила к себе, заставляя предпринимать долгие, полные лишений и опасностей экспедиции. Одним из таких ученых был замечательный знаток птиц нашей Родины — Сергей Александрович Бутурлин. Он не раз посещал самые отдаленные уголки сибирского Севера, привозя из поездок большие коллекции птиц и новые сведения об их жизни. Частым спутником Сергея Александровича был препаратор Август Карлович. Когда я попал к нему в мастерскую в качестве практиканта, он был уже стариком и любил вспоминать о своем прошлом.

— Семьи не имел, свободным человеком был — почему не поехать даже на год поохотиться в тундре, — начал он однажды, прерывая работу и закуривая. — С Бутурлиным хорошо ездить — спокойно. Заботливый, внимательный человек Сергей Александрович. И добрый. Когда мы вернулись с ним из последней поездки, он мне отличное ружье подарил. Да, в экспедициях лучшего товарища найти трудно. Одно плохо — горяч очень. Как вспылит — прямо беда, себя не помнит.

И вот, чтобы пояснить свои слова, Август Карлович рассказал мне маленький эпизод из своей жизни.

В одно лето Бутурлин и препаратор Цельмин спускались на лодке вниз по многоводной реке Колыме. Течение могучей сибирской реки быстро несло лодку, нагруженную продовольствием, спальными мешками и прочей экспедиционной утварью. По сторонам уплывали назад берега, одна за другой сменялись картины. Сергей Александрович сидел на корме лодки, правил веслом и писал путевой дневник. Препаратор тоже занимался делом: он снимал шкурки с птиц, добытых на последней стоянке. — Смотрите, Август Карлович, прямо на нас впереди летят какие-то птицы, — нарушил молчание Сергей Александрович. — Это гагары — берите скорей ружье!

Препаратор не спеша отложил работу, взял ружье и приготовился к выстрелу. Прямо на лодку невысоко летели две крупные птицы. Они вытянули длинные шеи и часто махали короткими крыльями.

«Тах... тах», — грянули выстрелы, но, увы, без результата. Обе гагары, видимо, не получив даже ранения, продолжали лететь в прежнем направлении. «Смотрите вперед, Август Карлович, еще летят», — предупредил Бутурлин спутника. И действительно, далеко впереди показалась еще пара птиц, за ней небольшая стайка, потом опять пара, а за ними еще и еще. Все гагары летели вверх по течению, придерживаясь средней части реки, по которой плыла лодка. «Тах... тах», — вновь грянул дуплет. «Тах... тах...», «тах... тах...» — с короткими

интервалами еще и еще раздавались выстрелы.

Август Карлович, едва успевая перезаряжать двустволку, стрелял и стрелял по близко налетающим птицам. Но что за странность, какая досада! — стрельба не достигала цели. Над рекой стлался пороховой дым, тяжелые войлочные пыжи высоко взлетали в воздух и падали в воду. Иной раз обсыпанные пробью гагары взмывали над лодкой, но уже в следующую секунду вновь выправлялись и спокойно летели дальше.

— Август Карлович, да вы с ума сошли, что ли? — вдруг не своим голосом закричал Бутурлин. — Нельзя же так бессовестно мазать. Расстреляете дробь и порох, где мы их возьмем, чем в устье стрелять будем?

— Я хорошо целюсь, правильно целюсь, Сергей Александрович, но не могу убить этих птиц, — пытался оправдываться препаратор. — Неправда, — вновь закричал Бутурлин. — Вы совсем не целитесь, на таком расстоянии нельзя промахнуться, вы забыли, где мы находимся, вы пуделяете, как мальчишка...

С этими словами Бутурлин выхватил ружье из рук своего спутника и, встав на одно колено, приготовился к выстрелу. Пары и небольшие группы гагар все еще продолжали пролетать над плывущей вниз по течению лодкой.

— Вот смотрите, как надо стрелять! — повернулся на мгновение Бутурлин к смущенному и растерянному Августу Карловичу. — Смотрите, — и он вскинул двустволку.

Будучи превосходным стрелком, Сергей Александрович, конечно, был уверен в своей правоте и спешил доказать это на деле. Но эффект получился обратный. Дуплет и у него не дал никаких результатов. Обе птицы после выстрелов благополучно продолжали путь. Дрожащей рукой Бутурлин вынул пустые патроны, отбросил их в сторону и зарядил новые.

«Тах... тах...» — вновь прокатились выстрелы, но, увы, опять безуспешно. И тогда за ними последовала настоящая канонада. Клубы дыма ползли над водой, над лодкой взмывали в воздух гагары, но, пережив короткий испуг, невредимые продолжали лететь вверх по течению. А на корме, подобрав брошенное весло и выправив лодку, скромно сидел препаратор. Ему не хотелось показывать, что на этот раз он был рад в душе неудаче своего горячего товарища.

— Что же вы сказали Сергею Александровичу, когда он кончил пальбу? — с интересом спросил я рассказчика.

— Что сказал? Ну что я мог сказать? Ничего не сказал, — развел руками Август Карлович.

Для читателей, безусловно, остается загадкой, почему стрелки сделали так много промахов. Не вполне ясно это и для автора книги. И в моей практике были такие случаи, когда хорошо бьющее ружье без видимой причины временно теряло боевые качества. Возможно, это было связано с плохим снаряжением патронов или с изменениями температуры и влажности воздуха, при которых бой ружья иногда резко меняется:

Но перейду к своему основному рассказу. В течение нескольких месяцев, как только у меня выкраивалось свободное время, я шел к препаратору и работал под его руководством. Одновременно я увлекся чтением специальной литературы. Как много я нашел здесь интересного, увлекательного! Описания многолетних путешествий Северцова и Пржевальского особенно нравились мне — от них я не мог оторваться. Их сменили более поздние работы, посвященные изучению степей и пустынь Средней Азии и многих других частей нашей необъятной Родины. Прочитанные книги о путешествиях русских ученых, доклады студентов-старшекурсников о научных поездках и рассказы старика-препаратора не прошли бесследно. Меня неудержимо потянуло в Среднюю Азию. «Хотя бы несколько дней

провести в этой стране, повидать природу ее своими глазами, — мечтал я. — Ведь для такой поездки не нужны большие средства, а немного достать, вероятно, сумею».

Прошло месяца два, и мне улыбнулось счастье.

— Хочешь подработать? — остановил меня однажды председатель домоуправления.

— Конечно, хочу, — не задумываясь, ответил я.

— Срочно нужно очистить все наши крыши от снега — хорошо заплачу.

В течение четырех дней я трудился с утра до вечера, а когда наши крыши были очищены, предложил свои услуги соседнему домоуправлению. Собрав небольшую сумму, я и предпринял свою первую поездку в Среднюю Азию.

Не скажу, чтобы поездка была вполне удачна. После утомительного пути я вышел из вагона на маленькой станции между Ташкентом и Самаркандом и поселился на краю станционного поселка в семье «водокачника». Отсюда я ежедневно ходил в тугайные заросли, где в изобилии водились фазаны, или ездил на охоту на маленькой лодке. Привольно, без всяких забот, но, к сожалению, как-то особенно быстро прошли две недели. Пора было думать о возвращении в Москву.

Много лет прошло с того времени, когда я впервые пристрастился к охоте, взялся за полевую исследовательскую работу, за добывание живых диких животных. Где только я не побывал за этот период жизни!

С рюкзаком и ружьем за плечами я прошел пешком много тысяч километров. И, несмотря на разнообразие природы, с которой сталкивался, живо сохранил в памяти все, что пришлось видеть. Иной раз разверну карту Советского Союза и, не замечая времени, часами брожу по ней глазами.

Вот на реке Урале стоит город Оренбург. Какое великолепие здесь в степях в весеннее время! А там, далеко на юго-востоке, жаркий Ташкент. Велики, безбрежны кажутся степи и пустыни, отделяющие эти два города. Но ведь эти пространства мы с моим другом Сергеем прошли пешком. И в памяти одна за другой воскресают картины прошлого, вспоминаются случаи из экспедиционной жизни. О них, хотя бы частично, я сейчас и расскажу.

Так в постоянных экспедициях и выездах за животными в течение многих лет протекала моя жизнь. Однако при напряженной работе, когда тратится много сил, необходим отдых. Иной раз я ощущал это особенно сильно. И я решил регулярно использовать свой отпуск. Ведь полезно, даже необходимо отвлечься, изменить на время обычный ход мыслей и обстановку. Но как это сделать?

«Поеду на Украину к приятелю, — решил я наконец. — Буду ловить рыбу, гулять — отдыхать в полном смысле этого слова».

И я уехал на Украину.

Первые дни я отдыхал. Однако прошла неделя, и я незаметно для себя втянулся в охоту — ведь кругом было много дичи. Зверек и птица, случайно попавшиеся мне в руки живыми, послужили началом сбора живой партии, а убитые экземпляры — началом коллекции. Таким образом, отпуск в сущности ничем не отличался — от обычных моих поездок. Я изменял только место — проводил его не на далеких окраинах нашей страны, а в Подмоскovie, на Украине или в степях Оренбургской области.

Надо сказать, что еще в детстве лучшим отдыхом для меня была охота. Я с нетерпением ждал каникул и, когда они наступали, с увлечением бродил с ружьем по лесам и болотам. Но

в то время я был только заядлым охотником. Бывало, поднимусь на ноги ни свет ни заря и, не жалея сил, брожу до полной темноты по лесу. За весь день не присяду, чтобы отдохнуть или поесть нормально. На ходу жую кусок хлеба. Все жалко было времени, хотелось побольше обойти.

Домой я возвращался увешанный дичью и измученный до последней степени. И когда после такой охоты я отлеживался на сеновале, все чаще у меня возникали мысли, что ни к чему такая охота и что дичи я слишком много бью: ведь не промысловик я, а любитель.

Но все это давно прошло. Сейчас я люблю ходить по лесу медленно, бесшумно и посидеть люблю, кругом посмотреть — как дятел стучит, как глазастая зорянка ловит муравьев, и, знаете, чем больше сижу во время этих походов, тем больше вижу. Ведь и зверь, и птица на одном месте не остаются, и если вторжение непрошеного гостя — человека — не заставит их насторожиться, то жизнь будет идти своим чередом и вы сможете увидеть много. Иной раз посчастливится увидеть, как мышкует на поле лисица; тогда часами можно наблюдать за зверем и вам не будет скучно. Вы поймете, что лисица делает это не только потому, что мыши для нее лакомство. Она увлекается ловлей мышей до такой степени, что нередко забывает свою природную осторожность и допускает массу ошибок. И когда наблюдаешь за такой лисицей, невольно начинаешь близко принимать к сердцу ее промахи и неудачи.

На ближайшем крупном дереве вы заметили белку. Она на ваших глазах спускается на землю и среди опавшей листвы ищет желуди или орехи.

И вдруг безмятежный покой неожиданно нарушается: мимо вас мелькает тень низко пролетавшего ястреба; кружась вокруг ствола, белка исчезает в густой вершине деревьев; где-то в стороне, предупреждая об опасности, громко кричат сойки; лисица прекращает увлекательную охоту, прислушивается, а затем нехотя трусит к ближайшим густым зарослям.

Большая часть моей жизни прошла среди природы. Когда же я возвращался из поездок и приступал к описанию того, что видел, мне иной раз подолгу приходилось оставаться в Москве. Вскоре я начинал тосковать по шумливым лесам, по пению птиц, по зверушкам. Жизнь без всего этого для меня как-то теряла привлекательность. И чтобы хоть отчасти восполнить эти пробелы, я или привозил из поездки, или доставал в Москве интересных животных. Много всякой живности побывало в моей московской квартире.

Конечно, это не всем нравится. «Для чего дома держать зверей и птиц, когда есть зоопарк? Нельзя же жилую квартиру превращать в зверинец — ведь в ней живут ваши дети». В этих словах, бесспорно, много справедливой холодной логики. Если вы в квартире будете держать десяток собак, то, конечно, превратите жилое помещение в псарню. Но ведь множество людей, живя в большом городе, держат собак и не тяготятся их присутствием. Ну, а если маленький зверек, например ежик, будет бегать по квартире, неужели он отравит своим присутствием ваше существование и будет неприятен для ваших детей? Откровенно говоря, этом я сомневаюсь. А ведь присутствие зверушек и птиц среди детворы очень часто имеет большое воспитательное значение и благотворно сказывается на детдом характере.

Приобрести птичку ненастной осенью, поддержать ее суровую зиму и вновь выпустить ранней весной. Разве не приятно так поступить? Поверьте мне, очень приятно. До слез бывает жалко расстаться с веселым чижиком, но когда ваш чижик, усевшись на ветку, запоет знакомую песенку, вы забудете свое маленькое горе: его нельзя сравнить с бесконечным счастьем птички, вновь получившей свободу.

Умение содержать птиц в неволе может оказаться и весьма нужным. Возьмите, например, серую куропатку. Если при перевозке верх транспортной клетки не затянуть марлей, куропатки разобьются до смерти. Скворцы, пойманные весной, плохо переносят потерю

свободы. Обрежьте им хвосты, и процент гибели резко снизится. Таких мелочей множество; знание их приобретается только практикой. Эти знания могут оказаться необходимыми при перестройке нашей природы.

Многолетние наблюдения за жизнью животных в естественной обстановке и в неволе не прошли бесследно. За эти годы у меня скопилось много интересных данных, основываясь на которых я пришел к определенным взглядам и выводам. Ими я и решил поделиться с читателями в этой главе.

## ОБО ВСЕМ ПОНЕМНОГУ

### СТЕПНЫЕ ВЕЛИКАНЫ

Неуютна и безжизненна степь в зимнюю пору. Беспрепятственно гуляет по ней ветер, раздувает снежную пыль, гонит серые Кустики перекасти-поле, как голодный волк, завывает в оврагах.

Но что может сравниться по красоте со степью весной? Освобожденная от снега, она покроется нежной молодой зеленью, Украсится яркими тюльпанами и живет хоть короткое время, но полноценной, ликующей жизнью. Возле еще непросохших Норок, стоя на задних лапках, свистят суслики, в голубом небе, звенят нескончаемые песни жаворонков, воздух наполняется горьковатым запахом полыни. Где-то на далеком горизонте земля сбивается с небом, и кажется — нет степи конца и края. Как вы Хороши, родные степные просторы!

Чудесная картина весенней степи для меня неразрывно связана с воспоминаниями об охоте на дроф. Эти птицы-великаны всегда казались мне недоступными. Осторожно ведут себя дрофиные стаи. Зоркие птицы издали приметят человека, при первой же тревоге поднимаются в воздух и летят в глубь степи, туда, где, как море, волнуется серебристый ковыль да дрожит и струится нагретый воздух.

Если редко удастся эту птицу подстрелить, то еще реже удастся ее поймать. Только во время гололедицы не помогает дрофам их природная бдительность. Мокрое оперение покрывается ледяной коркой, и птицы не могут летать. В такие дни пастухи прямо руками ловят в степи беспомощных дроф или загоняют их целыми стадами в селения. Мне ни разу не случилось видеть дроф во время гололедицы и за долгие годы охоты только три раза посчастливилось взять этих птиц живьем, причем каждый раз дрофа попадала мне в руки обязательно с какими-нибудь приключениями.

Помнится, как-то весной еду я по степи в Чкаловской области, возница Федор Гаврилович с увлечением рассказывает мне о дрофах. Мы удобно расположились на большой телеге, наполненной душистым сеном; ее медленно везет двугорбый верблюд. Монотонно скрипят колеса, чуть пылит дорога, в небе поют жаворонки. Изредка слышится весенняя песня кулика-кроншнепа. Мы приближаемся к месту нашего ночлега, расположенного, по словам Федора Гавриловича, в излюбленных местах обитания дроф. Порой то здесь, то там попадаются стаи дроф. Но мы не торопимся. Охота намечена на завтра. И вот наступает заветное утро.

Приметив крупную стаю дроф, мы со всеми предосторожностями стараемся подъехать к ней

возможно ближе. Я незаметно спрыгиваю с телеги и залегаю в бурьяне. Некоторое время до меня доносится скрип удаляющейся телеги. Затем все стихает. Федор Гаврилович должен, сделав широкий круг по степи, заехать к стае с другой стороны и погнать птиц на меня.

Медленно тянется время. Боясь выдать свое присутствие, лежу неподвижно, не решаясь поднять голову. Проходит более получаса. Мысленно я пытаюсь представить себе, как верблюд, запряженный в телегу, медленно делает большой полукруг. Вот он уже позади дроф и гонит на меня стаю. Затаив дыхание, боясь качнуть хотя бы стебелек травы, вглядываюсь в редкий бурьян и различаю птиц, медленнодвигающихся по направлению ко мне. Вытянув длинные шеи, они внимательно наблюдают за показавшейся на горизонте телегой. Чтобы не спугнуть птиц, Федор Гаврилович не едет прямо на дроф, а правит то в одну, то в другую сторону, медленно тесня дроф все ближе и ближе ко мне.

Я вновь прижимаюсь к земле, закрываю глаза и стараюсь ни о чем не думать. Пять, десять, пятнадцать минут: пора! Теперь птицы должны подойти близко. Осторожно приподнимаю голову.

Стая уже не так далеко. Передних птиц отделяет от меня каких-нибудь сто шагов, но, высоко подняв головы, дрофы идут не на меня, а двигаются в сторону, вправо. Телега вдали тархтит в противоположном направлении.

Опять неподвижно лежу с закрытыми глазами минут десять. За это время картина меняется. Телега медленно ползет направо, а дрофы идут обратно, но опять мимо меня. В чем дело? Неужели осторожные птицы заметили мое присутствие?

Тянутся минуты мучительного ожидания. Надежда на удачную охоту то зарождается, то исчезает. Дрофы все время меняют направление, но расстояние между мной и стаей не сокращается. Птицы все ближе подпускают к себе телегу, упорно не решаясь приблизиться к моему убежищу.

Но вот доносится шум больших сильных крыльев. Сначала, разбежавшись, взлетают передние дрофы, за ними — следующие, и, наконец, вся стая поднимается в воздух и летит на таком расстоянии, что стрелять бесполезно.

Вдали, стоя на телеге, машет руками Федор Гаврилович, мне не слышно его голоса, но можно догадаться, что он кричит, напрягая все силы: «Стреляй! Уйдут! Стреляй!» Без всякой надежды делаю два выстрела по стае.

И вдруг — о чудо! Одна из птиц отстает от других, косо опускается вниз и быстро бежит по степи. За ней, не чуя под собой ног, мчусь я и уголком глаза вижу, как в стороне причудливой крупной рысью бежит верблюд, за ним, подсакивая на кочках, ковыляет телега, а в телеге трясется Федор Гаврилович. По пути, чтобы облегчить себе бег, я сбрасываю патронташ, бинокль с оборвавшимся ремешком летит в сторону. Мне сейчас важно только одно — как бы не упустить дрофу.

Неожиданно птица останавливается и, распутив большие крылья, сама бросается мне навстречу. Это происходит так внезапно и быстро, что я не в силах остановиться. Крупная птица всей своей тяжестью ударяет меня в грудь, и, потеряв равновесие, я лечу в траву, успев, однако, схватить дрофу за шею. Сильными ногами дрофа рвет мою одежду и бьет меня широкими крыльями, но скоро прекращает бесполезное сопротивление. Редкая добыча в моих руках. Шальная дробина, попав в шейный позвонок, оглушила дрофу, и благодаря этому мне удалось захватить ее живой.

В другой раз мне случилось поймать дрофу во время гнездовья.

Дрофа устраивает гнездо неподалеку от места, где весной держится стая. Гнездо ее



незатейливо. Выкопает птица в степи мелкую ямку и прямо на землю отложит свои крупные яйца. Но обнаружить это ничем не защищенное гнездо не так-то просто.

Когда птица сидит на яйцах, можно в двух шагах пройти мимо нее и не заметить. Оперение дрофы пестрое, рыжее с белым сливается с общим фоном степи. Сидит птица на яйцах очень, крепко и иногда подпускает человека к себе почти вплотную. Однажды старый пастух-казах, встретившийся мне в степи рассказал, что несколько дней назад он нашел гнездо дроф с тремя яйцами. У дрофы не часто бывает такая кладка; обычно в гнезде лежат два, а иногда всего только одно яйцо. Немудрено что я заинтересовался и стал просить казаха показать это гнездо! Сидим мы с ним на пригорке, разговариваем. Старик смотрит на мое ружье и качает головой: «Убьешь ведь, а птицу жалко весной убивать — яйца даром пропадут». Я стал доказывать, что убитую дрофу мне не нужно, я хочу ее живой поймать и в Москву увезти, где таких птиц никто не выдывал. А яйца для коллекции сохраню. Поколебался старик, поддался увещеваниям и повел меня к гнезду дрофы.

Прошли мы с ним полкилометра. Вдруг мой спутник присаживается на корточки и показывает на землю кнутовищем в пяти шагах от себя. Что он хочет показать — никак не могу понять. Место, как стол, ровное, поросло редкой, низенькой травкой, здесь не только что дрофе — воробью негде укрыться. А старик, знай, дергает меня за рубаху, показывает кнутовищем на землю, а сам сердится, качает головой.

— Молодой русский, а глаза нет. Моя глаза старый — смотрел много, а видят. Глаза нет — плохой охота.

Надо сказать, что зрение у меня и сейчас отличное, на свои глаза я никогда не жаловался, а, напротив, в пример другим ставил. Однако в тот момент, сколько я ни вглядывался в указанный клочок степной почвы, ничего не мог увидеть. У меня даже сомнение зародилось, не дурачит ли меня старик.

Но старый пастух продолжает дергать меня за рукав и все что-то сердито бормочет. Наконец я понял, что надо пригнуться к земле, а как пригнулся, так даже попятился назад, и давай сам старика за полу халата тянуть, только не вниз, а в сторону. Совсем рядом с нами, прижавшись к земле, сидела дрофа. Сидит птица головой к ветру, ни одно перышко на ней не шелохнется, оперение плотно к телу прилегает, а она и глазом не моргнет, застыла, как изваяние.

Оттащил я казаха в сторону и давай с ним советоваться, как птицу живой взять. Надо бы сеткой накрыть, да сетки под руками нет, а идти за ней домой не шутка — в оба конца километров пятнадцать. Думали, думали мы со стариком и, наконец, придумали: петлей ловить. Гляжу я на старого пастуха и дивлюсь. Глаза у него искрятся, видимо, мой охотничий азарт и его захватил.

Наскоро мы расплели длинный пастуший кнут да веревочный пояс, каким казах подвязывал свой халат. Пошли в работу и мой ружейный ремень, и пояс. Связали мы все это концами, и получилась комбинированная веревка метров пяти длиной. Посредине ее сделали большую петлю. Взяли нашу снасть за два конца, осторожно подошли к сидящей на гнезде дрофе и набросили ей петлю на шею. Рванулась птица вверх, да поздно. Как на дрожжах, спустили мы ее на землю, связали ноги. Простившись с моим новым приятелем, я торжественно понес свою драгоценную добычу домой.

Недели две продержал я мою пленницу в просторном сарае, стараясь доставлять ей отборную пищу: то принесу из степи молодую травку, то мышшь поймаю. При мне дрофа не ест, только зорко следит за каждым моим движением. Но как оставлю ее одну, а позже загляну в сарайчик — смотрю, весь корм съеден. Однако не повезло мне с этой птицей.

Пришло время отъезда. Соорудил я для перевозки дрофы примитивную клетку. Обтянул

мешковиной легкий деревянный остов и, чтобы пленнице не было душно, проделал в мешковине несколько небольших дырок для вентиляции. Незадолго до прихода поезда я привез дрофу на станцию, здесь ее взвесили на весах, выписали мне багажную квитанцию.

Кажется, все в порядке. Но как только, приближаясь к станции, застучал по рельсам поезд, просунула моя пленница голову в дырку мешка, с силой рванулась вперед, разорвала мешковину тяжестью своего тела и вылетела на платформу. Еще минута — и дрофа, глубоко взмахивая крыльями, летела в родные степи.

Я смотрел ей вслед. Во мне боролись два противоречивых чувства: жалко было потерять ценную птицу и в то же время радостно, что вольное существо снова получило свободу.

До сих пор не могу забыть лица станционного весовщика. Растерянно он стоял перед пустой клеткой: что, дескать, теперь прикажете с ней делать? — и в самый последний момент (я видел это уже из окна вагона) весовщик, махнув рукой, погрузил в багажный вагон пустую клетку.

Последний случай, о котором я хочу рассказать, относится к осенней охоте на дроф.

Уже в июле — августе отдельные выводки дроф начинают сбиваться в стаи и кочевать по степным просторам. Чем позже осень, тем крупнее становятся стаи. Степи в эту пору изобилуют всевозможным кормом. На богатых пастбищах птицы отъедаются, вес старых самцов иной раз достигает пуда. Отяжелевшие дрофы неохотно поднимаются на крылья. Завидев людей, они, вместо того чтобы улететь, стараются спрятаться там, где паслись, и часто подпускают человека совсем близко. Поэтому добыть дрофу в это время уже не так трудно.

Но продолжу рассказ. Был у меня приятель по университету — страстный охотник. Его отец, агроном, работал на Украине директором крупного зернового совхоза. Во время летних каникул мы часто гостили в этом совхозе. Привольно там было: кругом степные ставки, заросшие по краям камышами, а в них дикие утки. В хлебах в бесчисленном количестве водились перепела и зайцы. Но вот дроф было мало, и поэтому в наших глазах эта дичь имела особенную ценность.

Любил охоту и отец моего приятеля, Владимир Максимович, только вечно ему было некогда. Большую часть времени он проводил в поле, а вечером, за ужином, сообщал нам о встреченной дичи. Был в совхозе и еще один страстный охотник, звали его Михаил. Работал он водовозом, вставал с петухами, добросовестно развозил воду, а выполнив свои обязанности, брал ружье и отправлялся на поиски дичи.

Однажды ранним утром нас разбудил сам Владимир Максимович:

— Живо вставайте, ребята, у совхоза пасутся дрофы. У крыльца уже стояла украинская арба с соломой, запряженная двумя волами. Владимир Максимович сел за кучера, а я, мой приятель и Михаил зарылись в солому. «Цоб-цобе!» — и арба медленно двинулась по пыльной дороге. Выехав в поле, мы сделали по сжатым хлебам большой полукруг. Дроф нигде не было видно, хоть поворачивай назад.

И вдруг, когда надежда на добычу стала оставлять нас, недалеко от арбы словно из-под земли появилось пять крупных птиц. Неторопливым шагом дрофы стали отходить в сторону. По-видимому, птицы расположились на отдых и поднялись на ноги только тогда, когда арба подъехала к ним совсем близко. В тот же момент дружно грянули наши ружья, и воздух наполнился пороховым дымом. Соскочив с арбы, Владимир Максимович кинулся было вперед, но, не видя из-за дыма добычи, закричал:

— Стреляйте! Стреляйте еще! — и, чтобы не мешать стрельбе, упал на землю.

Снова загремели беспорядочные выстрелы, и все охотники, держа ружья в руках, соскочили на землю. Когда дым рассеялся, мы увидели, что по сжатому полю быстро бежит дрофа-подранок: одно крыло ее беспомощно повисло. Четыре остальные птицы летели над степью; одна из них заметно отставала. Пролетев метров шестьсот, она стала забирать вверх, затем остановилась в воздухе и, кувыряясь, рухнула вниз.

Не теряя времени, я бросился за дрофой-подранком, а мой приятель и Михаил побежали туда, где упала вторая птица. Поймав свою дрофу (у нее оказалось слабое ранение в крыло), я принес ее домой и, наскоро сделав перевязку, выбежал на крыльцо. Здесь меня ждали легкие беговые дрожки. Через минуту лучшая лошадка совхоза — Огонек — вихрем мчала меня по степи. Только ветер свистел в ушах да пылилась дорога! Сделав большой круг, не найдя ни дрофы, ни товарищей, я ни с чем вернулся обратно.

Тем временем мой приятель и Михаил добрались до места, куда, по их расчетам, должна была упасть вторая дрофа. Осмотрели весь участок степи, но не нашли добычи. Долго продолжались бы эти поиски, если бы им не повстречалась колхозница.

— Парень здесь недавно прошел с мешком за плечами, — охотно пояснила она, — наверное, он и унес вашу дрофу.

Охотники прибавили шаг и действительно вскоре увидели человека с мешком за плечами, мирно шагавшего по дороге. Невзначай прохожий оглянулся назад и обомлел. Бегут прямо на него два человека с ружьями наперевес. Что делать? До деревни далеко, кругом ни души — одна надежда на свои ноги. Видит, бедняга, хорошего ждать нечего, и кинулся бежать по кукурузному полю.

Не молод был Михаил, пятый десяток шел. Но до того обидно ему показалось видеть, как у него из-под носа редкую дичину уносят — откуда и силы взялись! Как матерый зверь, ринулся наш Михаил вперед, через кукурузу, наперерез бегущему парню, и закричал нечеловеческим голосом:

— Стой! Стой! Стрелять буду!

Понял парень — плохо дело, не уйти ему от преследования. Встал на колени, чуть не плачет, протягивает вперед руки:

— За что, братцы?

— Мешок, мешок давай! — кричит Михаил. — Что у тебя в мешке, показывай!

— Сапоги, ничего больше нет.

Заглянули в мешок, а там верно, сапоги да еще узелок с хлебом лежит.

— А дрофа? Дрофа где?

— Какая дрофа? Нет у меня, кроме сапог, ничего! Берите сапоги, а дрофы никакой нет.

Смекнули тут наши неудачники, что глупостей наделали, напрасно человека до полусмерти напугали. Но трудно в такую минуту признать свою вину, легче всего свалить на злополучного парня.

— Если дрофы нет — зачем бежишь? — угрюмо упрекнул Михаил. — Что мы^разбойники, что ли?

— Да как же не бежать! Жизнь, поди, каждому дорога, кто вы такие — откуда мне знать, и разве добрый человек будет на людей бросаться!

С пустыми руками, измученные и злые, вернулись горе охотники домой. Мы вволю посмеялись над их рассказом, пожурил их и думали, что этим все наши охотничьи злоключения и кончились. Но прошло еще несколько дней, и в совхозе стало известно, что предпринятая нами охота на дроф до полусмерти напугал,) и бухгалтера соседнего колхоза. Оправившись от пережитого, пострадавший зашел как-то к Владимиру Максимовичу и, жалуясь на нас, рассказал ему о случившемся.

— Откуда я мог знать, — говорил он, — что это ваши парни охотятся? Пятьдесят четыре года прожил, а такой охоты никогда не видал. Да никто не поверит вам, что так охотиться можно. В то утро зашел я на свой огород. Он, как вам известно, неподалеку от вас помещается. Приехали туда на подводах и еще двое колхозников — мои соседи. Каждый занялся своим делом. Вскоре, глядим, из совхоза выезжает арба, запряженная волами, на ней сидит человек, волов погоняет. Вдруг слышим выстрелы. Глянули туда и обомлели. Соскочил человек с арбы, бежит по полю, а сам кричит не своим голосом. Но разве убежишь от пули? Опят загремели выстрелы, за клубился дым. Бедняга повалился на землю, а из-за арбы выскочили на дорогу три человека с ружьям; Испугались мы. Мои соседи отстегнули постромки от подвоов, влезли на лошадей и ускакали в деревню. Я же, как был без лошади, лег в межу, притаился — шевельнуться боюсь, как бы мен не заметили. Вдруг один из людей прямо на меня бежит, что то кричит и ружьем размахивает. Вижу, пропала моя голов; Вскочил я на ноги и до деревни одним духом добежал. А сердце у меня больное. Прибежал домой, свалился в хате, думал совсем не встану.

Нелегко было Владимиру Максимовичу объяснить пострадавшему, как в то утро мы заметили у совхоза дроф, как подъехали к ним на арбе, как, чтобы не мешать стрельбе, он сам упал на землю и как я бежал по полю за дрофой-подранком. Придя домой, Владимир Максимович напустился на нас.

— Вечно из-за вашей охоты какая-нибудь чепуха получается. Запру вот ружья, тогда и охотьтесь!

Мы осторожно, но ядовито попытались напомнить разгневанному хозяину, что и он в этой охоте играл не последнюю роль, но Владимир Максимович, вместо того чтобы согласиться с нами, рассердился еще больше, вышел из комнаты и хлопнул дверью.

Подраненная нами дрофа долгое время жила в саду. Когда вокруг никого из людей не было, она осторожно прогуливалась и клевала траву, но, завидев человека, сейчас же ложилась на землю и затаивалась.

Осенью я привез нашу пленницу в Москву и отдал ее в зоопарк Степная птица неплохо переносила неволю. Она привыкла к кормившему ее служителю, но с посторонними держала себя по-прежнему строго, недоверчиво. Иной раз сама бросалась на чужого человека так же смело, как бросалась когда-то на меня вольная дрофа, встреченная мной в степи в чудесное весеннее утро.

Дрофы — настоящие степные птицы. Они избегают высоких кустарников и деревьев и держатся только на открытых пространствах, где еще издали могут заметить приближающуюся опасность. Обильные снега зимой в северных степных районах закрывают доступ к пище этим пернатым и заставляют их откочевывать далеко к югу. На юге, где снега выпадает мало, они легко переносят морозы и живут оседло. Сокращение целины вследствие распашки степей не отразилось на этих птицах. Дрофы приноровились к новым условиям и часто гнездятся в хлебных посевах.

## ПРЕСТУПЛЕНИЕ

Кажется, чего проще — достать птенцов белого аиста! Ведь это одна из обыкновеннейших, а местами и многочисленных птиц западных и юго-западных областей нашей Родины. Вы только побывайте на Украине, и сами убедитесь в правильности моих слов.

Вот перед вами украинская деревенька с ее садиками, хатками, с ее чистотой и уютом. В жаркий полдень вы идете вдоль ее улиц. По сторонам сквозь листву деревьев белеют постройки, рдеет на солнце черешня, а на огромном гнезде, выстроенном на соломенной крыше, стоя дремлет крупная белая птица — аист. Загляните за окраины селения — и там увидите аиста. Он спокойно бродит по сырому зеленому лугу, зорко всматривается в траву и порой склевывает добычу.

Как деревенская ласточка-касатка, как сизый голубь, белый аист с незапамятных времен стал спутником человека. Для своих гнезд они особенно охотно используют крыши украинских хаток и поселяются не только в маленьких деревеньках, но часто и на окраине большого города. В июне и июле они бывают заняты аистятами.

Да, белый аист почти домашняя птица. Но попробуйте достать хоть одного птенца, и вы столкнетесь с невероятными трудностями. Ни один хозяин не позволит вам потревожить аиста, воспользоваться его птенцами. Он вам охотно продаст гуся, курицу, любую домашнюю птицу, но только не аиста. Аист пользуется исключительной любовью и покровительством.

Мне хочется рассказать об одном проступке, который я совершил лет сорок тому назад. Из гнезда аиста, устроенного на хате, я без разрешения хозяина вынул четырех птенцов. Как просто это сделать сейчас! Достаточно обратиться к председателю сельсовета, объяснить ему, для чего нужны аистята, и, конечно, все будет улажено тихо и без всяких историй. Тогда же я столкнулся с непреодолимым препятствием. Мое твердое убеждение, что дикая птица аист — не частная собственность, побудило меня нарушить общеизвестные правила. Однако расскажу все по порядку.

В том году мне было необходимо достать для зоопарка четырех молодых аистов, и я, проводя каникулы на Украине, решил взять их из гнезда, как только они несколько подрастут и окрепнут.

Был у меня в то время один знакомый — замечательный дед: высокий, стройный и седой как лунь. В своей семье и среди односельчан он пользовался большим авторитетом. К нему я и решил обратиться за помощью. Однажды вечером, когда мы сидели с ним на завалинке и болтали о разных вещах, я решительно приступил к делу.

— Дедушка, говорят, у вашей дочки в Поповке на крыше гнездятся аисты? — спросил я.

— Гнездятся, очень давно гнездятся — наверное, лет пятнадцать, как они это гнездо свили, — ответил старик.

А нельзя ли, дедушка, как-нибудь достать из гнезда птенцов? Вы ведь знаете, что я собираю здесь всяких птиц для Москвы, а аистов у меня нет, они же мне, ну, просто необходимы.

— Да ведь они не мои, а дочкины. Как достанешь?

— Вот я и хочу, дедушка, попросить, чтобы вы об этом с дочкой поговорили. Я ведь человек чужой, мне неудобно, а вы свой — она, наверное, согласится. Я же охотно заплачу за них что следует.

— Поговорить-то можно, да только, я полагаю, не согласится она. По нашему обычаю, нельзя забирать эту птицу.

— Всякую, дедушка, птицу обижать жалко, я сам это ребятам говорю, но когда это необходимо, то чем же аист от других птиц отличается? Я сам видел, как аист в своем же дворе цыплят ловит. Почему же вы его так бережете? Ведь сыч, которого вы так не любите, куда полезнее аиста.

— Верно это, только для нас аист — птица особая — нельзя ее забижать, беды можно наделать.

— Но вы, дедушка, все-таки с дочкой поговорите, я вас очень прошу убедить ее, что ничего страшного нет аиста продать.

— Ладно, поговорю, только убеждать не стану, — ответил дед. — У нее своя голова есть, пусть сама и решает.

На этом наш разговор закончился, и я, простившись со стариком и обещав ему заехать на днях, отправился домой.

Прошло условленное время. Я вновь заглянул к своему знакомому, но без слов, по одному взгляду, понял, что из моей затеи ничего не вышло. Как ни велик был авторитет деда в семье, на этот раз он потерпел поражение. Он ничего не добился, и, по его словам, получилась одна неприятность. Дочка наотрез отказалась продать аистят и велела передать мне, что москвичу нехорошо сбивать с толку честного старого человека.

Не зная, что предпринять дальше, я приуныл.

— Поезжайте в Лисички, — сказал мне в утешение дед. — Там живет одна вдова, она быстро жадна на деньги и, может быть, согласится продать аистов. Они у нее на сарае гнездятся.

На другой день я был в Лисичках.

— Тетка, у тебя яички продажные есть? — спросил я женщину, стиравшую белье под навесом, на крыше которого помещалось гнездо с пятью крупными аистами.

— Есть. Сколько тебе?

— Да мне немного, с десятков.

— Десяток... — разочарованно протянула она. — Возьми сотню, мне деньги нужны, дешево отдам.

— Сотню мне не надо.

— А не надо, так и совсем не продам, — отрезала она и вновь уткнулась в корыто.

— Послушай, тетка, хочешь я тебе за четыре сотни яиц заплачу, а вместо яиц ты мне отдай четырех вот этих аистят, — кивнул я головой на гнездо аиста.

Я был уверен, что значительная сумма денег и мой подход возымеют действие, и ждал соответствующего эффекта. Но эффект получился совершенно противоположный.

Женщина выпрямилась над корытом и окинула меня уничтожающим взглядом.

— Ты что, сдурел, что ли! — бесцеремонно оборвала она. За этим последовал взрыв гнева. Но я не стал выслушивать направленных по моему адресу выкриков и поспешил убраться от раздраженной владелицы аистов.

Я также был раздосадован и всячески старался себя успокоить. «Какое мне дело, — думал я, — до сварливой бабы и до всей ее ругани». Но, представьте себе, я и в этом ошибся. Баба

оказалась чрезвычайно вредной и, широко распутив слух о моих намерениях, поставила меня в крайне затруднительное положение.

— Вон тот дядька, что черногузив шукает, — указал на меня Пальцем один из ребят, когда спустя несколько дней я проезжал через хутор, расположенный по меньшей мере в семи километрах от Лисичек.

Эти слова были для меня хуже приговора. Мне стало ясно, что путь к добыче необходимых птиц был отрезан.

Я бесповоротно решил завладеть аистятами если не мирным путем, то силой. Конечно, я не мог это сделать близко от места, где жил. Это вызвало бы массу неприятностей. Необходимо было выехать за черту, где меня не знали, куда не успела проникнуть дурная слава о моих намерениях. Вскоре представился удобный случай.

В 20 километрах от совхоза, где я гостил у своего приятеля, утопал в зелени маленький городок Валки. По четвергам там бывал большой базар, и я, получив ряд поручений, с сыном кладовщика Ваней ранним утром выехал в Валки на беговых дрожках. В задней части дрожек мы тщательно закрепили веревками прикрытую брезентом большую корзину. К десяти часам мы были на месте и, закончив дела и объехав улицы городка, нашли, что искали.

На соломенной крыше сарая в глубине двора помещалось гнездо аиста. В нем сидели пять крупных птенцов. Сарай примыкал к лугу, к нему можно было подъехать с этой стороны. Запасшись терпением, мы ждали момента, когда жители отправятся на базар.

Но вот все подготовлено, время настало. На дрожках приближаемся с задов к сараю, еще несколько минут, и четыре аистенка с нашей помощью перекочевывают с гнезда в корзину.

— Марийка, — слышится крик с противоположной стороны улицы, — смотри, у тебя по крыше кто-то лазает!

Этот крик был сигналом к нашему спешному отступлению.

Дрожки, прыгая по кочкам, пересекают луг, выбирают на торную дорогу и несутся прочь от селения. Как ни странно, но в тот момент я не ощущал ни волнения, ни стыда за свой поступок. Единственное чувство — бесконечная благодарность к нашей лошадке — наполняло мое сердце. Она несла нас с такой быстротой, что по сторонам лишь мелькали предметы, ветер бил в лицо и свистел в ушах.

— Но куда же мы едем? — спохватился я спустя полчаса, когда Валки скрылись на горизонте, а позади никого не было видно. Ведь нам нужно ехать к западу, а дорога все сильнее отклонялась к югу.

Я встал на дроги и осмотрелся кругом.

Насколько хватает глаз, во все стороны широко раскинулась холмистая степь. Какой необъятный простор, какая красота! Какой воздух! Он как будто напоен запахом созревающего хлеба. Далеко впереди, справа от дороги, я заметил человеческую фигуру. Решив расспросить о нашем пути, мы подъехали возможно ближе. Это был загорелый, черноволосый мальчик. Он стоял близ курени на своей бахче и, заслонившись от солнца ладонью, смотрел на нас.

— Мальчик! — крикнул я, не слезая с дрог. — Иди-ка сюда, мне тебя спросить надо.

Но мальчуган не двигался с места.

— Да подойди поближе, что ты боишься! — повторил я свою просьбу.

— Да, знаю, у тебя змея в кармане, — наконец, недоверчиво протянул он.

Я подскочил от этих слов как ужаленный. Вот так репутация! Оказывается, меня и здесь знали, за много километров от моего дома. Действительно, на всякий случай я всегда носил с собой маленькие мешочки и, если мне попадалась змея, интересная мышь, ящерица или другая живность, сажал ее в мешочек и засовывал в карман куртки.

В тот памятный день нам не суждено было добраться домой. Колеса по степи в поисках верной дороги, мы в конце концов наскочили на вкопанный в землю столбик и поломали дрожки. Поневоле мы были вынуждены добраться до ближайшего перелеска и заняться там починкой.

Настала чудная украинская ночь. В хлебах отбивали звонкую дробь перепела; в сырых понижениях балок непрерывно кричали коростели. Какое удовлетворение я ощущал в этот вечер! После многих неудач и неприятностей я все же наконец достал молодых аистов. Эта забота отпала, и я, казалось, мог отдохнуть и заняться другими делами!

Однако я жестоко ошибся. Долгожданные аистята совершенно связали мне руки, так как нуждались в непрерывной кормежке. За день они съедали невероятное количество всевозможной пищи. В том году было обилие грызунов-вредителей — мышей и полевок. И вот я с утра отправлялся на поля, где косили пшеницу, и спустя два-три часа наполнял небольшое ведро убитыми грызунами. К огорчению, этой порции хватало ненадолго. Четыре птенца-обжоры справлялись с ней в более короткий срок, чем я затрачивал на мышиную ловлю. Они вновь бродили за мной, жадными глазами смотрели мне в руки, просили пищи. Тогда я вооружался палкой, засучивал до колен брюки и бил в болоте лягушек. После этой охоты я возвращался мокрый и грязный, но довольный, что птенцы будут накормлены досыта.

Спустя несколько дней кожа на икрах моих ног от постоянного пребывания в воде, на ветру и солнце потрескалась и распухла. И тогда эта охота за лягушками стала для меня истинным мучением, но я не мог от нее отказаться, так как с каждым днем птенцы требовали пищи все больше и больше. В то время как мои товарищи действительно пользовались каникулярным отдыхом, я по горло был занят заботой о добывании пищи моим вечно голодным питомцам. Я вздохнул свободнее, когда однажды погибла старая лошадь совхоза. Я срезал с погибшего животного большие куски мяса и, сохраняя их на льду, кое-как прокормил аистят до отъезда в Москву. После этого мне стало ясно, почему аисты редко гнездятся большими колониями, а чаще поселяются парами, выстраивая гнезда на значительном расстоянии друг от друга. Ведь только немногие болота, густо заселенные лягушками и змеями, в состоянии прокормить несколько семей аистов, каждый птенец которых обладает столь неумеренным аппетитом.

## ПО ГОРЯЧЕМУ СЛЕДУ

После того как я однажды посетил деревеньку Рвеницы, затерянную среди лесов и болот Калининской области, меня стало тянуть туда постоянно. Совсем недалеко от Москвы, а места глухие и в охотничьем отношении превосходны. Поздно вечером сядешь в поезд на Москву, заснешь, а наутро, не успеешь и дороги почувствовать, как разбудит голос проводника.

— Вышний Волочек! — выкрикивает он, проходя по вагону и всматриваясь в сонные лица пассажиров, как будто на них написаны станции, куда они едут. — Кто до Вышнего Волочка?



Впопыхах выскочишь на платформу и спросонья никак не сообразишь, что же дальше делать? До Рвениц не так уж далеко. Есть попутная подвода — на ней доедешь, нет — пешком 12 километров отшагаешь и кроме удовольствия ничего не получишь. Дорога идет сквозь старый сосновый лес и только у самых Рвениц вдруг вырывается на широкий простор лугов и полей, среди которых на берегу речки и стоит деревенька. Совершаешь этот переход ранней весной — над головой беспрерывно поет лесной жаворонок, юла, чуфыкают и бормочут по сторонам тетерева, иногда на болоте громко закричит белая куропатка. Осенью идешь — обязательно поднимаешь с дороги выводок глухарят или тетеревят. Но это только преддверие охотничьего рая; за Рвеницами в болотах, лесах и на озерах еще совсем недавно дичи встречалось очень много, и не только пернатой, но и зверя. Попадались иногда медведь, выдра и очень часто косули. Охота на косуль, правда, запрещена, но зато вволю косуль посмотришь и наслушаешься их рывканья.

Однажды запутался я в лесу — никак не мог к Рвеницам выбраться, а уж вечер. Ходил я по лесу, ходил, но выйти к речке мне так и не удалось, хотя и хорошо знал ее направление. Махнул рукой и решил переночевать в глухом ельнике. Погода стояла ясная, теплая. Я развел костер, испек в золе крякового селезня и, лежа на еловом лапнике и глядя на костер, сначала поужинал, а затем предался отдыху. Ночь выдалась и без того темная, а привыкнув к яркому свету костра, я не видел даже елей, окружавших мой лагерь со всех сторон. Впрочем, это и не имело никакого значения, все равно надо было ложиться спать.

Только примостился я у костра, укрылся курткой, дремать стал, вдруг слышу — козел рывкнул. Кто не слышал, как косуля рывкает? Заслышав голос в ночное время, никогда не поверишь, что красивое и грациозное животное может издавать такие мощные звуки. Рывкнет косуля, и дикий звериный крик широко разнесется по дремлющему, молчаливому лесу, проникнет в самые глухие трущобы, далеко откликнется эхом.

Минуты две прошло, как закричала первая косуля, и в ответ ей со всех сторон зарывкали звери, весь лес заполнился их голо сами. Потом сразу все замолчали, затих лес — только в ушах продолжало звенеть. Тут я и понял, что под Рвеницами косуль очень много, и если этого осторожного зверя встречаешь не так уж часто, то прежде всего по своей вине. Нет для человека в лесу ничего страшного, вот он, не боясь, и ломится, как медведь, сквозь лесную чащу. То ветку зацепит, то ступит на сухой сучок, и тот на весь лес под ногой хрустнет. Конечно, при этом все лесные обитатели спешат убраться от беспокойного пришельца. О косулях я начал не случайно. Был у меня один замечательный случай, связанный с косулями; о нем я и хочу рассказать.

Как-то приехал я в Рвеницы в самом начале августа, к открытию осенней охоты, и по старой привычке поселился у одной знакомой семьи, где всегда останавливался. Целые дни брожу по лесу, по болотам, иногда поеду на лодке за утками, а вечером после ужина заберусь на сеновал и до зари сплю как убитый на душистом сене. Для меня такая жизнь — лучший отдых, никакого курорта не надо.

Однажды неподалеку от деревеньки нашел я выводок глухарей, но глухарята оказались маленькими, и я, хорошо заметив это место, до поры до времени решил их не тревожить. Хотелось добыть несколько подросших глухарят, мне нужны были шкурки молодых петушков со сменяющимся оперением. Для этой цели найденный выводок был вполне подходящ. Хотя иной раз я и сталкивался с охотниками, но у меня была уверенность, что этих глухарят не найдут другие — уж очень глухое и труднодоступное было место. На много километров вокруг тянулось унылое моховое болото, заросшее корявым, угнетенным, но густым сосняком. Страшное однообразие и почти полное отсутствие дичи заставляли прежде меня, да и других охотников, обходить это место. Час идешь по болоту, проваливаясь по колена в мох и в воду, а впечатление такое, как будто на одном месте топчешься. Любой клочок леса как две капли воды похож на другой. И вот среди этого Убийственного однообразия возвышалась узкая небольшая грива. Под Вышним Волочком такие гривы обычно называют рёлками.

Грива начиналась неподалеку от речки и неширокой полосой уходила в глубь болота, наверное, метров на семьдесят. Сравнительно сухая почва гривы заросла густым черничником, к соснам примешивались небольшие елочки, молодые березки, осинки, но деревья были невысоки, и весь этот темный участок леса издали как-то не выделялся среди сосняка болота. Можно было пройти мимо него совсем близко и не предполагать, что рядом скрывается сухая рёлка. Вот я и решил, что никто из охотников не найдет этой гривы и что поселившийся здесь глухариный выводок сохранится.

Мое предположение оправдалось. Ничем не тревожимый глухариный выводок продолжал держаться на одном и том же месте. Прошло недели две, и я, рассчитав, что глухарята достаточно подросли и оперились, отправился на знакомую рёлку. Из дому я вышел около двух часов и, дойдя по берегу речки до замеченного мной места, свернул в сторону и вскоре выбрался на знакомую рёлку. Весь выводок в этот момент собрался на черничнике и поднялся почти из-под самых ног.

Первым же выстрелом я убил молодого петушка-глухаренка и, выбрав удобное сухое местечко, уселся на большую кочку среди черничника, прислонил к дереву ружье и, положив глухаренка себе на колени, стал не спеша снимать с него шкурку. Снять шкурку с птицы для меня пустяки — вся процедура займет самое большее десять минут. Но на этот раз я растянул работу по крайней мере на полчаса. Уж очень хорошо было кругом, спешить было некуда, так как на обратном пути я хотел выйти к озеру и отстоять вечернюю зорю на уток, а до зори было много времени.

Только сделал я разрез на брюшке убитой птицы, как прилетел трехпалый дятел. Прилетел он, видимо, в знакомое место, и не просто ради прогулки, а чтобы добыть насекомых, но, увидев меня, от удивления, если так можно выразиться, рот разинул.

Видит: сидит в его родном лесу какое-то чучело, не шевелится — не то пень, не то что-то живое — ничего понять не может. В одно и то же время страшно и интересно. Сначала садился он на стволы сосен с противоположной стороны и, поднимаясь вверх, заглядывал из-за прикрытия, потом успокоился, осмелел и по дереву лазить стал. Но только своим делом — насекомыми — никак всецело заняться не может. Постучит по стволу длинным клювом, извлечет какую-то личинку и опять на меня уставится, — видимо, его мои глаза смущают. Но наконец дятел закончил свое дело и улетел. Вероятно, на выяснение — пень это или человек — у него не было времени.

И тогда я опять стал снимать шкурку с глухаренка, но не успел закончить начатого. С правой стороны услышал слабый шорох и треск сухой ветки. Из болота на рёлку выбралась косуля, сделала несколько крупных прыжков и остановилась в десяти шагах от меня. Повернувшись в том направлении, откуда прибежала, она прислушалась, шевеля своими большими ушами, и, круто, под прямым углом, изменив первоначальное направление бега, поспешно поскакала от меня вдоль рёлки. Меня косуля не заметила — ведь пока она топталась на одном месте, я не шелохнулся. Безусловно, зверь был чем-то встревожен, и если остановился на мгновение, то лишь для того, чтобы передохнуть на сухой рёлке после быстрого бега по топкому моховому болоту.

Не успел я все это обдумать, как опять услышал неясный шорох и увидел вторую косулю. Как и первая, она появилась с правой стороны, с болота, на минуту остановилась на рёлке, послушала, повернувшись обратно, и, круто изменив направление, поспешно ускакала по следу первой. Одним словом, вторая косуля повторила все движения, проделанные за две минуты перед этим первой косулей.

Наблюдая со стороны, можно было подумать, что обе косули бежали по хорошо проторенной дорожке. Впрочем, звери всегда избирают более удобный путь; поэтому, где пройдет одно животное, обычно пройдет и другое. Даже охотники, и те, бессознательно и не замечая этого,

ходят по лесу одними и теми же путями: никому не захочется наклоняться под низкую ветку, когда её сторонкой обойти можно, или лезть через хворост, когда он обязательно треснет под вашей ногой. В результате же получается, что охотники ходят по одной и той же невидимой тропке, пока не поймут этого и сознательно не свернут в сторону.

Исчезла и вторая косуля, а я все сидел на том же месте и старался понять, что испугало животных. По поведению косуль, по движению их нервных ушей, которыми они пытались уловить какие-то звуки, по глазам я видел, что они чем-то сильно испуганы и утомлены быстрым бегом по трудной болотистой местности.

В эту секунду справа от меня вновь зашуршала лесная подстилка. «Неужели опять косуля?» — подумал я, повернувшись по направлению звука. Но на этот раз увидел не косулю, а какого-то странного крупного зверя со светлой окраской меха. Явно преследуя свою добычу, он выскочил из болота на рёлку, в одно мгновение пересек ее поперек в десяти шагах от меня и тотчас исчез в болоте слева от рёлки. Треск сухой ветки и всплеск воды свидетельствовали о его поспешности. Безусловно, зверь пытался догнать косуль, но в спешке сошел со свежего следа.

Часто именно так промахиваются горячие гончие собаки, идя по следу зайца. «Сколосся», — говорят в таких случаях охотники, и если гончак скальвается часто — низко расценивают такую собаку. Сколосся на моих глазах и зверь, преследуя обеих косуль.

«Но что это за зверь?» — ломал я голову. Он пробежал самое большее в 10–12 шагах от меня, однако он мелькнул среди кочек, поросших черничником, с такой быстротой, что я видел его только одно мгновение. Но тот же зверь прервал мои размышления и рассеял недоумение. Он, как сумасшедший, выскочил опять на рёлку, около меня круто повернул, явно учуяв запах косули, и унесся по следу вдоль по гриве.

«Рысь», — мелькнуло у меня в голове, и на этот раз я увидел ее мощные лапы, кисточки на ушах и короткий хвост с черным концом. «Рысь, рысь», — растерянно шептал я, когда зверь, сделав прыжок, в последний раз мелькнул на рёлке и исчез за деревьями. Затем впереди с хлопаньем поднялась побеспокоенная глухарка, уселась на дерево, и оттуда долго доносилось ее тревожное клохтанье.

«Что же я сидел, как пень? — обрушился я на себя. — В десяти шагах рысь, а я рот разинул». С досады я сжал руки. Но в руках было не мое надежное ружье — им бы я без труда повалил крупную кошку на таком близком расстоянии. В одной руке я сжимал полуснятого глухаренка, а в другой — скальпель. Вот досада — прозевал такого зверя. Это было тем обиднее, что в природе с рысью я сталкивался второй раз за свою жизнь. Сама в руки давалась — и упустил.

«Ну, не беда, наконец, — махнул я рукой. Упустил, и все — ничем не поправишь. Зато я видел своими глазами то, чему трудно бывает верить». Ведь рысь — кошка, а кошки, как вы знаете, или бесшумно подкрадываются к добыче, или поджидают ее, спрятавшись в укромном месте. В этом отношении рысь да и некоторые другие виды кошек отличаются от прочих. Наша рысь — искусный охотник и в состоянии справиться с крупным и сильным животным. Не спеша, деловито выслеживает она свою жертву. Прижимаясь к земле и передвигаясь только в те моменты, когда добыча занята едой, рысь-, как тень, подползает к ней на близкое расстояние. Хороший прыжок — и животное в когтях сильного хищника. Иной раз, взобравшись на дерево и с замечательным терпением сидя над звериной тропой, рысь выжидает, когда по ней пройдет к водопою косуля и даже олень.

Известно также, что рысь иногда нагоняет добычу по следу. Таким образом, наблюдая охоту рыси за косулями, я не сделал никакого открытия. И все-таки должен признаться, что до этого случая, будучи знаком с рысью по литературе, я не предполагал о ее способностях. Ведь в

отличие от волка, лисицы и вообще всех собачьих чутье кошек развито относительно слабо. Однако теперь я могу с уверенностью сказать, что у рыси обоняние развито настолько хорошо, что она во время быстрого преследования Добычи может легко ориентироваться горячим следом.

Но почему же, чуя след косули, рысь на этот раз не обнаружила столь близкое присутствие человека? Вероятно, внимание четвероногого охотника в тот момент было поглощено другим, а я сидел неподвижно. Слабый ветерок, тянувший ко мне, также способствовал этому. Ведь перед этим меня не заметили и косули, хотя и топтались в десяти шагах от того места, где я сидел на кочке.

## НАВСЕГДА ЗАТИХШИЕ ЗВУКИ

Трудно бывает охотнику весной усидеть в городе. Когда после февральских морозов и мартовских метелей наступят солнечные, совсем теплые дни и ясные тихие вечера, с непреодолимой силой захочется ему вырваться за город и отстоять на лесной опушке вальдшнепину тягу. Чудесное это время — настоящий праздник для городского охотника.

Не добычлива вальдшнепина тяга. Под Москвой далеко не в каждый выезд удастся охотнику сделать удачный выстрел. Чаще он издали увидит летящего вальдшнепа, услышит его своеобразный весенний голос и после этого на долгое время живо сохранит в памяти тихий вечер, проведенный им на лесной опушке.

Многие, конечно, знают, что вальдшнепы — перелетные птицы. Осенью они задерживаются на своей родине до наступления заморозков, а затем отлетают к югу. Одни птицы перезимовывают на Южном побережье Крыма и в Закавказье, другие летят дальше, достигая берегов Средиземного моря. Пройдет зима, стает снег, и вальдшнепы тронутся в обратный путь на далекую родину. Пролет их совершается на зорях и ночью. Птицы покидают днёвки в вечерние сумерки и, поднявшись на крылья, летят всю ночь до утреннего рассвета. И пока они пересекают южные безлесные части нашей страны, они летят торопливо, без голоса, так что и догадаться бывает трудно о вальдшнепином пролете. Но как только встретит вальдшнеп на пути первые участки настоящего леса, его полет становится совсем другим, необычным. Медленно взмахивая крыльями и всматриваясь в потемневшее мелколесье, зацыркает тогда вальдшнеп, захоркает, и эти своеобразные звуки наполнят тихий весенний вечер чарующей музыкой. Это и есть тяга.

Она начинается еще во время пролета и, после того как вальдшнепы достигнут гнездовых мест, продолжается здесь до второй половины июня, а иногда и до начала июля. Но особенно хороша тяга в ранневесеннее время, когда деревья еще не покрыты листьями и прозрачный лес на вечерних зорях кажется окутанным голубовато-зеленой дымкой.

— Поедем сегодня, — как-то обратился ко мне один из моих сослуживцев. Вместо ответа я кивнул головой в знак согласия. При этом кратком разговоре как-то не возник вопрос — зачем ехать, куда ехать, — все и без лишних слов было ясно. Да и куда весной после работы могут стремиться охотники — конечно, только на тягу. Обычно я не езжу на эту охоту далеко от города — ведь вальдшнепы весной тянут повсюду, а при обильном пролете — даже в парках, в черте самой столицы. Но иной раз так хочется побыть одному среди природы, не слышать шума многолюдного большого города.

На этот раз мы сошли с поезда на станции Голицыно и, пройдя 2–3 километра сначала по полотну железной дороги, потом лесом, наконец остановились на лесной вырубке. С востока и севера ее окружал старый еловый лес, с другой стороны вдоль небольшой речки с

болотистыми берегами тянулось лиственное мелколесье. Толстая дуплистая осина да две крупные ели почему-то остались на вырубке и высоко поднимали свои вершины среди пней и молодой поросли.

— Становись здесь, — сказал я спутнику, указывая на эту группу деревьев, а сам перешел речку, потом пересек темный ельник и вышел на лесную болотину, поросшую молодым осинником. Узкой лентой, наверно метров на двести, протянулась она между двух хвойных массивов леса. Хорошее это место. Я давно оценил его и при каждом удобном случае ездю сюда на тягу. Где бы ни тянул вальдшнеп, но как только долетит он до этой прогалины, сейчас же свернет к болотцу, спустится совсем низко над молодой порослью и, как-то особенно громко издавая свои весенние звуки, медленно взмахивая крыльями, летит до другого конца.

До начала тяги еще далеко. В ожидании вечера я удобно усаживаюсь на широкий пенек, гляжу на лес, на бледное голубое небо, слушаю, как звонкими голосами перекликаются зяблики, как поет овсянка. Бесконечно дорога мне ее несложная милая песенка — она так гармонирует с природой нашего севера. И я вслушиваюсь в издавна знакомые звуки, вспоминаю такие же вечера, проведенные на лесной опушке в прошлые годы.

Солнце тем временем все ниже склоняется к западу; его яркие лучи пронизывают еще не одетое листвой мелколесье, блестят в темной воде лесного болота. Наконец красный лик заходящего солнца, освещая только вершины крупных деревьев, тонет за горизонтом, и кругом сразу становится сумрачно, свежо и сыро. Кончился день, но не стихла природа. С остроконечных вершин темных елей еще долго льется неторопливое звучное пение дроздов, в глухой чаще время от времени звучит короткая скрипучая песня зорянки. Но пройдет еще около получаса — сгустятся сумерки и умолкнут птицы. И тогда на самое короткое время в лесу воцарится торжественная тишина: ни ветерка, ни движения, ни звука.

«Цы-вить, цы-вить», — издали заслышит охотник своеобразное цыркание и замрет в ожидании. Это наконец поднялся в воздух и потянул над лесом первый вальдшнеп.

В тот вечер, о котором мой рассказ, охота не удалась. Весна запоздала, тяга была плохая, и я только издали услышал голос одного протянувшего вальдшнепа. Но зато, когда наступили поздние сумерки, весь лес вдруг наполнился своеобразными весенними криками лесной совы — серой неясыти. «Ху-ху-хуу-хууу-уу», — кричала ночная птица, и эти необычные мощные звуки, казалось, содрогали дремлющий лес, проникая в самые глухие и отдаленные его уголки. «Ху-ху-ху-у-у...» — откликалось далекое эхо.

Забыв о вальдшнепах, о тяге, обо всем на свете, я стоял на прогалине и, как зачарованный, слушал эту чудную лесную музыку. А мощный голос то стихал на короткое время, то возобновлялся с новой силой. Трудно даже было поверить, что это кричит сравнительно небольшая птица.

Вдруг в том направлении, где я оставил своего спутника, раздался выстрел. Он прокатился по лесу и откликнулся эхом. И после него в лесу наступила какая-то особенная, гнетущая тишина. Долго я ждал, не закричит ли опять неясыть, но крик не возобновлялся, и я понял, что выстрел был направлен в чудную ночную птицу. Зачем я взял с собой такого охотника, который бесцельно уничтожает животных? Ведь это не дичь, и выстрел по сове ради забавы — не спортивный, а недостойный для серьезного охотника выстрел. Ведь убить близко подлетевшую крупную и доверчивую сову ничего не стоит. Вечер для меня был испорчен. Не дождавшись конца тяги, я пошел обратно: хотелось как можно скорее наговорить своему спутнику самых беспощадных и обидных дерзостей.

— Это ты сову убил? — не дойдя до старой осины, издали крикнул я.

— С чего ты взял? Не я, конечно, — тоже с раздражением ответил из темноты голос. —

Зачем я буду стрелять по сове? Выстрелил какой-то охотник, — продолжал мой товарищ, когда я подошел к нему ближе.

— Пора домой — уже поздно, тянуть больше не будет, — проронил я, бросая взгляд на сильно потемневшее небо.

И мы, не находя темы для разговора, молча побрели сначала вырубкой, потом тропинкой сквозь ельник. Здесь было совсем темно. Под ногами хлюпала насыщенная влагой почва да изредка хрустел сухой валежник.

— Не житье под Москвой совам, — нарушил я молчание, когда мы наконец вышли к железной дороге и тропинкой направились к станции. — Охотников в Москве хоть отбавляй, а среди них немало таких, которые и представления не имеют, насколько полезны совы. Встретит такой охотник в лесу странную большеголовую птицу, не задумываясь, убьет ее и решит сделать чучело. Вот почему серые неясити стали под Москвой редкостью. И напротив, возьми Закавказье — там этих сов очень много. Они живут и в лесах, и в садах, часто у самого жилья человека, истребляя крыс и других грызунов-вредителей. Иной раз утром выйдешь из дому и увидишь сидящую под окном совушку. Распушится она вся, голова у нее большая, круглая, глаза тоже большие и черные, с едва заметным малиновым оттенком. Ближе подойдешь к ней, а она не боится, сидит на том же месте, только круглые глаза на тебя тарашит. А ранней весной — в марте или в конце февраля — вечерами, как начнут перекликаться эти неясити, — красота такая, что представить трудно. Одна кричит рядом, другая — в соседних садах, третья — в лесу. В горах откликается эхо. Слушаешь — и не можешь наслушаться лесной музыки.

Много раз после этого случая приезжал я на тягу в Голицыно. По-прежнему вечерами до тяги пели дрозды и зорянки, потом то хорошо, то плохо тянули вальдшнепы, порой раздавался выстрел, только ни разу не слышал я на знакомой вырубке крика серой неясити. После того как при нас была убита одна из птиц, другая, видимо, покинула этот лесной массив, и совы совсем перестали гнездиться в окрестностях станции.

## ТРУШКА

В широкой котловине среди бугристых песков, где мы расположились лагерем, помещался крупный «городок» грызунов-песчанок. По меньшей мере на 50 метров кругом вся почва, поросшая мелким саксаулом и усыпанная отмершей растительностью, была сплошь изрыта зверьками. Бесчисленные норки шли в различных направлениях, их ходы перекрещивались и соединялись, представляя собой сложный лабиринт, в котором, вероятно, и самим обитателям было нелегко разобраться. Когда после дневной стоянки я проснулся от громкого свиста зверьков и выбрался из палатки, десятки потревоженных песчанок побежали к своим норкам. Здесь, чувствуя себя в безопасности и готовые в любую секунду скрыться в подземном убежище, они поднимались на задние лапки и с любопытством рассматривали нарушителей покоя. Однако на протяжении последней сотни километров, пройденной нами по песку Кызылкумов, мы встречали песчанок так часто и они так надоели нам своим назойливым свистом, что я перестал обращать на них внимание.

И сейчас меня интересовали не наши многочисленные соседи, а крупное гнездо какой-то птицы, устроенное на широких ветвях старого саксаула. Оно виднелось в километре от нашего лагеря. Захватив палку, я зашагал в том направлении. Но на этот раз я не достиг цели.

Не прошел я и половины расстояния, как под ногой подалась рыхлая почва, и я по колению

провалился в нору песчанки. Конечно, это не могло задержать меня надолго — не в этом дело. В момент, когда под моей тяжестью, поднимая пыль, рухнуло подземное жилище, из него выскользнул какой-то длинный пестрый зверек и в ту же секунду исчез в соседней норке песчанки. Из-за пыли я не рассмотрел его как следует. «Вероятно, перевязка», — подумал я и, отойдя несколько в сторону, стал следить за норкой, где скрылось животное. И не напрасно. Вскоре любопытство неведомого зверька побороло страх и из норы появилась пестрая, белобровая мордочка. Прошло минут пять, я не двигался, и смешной зверек, продолжая следить за мной своими иссиня-черными глазами, осторожно вылез наружу. Извиваясь как змея, он на брюхе прополз около метра и вновь скрылся в следующей норке песчанки. Я же, не отрывая глаз, все время следил за этим странным, оригинальным животным. «Нужно поймать живым», — решил я и, заткнув нору палкой, спешно зашагал к лагерю за чекменем и лопаткой.

Однако раскопав значительный участок почвы, я потерял надежду. Нора, куда скрылся зверек, вскоре соединилась с многими другими норками. Какова же была моя досада, когда я, решив передохнуть, случайно взглянул в противоположную сторону. В одной из норок я увидел пеструю головку перевязки. Зверек с удивлением и любопытством следил за моей бесполезной работой. Но и раскопка второй норы не увенчалась успехом. Зверек так и не попал мне в руки.

Перевязка в высшей степени своеобразное и довольно редкое животное. Несмотря на широкое распространение, его мало кто знает. Он встречается в южных частях страны, в степных и пустынных местностях, где поселяется в норках среди городков. В самом начале жизни в неволе Трушка был недоверчив и зол. Только попытаешься, бывало, подойти к нему, он сейчас же оскалит острые белые зубы, глаза его нальются кровью, хвост распушится, как щетка. Он первый нападал, смело бросался вперед и больно кусался. Но отношение всей нашей семьи к Трушке было неизменно ласковым и спокойным, и через два месяца поведение зверька сильно изменилось. Он выбегал на зов из своего убежища под диваном и, ожидая подачи, как собака, становился на задние лапки. Но по-прежнему он не позволял трогать себя и с ожесточением кусал слишком смело протянутую, к нему руку.

Вот как первый раз я погладил Трушку. Зверек любил мед, и я воспользовался этой его слабостью. Обмакнув палец в душистый мед, я поднес его к носу зверька. Он ощетинился и оскалил зубы — вот-вот вцепится! Но я не отдернул руки, продолжая держать палец. Постепенно злобное выражение на Трушкиной морде исчезло. Все еще возбужденно ворча, он лизнул мне палец. Я не шевелился, Трушка лизнул еще и еще раз. Это был первый шаг к нашей дружбе. Другой рукой я осторожно почесал перевязку за ухом. Трушке понравилось. Зажмурившись, он тихонько ворчал.

В другой раз, когда он облизывал мед у меня с пальца, я осторожно перевернул его на спинку. Он защищался, кусал направо и налево, но не больно. Это уже была игра.

Пришла весна, мы выставили окна, настужь открыли балконную дверь. Вместе со свежим воздухом и светом в квартиру ворвался шум большого города. В первый момент это испугало Трушку, заставило его забиться в темный угол за буфетом, но ненадолго. Ведь любопытному зверьку необходимо было осмотреть новый уголок мира. Вытянувшись во всю длину и почти касаясь брюшком пола, он ползет к балконной двери и, достигнув балконной решетки, замирает в неподвижной позе. Под ним внизу шумит улица, звенит трамвай, проносятся автомобили, идут, разговаривают люди, десятки, сотни людей. Шум улицы то несколько утихает, то возрастает с новой силой. Все это непонятное, незнакомое и шумное, видимо, взволновало, испугало животное. За испугом же почти всегда у этих животных следует вспышка безумного гнева и смелого натиска на врага. Мех зверька стоял дыбом, его длинный хвост был закинут на спину, зубы оскалены. Только тогда я понял состояние Трушки, но было уже поздно, рје успел я сделать и шага к нему, как пестрое тельце нервного хищника мелькнуло между прутьями ограды балкона и полетело на улицу.

По моим расчетам, зверек должен был упасть на асфальт и разбиться. Я выскочил из квартиры и бросился вниз по лестнице. К счастью, гибкий и ловкий Трушка совершил свой первый и последний полет по воздуху вполне удачно. Падая, он случайно попал на спину прохожего и, не удержавшись здесь, полетел в корзину продавца фруктов. Подоспев вовремя, я поймал в корзинке злополучного «летчика». Он был так испуган и озлоблен, что, пока я водворял его в квартиру, успел жестоко искушать мои руки.

Больше Трушка не падал, хотя дверь на балкон по-прежнему была открыта. К жизни улицы он скоро привык, и на ее шум уже не стал обращать внимания. Прохожие не раз останавливались и с изумлением наблюдали, как по карнизу дома в центре столицы пробирается маленький странный пестрый зверек. Это Трушка шел на крышу соседнего флигеля.

Тут, на нагретой солнцем крыше, было тепло, как на далеком юге. Трушка с большим удовольствием отправлялся сюда погреться, но ему постоянно мешали кошки. Иной раз они собирались на крыше большой компанией. Появление маленького зверька на крыше, естественно, привлекало их внимание.

Сначала кошки сочли зверька за свою добычу. Да не тут-то было! Острые зубы свирепого Трушки при первом же знакомстве заставили кошек держаться поодаль. Вскоре ни одна из кошек, наученная горьким опытом, не решалась подойти близко к перевязке.

Трушкины прогулки повторялись все чаще и с каждым разом становились более продолжительными. На Чердаке флигеля, куда он проникал через слуховое окно, зверек с увлечением охотился за крысами. Однажды, увлеченный охотой, он не возвратился домой к ночи.

Прошло два дня — к общему огорчению всей семьи Трушка бесследно исчез. Что с ним могло случиться, оставалось загадкой. Я обследовал чердак и дровяные сараи, но, увы, безуспешно. Нашего общего любимца нигде не было. Когда же надежда на возвращение зверька исчезла, он вновь появился в нашей квартире.

В тот вечер я поздно пришел домой и, поднявшись по черной лестнице, вошел в кухню. Она была освещена лунным светом. Лунное сияние заливало и крышу соседнего флигеля. И вот здесь-то мне представилось редкое зрелище.

На крыше сидели четыре кошки, а посреди кошачьего круга, угрожающе подняв хвост и взъерошив мех, стоял Трушка. Вся его маленькая, смешная фигурка выражала отвагу и независимость. Я приоткрыл окно и позвал зверька по имени: «Трушка, Трушка!» Он тотчас узнал мой голос, быстро обернулся и, небрежно пройдя мимо кошек, побежал к открытому окну кухни. Кошки не тронулись с места, но четыре пары глаз проводили зверька настороженным, удивленным взглядом.

Не только на крыше, но и в квартире Трушка чувствовал себя независимо и вел как хозяин. Кошки при его приближении почтительно отходили в сторону или вскакивали на столы и подоконники. Конечно, лучше уступить дорогу, чем быть жестоко искусаным маленьким вспыльчивым забиякой.

Однажды я получил в подарок уже крупного, шестимесячного щенка-сеттера. Он был глуп и доверчив. Как сейчас помню, я внес его на руках и, не говоря ни слова, поставил на пол среди комнаты. Конечно все окружили этого толстого симпатичного увальня.

Вдруг из-за кушетки появился Трушка. Независимо он прошел мимо нас и направился к глупому щенку-сеттеру. Видимо, перевязка также решила познакомиться с новичком. К сожалению, знакомство неожиданно приняло неприятную форму. Щенок доверчиво приблизился к Трушке, с любопытством обнюхал маленького смешного зверушку. Пес



помахал своим толстым хвостом, доказывая этим, что у него нет никаких дурных намерений.

Иначе вел себя перевязка. Совершенно спокойно он поднялся на задние ноги и как-то особенно долго и тщательно обнюхивал большой и влажный нос собаки. И вдруг вся квартира наполнилась отчаянным щенячьим визгом — Трушка жестоко вцепился зубами в нос бедной собаки.

Много времени прошло после этого случая, добродушный щенок-сеттер стал взрослой большой собакой, но и тогда он боялся зубов перевязки. Если из комнаты доносился гневный лай и рычание сеттера, мы знали, что это маленький зверек обижает большую собаку. Трушке особенно полюбилось есть из собачьей миски. Он приближался смело, не обращая внимания на угрожающее рычание, а сеттер отступал в сторону. Пока маленький нахал хозяйничал в его миске, сеттер рычанием выражал негодование, но не решался подходить близко.

И только единственный обитатель квартиры — старый крикливый попугай Жако — не признавал Трушкиного авторитета. При первой попытке проникнуть в клетку и познакомиться с ним поближе попугай насквозь прокусил Трушке лапу. Затем птица подняла такой неистовый крик, что нервы зверька не выдержали, и он поспешно скрылся под шкафом. После этого случая перевязка ни разу не подошел к клетке и вообще не обращал внимания на попугая. Какое ему дело до назойливой крикливой птицы?

Значительно позднее я вместе со всей семьей проводил лето в Средней Азии.

Однажды знакомый казах-охотник принес мне семью перевязок. Она состояла из старой самки и трех маленьких детенышей. Вначале я поместил животных в большую клетку. Вскоре, однако, укус ядовитой змеи-щитомордника погубил старую самку и малыши остались без матери. Тогда я передал перевязок жене. Благодаря ее заботливому и внимательному уходу они благополучно выросли и вскоре стали совсем ручными.

Как они были смешны и интересны — представить трудно. Большеголовые и маленькие, с тонкими шейками, они двигались странными толчками. Казалось, вот-вот непропорционально тяжелая голова перевесит вперед туловище и зверек перевернется на спину. Но этого не случалось. Когда же им давали застреленного грызуна-песчанку, они впивались в нее своими острыми зубами и, пытаясь отнять друг у друга добычу, поднимали сначала возню, а затем драку. К сожалению, несколько подросшие перевязки быстро одичали и жили своей собственной замкнутой жизнью.

## ТЮКА

Хороши ночи на юге. И хороши они не только лунным сиянием, ярким мерцанием крупных звезд, тишиной, но и своими звуками. Тиха южная ночь, и в то же время она богата своеобразным гомоном, но он так не похож на громкие звуки яркого дня и так гармонирует с торжественной красотой южной ночи. Вот нескончаемый вибрирующий свист какого-то животного. Это поет свою простенькую весеннюю песню жаба. Она поет целые ночи, и вы так привыкаете к убаюкивающим звукам, что они не тревожат вас, не нарушают окружающей тишины. «Клюю... клюю... клюю...» — монотонно, напролет все ночи кричит какая-то птица. Вкрадчивые голоса доносятся и с ближайших пирамидальных тополей, и из потемневших в долинах садов, и сквозь прозрачную лунную даль из горного леса. «Клюю... клюю...» или «тюю... тюю...» — протяжно и без конца кричат маленькие ночные совки-сплюшки. Проходят десятки лет, а очарование южной ночи не может изгладиться из вашей памяти.

Привет тебе, южная красавица — серебристая ночь!

Думаю, что после этого краткого предисловия читателю будет ясно, почему я рассказ назвал «Тюка». Тюка — имя одной из совок, долго живших у меня в неволе. Но прежде чем рассказать о Тюке, о милой и славной птичке, я хочу вкратце познакомить читателя вообще с совками и рассказать историю, как Тюка попала мне в руки.

Совки, как показывает и само название, — мелкие совы. В нашей стране совки представлены несколькими видами. Они отличаются друг от друга размерами, наличием или отсутствием так называемых «ушек», окраской оперения и особенно хорошо — голосами. Каждый вид совок кричит по-своему. Например, южноазиатская сова, населяющая леса Уссурийского края, для неспециалиста почти неотличима от совки-сплюшки. Но кричит она совсем иначе: «Ке-вюю, ке-вюю, ке-вюю», — раздается по лесу не то крик, не то свист этой птицы.

Сады и тугаи, разбросанные среди пустынь Средней Азии, заселены буланой совкой. Она чуть крупнее совки-сплюшки и окрашена более бледно. Однако голос ее совсем не похож на голоса близких видов совок. Вылетит она вечером из дневного убежища, усядется на ближайший сук и часами, а иногда и в течение всей ночи удастся слышать ее голос: «Кух, кух, кух, кух», — без конца кричит буланая сова.

Какова внешность этих видов совок?

Наверное, читатель знает одну из наиболее крупных наших сов — филина. Если знает, то пусть уменьшит филина раз в двадцать — вот тогда он и получит представление о совке-сплюшке. Самцы большинства совок обычно меньше самок. Самец сплюшки, например, очень маленькая птичка. Взрослого самца, пожалуй, можно накрыть чайным стаканом. Одним словом, сова — крошечная сова, обладающая исключительно привлекательной внешностью.

Замечательна она также своим умением корчить уморительные рожи и принимать позы, какие не так уж часто удается наблюдать у других пернатых. Во время дневного сна, например, в яркий солнечный день, вытянется сова во всю длину, плотно прижмет оперение к телу, и только кисточки ушей торчат вверх, как рожки. В такой позе она благодаря своей покровительственной окраске оперения и неподвижности почти не отличается от древесной коры, а из-за угловатой формы тела кажется каким-то наростом на дереве или сучком. Но присмотритесь хорошенько, постарайтесь увидеть ее физиономию, и вашим глазам представится, ни дать ни взять, маленький своеобразный чертенок, каких иной раз изображают на рисунках. «Рожа» у нее в такие минуты узкая, длинная и препротивная, поднятые вверх уши делают ее еще длиннее, глаза едва заметны, в виде щелочек. А впрочем, птица ли это — быть может уродливый сучок, и вы, не доверяя глазам, невольно потянетесь к ней рукой, чтобы пощупать непонятный предмет, или попытаетесь дотронуться до него прутиком. И мгновенно древесный сучок, как в сказке, превратится в живую маленькую сову с круглыми оранжевыми глазками, с круглой свиной головой без ушек. Но пока это превращение дойдет до вашего сознания, сова благополучно улетит и скроется в густой листве стоящего поодаль дерева.

— Вот так сук! — каждый раз усмехался я, десятки раз попадая впросак со спящей на дереве совкой. А что думает растерянный мальчуган, впервые столкнувшись с таким странным существом, это я предоставляю воображению читателя. Я был свидетелем, как один мальчик по имени Лаврушка, устанавливая на ветле ловушку на древесного грызуна, увидел в дупле дерева совку и постыдно слетел на землю. Позднее он уверял меня, что видел страшную глазастую кошку и долго не решался пойти в сад, чтобы подобрать ловушку.

Все это я пишу для того, чтобы оправдаться перед читателем в своем большом интересе и любви к совкам. Ведь наши совки — Птицы далеко не заурядные, интересные и благодаря

маленькому росту и спокойному нраву очень приятны и удобны для содержания в неволе.

Однажды я решил достать себе совку и добиться того, чтобы она стала ручной. Достигнуть первого оказалось нетрудно, но второе потребовало много хлопот и времени. Как раз в ту весну я уезжал на Сырдарью, где в изобилии встречались буланные совки. Они гнездились в садах большинства населенных пунктов, нередко обитали в тугайных зарослях, и я рассчитывал достать их в первые дни после приезда. Но в эту весну совки, видимо, запоздали с прилетом, и первый голос птички я услышал только в начале апреля.

Помню, ясный и теплый вечер сменился тихой и яркой ночью. Я до конца отстоял на озере вечернюю зорю, стреляя уток. Когда же заря потухла и стало темно, не спеша побрел знакомой тропинкой к поселку, вслушиваясь в неясные шорохи, в свист пролетающих в темноте уток.

Вот и домик на краю большого сада. Я достал ключ, отпер дверь, но вместо того чтобы переступить порог, уселся на ступеньках — жалко было спозаранку ложиться спать, не полюбовавшись чудной весенней ночью. «Но почему до сих пор нет совок, — пришла мне мысль, — ведь весна в полном разгаре?» «Кух... кух... кух... кух...» — как будто в ответ на мои мысли долетело с противоположной стороны сада. Помню, ложась спать, я открыл окно и, как соловьиную песню, слушал такой простой и несложный крик буланой совки, а потом так и заснул под эти звуки.

— Дядя Женя, в дупле той ветлы гукалка сидит, — как-то сказал мне сынишка соседа, указывая в глубину сада.

Конечно, я поспешил к тому дереву и спустя две минуты уже держал в руках пойманную буланую совку. К сожалению, это была довольно крупная самка; мне же хотелось иметь маленького самца, но не беда.

Пленницу я поместил в просторное дупло дерева, росшего в саду неподалеку от дома. Чтобы внутрь дупла проникало достаточно света, я затянул отверстие металлической сеткой и, стараясь не беспокоить пойманную птичку, приносил ей корм незадолго до вечерних сумерек.

Но что за странность? — вскоре у дупла я ежедневно стал обнаруживать мертвых мышей и более крупных грызунов — молодых полуденных песчанок. Несомненно, эту добычу доставлял сюда самец совки, который, вероятно, жил поблизости и навещал свою подругу. Но почему не видно самца? Я тщательно осматривал соседние деревья — не торчит ли где-нибудь у ствола отставшая кора или уродливый сук, способный неожиданно превратиться в живую птицу. Но кругом в листве гудели крупные осы — шершни, иной раз тонко свистела маленькая птичка-ремез да с плакучих ив капали на землю крупные слезы.

И вот однажды, чтобы привести в порядок дупло, я отогнул в сторону сетку и, всунув в дупло руку, попытался поймать пленницу. Испуганная птичка издала только негромкое щелканье клювом, но и этого было достаточно. В тот же момент около меня появился самец совки. Несмотря на яркое освещение, он быстро, как ястребенок, сорвался с далеко стоящего крупного дерева и, «козырнув» над самой моей головой, уселся на ближайшую ветку. «Гу-у-у... цок, цок, цок», — услышал я угрожающий крик и щелканье, за которым последовало новое стремительное нападение. Взъерошенное оперение, полураскрытые крылья, круглые оранжевые глаза и непрерывное щелканье клювом — все это, конечно, могло испугать врага. И если бы совочка была не такая маленькая, а я не такой великан, она бы показалась мне не трогательно-смешной, а очень страшной. Птица подлетала ко мне так близко, что, изловчившись, я мог бы схватить ее рукой. Я даже приготовился к этому. Но другая моя рука в это время, подчиняясь справедливому чувству, отдирала от дерева прибитую сетку. Несколько секунд спустя, отбросив заржавленную решетку в сторону, я

шагал к дому. Вместе с решеткой я отбросил и мысль о содержании в неволе взрослой совки.

Когда в поздние вечерние сумерки мне приходилось проходить через запущенный сад, я часто слышал знакомые шепчущие голоса птенчиков совок. «Чуф-чуф-чуф...» — шептали они, требуя пищи. Незадолго до отъезда в Москву из нескольких десятков птенцов, находившихся под моим наблюдением, я выбрал самого маленького самца и самую крупную самку. Необходимо было подготовить совочек к перевозке в Москву. Для этого я хотел несколько приручить птенцов, чтобы без особых затруднений и хлопот кормить их в дороге. На досуге я занялся этим несложное и интересным делом.

При длительных перевозках животных очень важно, чтобы птички не просили пищи в течение целого дня. Ведь ни один пассажир, едущий с вами в одном купе, не выдержит, если у его уха в течение целых суток будут кричать птицы. И напротив, ваши соседи останутся очень довольны, если один или два раза в день вы, открыв затемненную корзиночку и накормив ваших питомцев, внесете этим маленькое разнообразие в скучную дорогу. Уверяю вас, что часа кормежки в таком случае будут с нетерпением ждать не только ваши питомцы, но и ваши соседи. Как видите, подчас перевозка животных обязывает вас изучать не только нравы зверей и птиц, но и психические особенности скучающего и утомленного длительной дорогой человека.

Итак, незадолго до отъезда я поместил взятых птенцов буланой совки в темный стенной шкаф. Когда я открывал дверцу, внутрь врывался дневной свет. Только в эти моменты я и давал птенчикам пищу. Вскоре обе совочки стали вполне ручными. Они узнавали меня и, когда я появлялся с кормом, встречали своеобразным покачиванием тела из стороны в сторону и тихим чуканьем.

Но вот позади далекий путь из Средней Азии к нашей столице, вот и более полугода жизни в Москве. Обе птички подросли, сменили свой юношеский поперечнополосатый наряд на взрослый, изменили голоса, но наша дружба не пошла дальше. Совки не боялись меня, когда я чистил клетку, брали из рук пищу, но в то же время жили своей замкнутой жизнью. «Славные, но скучные пичуги», — давно решил я и как-то незаметно для себя охладел вообще ко всем совкам, и к моим птичкам в частности. На воле хороши: там действительно они украшают природу своими своеобразными криками, ну, а в городской квартире... Я решил передать совок Московскому зоопарку.

Помещенные в большую клетку, совки почувствовали себя значительно лучше, чем в квартире. На следующую весну они отложили яйца, но, к сожалению, не вывели птенцов — яйца оказались болтунами.

С тех пор прошло много лет, но я больше не мечтал завести у себя совок.

«Удивительное сочетание природы и культуры», — думал я, сойдя с автобуса на главной улице чистенького городка в Закавказье. «Город-лес», — назвал я его для себя. И действительно, не только издали, но и вблизи городок напоминал лесную чащу.

Отдельные великаны-деревья, иногда с засохшей причудливой вершиной, чередовались с густыми зарослями. А среди этой пышной растительности шли асфальтированные улицы, светились огоньки в утопающих в зелени домиках, двигалась гуляющая публика. Когда же я в поисках нужного адреса удалился от главной улицы, впечатление, что меня окружает лес, еще более усилилось. Сквозь ветви деревьев ярко светила луна, где-то поблизости то звонко, то приглушенно журчал ручеек, захлебываясь, свистели совки-сплюшки, по деревьям, шелестя листвой, носились ночные грызуны — сони-полчки. Лес и только.

Спустя полчаса я отыскал нужный мне домик. Он помещался на окраине города и был окружен великолепным садом, постепенно переходившим в лесную чащу.

— Не оставляйте только окон и дверей открытыми, — предупредил хозяин, помогая внести мои вещи в отдельную комнату. — Нам недавно маленького медвежонка принесли, так он у нас на полной свободе живет и частенько балует, — продолжал он. — На цепи держать не хочется, да и нет ее у меня.

Но пока я выслушивал эти предупреждения и пытался зажечь лампу, мой хозяин споткнулся и чуть не упал на пол.

— Простите, пожалуйста, это я, наверное, заплечный мешок на полу оставил.

— Точно, мешок, — нагнулся старик, но не докончив начатой фразы, вдруг энергично пнул ногой какой-то темный предмет, мигом вылетевший через открытую дверь наружу. — У вас в мешке что-нибудь съестное было? Ну, конечно, что-то под ногами хрустит — песок сахарный, что ли. Я же вам говорил, что медвежонок балует.

Мы, наконец, зажгли лампу и, кое-как убрав разорванные медвежонком свертки, вышли на воздух.

Много я видел живых маленьких медвежат за свою жизнь, но такого чудного и симпатичного зверушки не видал ни разу. Это был не зверь, а воплощение самой жизни, энергии и веселья, заключенных в слишком тесный пушистый футляр. Избыток силы бросал медвежонок то в одну, то в другую сторону, толкал его на различные проказы.

Наше появление во дворе оказалось своевременным. Мы застали медвежонка висющим на оконной раме. Засовывая когти в щель, он попытался открыть окно в кухню. Увидев нас, медвежонок кинулся вниз и в сторону, исчез в темноте, а в следующую секунду с замечательным проворством взобрался на громадное дерево и уже раскачивал большую ветку на его вершине. На нас сыпались сорванные листья и обломленные сухие сучья.

В гостеприимном домике я прожил только три дня. Но как памятливы эти дни, сколько произошло смешных случаев и маленьких неприятностей, виновником которых неизменно был шалун медвежонок. В день же моего отъезда в Москву случилось происшествие, в результате которого мне в руки и попала совка-сплюшка, названная мной Тюкой.

— За что птичек со свету согнал? — услышал как-то я голос хозяина.

— Да это сычи, дядя, я их медвежонку принес, — оправдывался мальчуган.

— И сычей не надо трогать, а мясо медвежонку все равно давать нельзя, забрось их сейчас же подальше, чтобы я их не видел.

Я вышел из комнаты на крыльцо.

— И так с медвежонком хлопот не оберешься, — обратился ко мне старик, — полюбуйте, сычами его накормить решили. Ведь после этого он кур душить начнет.

Я взглянул на двух смущенных ребят, стоящих поодаль. Один из них держал в руках трех убитых птенцов, второй — одного живого птенца совки.

— Давай-ка его сюда, — протянул я к птенцу руку. И хотя мальчуган убеждал меня, что он принес его не медвежонку, а взял для кошки, я забрал совенка и унес в свою комнату.

«Захватчу его в Москву, а там видно будет, — решил я. — Только чем его кормить в дороге, — ведь в такую жару мясо в один миг испортится». Но тут же вспомнил о саранче. В несметном количестве она встречалась в это лето в ближайших окрестностях города. «По пяти крупных саранчуков съест птенец за прием, — соображал я. — И если я буду кормить его утром и вечером, — значит, он съест за день 10 насекомых и 50 насекомых за весь переезд из

Закавказья в Москву».

Я достал маленькую корзинку, перегородил ее пополам и сверху обшил материей. Одно помещение предназначалось для птенца совки-сплюшки, другое для ее живой пищи — саранчи, обеспеченной в свою очередь зеленым растительным кормом на всю дорогу. «Остроумно придумано», — радовался я, сажая в корзинку саранчу и совку. Однако мои расчеты на оправдались. Почему — не знаю, но на другой день саранча подохла и пропитала отвратительным запахом всю корзинку. Тогда я извлек совенка, а корзинку выбросил из окна поезда. Птенчика я поместил в просторный карман своей куртки. Когда совенок стал настойчиво требовать пищи, я отправился с ним в вагон-ресторан и заказал мясной завтрак.

— Мой спутник предпочитает сырое мясо всему на свете, — сказал я официанту и, возможно шире открыв карман, показал ему совенка. Много хлопот, конечно, но зато переезд из Закавказья в Москву не показался мне ни скучным, ни однообразным.

Приехав в Москву, я не смог поручить птенца совки близким. Моя семья уехала в Крым, и мы с Тюкой остались вдвоем в квартире. Но ведь, за исключением редких случаев, я на целый день уходил из дому — не мог же я оставлять Тюку голодной? К счастью, Тюка была такая маленькая и такая спокойная, что не мешала мне, когда при переезде в трамвае сидела в кармане куртки. Так совочка и выросла на моих руках, превратившись из уродливого птенчика, покрытого светлым пухом, в полувзрослую совку.

В свободное время я уезжаю за город. Удобно усевшись на широкий пенек среди вырубки, сажаю рядом с собой Тюку и время от времени даю ей пойманного кузнечика. Птичка сыта, но кузнечик не мясо, а лакомство, и, ухватив его поперек лапкой, она, как рукой, подносит добычу ко рту, отрывает и проглатывает маленькие кусочки. Покончив с едой, Тюка отряхивается от назойливого комара и, прищурив глаза, прячется за меня от солнца. Но вот, оставив совку на пне, я отхожу шагов на тридцать и негромко зову по имени. Птичка не желает оставаться в одиночестве. Неуверенным прямым полетом покрывает она разделяющее нас расстояние и, вцепившись когтями в мое платье, беспомощно повисает, раскрыв крылья. «Чуф, чуф, чуф», — подает она негромкий голос, глядя мне в лицо круглыми глазами. Я беру ее в руки, засовываю за пазуху так, что голова совки остается снаружи, и мы идем дальше.

Только к осени совочка научилась сама находить приготовленный ей корм. Уезжая на службу, я уже оставлял ее дома. Но зато как она встречала меня, когда я возвращался домой. Вспомните, как встречает вас иногда ваша собака. Она заглядывает в глаза, ищет ласки. Но разве можно умную собаку сравнить с птицей, и тем более с ночной птицей совкой, скажете вы! Можно. Конечно, совка не сумеет так ярко выразить свою привязанность к вам, но выразит ее по-своему.

Вечер. Вернувшись домой, я отпираю дверь и только успеваю переступить порог квартиры, как на меня сверху спускается Тюка. Но садится она не как все птицы, а, подлетев, просто вцепляется когтями в мое верхнее платье и уже потом, помогая крыльями, влезает выше и устраивается удобнее. С совкой на плече или спине я иду на кухню, мою руки, разогреваю обед и, наконец, усаживаюсь за обеденный стол. Небольшая деревянная коробочка стоит рядом с моим обеденным прибором и сейчас привлекает внимание птицы. «Чуф, чуф», — негромко кричит Тюка, заглядывая мне в лицо. И тогда я открываю крышку, пинцетом извлекаю мучного червя и кладу его на стол к ногам Тюки. Но, вероятно, Тюка плохо видит на таком близком расстоянии. Торопливо она пятится назад и, когда расстояние между ней и червячком достигает около 10 сантиметров, прыгает вперед. Вцепившись в добычу когтями обеих лап, совка убивает ее, а затем, ухватив червячка поперек, подносит ко рту.

Обед окончен. Тюка тоже утолила голод и теперь, взобравшись по моей руке на плечо, трется круглой головой, покрытой мягкими перьями, о мою шероховатую щеку. Но вот она порывисто

взлетает на висящую картину и, покрутившись там с полминуты, кидается вниз и с лету исчезает у меня за пазухой. Я вытаскиваю ее наружу, поглаживаю ее мягкую спинку, почесываю шейку — одним словом, веду себя так, как с разыгравшейся домашней кошкой или собакой. В такие минуты я забываю, что передо мной дикая ночная птица.

Прошла осень, потом — большая часть зимы; мартовские метели сменились яркими весенними днями — потекло с крыш.

Однажды я проснулся среди ночи. Меня разбудило непривычное беспокойное поведение Тюки. С раскрытыми глазами я лежал в темноте и не мог сообразить, что творится с моей любимицей. Около минуты она беспрерывно кругами носилась под потолком, а затем, усевшись на буфет, издала громкий и чистый свист — свист, который я так любил слушать в весенние южные ночи. Я замер в ожидании нового крика, но Тюка сорвалась с места и вновь закружилась под потолком. Наверное, прошло около часа, а совка не могла успокоиться. Изредка она присаживалась на картину и, передохнув, вновь принималась за свои упражнения в полете. Но чем дольше она кружилась под потолком, тем ее полет становился менее уверенным. Вот уже несколько раз Тюка натыкалась на висящий провод лампы и наконец, зацепившись крылом за стену, мягко скользнула вниз за кушетку. «В чем дело?»

Я зажег свет, взял птичку в руки. И в ту же секунду почувствовал какую-то странную перемену.

В моих руках напряженно, почти судорожно вздрагивала совсем чужая мне сильная птица. «Тюканька», — гладил я мягкое оперение совочки, поднося ее к своему лицу. Но на меня глянули какие-то дикие, широко раскрытые, но не видящие глаза. Тюка смотрела не на меня, а куда-то вдаль. Когда я разжал руку, она вновь стремительно взлетела вверх и закружилась под потолком комнаты. Только около четырех часов ночи совочка несколько успокоилась и перестала носиться своим стремительным полетом.

То же повторилось и в следующую ночь. Около десяти часов вечера Тюка вновь превратилась в сумасшедшую птицу и с маленькими перерывами пролетала под потолком комнаты почти до конца ночи. На третью ночь я посадил сову в большую картонную коробку, затянув ее сверху марлей. Я плохо спал в эту ночь и беспрерывно слышал, как моя бедная птичка билась в темнице. «Когда же это кончится?» — с раздражением думал я на четвертую ночь, выведенный из терпения поведением совочки.

И вдруг, когда мои нервы дошли до предела, совочка прекратила ночные полеты и стала прежней, ручной и веселой птичкой. Только каждую ночь сквозь сон я слышал такой чистый и громкий и в то же время убаюкивающий свист птицы. «Клюю-клюю-клюю», — до утреннего рассвета кричала Тюка.

С этого момента ровно год прожила у меня в квартире совка. Когда же в следующую весну она вновь стала беспокойной, я, выезжая в Астраханскую область, захватил ее с собой. В одну из ночей, воспользовавшись остановкой поезда на маленькой железнодорожной станции, я предоставил моей пленнице свободу.

Видимо, для читателя осталось не совсем ясным странное поведение совки. Совка-сплюшка — перелетная птица, и ее беспокойство каждый раз совпадало с весенним пролетом вольно живущих совков.

Пусть читатели не думают, что совки-сплюшки — обитатели только нашего юга. Вспоминается случай, о котором я позволю себе сказать несколько слов.

Как-то в Калининской области я заночевал в еловой рёлке, возвышавшейся среди мохового болота. Это случилось 12 апреля. С вечера я решил выследить, куда слетаются петухи глухарей для тока. Но кругом было так много интересного, что я, бродя по лесу, потерял

направление и ориентировку и понял, что в этот вечер не найду дороги к деревне.

Темнело, когда неожиданно в воздухе мелькнула крупная птица и уселась на моховую кочку в четырех шагах от меня. Не сводя с нее глаз (это была глухарка), я застыл на месте. Пораженная странным предметом, как каменное изваяние, замерла и птица. Мы стояли друг против друга, не смея моргнуть глазом. Это продолжалось очень долго, и сколько бы длилось еще — не знаю. Но я кашлянул. Рыжая лесная красавица шарахнулась от меня в сторону и с клохтаньем исчезла в сумерках за корявыми соснами.

Когда же совсем стемнело, все мое внимание было поглощено глухарями. Издавая крыльями своеобразный звон, они прилетели из-за болота и в тишине ночи с грохотом усаживались на ели и сосны по краям рёлки.

Но угомонились и глухари, и тогда до меня донеслись дикие крики. Это рявкала и завывала акклиматизированная в Калининской области енотовидная собака. Долго слушал я эту странную музыку, пока холод не заставил меня позаботиться о ночлеге. Но не разводите же костер, когда несколько глухарей ночуют в этой маленькой рёлке. Усевшись на хворост под старой елью, съезжившись и охватив руками ружье и колени, я заснул крепким сном. Меня разбудил предрассветный холод. Темень и тишина стояли кругом.

А некоторое время спустя, когда я неуверенно брел по зыбким заиндевевшим кочкам, лес, болото — весь мир, казалось, наполнился трубными звуками. «Крри-крруу, кррии-крруу», — криками встречали журавли наступающее утро.

И вдруг в стороне я услышал хорошо знакомый и такой дорогой для меня голос. На темных елях рёлки, среди мохового болота, поросшего корявыми сосенками, и здесь, на севере, в это студеное раннее утро свистела совка.

## СРЕДСТВА ЗАЩИТЫ

Попробуйте поймать выпавшего из гнезда молодого сокола или цаплю, и вы столкнетесь с энергичным сопротивлением. Защищаясь, соколенок перевернется на спину и выставит вперед вооруженные когтями лапы. И если вы, несмотря на это предупреждение, подойдете к нему слишком близко, он вцепится в вас когтями. Но это пустяки, а вот с молодой цаплей следует быть осторожным — это опасная птица: съезжится она вся, застынет в неподвижной позе и ждет, когда человек подойдет к ней близко. А затем, быстро выпрямив длинную шею, старается нанести острым клювом страшный удар в глаз противника. Это обычные средства защиты. Но умеют защищаться животные и другими способами; их бесчисленное множество. О некоторых приемах защиты я расскажу сейчас читателям.

Вероятно, мне было лет семь или восемь, когда со мной произошел смешной случай. В то время он поразил меня и глубоко врезался в память. Мы жили в астраханских степях, на станции Ахтуба, и почти каждый день после четырех часов отправлялись с отцом в окрестности и среди природы оставались до самого вечера. Когда заканчивалась весенняя охота на селезней, переключались на рыбную ловлю. Рыбу мы ловили удочками в волжских займищах и отправлялись за ней при всяком удобном случае. Помню, среди других богатых рыбой местечек славился Власов ерик; особенно много в нем водилось крупных окуней и сазанов. Вот однажды с отцом, братом и товарищем, захватив с собой удочки и провизию, мы отправились на Власов ерик ловить окуней. Надо сказать, что с детства я не отличался усидчивостью на рыбной ловле. Ловить, конечно, интересно, особенно когда рыба хорошо клюет, но сидишь час, другой... и становится скучно. Кроме того, в то время меня интересовали только маленькие щучата и небольшие черепахи: их хотелось поймать для



нашего бассейна и аквариумов.

Просидев, с удочкой около часа и ничего не поймав, я, как и всегда, соскучился, воткнул удочку в землю, а сам отправился размять ноги. Сначала я медленно шел вдоль берега в надежде увидеть черепаху или щучонку, но их нигде не было видно, и я пошел в сторону к группе развесистых ветел. Не успел я дойти до этих деревьев, как услышал голос птицы, напоминавший мне крик кобчика. «Пип-пип-пип», — громко кричала птица, прячась на совсем маленьком деревце, где, казалось, совершенно негде было укрыться сравнительно крупному кобчику. Меня это удивило, и я, чтобы отыскать птицу, подошел еще ближе. «Пип-пип-пип», — совсем рядом вновь раздался голос, и я увидел небольшую — с воробья ростом — странную птицу.

Особенно поразила меня окраска ее оперения: она изумительно походила на кору дерева, и, когда птица перебралась с ветви на ствол, ее сразу не стало видно. Вероятно, с недоверием относясь ко мне, птица не оставалась долго на одном месте. Она перелетела на ближайший пенек и залезла в дупло, образовавшееся благодаря выгнившей его сердцевине.

Увидав эту неизвестную птицу, я загорелся желанием поймать ее, чтобы хоть немного подержав в неволе, познакомиться с ней ближе. И вдруг птица на моих глазах залезла в дупло. Представьте же мое состояние — ведь теперь ничего не стоило поймать незнакомку. Ну, конечно, я не рассуждал долго. Секунду спустя я бесшумно подкрался к пню, закрыл отверстие, а затем, засунув руку в дупло, нащупал птицу и извлек наружу. Как забилося мое сердце! От радости и страшного напряжения меня трясла лихорадка.

Однако в следующее мгновение все изменилось, как в сказке. Если бы на меня неожиданно вылили ушат с холодной водой, я бы не так поразился, как в ту минуту. Трудно представить, но уверяю вас — в своей руке я увидел не птицу, а медленно шевелящуюся змеиную шею и голову. Она извивалась и, кажется, издавала какие-то звуки — шипение. Не знаю, как бы поступил другой на моем месте, но я судорожно отдернул руку, а затем стал трясти ее, как будто перед тем схватил раскаленный кусок металла. Тогда случилось новое чудо, окончательно сбившее меня с толку. Змея тотчас превратилась в птицу, быстро взмахивая крыльями, поднялась в воздух и исчезла среди листвы дерева.

Всего, что я переживал за эти пять — семь минут, описать невозможно... Но зато пережитое, вероятно, ярко было написано на моей взволнованной физиономии, когда я возвратился к своим. Все обратили на это внимание. И когда я, волнуясь и заново переживая острые моменты, рассказал о происшествии, мой рассказ вызвал только веселье. Оказалось, я упустил действительно интересную птицу. Она близка к нашим дятлам и называется вертишейкой, а по-украински — крутоголовкой. Когда она вертит головой и шеей, действительно напоминает змею и часто этим странным движением пугает людей и животных.

Такое поведение слабенькой и беспомощной птички, как видите, сильное средство защиты от ее врагов.

— Не беда, — утешил меня отец. — Почти такой же случай был и у меня с вертишейкой в детстве. А что она улетела — это, пожалуй, лучше. Держать в неволе вертишейку не так уж просто — слишком капризна птица в отношении пищи.

Чайку вы знаете? Конечно, знаете. Это та самая белая или сизокрылая птица, которую особенно часто приходится видеть летающей над водой и ловящей рыбок и насекомых. А вот крачка, наверное, вам неизвестна. Безусловно, многие встречали ее в природе, но просто не знают, что эта птица так называется. Поскольку я сейчас хочу рассказать о поведении речных крачек, мне необходимо хотя бы кратко познакомить читателя с этой птицей. Окраской оперения, манерой летать над прудами и реками и бросаться за добычей в воду обе эти

птицы имеют много общего. Только у чаек хвост ровный, как обрезанный, а у крачек вилочкой, то есть крайние перья хвоста много длиннее, чем средние. О замечательном случае, связанном с речными крачками, я и хочу рассказать моим читателям. В то лето я с семьей жил в Дарвинском заповеднике на Рыбинском водохранилище. Как будто назло, в самый интересный период я расхворался: у меня резко обострился суставной ревматизм, распухла нога, и каждый шаг вызывал острую боль. Это удел большинства охотников. Ведь всю жизнь я бродил по воде, при этом, к сожалению, строго придерживаясь своих собственных правил. Если я надевал на охоту за утками сапоги ниже колен, то всегда находил вескую причину, чтобы влезть в воду выше колена. Заранее зная, что получится именно так, я предпочитал лазить за утками в обыкновенных ботинках и терпеть не мог очень высоких болотных сапог, способных вместить слишком много воды. В таких сапогах даже по воде ходить трудно. После каждого случая, когда я по той или другой причине попадал в воду, боль в ноге усиливалась.

— Никуда сегодня не пойдешь, — как-то заявила жена. — Посмотри, на что нога похожа, — сиди дома.

Я сокрушенно посмотрел на свою ногу. Правда, нога сильно распухла и болела, но сидеть дома в такое время мне все-таки не хотелось. И я представил себе, как мне придется в течение длинного летнего дня сидеть в комнате, смотреть на ногу и вообще носиться со своим ревматизмом как с писаной торбой. При одной мысли об этом мне стало тоскливо. При ходьбе нога еще сильнее разболится. Это верно. Но почему нельзя сидеть в лодке и смотреть не на ногу, а на затопленный лес, на островки, на пролетающих уток, крачек — не все ли равно где сидеть? Кто смог бы сказать, что в моих словах не было логики? Я думаю, что никто. Я был, безусловно, прав, а когда веришь в свою правоту, доказать это другим совсем нетрудно.

— Знаю тебя, опять в воду полезешь, — уже другим тоном возразила жена.

Но я не хотел сдаваться, обещал быть осторожным и вернуться с сухими ногами.

— Неужели мне самому не дорого мое здоровье — маленький я, что ли? — Аргумент оказался достаточно веским. Одно было обидно. Я просидел первую половину дня и не мог поехать далеко. «Ну ладно, поеду покольцую птенцов крачек», — решил я и, позвав с собой частого спутника — мальчика Васю, направился к лодке.

Среди обширного водного пространства я знал маленький островок, где расположилось колониальное гнездовье речных крачек. Здесь же гнездились утки и кулички-мородунки. К этому островку мы и направили свою лодку. Спустя полчаса, покрыв по воде около трех километров и заехав с подветренной стороны, мы стали приближаться к острову.

«Кирры-кирры», — беспокойным криком встретили нас несколько десятков крачек и, видя, что лодка направляется к гнездовью, высоко поднялись в воздух и с тревожными криками стали описывать широкие круги над островом. Когда мы подъехали совсем близко, много маленьких пестрых птенчиков-пуховичков побежало от нас в противоположную сторону острова. Бегущий птенчик хорошо заметен, но как только останавливается и затаивается среди скудной растительности, он тотчас исчезает из виду.

Кое-как причалив лодку, мы сошли на берег и приступили к ловле и кольцеванию птенцов. Однако их было нелегко найти — беззащитные птенчики умели использовать свою покровительственную окраску. Прижавшись к почве и оставаясь неподвижными, они ничем не выдавали своего присутствия.

— Вася, не зевай! — крикнул я, указывая на убегающего пуховичка крачки. В этот момент птенчик достиг воды и, войдя в нее, уверенно поплыл от берега. Он отплыл уже метров пять или семь, когда, размахивая руками и разбрызгивая воду, мальчуган нагнал и схватил беглеца. И вот тогда произошел случай, которого я никогда не забуду.

Хорошо известно, что болотные крачки, а среди них особенно черная крачка смело ведут себя на гнездовых поселениях. С высоты они бросаются на непрошеного гостя и нередко, если в этот момент человек смотрит в противоположную сторону, успевают ударить его клювом по голове.

Но на этот раз речные крачки вели себя иначе. С криком, летая высоко в воздухе, они вдруг собрались в тесную группу, молча с большой быстротой спикировали почти до самой воды и в буквальном смысле этого слова облили моего спутника дождем помета.

— Дядя Женя! — закричал Вася. Он растерянно стоял по колени в воде и, смешно поднимая руки, не знал, что делать. Его глаза, волосы, вся рубаха были залепаны белыми кляксами.

Как ни жалок был вид Васи, но я не смог удержаться от смеха; не выдержав, наконец, расхохотался и сам пострадавший. Однако веселье было прервано самым неожиданным образом.

— Давай сюда птенца да обмой лицо, — обратился я к мальчугану.

Вася, не открывая глаза, неуверенно подошел к берегу и Чротянул мне руку с пуховичком. Пока я надевал ему колечко на Ногу и записывал номер, Вася приводил себя в порядок.

— Дядя Женя! — вдруг вскрикнул он совсем другим тоном, заставив меня вздрогнуть от неожиданности. — Дядя Женя, лодка...

Ничего не понимая, я оглянулся назад — и обомлел. Далеко от острова на холодных, свинцовых волнах покачивалась наша пустая лодка. Свежий ветер, видимо, с каждой минутой отгонял ее все дальше от берега.

Заночевать на маленьком открытом острове без огня и одежды с больной ногой мне совсем не хотелось. Если даже к вечеру стихнет холодный ветер, то дойдут комары — их здесь великое множество.

Что предпринять? А в это время Вася уже полез в воду и остановился лишь при моем оклике. Я знал, что он плохо плавает.

Вначале холодная вода обожгла мое тело, а минуту спустя я уже плыл, не ощущая холода и испытывая от купания огромное удовольствие: ведь из-за больной ноги в это лето я купался впервые.

Купание абсолютно не отразилось на моем здоровье, а главное — я исполнил свое обещание и вернулся домой с сухими ногами. Только две недели спустя Вася развязал свой язык и разболтал по секрету, как на маленьком островке, защищая своих слабых птенчиков, его отделили речные крачки и как ветер отнес от берега нашу лодку.

Ну, а теперь с прохладного севера на одну минуточку перенесемся совсем в иную страну — в нашу Среднюю Азию.

Жаркий июньский полдень. Огненное солнце слепит глаза, обжигает кожу. Порой от невысоких барханных песков потянет слабый ветер. Но не свежесть принесет он, а пахнёт на вас горячим дыханием, как из раскаленной печи. Я медленно бреду с ружьем За плечами, направляясь к нашему лагерю, разбитому близ аула. Впереди безбрежная полупустыня с почтой, разрисованной глубокими трещинами, поросшей скудной серой растительностью. Невыносимая жара, нет тени, молчит притихшая природа. И вдруг при ярком дневном свете я слышу громкий и хорошо знакомый мне крик ночного кулика-авдотки. Оборачиваюсь в том направлении и в 30 метрах от себя вижу занимательную картину.

Среди ровной глинистой площади, едва покрытой клочками низкорослой полыни, на

корточках сидит казахский мальчик-пастушок, а против него, несколько раскрыв крылья, в угрожающей позе стоит кулик-авдотка (птица величиной с голубя). Он то и дело с пронзительным криком срывается с места, бросается на мальчугана и бьет его клювом и крыльями по лицу, голове, спине. В такие минуты мальчик то подбирает под себя босые ноги, пытается руками защитить лицо и голову от ударов авдотки, то, несколько овладев собой, старается поймать нападающую птицу. Это, однако, ему не удается.

Не понимая, в чем дело, я поспешно приближаюсь к месту происшествия и вижу в руках юного пастушка совсем маленького птенчика авдотки. Он покрыт густым дымчатым серым пухом, вдоль его спинки, четко вырисовываясь на светлом фоне, проходит черная полоска. Беру птенца из рук пастушка, сую мальчику какую-то мелочь и показываю по направлению пасущегося стада. Он понимает меня без слов и, исполняя мое желание, быстро бежит по раскаленной почве туда, где пасутся его бараны.

Старая авдотка уже не ведет себя так смело — взрослый человек не мальчик: его следует остерегаться, и хотя она растерянно бегаёт совсем близко вокруг меня, но не решается на нападение. Ещё несколько секунд я ожидаю, когда пастушок скроется за грядой песка, и тогда осторожно пускаю птенчика на землю и наблюдаю за его поведением. Мне интересно, что он предпримет, получив свободу. И вот пуховичок делает несколько коротких, неуверенных шажков, затем быстро, но плавно приседает и, замирая в неподвижной позе, на моих глазах абсолютно сливается с окружающей почвой. Серая окраска пуха похожа на окраску пыльной глины, а черная полоска вдоль спины так напоминает черную при ярком солнце трещину в почве, что его почти невозможно заметить. Я вижу птенца, пока не отрываю от него пристального взгляда, но достаточно мне закрыть глаза на одну минуту, и птенец исчезает бесследно.

Я отхожу шагов на двадцать в сторону, даю возможность взрослой авдотке приблизиться к тому месту, где притаился её Птенчик, и вновь не спеша возвращаюсь к старому месту. На этот раз взрослая птица уже не кричит и не подпускает так близко к себе человека. Она спокойна за своего птенца-невидимку и отлетев в сторону, также приседает и сливается с окружающей почвой.

И вот теперь, хотя обе птицы от меня близко, я не вижу ни старой авдотки, ни её птенчика. Тогда я бросаю платок на место, где спрятался птенчик, и иду к месту, где скрылась его мать! Неожиданно она взлетает у меня из-под ног и на этот раз улетаёт далеко.

Тогда я опускаюсь на колени и пытаюсь отыскать птенчика, но его нигде не видно. Конечно, беззащитный птенчик не мог убежать за матерью, для этого слишком слабы его ножки. Зато он обладает великой силой — умеет пользоваться своей покровительственной окраской и так спрятаться, что его не найдет ни человек, ни хищная птица.

## ПОД ЗАЩИТУ СИЛЬНОГО

Как-то я возвращался с охоты проселочной дорогой и только успел миновать деревеньку, как меня нагнал мальчик. Он, видимо, очень спешил и запыхался при быстрой ходьбе. Однако нагнав меня, пошел медленнее, равняясь по моему шагу. Это заставило меня обратить на него внимание.

— Ты чего? — невольно вырвался у меня вопрос.

— Кутька отнять хотят, — кивнул он назад головой и, распахнув курточку, показал толстого щенка. Согревшись, он спал сном праведника.

Я оглянулся назад. Той же дорогой поодаль от нас торопливо шла группа школьников. Они возбужденно обсуждали что-то, недружелюбно поглядывая в нашу сторону.

— Дядь, я с тобой пойду, а то они бить будут и кутька отнимут, — попросил мальчик.

— Не тронут, — успокоил я его.

И, уже не говоря ни слова, мы пошли «дальше и так же молча расстались, когда вошли в станционный поселок и поравнялись с домом мальчика. Его сверстники так и не решились подойти близко.

Во время этого перехода каждый из нас был поглощен своими мыслями. Я подумал о том, что в трудные минуты жизни не только дети стремятся под защиту сильного. Очень часто так же поступают животные, и не только домашние, что естественно, но и дикие, избегающие при других обстоятельствах близости человека.

Сейчас я и расскажу о полевом жаворонке и маленьком соколе-дёрбнике. Преследуемый соколом, жаворонок прилетел ко мне искать защиты. Однако перед тем как рассказать об этом случае, мне хочется познакомить читателей с некоторыми соколами и с теми приемами, какие они применяют, чтобы поймать свою быстрокрылую добычу.

В нашей стране обитают соколы девяти видов. Они хорошо отличаются друг от друга размерами и окраской оперения. Самый крупный наш сокол — кречет. Это не очень большая, но сильная, вернее, могучая птица. Взрослый кречет немного крупнее ворона. Самцы кречетов, которые мельче самок, весят около килограмма, самки достигают 1400, редко 1600 граммов. Самые мелкие соколы нашей страны — кобчик и дёрбник. Самки этих соколов не крупнее галки, а самцы — еще меньше. Не только размерами и окраской оперения соколы отличаются друг от друга, но и нравом, полетом и манерой ловить добычу.

Возьмите-ка для примера маленького сокола-кобчика или нашу пустельгу и понаблюдайте, как эти мелкие соколы охотятся за грызунами и насекомыми в полях и лугах. Взлетит сокол со стога сена, поднимется невысоко в воздух и, часто взмахивая крыльями, секунд сорок, а то и дольше бьется на одном месте. Его темные большие глаза устремлены в траву, хвост раскрыт веером. Вот сокол замечает что-то живое. По косой линии он скользит вниз, схватывает добычу своими сравнительно слабыми лапками и вновь поднимается в воздух. Последите минут двадцать за такой охотой, и вы обязательно придете к выводу, что это не настоящий сокол. Во всяком случае, не тот замечательный сокол, о котором писал Горький. И вы не ошибетесь.

Всех соколов ученые подразделяют на две группы — на «настоящих» и «ненастоящих». К ненастоящим соколам относят кобчиков, степную и обыкновенную пустельгу. Остальных соколов, населяющих нашу страну, принято считать настоящими соколами.

Что же они собой представляют, чем отличаются друг от друга?

Сидящего настоящего сокола уже издали легко отличить по своеобразной гордой посадке, а летящего — по полету. Если же вам посчастливится увидеть, как он охотится, вы сразу сообразите, что перед вами настоящий сокол. Дело в том, что эти хищники обычно берут добычу в воздухе и не просто ловят ее своими когтистыми лапами, что характерно для ястребов, а сначала бьют ее когтем заднего пальца.

Представьте себе, как впереди вас какое-то неясное тело по косой линии прорезало воздух. Скорость его движения настолько стремительна, что вам трудно уловить очертания, понять, что или, вернее, кто это несется в воздухе. Но уже в следующее мгновение становится ясно, что это сокол-сапсан ударил какую-то крупную птицу. Беспомощно кувыркается она в воздухе, в стороны летят выбитые перья. Нагнав свою жертву вторично, сапсан хватает ее когтями и,

вытянув ноги и едва справляясь с тяжелой ношей, опускается на землю.

Как-то в начале мая я наблюдал охоту нашего другого сокола — сокола-дёрбника. В ту весну я собирал коллекцию птиц в степях Северного Казахстана. Среди ковылей здесь водились стрепеты, и я загорелся желанием добыть хоть одного самца в ярком весеннем оперении. Это оказалось нелегким делом. Стрепеты вели себя крайне осторожно. Уже много времени я потратил, подходя то к одной, то к другой птице, но безуспешно. Неизменно стрепет взлетал от меня так далеко, что я не решался в него выстрелить.

Во время этой неудачной охоты я наткнулся на дёрбника. Маленький хищник спокойно сидел на степной кочке и подпустил меня совсем близко. Надо сказать, что дёрбник — ценная добыча для орнитолога. Налети он на меня, я, конечно, поспешил бы в него выстрелить. Но этот дёрбник сидел от меня так близко и в его фигуре было столько спокойствия и гордой независимости, что у меня исчезло всякое желание расценивать его как добычу. Ведь неприятно стрелять в животное, когда у него нет никаких шансов на спасение. «Что ты, однако, тут делаешь?» — подумал я, усаживаясь среди ковыля.

Я решил понаблюдать за хищником.

Ждать пришлось недолго. Кругом было много жаворонков. Одни из них взлетали из травы, другие пели высоко в голубом небе. На этот раз дёрбник не обращал на них никакого внимания. Однако хищник проявил интерес, когда далеко в стороне появилась другая птичка наших степей — полевой конек. Он взлетел из травы и, выкрикивая свою несложную песенку, стал подниматься в воздух. «Цы-виить, цы-виить, — едва доносилась она издали, — цы-виить». При каждом выкрике птичка порывисто взлетала выше, затем как бы замирала на одно мгновение в воздухе и вновь поднималась вверх в такт своей песенке. Когда полевой конек высоко поднялся над землей, дёрбник соскользнул со своего сторожевого поста, взмыл в глубокую высь и стремительно понесся к поющей птичке. Он без труда нагнал ее, ударил и секунду спустя уже сравнительно медленно летел над степью, неся добычу.

Не думайте, однако, что соколы охотятся всегда удачно. И просто для примера рассказал вам об удачной охоте. И быстрокрылые хищники частенько терпят неудачу. «Соколиная дичь» тоже не дремлет и знает, как можно избежать гибели. При нападении сокола-сапсана летящая стая уток рассыпается в стороны и стремительно несется вниз. Тяжелые птицы с размаху падают в воду, издали слышится всплеск, летят брызги. Сапсан не берет плавающую птицу — он быстро летит дальше, рассчитывая захватить свою жертву в воздухе.

«Пожалуй, пора в Москву», — решил я однажды, отдыхая в Конце октября среди скал после утомительной горной экспедиции. Хороша Киргизия — хороши снеговые вершины, сизые осыпи, горные потоки, но все, что полагалось сделать, уже закончено как будто пора и честь знать.

Приближался вечер. Косые лучи солнца золотили местами побагровевшую от ночных морозов листву деревьев и кустарников, в прозрачном воздухе летала паутина, глубоко внизу шумел поток. Хороша в горах осень, но срок истек, пора на север, домой. На другой день я упаковал в ящик собранные коллекции, сложил в чемодан и рюкзак экспедиционные вещи и, ожидая удобного случая для выезда, вблизи от дома охотился за каменными куропатками. Удобный случай вскоре представился.

Пасечник, у которого я прожил больше месяца, вдруг надумал съездить в совхоз Афлатунь, расположенный от нас в 15 километрах. Ему нужно было привезти с лесопилки доски для изготовления ульев, и поэтому он запряг в большую арбу пару волов и, придерживаясь единственной торной дороги, тронулся в путь. Эта дорога шла ущельем вдоль каменистой речки, делала большой полукруг и выходила, наконец, к совхозу. Афлатунь лежал как раз на моем пути, и, само собой разумеется, я воспользовался попутным транспортом. Удобно

разместив свои вещи и переложив их сеном, я и сам было взобрался в телегу.

— Стоит ли вам трястись по такой скверной дороге? — обратился ко мне в последний момент пасечник. — Оседлайте Серого и поезжайте прямым путем — через перевал, в Афлатуне встретимся.

Конечно, я с большим удовольствием воспользовался этим предложением, захватил ружье и сумку и, когда арба, скрипя и прыгая по каменистой дороге, скрылась за первым поворотом, зашагал к конюшне.

Около часа, придерживаясь лесной дороги, поднимался я в гору. Дорога, или, вернее, тропинка, шла то в одном, то в другом направлении, постепенно и почти незаметно взбегающая все выше и выше. Несмотря на раннее утро, среди старого орехового леса мне не было холодно. Казалось, лес хранил в себе тепло предыдущего дня. Здесь было сыро, пахло увядающей листвой и гниющим деревом. Но кончился лес. Ниже остались кустарники барбариса и шиповника. Вот и последние корявые деревца арчи поднимаются поодаль одно от другого. А выше, до самого перевала, широко раскинулись луга и горные степи. Когда я проник сюда, с соседних снеговых вершин на меня пахнуло таким «туденым дыханием, что я весь съежился и невольно стал понукать свою лошадку. Мне захотелось как можно скорее выбраться из ущелья на вершину холма, где уже светило хотя и утреннее и осеннее, но яркое и веселое солнце.

Вот я и на перевале. В первый момент солнце ослепило меня, но я повернул к северу и, всем своим существом ощущая живительные лучи, медленно стал спускаться вниз. Впереди лежала горная степь. Пологими увалами она спускалась к подножию, где в дымке тонули пирамидальные тополя и фруктовые сады Афла-туня. Еще ниже, до самого горизонта, уходила едва покатаемая однообразная равнина, залитая золотыми лучами солнца. Чудное осеннее утро, незабываемая картина беспредельного простора! Где-то в стороне громко перекликались красноносые горные галки-клушицы, мимо пролетали небольшие стайки полевых жаворонков, па высоко в прозрачном осеннем небе парила крупная хищная птица — бородатый ягнятник.

Я решил сделать остановку. Пустив лошадку пастись, я только расстелил на траве телогрейку и хотел позавтракать, как над самой моей головой с большой быстротой пронеслась серая птица. Это был сокол-дёрбник. В следующее мгновение он нагнал, и чуть было не схватил летящего жаворонка. Испуганная птичка успела как-то вильнуть в сторону, и дёрбник промахнулся. Тогда он взмыл высоко в воздух и, развивая страшную скорость, вновь понесся по косой линии за улетающей птичкой. Он сразу нагнал ее и... Я с облегчением вздохнул. К моей большой радости, сокол опять промахнулся.

Обычно после одной, реже двух неудачных попыток поймать намеченную жертву дёрбник прекращает преследование. Как будто стыдясь своей неудачи, он, не сокращая скорости, летит дальше, нападая, однако, по пути на всякую другую птичку, застигнутую им в воздухе. На этот раз дёрбник вел себя иначе. Вероятно, он неудачно охотился вчера вечером и был голоден. Это заставило его много раз подряд повторить нападение.

Обе птицы — жаворонки, пытаясь уйти от преследования, и соколки, стараясь овладеть добычей, — поднимались все выше и выше в воздух. Вот они становятся все меньше и меньше и, наконец, кажутся в голубом небе неясными точками. Большая и маленькая точки как будто соединены между собой невидимой пружиной. Они то быстро устремляются друг к другу, то разлетаются в противоположные стороны. Меня поражило упорство дёрбника. «Ведь замучит и непременно поймает утомленную добычу, — думал я. — Разве может слабенькая птичка так долго соревноваться с прекрасным летуном, сильным широкогрудым хищником?» К сожалению, я ничем не мог помочь жаворонку и все это время оставался только зрителем. «Жаль, погибнет наш полевой певец».

И вот именно в этот момент жаворонок, развивая большую скорость, полетел вниз, к земле. Дёрбник кинулся за ним. Этот Прием был особенно опасен для птички и удобен для нападающего Хищника. Он быстро нагнал свою добычу, но, видимо, не рассчитал и промахнулся. Тогда он вторично понесся за падающим Жаворонком. С напряжением следил за птицами. Что сейчас случится? Неужели поймает? — Нет... сокол промахнулся опять. Секунду спустя обе птицы уже с большой быстротой летели вниз, Приближаясь ко мне. Я же, сняв с плеча ружье и напряженно следя за ними, выжидал удобного момента. Вот они спускаются все ниже и ниже. Впившись глазами в сокола, я уже не замечаю Жаворонка. Над самой моей головой дёрбник взмывает вверх и на одно мгновение останавливается в воздухе. Раздается Раздается выстрел, и сокол падает под ноги моей пасущейся лошади, пугая ее своим внезапным падением.

Где же жаворонок? Я замечаю его в двух шагах от себя. Используя меня как своего защитника, он неподвижно сидит в ямке среди полыни и дышит с таким напряжением, что его перышки то поднимаются, то опускаются в такт дыханию. Замученная птичка долго, быть может, минуты три или даже пять остается на одном месте. Когда же я приближаюсь к ней и протягиваю руку, она выбегает из ямки и, издав знакомый мне крик, опасно летит над самой землей и вновь исчезает в траве.

## ПЕРЕПЕЛА

Вспомните, приходилось ли вам когда-нибудь слышать крик перепела? Наверное, приходилось. Ведь перепел ужасно криклив. Он начинает кричать, как только весной подрастут хлеба и травы, и с этого времени кричит до конца июля. Ну как можно не знать или не слышать голоса такой крикливой птицы, если вы хотя бы некоторое время летом побывали среди нашей природы. А главное, громкий и звучный голос птицы, называемый боем, удается слышать в любое время дня и ночи.

Представьте себе раннее летнее утро — тишина царит над полями. До рассвета еще далеко, но уже борется свет с темнотой. Из сумрака едва выступают шалаш на баштане, куст боярышника на краю оврага. В стороне протянулась полоска хлеба, и в ней в эту раннюю пору звучно отбивает свою короткую четкую песню перепел.

Но вот на смену ночи пробуждается яркое утро, блестит солнце, перекликаются, поют птицы, а среди разнообразных их голосов почти непрерывно кричит перепел. Выше и выше поднимается солнце — свежее утро сменяется знойным полднем — ни освежающего ветерка, ни тучки на небе. Постепенно умолкают птицы, все дремлет, утихает — ни звука.

В стороне от пыльной дороги, на целинном участке степи, опустившись на выжженную солнцем почву, дремлют серые волы с большими рогами, поодаль стоит арба, а под ней, растянувшись на животе и выставив из тени загорелые ноги, крепко спит мальчугашка-подросток. Все отдыхают. Только в пожелтевших высоких хлебах, не боясь зноя, неугомонно и бодро кричит перепел.

Солнце спускается к горизонту, наступает теплый летний вечер, сгущаются сумерки, бледнеет, потом совсем погасает заря. День закончен, смолкли дневные обитатели полей и леса, в небе одна за другой загораются звезды. После знойного дня в такой теплый вечер дышится как-то особенно легко и свободно. Не спеша шагаешь межой среди высокого пожелтевшего хлеба, с наслаждением вдыхаешь теплый ароматный воздух. Хорошо, привольно кругом! Трещат насекомые, бесчисленные перепела отбивают повсюду свои песни в хлебах.



Не умолкает перепел и в ночное время. Как-то я проснулся глубокой ночью. Я лежал на душистом сене в телеге, рядом со мной стояла привязанная лошадь и жевала сноп клевера. Я открыл глаза и глянул в небо: оно было усыпано яркими звездами. Кто же меня разбудил среди ночи?

«Ва-ва, ва-ва», — вдруг услышал я как бы в ответ на свое недоумение громкий знакомый голос перепела у самой телеги. Но, видимо, заметив движение лошади, птица прервала начатую песню и вновь закричала спустя минуту. «Ва-ва, ва-ва, спать-пора, спать-пора, спать-пора...» — громко отбивал перепел.

— Да когда сам-то ты спишь? — невольно проворчал я, поворачиваясь на бок.

А неугомонная птица, отбежав в сторону от телеги, продолжала настойчиво выкрикивать звонкую песенку.

Несложная, но в то же время красивая песня, вернее крик перепела. Ведь не случайно этих птиц, ради их звучного боя, держат в неволе многие наши народности. Вы можете услышать голос перепела и в среднерусской деревне, и на Украине, и в ауле, и в шумном городе Средней Азии. Всюду перепел — любимая птица. Нравится и мне крик перепела, и когда я заслышу его, вспоминается многое, в том числе и далекое детство.

Вот просторные комнаты нашей квартиры, в открытые окна, шевеля занавесками, врывается душистый ветер — он приносит запах цветущей сирени. И вдруг замечательно звонкий и сильный перепелиный бой наполняет всю квартиру. Это кричит однокрылый перепел. Без всякой клетки он живет у нас в одной из комнат. Пол ее уставлен цветами и выстлан недавно скошенной травой, издающей запах увядающей зелени. Порой через открытые двери птица проникает и в смежные комнаты, и тогда ее звучный голос слышится то в столовой, то в детской.

Как же попал к нам перепел и почему он был однокрылый?

Это случилось много лет назад, когда я был мальчуганом. Однажды в жаркий весенний день мы с братом решили соорудить примитивный садок для рыбы. «Выкопаем глубокую яму, зальем ее до краев водой и напустим в нее сазанчиков», — обсудили мы свой замысел и тотчас приступили к его выполнению. Расчистив в саду против балкона небольшой участок, мы обвели его чертой и взялись за работу. Старым штыком я разрыхлял твердую почву, брат лопатой отбрасывал комья земли в сторону. Но тяжела земляная работа. К обеду мы изрядно наломали руки и, откровенно говоря, уже без особого энтузиазма думали о продолжении нашей затеи.

— Хорошая идея, — подбодрил нас за обедом отец. — Только знаете, ребята, не грязную яму надо устраивать у балкона, где вода, конечно, сразу испортится, а соорудить цементированный бассейн по всем правилам: с фонтаном и спуском воды. Тогда в нем действительно можно держать рыбу и бассейн украсит, а не испортит, как ваша яма, сад у балкона.

Воодушевленные словами отца, мы вновь после обеда взялись за рытье ямы и проработали до позднего вечера. К сожалению, работа шла медленно, силенок у нас было не так уж много, и, видя это, отец решил нам помочь.

На следующий день, когда мы с братом, вспотевшие и вымазанные глиной, продолжали расширять и углублять яму, на балконе появился отец, а рядом с ним знакомый нам казах Утугун. Утугун жил в кибитке, разбитой в степи близ речки Ахтубы, и славился как отличный землекоп. Конечно, его появление было связано с рытьем бассейна. И пока отец объяснял, зачем и какую нужно выкопать яму, мы с братом, предвидя облегчение, стояли рядом. Вдруг Утугун прервал разговор, запустил руку в карман своего грубого пестрого халата, извлек

оттуда и передал мне живую перепелку. «Джаксы будене (хорошая перепелка) — тебе дарим», — показывая свои белые зубы, улыбнулся Утугун. По моей расплывшейся физиономии он видел, какое громадное удовольствие доставил своим подарком.

Как оказалось, две недели назад, во время ночного перелета, перепелка, ударившись о телеграфную проволоку, отбила правое крыло и была подобрана казахом в степи. Так попал ко мне однокрылый перепел. Он прожил в нашей квартире более десяти лет. Но о его жизни я расскажу позднее.

Перепелка — самый маленький представитель наших куриных птиц: она немногим крупнее скворца. В средней и южной полосе Европы и в Западной Азии перепелка густо заселяет поля и травянистые степи, не избегает редких кустарников и опушек леса. В Восточной Сибири и в Уссурийском крае перепелки часто поселяются на заболоченных участках, если они покрыты высокой травой. Правда, в этих частях обитает так называемая немая, или японская, перепелка. Она имеет почти такую же окраску и размеры, как и наша перепелка, но зато заметно отличается странным криком. Голоса самцов европейской и японской перепелок совершенно различны.

Однажды под вечер, возвращаясь от степных прудов — ставков, где я, охотясь за утками, отстоял две зори, я случайно встретился и познакомился с путевым обходчиком. Этот старичок жил в железнодорожном домике, одиноко стоящем у путей» среди степи в пяти километрах от города. Часто посещая ставки, в прежнее время я всегда пользовался другой, более прямой и короткой дорогой. Однако в этом году, после обильного снега и бурного таяния, распаханная степная почва сильно размокла. Непролазная грязь на этот раз заставила меня отказаться от прямого пути и выбраться на железнодорожную линию. «Ну и мучение!» — думал я, добравшись наконец до твердой почвы, вытирая платком вспотевшее лицо и с раздражением осматривая свои сапоги. К их подошвам прилип толстый слой вязкой глины, от которой я никак не мог освободиться в пути. И теперь я удобно уселся на подсохшую железнодорожную насыпь, вытащил перочинный ножик и стал им очищать обувь.

— Что, грязь одолела? — услышал я за спиной голос.

— Чуть было не одолела, еле ноги вытащил, — обернулся я и увидел на путях маленького старичка.

В руках он держал свернутые флажки, какими пользуются железнодорожники для сигнализации.

— Ну как, на Левшинских ставках утка есть?

— Есть, да мало, — ответил я, — две зори выстоял.

— Шесть селезеньков взяли, не совсем мало; куда больше: не торговать, небось, — усмехнулся старичок.

Разговаривая, мы не спеша пошли по путям к городу.

— Ну, вот я и дома, — остановился мой спутник у железнодорожной будки, — может, зайдете, молочка выпьете?

Я последовал за обходчиком и, войдя в единственную просторную комнату, сразу понял, что попал к большому любителю-птичнику. Около печи на полу помещался широкий, совсем низкий ящик; до половины в нем были насыпаны, вероятно, песок и зола. В ящике копались три перепелки. При нашем приближении они нехотя соскочили на пол и стали отряхивать свое оперение. Облачко пыли поднялось от них и повисло в воздухе. Одно из окон, обращенное к югу, было заставлено сухими ветками, на подоконнике стояла деревянная

кормушка и маленький сосуд с водой; здесь без клетки обитал соловей.

Сообразив после непродолжительного разговора, что я тоже интересуюсь всякой живностью, старик разговорился.

— Это у меня заводная самка, — объяснял он, указывая на одну из перепелок. — Я, знаете, не всегда манком пользуюсь. Ведь не каждый перепел на манок хорошо идет. Пока далеко — не разбирает и бежит, а как близко подойдет — застопорит. Вот тогда мне перепелка и помогает. Эти перепела, — продолжал старик, — замечательные, им цены нет. Как начнут дробь отбивать — мертвого разбудят, ведь я их из многих сотен выбрал. Иной раз недели полторы выслушиваешь, какая птица кричит лучше. Вечером в обход идешь — слушаешь, утром на заре пойдешь — опять слушаешь, а потом лучшую и поймаешь. Интересное это занятие. Вот вы, как немного озимые поднимутся, приходите ко мне с вечера, а на утренней заре пойдем перепелов ловить. Если вы заинтересованы — любого для вас перепела поймаю.

Прошло около месяца. Давно закончилась весенняя охота на селезней, и я, сидя в городе и соскучившись по природе, вспомнил приглашение путевого обходчика. «Обязательно надо познакомиться с перепелиным ловом», — решил я и, выбрав свободный день, под вечер сел на велосипед и направился к знакомому домику.

— Надумали-таки! — встретил меня дед. — Что же, время хорошее — бой в самом разгаре, завтра попытаем счастье.

Ранним утром, вернее глубокой ночью, мы ощупью спустились с крылечка и осторожно зашагали пыльной дорогой, идущей среди хлебов, по направлению к Левшинской балке. Заалел восток, и чуть посветлело, когда мы добрались до намеченного участка.

Хотя было очень темно, но и в предрассветных сумерках я кое-как разобрался в местности. Мы остановились на краю широкой полосы старой залежи, заросшей высоким и густым разнотравьем. Прямо на восток от нее тянулись озимые посевы, где густой хлеб уже успел подняться выше колена.

— Самое перепелиное место, — шепотом сообщил мне дед, не спеша приготавливаясь к лову.

Поверх поднявшегося хлеба мы аккуратно растянули тонкую зеленую сетку и, удобно усевшись среди бурьяна, приступили к делу.

«Тю-тю, тю-тю», — с помощью специальной перепелиной дудочки, почти одновременно ударяя по ее согнутому кожаному меху двумя пальцами, старик издал негромкий двусложный свист. «Тю-тю, тю-тю», — повторил он снова после короткого перерыва. Как ни слаб был этот звук, но в тишине раннего утра его тотчас услышал ближайший перепел и довольно далеко от нас в хлебах отбил ответную бойкую песенку. «Тю-тю, тю-тю», — вновь настойчиво засвистела дудочка в руках деда. На этот раз перепел ответил не сразу. Наверное, он пробежал некоторое расстояние по направлению голоса мнимой самки и вновь отбил песенку значительно ближе. Наступила пауза. Чутко вслушиваясь в тишину, молчал перепел, но упорно не подавал голос и манок в руках деда. «Ва-ва, ва-ва, спать-пора, спать-пора, спать-пора», — совсем недалеко от нас, не дождавшись ответа, закричал перепел и, наугад перебежав еще ближе, повторил песню.

Манок продолжал молчать, но ловец осторожно вытащил из-за пазухи маленькую клеточку с перепелкой-самкой и поставил ее среди травы. «Рю-рю, рю-рю», — услышал я совсем слабый крик самки и тотчас понял, почему мой знакомец так ценит свою манную перепелку и при приближении перепела не пользуется дудочкой. На близком расстоянии звуки манка и перепелки оказались не вполне сходны. Шорох бегущего перепела заставил нас прижаться к

земле и застыть в неподвижности. Он был рядом с нами. «Ва-ва, ва-ва», — громко начал он, но в этот момент брошенный рукой старика неясный темный предмет подкатился к перепелу и заставил его взлететь в воздух. Секунду спустя птица трепыхалась в сети, а дед, забыв о своих годах, на четвереньках быстро заполз под сеть, чтобы вынуть попавшегося перепела.

— Держи, — трясущимися руками передал он мне птицу. Что Произошло дальше, я и сейчас не могу себе ясно представить.

Был ли виноват в этом я или меня подвели трясущиеся руки деда, судить не берусь, но наши отношения после этого глупого случая были непоправимо испорчены. Взятый мной перепел, вероятно, найдя надежную точку опоры, подпрыгнул вверх, выскользнул из моих рук и спустя секунду исчез в темноте. «Крюю-чак-чак-цак», — все, что я услышал от улетающей птицы. Но то, что я услышал от своего спутника — век не забуду.

— Зачем пустил! — переходя сразу на ты, закричал дед. — Да ты мне место это испортил. Ведь я теперь здесь ни одного перепела не поймаю.

Сначала я пытался успокоить расходившегося старика и доказать, что не я один виноват в случившемся, но потом сам вспылал и, наговорив ему кучу дерзостей, отправился прямо к будке за оставленным велосипедом.

Откровенно говоря, было особенно досадно, что из-за нелепой ссоры я лишился очень интересной для меня птицы. Накануне вечером, пройдя к деду, я увидел у него в комнате черную водяную курочку. Медленно переступая на длинных зеленоватых ногах, она то и дело подергивала хвостиком и вела себя так, как будто весь век жила в этой комнате. Как мне она понравилась!

Берите ее себе, если нравится — мне она не нужна, — сказал дед.

Я был в восторге. Но птицу решил взять на обратном пути после перепелиного лова, и, как видит читатель, допустил большую ошибку. Водяной курочке не суждено было попасть в мои руки.

В отличие от других наших куриных представителей, например тетерева, глухаря, рябчика, перепела — настоящие перелетные птицы. Осенью, еще задолго до наступления холода, они покидают свою родину и, пересекая обширные пространства суши, моря и высокие горы, улетают далеко к югу.

Но почему улетаются перепелки и остаются у нас зимовать глухари, рябчики?

Перелетные птицы, в том числе и перепелки, покидают свою родину не столько из-за наступающего осеннего ненастья и холода, сколько из отсутствия зимой корма. Большинство зимующих наших куриных с выпадением глубокого снега почти перестают поедать ягоды. Они взлетают на ветви деревьев и заглатывают молодые побеги, древесные семена и почки. В худших условиях оказываются серые куропатки. Они не умеют садиться на ветви деревьев и вынуждены добывать пищу с земли из-под снега. Но как же поступают серые куропатки, когда после зимних оттепелей, а затем резкого похолодания, снег вдруг покрывается твердой коркой — настом? В этих случаях оседло живущие куропатки, чтобы сохранить жизнь, вынуждены покидать родину и спешить к югу. Много куропаток гибнет в такие голодные годы.

Иначе ведут себя перепелки. Не умея взлетать на деревья и не будучи в состоянии достать пищу из-под мощного снегового покрова, они ежегодно улетаются от нас и проводят холодное время года на далеком юге.

До холодов еще далеко, солнце продолжает светить и греть по-летнему, а выведшие птенцов перепелки уже исчезают из средней полосы нашей страны. Вначале они летят в одиночку, но

чем дальше продвигаются к югу, тем чаще сталкиваются со своими собратьями. Близ Тянь-Шаньской цепи в Средней Азии, у гор Кавказа и Крыма, пролетные перепелки образуют большие скопления. Сколько их бывает там, даже представить трудно! Десятки тысяч птиц неожиданно появляются на холмистых участках в том или другом месте и, пробив здесь только один день, с наступлением темноты вновь летят дальше. Там, где вчера перепелов совсем не было, сегодня вы можете встретить их в великом множестве. Но не рассчитывайте увидеть их здесь и завтра. За ночь они пролетят сотни километров и наводнят местность, где вчера их еще не было. Перелет перепела совершают только в ночное время. Днем вы не заставите лететь перепелку далеко и если спугнете ее — она пролетит самое большее метров двести и, панически боясь дневных хищников, поспежит укрыться в высокой траве.

В конце лета и в самом начале осени в таких степных районах, где перепелов много, они не представляют для охотника ценной добычи. Молодые птицы в этот период еще не вполне доросли и не успели накопить запаса жира. Зачем вам тратить полный заряд на маленькую перепелку, когда вы вышли на степную охоту в надежде отыскать выводок куропаток, встретить на степных ставках уток или столкнуться с дрофами?

Ко времени перелета на обильных осенних кормах перепелки заплывут жиром, соберутся на юге в большом количестве и приобретут в глазах южан-охотников известную ценность. Мал золотник, да дорог. Невелика птица перепел, да зато ее осеннее мясо отличного качества, а охота как никогда добычлива и интересна. И если за другой дичью охотник, жаждущий пострелять, иной раз целый день проходит без выстрела, то на перепелиной охоте он уже «отведет душу» и выпалит все патроны, какие окажутся в патронташе и карманах.

Лет двадцать пять тому назад я впервые познакомился с перепелиной охотой в Крыму и оценил ее по достоинству, а позднее при всяком удобном случае готов был лететь на Южное побережье, чтобы, купаясь в море и охотясь за перепелками, не совсем обычно провести свой отпуск. Вот об этом, хотя бы совсем кратко, мне хочется рассказать читателям.

Не богата охота на Южном берегу Крыма. Зимой еще ничего — зайца, лисицы много, каменной куницы порядочно, вальдшнепы подлетят — есть за чем побродить. Много хуже в начале осеннего сезона. В других местах охотники и их собаки ждут его, как великого праздника. Одни за утками, другие за тетеревиными выводками отправляются, третьи в болоте бекасов вытаптывают.

Ну, а крымскому охотнику первого августа и пострелять не в кого. Местных перепелов совсем мало, да и цена им грош в это время. Зайцы запрещены — еще сезон не подоспел, а другой дичи нет. Конечно, можно пострелять в голубей — горлинок — или в консервные банки, но, увы, не таков крымский охотник. Сколько я ни ездил, где ни побывал, а таких серьезных охотников, как на Южном побережье Крыма, не много видел. Стрельба отличная, с ружьями обращаться умеют, к своим собакам по-хозяйски относятся. Настанет трудное перепелиное время, встретишь охотника с собакой в окрестности, а у нее на ногах кожаные башмачки, чтобы ноги о щебень не била. Конечно, такой пес перепелиный сезон с честью выдержит и, видя к себе заботливое отношение, старается для хозяина без отказа работать.

А надо сказать, что в горных частях Крыма работа для собаки особенно трудная. Холмы, где скапливаются перепела, поросли редкими жесткими кустиками молодого граба. Иной раз зацепит собака ногой за упругую ветвь и до крови обдерет кожу. Еще опаснее для собаки щебнистая почва — шифер. Горячие собаки с первой же охоты в кровь разбивают ноги и выходят из строя. И тогда собака скулит на привязи дома, а охотник уныло бродит по холмам без четвероногого помощника — ведь без него перепелиная охота в значительной мере теряет свою привлекательность.

Медленно тянется август для охотников Алушты. Безоблачное, синее небо, нет ветра — безмятежно бирюзовое море. Наступит выходной день, но ни один из моих старых приятелей

не выйдет с ружьем за город. Зайдите к ним домой, и вы застанете их за работой. Деловито гудит примус, часто стучит маленький молоток шипит и брызжет в кастрюле вода. Это спешно изготавливается мелкая перепелиная дробь — совсем скоро, с первым похолоданием на севере, перепела полетят на зимовки и наводнят Южное побережье Крыма.

Вот и конец августа. Перепела, конечно, уже пошли к югу, но под Алуштой их нет ни единого. Долетят перепелиные стаи до безлесных вершин Крымских гор, отдохнут на Яйле и, пользуясь благоприятной погодой, без остановки в ту же ночь пересекут море, так что их никто не увидит. Лишь изредка налетят перепела в темноте ночи на телеграфную проволоку, и побившиеся о провода птицы свидетельствуют о ночном перелете.

В сентябре в Крыму еще настоящее лето, но погода уже не так устойчива. Частенько на морской горизонт напоздуют клубящиеся облака, в высоких кипарисах засвистит ветер. И тогда по потемневшему морю загуляют седые волны, с шумом и брызгами разбиваясь о прибрежные скалы. Но не думайте, что это осень, — до осени еще далеко. Это беспокойный сентябрь впервые после жаркого лета напоминает вам о грядущем ненастье и холоде. Однако как бывает рад такой погоде охотник Южного берега Крыма! Только бы не стих ветер. И если в течение всей ночи будут так же сердито реветь волны и на морском горизонте не разорвутся темные тучи, ни один перепел не решится лететь через море. Множество перепелов рассядется по безлесным холмам и виноградникам и останется здесь в течение всего дня до наступления ночи.

За свою жизнь я провел в Алуште по меньшей мере двенадцать перепелиных сезонов. Сколько же раз я спал там, как спят во время отпуска другие отдыхающие люди? Думаю, раз десять, во всяком случае, не больше. И если за это одни сочтут меня за ненормального человека, то другие, конечно, найдут оправдание. Какой охотник сможет спокойно спать в перепелиное время?

Ночь — ни зги не видно. До рассвета еще часа полтора, а я уже в полной готовности жду сигнала. Растущее под окном дерево абрикоса настойчиво царапает ветвью по железной крыше. Сегодня этот то сильный, но утихающий звук радует мое сердце — значит, не стих ветер, значит, шумит море — будут перепелиные высыпки. Но где?

Слабый стук в окно прерывает мои мысли. Тотчас осторожно скрипит дверь, я с собакой выхожу во двор и испытующе смотрю на морской горизонт. Размещение туч позволяет предполагать, где ночью опустились пролетные стаи. «Лучше под Корбик», решаем мы с приятелем и направляемся знакомой дорогой.

Чуть брезжит бледный рассвет — мы на месте. Перед утром стихает ветер, умолкает море, меркнут звезды, и только загроможденный тучами южный горизонт напоминает нам о беспокойной ночи.

Охоту на перепелов нельзя начинать рано. Взлетевшая «пестренькая птица положительно растворяется в сумерках; приходится ждать, когда совсем посветлеет. И мы, растянувшись на крупных камнях, еще теплых от вчерашнего солнца, вслушиваемся в монотонный треск насекомых и, болтая о разных вещах, ждем первых лучей солнца.

Но вот на соседних холмах ниже нас звучит один, другой выстрел — пора начинать. И если перепелов много, то отдельные выстрелы вскоре сливаются в нестройную канонаду. Но как бы ни были велики высыпки, стрельба резко прекращается около половины восьмого: ведь все это местные люди, и после перепелиной охоты они спешат своевременно попасть на работу. Только я не спешу домой и, сидя на невысоком холме и провожая глазами охотников, по масти собак издали узнаю их владельцев. Потом тихонько спускаюсь с холмов к морю и, перед тем как окунуться в прохладную воду, долго сижу вдаль от обычно многолюдного пляжа. Опять безоблачно синее небо, безмятежно бирюзовое море, неподвижен еще

прохладный утренний воздух.

В восточных частях Сибири и в Уссурийском крае, где обитает японский перепел, также существует массовый осенний пролет и перепелиный промысел. Птицы летят к югу, у южной границы нашей страны образуют большие скопления, и здесь высоко ценятся как превосходная дичь.

Но мне лично не пришлось ни наблюдать пролета японских перепелов, не участвовать в их осеннем промысле. Вообще японского перепела я знаю не так хорошо, как его европейского собрата. Только в 1938 году я впервые столкнулся и познакомился с этой птицей.

В то время я работал в Уссурийском крае и жил в небольшой деревеньке в нижнем течении реки Большой Уссурки. Целые дни проводил я с ружьем и собакой-лайкой среди природы и домой возвращался обычно поздним вечером.

— Вы какой дорогой к сопкам ходите? — как-то за ужином спросила меня хозяйка.

— Как какой? — несколько удивился я. — Конечно, прямой, через болотину, то есть вашим зимняком, которым вы за дровами ездите.

— А разве вы не знаете, — продолжала моя собеседница, — сколько людей и скотины в этой проклятой трясине погибло? Совсем затянуло.

— Слышал, говорили мне об этом, но не полезу же я через болотину в незнакомом месте. Я уже давно приволок туда срубленную березку; ее как разхватило, чтобы перебросить через всю трясику. Вот по этой кладке и хожу сейчас, и знаете сколько — Целых четыре километра в оба конца сокращаю.

— Верно, — согласилась хозяйка. — Но, правду говоря, озолотите меня, ни за что не пойду этой дорогой, да еще вечером.

Там даже птички не поют — молчит все. Вы не подумайте, что я утопленников боюсь, а все-таки около болотины мне даже днем страшно.

И хозяйка рассказала одну трагическую историю о том, как много лет назад, когда она была девочкой, в болотину затянуло парня из соседней деревни.

— Молод был, — говорила она, — на свои силы понадеялся, вот и затянула трясина. Наверное, увидел он огоньки в наших хатах — совсем близко, снял сапоги, надел их на палку и полез через болото. А утром пастух мимо стада гнал — глядь, на этом месте среди зеленой травы одни сапоги чернеют.

Недели полторы прошло после этого разговора. Как-то вечером я возвращался домой с охоты. Уже темнело, когда я наконец добрался до знакомой болотины и, пощупав рукой в густой прибрежной осоке, извлек оттуда длинный шест. На него я обычно опирался при переходах по скользкой кладке через опасную трясику. Еще не наступили настоящие сумерки, однако с запада, медленно клубясь, напознала тяжелая грозная туча. Она заволочла большую часть неба и окутала в сумрак притихшую природу. Как и перед всякой грозой, на короткое время стих ветерок, замолчали дневные птицы, но не слышно было и голосов ночи. Только среди кустарников, покрывающих окраины болота, монотонно трещала болотная птица — большой погоныш. «Уррррр, уррррр, урррр», — с короткими паузами отчетливо звучал его металлический голос.

Я осторожно перешел на противоположную сторону, тщательно запрятал в заросли шест и, зайдя в неглубокую воду, решил обмыть грязь с сапог. В этот момент пробежал ветерок и стих в низине. Затем налетел новый, более сильный порыв ветра, зашумели осока и листья

кустарников. Я был в легкой рубашке, вспотел перед этим и тотчас почувствовал свежесть и сырость. Сразу кругом стало мрачно и неуютно. «Ничего, — подумал я, — теперь дом рядом, деревня — рукой подать», — и бодро зашагал по знакомой тропинке. Но вдруг сквозь шум непогоды услышал за спиной явственный шепот. Он долетел до моего слуха из-за качающихся кустов, разросшихся по краям трясины. И вместо того чтобы прибавить шагу и до грозы успеть возвратиться домой, пораженный странным звуком, я замер на месте.

За свою жизнь я слышал голоса разнообразных наших животных, но этот странный шепот слышал впервые. Кто мог издавать эти звуки в трясине? Но кругом только шумел ветер, шелестела листва, и поразивший меня звук повторился лишь, когда я двинулся дальше. «Чу-пит-трр», — явственно услышал я шепчущие звуки в болоте. Казалось, что из-за потемневших кустарников кто-то неизвестный показывает на меня пальцем и шепчет кому-то другому непонятные фразы: «Чу-пит-трр, чу-пит-трр». Голос вскоре затих, вернее, болото осталось далеко позади, и странный шепот уже не достигал моего слуха. Кругом рвался и шумел ветер, где-то на островах Имана жалобно кричала сова, квакали лягушки, да под порывами ветра скрипела и хлопала калитка в деревне.

«Вот тебе и слушай рассказы о болотине, где даже не поют птицы, — думал я, ложась спать в этот вечер. — Чего доброго, утопленников бояться будешь, и тогда болотину за два километра обходить придется. Но кто же все-таки мог шептать в болоте?»

Позднее этот шепот не пугал меня, не действовал на мое воображение. Я выяснил, что так кричит японский перепел, образующий в Восточной Сибири и в Уссурийском крае особую географическую расу нашей обыкновенной перепелки. Он обитает не только в полях и на сухих травянистых участках, но и в заросшем высокой травой болоте. Здесь в вечерние сумерки особенно часто удается слышать его странные крики. «Чу-пит-трр», — шепчет неподалеку от вас птица, «чу-пит-трр», — в стороне откликается ей другая.

Однако я так увлекся рассказами о перепелах на свободе, что совсем забыл об однокрылом перепеле, о котором упомянул в самом начале. Этот перепел долго жил в нашей семье. Все привыкли видеть птицу, бегающую свободно по комнатам, привыкли к ее весеннему крику и как-то мало обращали на нее внимания. Живет и живет птица, никому не мешая, вот и все. Вероятно, так же относился перепел к окружающим его людям и к нашей охотничьей собаке Маркизу. Людям он старался не попадать под ноги, и если кто-нибудь из посторонних хотел взять его в руки, он пытался взлететь в воздух. Птица делала сильный прыжок вверх, взмахивала единственным крылом и, перевернувшись несколько раз в воздухе, беспомощно падала на пол.

Маркиза перепел совсем не боялся. Вскочит, бывало, на спящую на полу собаку, примет соответствующую позу и громко прокричит свою звучную песню. Поднимет голову собака, посмотрит на птицу сонными глазами и, сладко потянувшись, вновь задремлет. И только в тех случаях, когда бесцеремонная птица слишком надоеет собаке, умный пес уйдет и уляжется в более спокойном месте.

## НЕИЗВЕСТНОЕ ГНЕЗДЫШКО

Смена погоды часто происходит на вечерней и утренней зорях. Иной раз после непогожего дня, при заходе солнца, вдруг стихнет ветер, поднимутся тучи и наступит тихая, безмятежная ночь. В этот же раз, напротив, на заре погода как-то сразу испортилась. Заходящее солнце потонуло в тяжелых клубящихся тучах, наступила гнетущая тишина. Когда же совсем стемнело, внезапно под Порывами ветра глухо зароптали вершины елей, зашелестели листвой молодые осинки. Надвигалась гроза.



Предвидя дождь, я с особенной тщательностью выбрал место, настлал лапник и растянул над ним маленькую походную палатку. не напрасно. Не успел я закончить приготовление к ночевке, как налетел ураган, ветер завыл, закачались, заскрипели деревья.

Я поспешил в свое убежище, прилег и, прикрывшись курткой с тревогой стал вслушиваться в дикие звуки непогожей ночи. Ветер усиливался с каждой минутой, сверкала молния, грохота гром. Мне было досадно, что, охотясь, я опять зашел далеко от дома и в такую погоду вынужден буду ночевать в глухом, негостеприимном лесу. Да, хороша грозовая ночь дома, когда непогода бушует за окнами, а вас окружают близкие люди, уют и тепло. А впрочем, сколько гроз провел я среди природы, а потом всегда вспоминал их с большим удовольствием. Гроза с детских лет производила на меня сильное впечатление. Она одновременно привлекала, восхищала и пугала меня. Что-то чудное и жуткое кроется в ней.

В эту ночь я долго не мог заснуть — лежал и слушал, как свистит ветер, как скрипят и стонут старые ели. И под эти звуки мне с особенной ясностью вспоминалась одна из гроз, пережитых когда-то на Дальнем Востоке. Страшная была эта гроза и особенно запомнилась мне потому, что во время нее в мои руки не совсем обычно попало гнездышко неизвестной мне маленькой птички. Смешно вспомнить, но много хлопот позднее доставило мне оно.

Лежа в палатке в грозовую ночь, я и решил написать этот рассказ, назвав его «Неизвестное гнездышко». Однако чтобы он был понятнее, я должен рассказать сначала о некоторых моих поездках, во время которых собиралась моя коллекция.

— Нашел время возиться с гнездом, — ворчал мой приятель. — Надо закусить да выспаться после бессонной ночи.

Но я не обращал внимания на слова Сергея. Удобно усевшись на полу у открытого чемодана, я неторопливо уложил в него сначала сухую осоку с пухом, взятую вчера из гнезда утки, а затем шесть ее крупных белых яиц. Перед тем как положить каждое яйцо я внимательно осматривал его скорлупу — нет ли на ней трещинки или вмятины. Это особенно раздражало моего товарища.

— Ты будешь завтракать или нет? — вышел он, наконец, из терпения.

— Сейчас уложу и тогда буду, — заканчивая укладку, ответил я. — Ну, вот и все, теперь я могу быть спокоен, что яйца будут целы. — С этими словами я закрыл чемодан и уселся за стол.

— Знаешь, Женя, — продолжал он, — если бы ты был во всем так аккуратен, как с гнездами, я бы считал тебя замечательным человеком. Но, несмотря на иронический тон приятеля, на усталость и болевшие ссадины, у меня было прекрасное настроение, и я предпочел отмолчаться. «Слово олово, а молчание золото». Что поделаешь? Ведь у каждого человека есть свои слабости. Есть, конечно, слабость и у меня, уже давно я начал собирать коллекцию птичьих яиц.

Как только я поступил в университет и стал часто выезжать в экспедиции, моя коллекция стала расти. Каждую весну я привозил несколько новых для меня кладок. Но уже тогда я строго придерживался известных правил научного коллекционирования: брал гнездо с яйцами лишь в том случае, если оно представляло научную ценность и могло способствовать изучению жизни той или другой птицы. Обязательным условием при этом я считал точное определение вида.

Многие птицы ведут себя у гнезд чрезвычайно осторожно, поэтому добыча их кладок давалась мне нелегко и требовала много времени и терпения. Однажды, например, пытаюсь точно установить, какому виду принадлежали найденные яйца, я часов пять просидел среди высоких кочек в болоте. Меня кусали комары, обжигала мошка, но я продолжал неподвижно

сидеть в засаде, в бинокль рассматривая странную птицу.

— Зачем вы себя так мучите? — удивлялась хозяйка, когда я с распухшим лицом и шеей вернулся домой и во время обеда рассказал ей, как это случилось.

— Да ведь это, хозяйюшка, редкая птица, — уверял я ее. — Через три дня все пройдет, опухоль как рукой снимет, а редчайшее гнездышко у меня уже есть. Да и за птицей удалось понаблюдать, и об этом я обязательно напишу небольшую заметку.

Но я так и не сумел убедить собеседницу.

— Все это хорошо, — продолжала она, — но посмотрите, на кого вы похожи. — Она протянула мне зеркало.

Да разве мало таких случаев было в моей жизни при собирании коллекции — всего не расскажешь!

Вот и на этот раз мы с Сергеем два дня просидели на озере, где, к моей великой радости, я наконец нашел гнездо одной замечательной утки. Эту утку называют савкой. Она значительно меньше кряквы, имеет длинный хвост, состоящий, как у баклана, из жестких перьев, и странную форму головы и клюва. Клюв самцов савки окрашен совсем необычно. Он ярко-голубого цвета. Но не только внешностью замечательна савка, она интересна и своей биологией. Например, яйца этой сравнительно маленькой утки необычно велики — они немного мельче яиц небольшого дикого гуся. Утка сидит на яйцах непродолжительное время в начале насиживания. Позднее зародыш развивается за счет собственного тепла.

В то время я ничего не знал о размножении савки, и, естественно, когда нашел в маленьком гнезде такие крупные яйца, был поражен. Много часов просидел я на маленькой лодчонке среди тростников, издали наблюдая за гнездом незнакомки, но, увы, безуспешно: к гнезду не приблизилась ни одна птица. На чистом Участке озера, недалеко от гнезда, плавали только савки, но не им же принадлежат эти огромные яйца. Так я думал в первые часы наблюдения.

«Неужели это гнездо савки?» — после пяти часов сидения в лодке появилась у меня догадка...

«Несомненно, яйца принадлежат савке», — решил я под вечер и, радуясь своему открытию, взялся за их упаковку.

Для этого я использовал все бывшие со мной пригодные вещи: носовые платки, носки и портянки. Тщательно завернув каждое яйцо, я уложил их в маленькую корзинку, а пустоты между ними заполнил гнездовым материалом, состоящим из сухой осоки и утиного пуха.

Солнце опустилось уже к самому горизонту, когда я причалил лодку к берегу и, повесив корзинку на плечи, направился к нашему лагерю.

— Когда же мы теперь домой доберемся? — этими словами встретил меня приятель. И хотя до дома было не более 10 километров, вопрос был уместен. Этот мучительный переход я буду вспоминать в течение всей жизни.

Вдоль сухого русла, носившего название Сур-арык, пышно разрослись колючие тугайные заросли. Уже в полной темноте мы добрались до этого места. Бесчисленные соловьи без умолку пели в зарослях, где-то жалобно кричали птенцы ушастой совы, да вдали, вероятно в ауле, лаяли собаки. Мы хорошо знали тропинку, по которой было нетрудно пересечь в общем неширокую полосу колючих порослей. Но в эту темную ночь нам не удалось ее обнаружить. Отыскивая ее, мы окончательно сбились с дороги и, наверное, часа полтора продирались то в одном, то в другом направлении сквозь колючую чащу.

Однако всему бывает конец — кончились, казалось, и наши мучения. Лес остался позади; мы выбрались на открытое место. Это было для нас настоящим торжеством. К сожалению, оно продолжалось недолго. Из колючего тугая мы попали на казахские огороды. Небольшие участки земли оказались разделенными живыми колючими изгородями. Продираясь сквозь них в темноте в надежде найти выход из этого колючего окружения, я в конце концов провалился в сухой колодец. Когда с помощью Сергей я выбрался из глубокой ямы, меня интересовали не ушибы, не ссадины, а только корзиночка с утиной кладкой.

Чуть брезжил ранний утренний рассвет. Мы с Сергеем, измученные и голодные, возвратились домой. Но вместо того чтобы утолить голод и улечься спать, в первую очередь я занялся осмотром яиц и их укладкой в более надежное место.

Об этом случае я рассказал для того, чтобы показать читателям, как собиралась моя коллекция. Она потребовала многих лет, настойчивости и большого терпения. Зато в ней нет неправильно определенных кладок. Приложенная к каждому гнезду этикетка расскажет вам, чьи это яйца, где, в какой обстановке и когда они собраны, а специальная карточка в картотеке поведает о поведении птицы у гнезда. Но для меня эта коллекция представляет не только научную ценность. Она дорога мне и тем, что по ней я, как по книге, читаю о прошлых своих путешествиях. И когда мне приходится еще раз просматривать гнезда, собранные в различных частях нашей Родины, в моем воспоминании попутно воскресают то снеговые горы с сизыми скалами, то шуршащие на ветру тростниковые заросли, то пустыни и степи с ярким голубым небом и поющими жаворонками. Когда-то, изучая птиц, я побывал здесь и достал ту или другую кладку, которая и сейчас хранится в моей коллекции.

И вот однажды случилось необычайное происшествие. В моей коллекции вдруг появилось совсем неизвестное для меня гнездышко. С тех пор уже двенадцать лет оно лежит в картонной коробочке со стеклянной крышкой; сквозь стекло видны пять маленьких яичек. Чьи же это яйца, как они попали ко мне и почему, несмотря на существующие жесткие правила, они продолжают занимать место в моей коллекции? Вот об этом я сейчас и расскажу читателям.

Неизвестное гнездышко попало мне в руки в Уссурийском крае в 1939 году.

В ту весну, изучая местных птиц, я поднялся вверх по реке Большой Уссурке и поселился в небольшом русском селении. Отсюда я ежедневно ходил то на острова реки, поросшие шумливым лиственным лесом, то в молчаливую хвойную тайгу сопки. Однажды я поднялся на ноги еще до рассвета. Уложив в заплечный мешок завтрак и взяв ружье, я свистнул собаку и тропинкой направился вверх по Большой Уссурке. Еще царил полумрак, когда я, поднявшись на перевал невысокой сопки, остановился, чтобы сверху получше осмотреть окрестность. Сегодня мне хотелось использовать ясную безветренную погоду, чтобы исследовать горную территорию, расположенную к северу от маленького селения.

С перевала было хорошо видно реку. Светлой лентой она извивалась среди неподвижного величавого леса и уходила на запад. Впереди, в глубокой туманной низине, едва виднелся небольшой открытый участок, а на нем разбросанные в беспорядке домики. В этот ранний час природа еще не успела проснуться: дремал лес, не было слышно дневных голосов. Только внизу, на каменистых перекатах реки, журчала вода, в хвойном лесу куковала кукушка, да где-то вдали глухо кричал рыбий филин. Вволю насмотревшись на эту картину, я спустился к селению, перешел лесной ручеек и, придерживаясь его, стал подниматься по склону. Когда я, наконец, достиг вершины сопки, стало совсем светло, над лесным простором поднялось солнце — наступил яркий весенний день.

Хорошая погода позволила мне во всех направлениях исследовать этот лесной участок. Сначала я углубился в темную и глухую тайгу. Но птиц там оказалось так мало, а комаров такое множество, что я поспешил выбраться оттуда на более открытое место. Я вновь

поднялся на вершину сопки и, придерживаясь ее гребня, стал медленно спускаться к речной долине. Хвойная тайга осталась ниже по склонам; ее сменил смешанный веселый лес. Небольшие участки мелколесья чередовались с темными группами елей, высоко поднимали над лесом свои вершины великаны-тополи и кедры. Отсутствие здесь сплошного полога позволяло всюду проникать солнцу, тянул освежающий ветер, отгоняя от лица назойливых насекомых.

Наблюдая за птицами, я не заметил, как солнце перевалило за полдень. «Пора закусить», — подумал я, и только хотел выбрать место для отдыха, как из-под самой моей ноги выпорхнула маленькая птичка и тут же исчезла среди валежника. «Как странно вылетела! Так обычно вылетают птицы с гнезда». С этой мыслью я наклонился и, отодвинув рукой папоротник, среди мха у основания большой ели заметил маленькое гнездышко с пятью голубыми яичками. Чьи же это яйца? Голубые и на земле — наверное, какой-нибудь завирушки? Впрочем, что гадать? Я отошел в сторону, расстелил куртку и вытащил завтрак. Прошло более получаса, а птичка не появлялась. Мне показалось это несколько странным. Я поднялся и подошел к гнезду. Когда между гнездом и мной оставалось не более шага, птичка выпорхнула опять, но и на этот раз с такой быстротой исчезла среди хвороста, что я не смог рассмотреть ее окраски.

«Что за странность? — пожал я плечами. — Почему я не заметил ее, когда она подлетела к гнезду?» Я собрал вещи, отозвал лайку и, удалившись от этого места, наверное, минут двадцать ходил по лесу, а потом вновь подошел к гнезду, но уже с той стороны, куда неизвестная птичка улетала при моем приближении. Я подходил к гнезду особенно осторожно, едва переставляя ноги, всматриваясь в папоротник, — надеялся увидеть сидящую, а гнезде незнакомку. Но птичка, слетая, опять лишь на одно мгновение мелькнула перед глазами.

Тогда я опустился у гнезда на колени и в бинокль стал рассматривать хворост — должна же она, наконец, появиться на открытом месте. Мое внимание отвлекла большая черная белогрудая белка. Она появилась на соседней ели, суетливо бегала по ее ветвям, подергивала пушистым хвостом, чокала, выражая всем своим поведением необычайное возбуждение. «Ну чего она суетится?» — с досадой подумал я.

Вдруг в лесу стало сумрачно, звуки стихли. Я невольно повернул голову и увидел на небе грозовую тучу. Она медленно ползла в моем направлении; в ней было что-то необыкновенное. Край черного облака был оторочен угловатой багровой линией. Ниже ее четко вырисовывался овальный клочок голубого неба. Этот клочок и изогнутая оторочка тучи удивительно напоминали глаз и бровь рассерженного человека. Глаз смотрел с неба с такой злобной угрозой, что у меня сжалось сердце, захотелось поскорее уйти отсюда, куда-то спрятаться. Но в эту минуту ко мне шарахнулась моя собака, шерсть ее поднялась дыбом. Я повернулся и недалеко от себя увидел большого медведя. Он несколько приподнялся на задних лапах, тянул носом, с удивлением вертел головой, видимо, желая выяснить, что за непонятное существо копошится под елью среди высокого папоротника. Я почувствовал себя в ловушке. Сзади надвигалась гроза, сквозь страшное облако глядел угрожающий глаз, впереди стоял крупный медведь. «Что ты там делаешь, зачем обижаешь маленькую беззащитную птичку?» — казалось, вопрошало небо. «Зачем ты разбойничаешь в моих владениях, какое право ты имеешь трогать в лесу гнездо птички?» — выражала вся фигура медведя, недружелюбно смотревшего на меня, непрошеного гостя. Но вместо того чтобы признать свой поступок несправедливым и с миром уйти из лесу, я поспешно взвел курок ружья и, держа его наготове, осторожно извлек из мха гнездо с голубыми яичками. Пятясь назад и продолжая держать наготове ружье, я отступил от этого места. Когда фигура медведя исчезла за хвоей, я большими шагами, вернее прыжками, стал спускаться по крутому склону все ниже и ниже.

А в это время уже бушевала гроза. Среди мрака сверкали молнии, грохотали,

перекатывались громовые удары, из стороны в сторону метались молодые березки, глухо роптали, размахивая Мохнатыми потемневшими ветвями, старые кедры. Жутко было в лесу. Казалось, вся природа, недавно такая ласковая и веселая, сейчас враждебно относилась ко мне за мой поступок и старалась выразить это в сильных движениях и звуках. Я же сквозь непогоду спешил уйти из враждебного леса, как можно скорее спуститься с сопки.

Вот и знакомый ручей, но во что он превратился за такое короткое время! Мутный, ревущий поток отрезал мое отступление. Наскоро уложил я в коробочку, а затем в заплечный мешок гнездышко, снял с плеча ружье и перебросил его на высокий кустарник противоположного берега. Следом за ружьем воздушный полет совершила и собака. Пытаясь сохранить равновесие, она лишь повертела пушистым хвостом в воздухе. Менее удачно переправился я. Поток сбил меня с ног, но я ухватился за нависшую ветвь прибрежной ивы, и силой воды меня выбросило на противоположный берег.

Когда я шел уже знакомой тропинкой, кругом было так темно, как в поздние сумерки. Порой ослепительно сверкала молния, грохотал гром, ревела вода, потоками низвергаясь с серого неба, катясь по оврагам к мутному руслу Большой Уссурки.

Зачем я разорил гнездышко? Ведь я не знаю, чьи это яйца, а при этих условиях они не представляют для меня никакой ценности. Впрочем, гнездо все равно бы погибло. Обнюхивая мои следы, медведь нашел бы его и, конечно, съел бы все содержимое. Да, кроме того, я обязательно выясню, какой птице принадлежит гнездо, и тогда мой поступок будет оправдан.

«Но все-таки — чьи это яйца? — ломал я голову. — Наверное, какой-нибудь завирушки?» И я написал на этикетке это название птицы, поставив, однако, большой вопрос. «Выясню, когда возвращусь в Москву», — решил я и старался больше об этом не думать. Но невольно сомнение в правильности определения с каждым днем возрастало. Завирушка ли это? Почему они не попадаются во время экскурсий? Ведь это заметные птички и пропустить их довольно трудно. Когда же я возвратился в Москву и внимательно осмотрел несколько гнезд завирушек моей коллекции, мне стало ясно, что я ошибся. В гнездах этих птичек совершенно не было конского волоса, и, напротив, его было много в неизвестном гнездышке, добытом мной в Уссурийском крае. «Значит, это не завирушка, а какая-то другая птичка», — приуныл я.

Прошло около года. Однажды, просматривая старую специальную литературу, я прочел интересную заметку. В ней было указано, что одна из птичек Уссурийского края — сибирская горихвостка — устраивает свои гнезда на земле среди горного леса и откладывает иногда пятнистые, а иногда яркие голубые яйца. Не этой ли горихвостке принадлежат голубые яички, которые я нашел в июне 1939 года в Уссурийском крае? Ведь эти птички часто попадались мне во время экскурсии.

И вот я вновь обратился к своей коллекции и сравнил неизвестные яйца с яйцами обыкновенной горихвостки. По моим расчетам, у этих близких видов яйца должны иметь много общего. И я не ошибся — между ними не оказалось почти никакой разницы. Наконец-то удалось добиться точного определения — я уничтожил старую и написал новую этикетку.

Одно меня только смущало: кладки обыкновенной горихвостки были собраны без гнезд, и потому я не мог сравнить их строительный материал. «Сделаю это в первую весну, — решил я, — ведь гнезда обыкновенной горихвостки под Москвой не представляют редкости».

Под названием «сибирская горихвостка» с маленьким вопросом кладка продолжала сохраняться в коллекции до тех пор, пока мне не удалось осмотреть целую серию гнезд обыкновенной горихвостки. Представьте же мое разочарование: гнезда оказались различными. В гнездах обыкновенных горихвосток было много перьев, и отсутствовал конский волос; в неизвестном гнездышке не было перьев, но было много конского волоса.

Неужели и на этот раз я допустил ошибку? Неужели это не сибирская горихвостка? И вновь на злосчастной этикетке появился большой вопросительный знак.

С тех пор прошло много лет. Недавно один из московских орнитологов, возвратившись из Уссурийского края, показал мне кладку замечательной птички — синего соловья. Маленькие ярко-голубые яички его оказались чрезвычайно похожи на когда-то добытые мной в сопках.

«А вдруг неизвестное гнездышко принадлежит синему соловью?» — мелькнула у меня догадка. Когда же Константин Александрович (так звали орнитолога) рассказал, в какой обстановке он нашел гнездышко и как осторожно вела себя птичка, я перестал сомневаться в правильности своей догадки.

— У меня нет гнезда, — продолжал Константин Александрович, — но зато в дневнике есть подробное описание материала, из которого оно было построено. Я покажу его вам.

Возвратившись домой, я весь вечер копался в своей коллекции. В ней были представлены несколько соловьиных гнезд, принадлежащих различным видам, собранных в средней полосе, на Сырдарье, в Тянь-Шане и в Уссурийском крае. И знаете, что оказалось — все гнезда содержали довольно много конского волоса и волоса диких животных. Это облегчило мою задачу. Чтобы точно определить, какому виду принадлежит неизвестное гнездышко, и снабдить его верной этикеткой, оставалось только получить сведения от Константина Александровича.

Наконец 19 апреля 1951 года я получил нужные данные. В двух гнездах, осмотренных Константином Александровичем, оказалось довольно много волос местных оленей. Конского волоса не было, вероятно, по той причине, что гнезда найдены в глухой тайге, вдали от селений и домашних животных. Таким образом, пока мне удалось точно установить, какому виду принадлежит добытое мной на Большой Уссурке гнездышко, прошло много времени: я его взял 14 июня 1939 года, а точно определил 19 апреля 1951 года.

В заключение необходимо сказать о вреде собирания птичьих яиц. Без определенной цели многие ребята увлекаются отыскиванием птичьих гнезд и собиранием коллекций. Они соревнуются между собой — каждый старается за весенний сезон разыскать и собрать как можно больше птичьих яичек. Это быстро сказывается на численности пернатого населения: в садах городов и в их ближайших окрестностях птиц — друзей человека — становится мало. Вредное это дело, стоит ли им заниматься?

В настоящее время яйца почти всех наших птиц хорошо известны ученым; не описаны только немногие редкие виды, населяющие отдаленные и труднодоступные уголки нашей обширной страны. Собирая птичьи яйца, даже ученому бывает нелегко обогатить новыми сведениями нашу орнитологию.

Что же при этих условиях может дать собирание птичьих гнезд ребятам? Безусловно, один только вред. И в то же время надо сказать, что образ жизни многих птиц и в наше время остается слабо изученным. Мало известно, сколько дней насиживает яйца та или другая птица, кто (самец или самка) строит гнездо, чем вскармливаются птенцы, на какой день жизни они покидают гнездо. Не лучше ли ребятам направить избыток энергии не на разорение гнезд, а на, безусловно, полезное дело — на охрану птиц и тщательное изучение их образа жизни и размножения!

## НЕОБЫЧНОЕ ПЕНИЕ

Я не понимаю музыки. Она редко доходит до моего сознания и обычно не волнует меня. Это мой большой недостаток. И потому я не хожу на концерты и, откровенно признаться, неограниченное время могу обходиться без тех звуков, которые издают наши музыкальные инструменты. Впрочем, после того как мой сын разъяснил мне сущность и содержание Пятой симфонии Бетховена, я уже слушаю эту превосходную вещь не только со вниманием, но и с большим удовольствием.

И в то же время я болезненно, до тонкости воспринимаю те несложные звуки и шорохи, которыми так богата наша природа. Порыв ветра перед грозой, ропот хвойного леса, шелест листьев осинки, свист крыльев пролетающих уток или рывкание косолапого мишки среди бурелома в мрачной тайге — все это сочетается в моем сознании во что-то целое, определенное и запоминается на всю жизнь. Это и есть моя примитивная музыка; ее я понимаю всем своим существом, скучаю о ней, если не слышу долго, и люблю до страсти. Лишите меня этих звуков, и моя жизнь потеряет всякую привлекательность и превратится в однообразное скучное прозябание.

Как-то в воскресный день в первых числах июня 1955 года я вышел из поселка, пересек линию железной дороги, идущую к Советской Гавани, и направился к берегу реки Гура. «Не пойду завтра в тайгу, — решил я еще с вечера, — надо же отдохнуть хоть один раз в неделю. Пойду на берег реки, посижу там, поброжу по ивнякам — ведь и здесь я найду что-нибудь интересное». Кроме того, мне хотелось посмотреть, как местные жители ловят рыбу при помощи странного ящика — снасти, названной русскими рыбаками «нахаловкой». Этот способ во время последней войны был завезен в Приморье пленными японцами.

— Вода сейчас чиста, как стекло, в сеть не пойдет рыба, да и на крючок плохо берется — леску видит. Вот мы и лезем нахально в воду и ловим рыбу нахаловкой, — объяснил мне как-то парень, снимая с плеча огромную сумку и вытряхивая из нее на траву целую кучу крупных линьков, хариусов и даже тайменя. Зная, что в воскресный день любители рыбной ловли соберутся на берегу студеной Гуры, я и спешил к этому месту. Но неожиданно послышалось на ближайшей сопке незнакомое и своеобразное птичье пение, и, вслушиваясь в него, я остановился как вкопанный. Казалось, кто-то играл на флейте. Впрочем, не играл, я неправильно выражаюсь, а только пробовал взять несложную гамму. «Тиий...тиию... туюю-тууу», — едва долетали до моего слуха протяжные минорные звуки. В них не было никакой особенной прелести, они были просто тоскливы, но их я слышал впервые. «Кто же из пернатых издает подобные звуки?» — копался я в своей памяти. Пение несколько напоминало пение щура — довольно крупной птички из семейства вьюрковых. Поздней осенью и зимой стаи щуров иногда появляются в лесах и даже в садах нашей средней лесной полосы. Впрочем, это, конечно, не щур. Щур так не поет. Да и щур — типичная птица тайги или даже угнетенных лесов нашего Севера, а незнакомец пел на сопке, поросшей Молодой высокой осинкой, где старые кедры и лиственницы росли Редкими одиночками. Разве это щуриное место?

И хотя еще с вечера я решил сходить на берег реки, загадочные птичьи звуки целиком завладели моим вниманием. Я круто свернул с дороги и направился к сопке.

Изучая состав птичьего населения той или другой местности, я в первую очередь стараюсь запомнить незнакомый мне голос. Выслушаю пение или крик и, если удастся добыть их владельца, навсегда запомню и голос, и птицу. Пожалуй, так поступают все орнитологи. К сожалению, нет надежнее и вернее этого жестокого способа.

Вскоре я достиг подножия сопки и стал медленно подниматься вверх по ее склону. Но вот странность! Пение все время слышалось впереди настолько далеко, что мне ни разу не удалось увидеть птицу. Вскоре стало ясно, что певцов здесь не менее десятка и что они ведут себя со мной чрезвычайно осторожно. И когда я подходил к ближайшему певцу, он переставал петь, а продолжал пение другой, находящийся от меня значительно дальше.

Много часов подряд, не замечая времени, я был занят этой увлекательной, но очень трудной охотой. Поднимался по крутым склонам до самой вершины сопки, спускался или съезжал в сырые лесные овраги, где журчали и искрились ручейки, опять поднимался вверх и вновь спускался к подножию сопки. «Неужели мне так и не удастся увидеть поющую птицу?» — с досадой думал я, глядя на высокую сопку. Но, вновь заслышав тягучую песню, набирался терпения и начинал все сначала. Только мои попытки на этот раз не увенчались успехом; измученный и голодный, я с трудом доплелся домой к обеду с пустыми руками.

— Ну как охота сегодня? — спросил за обедом хозяин.

— Просто никак, ничего не добыл и не стрелял даже, — едва скрывая досаду, ответил я. — Всю вашу, как ее... Кузнецовскую сопку излазил. Все гонялся за какими-то дурацкими птицами, да так и не сумел добыть ни одного экземпляра.

— Какие же это птицы?

— Не знаю какие, увидеть не удалось. Слышал издали пение — свист, тягучий такой. Да его от вашего дома слышно. Только от речки в сторону отойти нужно, а то вода сильно шумит, слушать мешает.

— А, знаю, верно, свистят, — кивнул головой Василий Ульянович. — На этой сопке их действительно много живет. Как они называются, я, право, не знаю. Ведь на маленьких птичек у нас, охотников, нет названий — ни к чему они нам. А видеть их приходилось. Средняя птичка, однако крупнее воробья, раза в два больше его. Грудь и брюхо, как кирпич, цвета такого, а голова и спина синие.

— Значит, кирпичного цвета и синего... Интересно, какая же птица может быть так окрашена? — перебрал я в памяти местных пернатых, но так и не пришел тогда ни к какому определенному выводу. Много яркоокрашенных птичек обитало в роскошной смешанной тайге этой части Приморья, и какую из них видел хозяин, я так и не смог догадаться.

— А вы не обратили внимания, где и в какие часы эти птицы поют особенно часто? — спросил я.

— Поют на всех сопках; а вот в какие часы, точно не знаю. Думается, как и другие птицы; ранним утром поют особенно хорошо. Когда ночуешь в тайге, утром, на рассвете, от птичьего писка и пения просыпаешься. И рябчик тянет, высвистывает свою песенку, и кукушка кричит, и множество всяких пичуг щебечет, и каждая на свой лад — настоящий концерт в лесу. А как взойдет солнце, роса заблестит на траве, стихнут немного птицы. Не то что меньше их станет, а поют они не с таким азартом. И чем выше поднимается солнце над лесом, тем реже подают голос, и к полудню, когда станет жарко, смолкнут совсем. И в тайге станет тихо... А к вечеру, едва солнце спустится к лесу, опять петь начнут — только меньше поют и не все сразу.

— Пожалуй, я пойду завтра под вечер и на целую ночь. До тех пор буду ходить по сопкам, пока не добуду эту незнакомую птицу, благо сейчас еще ночью прохладно, комаров мало и в лесу, если устанешь, посидеть можно.

— Конечно, на ночь самое лучшее. Вы только идите нашей долиной вверх по ручью. Слева будут сопки со старым кедром, а справа — с высоким тонким осинником. Из долины выслушать легче, где поют птицы. А когда услышите — тогда прямо к месту и поднимитесь.

Так я и поступил. Под вечер на другой день, когда солнце низко спустилось над лесом, я пошел вверх по ручью и спустя полчаса был на месте. Усевшись на широкий пенек и поставив рядом с собой ружье, я стал слушать, где поют птицы.



Кругом в этот тихий вечер было как-то особенно хорошо. Вырубленная долина заросла молодой березкой и ивой; лишь Местами уцелели старые ели и кедры. К западу от меня поднималась сопка, сплошь покрытая густым и высоким кедровником. В стороне пенился и журчал ручей. Но птиц было мало.

Где-то высоко в небе пронзительно кричали стрижи, да порой с песней в воздух поднимался зеленый конек и вновь садился на верхушку березки. Прошло мимо стадо. Щелкал длинный бич пастуха, звенели колокольцы. Потом стихли и эти звуки. За зубчатой стеной леса скрылось солнце, надвигались сумерки.

«Джиу-джи, джиу-джи!» — вдруг услышал я знакомый крик птицы. Это куковала ширококрылая кукушка. Странная, интересная птица. Благодаря своей исключительной осторожности она редко попадает в коллекции. И невольно, приготовив ружье, я стал подходить к группе кедров, откуда доносились жужжащие звуки.

Усядется ширококрылая кукушка на сухую вершину старого высокого дерева, и до наступления полной темноты разносится по молчаливой тайге ее странное кукование.

«Джиу-джи!» — негромко и вкрадчиво прокричит птица. «Джиу-джи!» — уже громче крикнет она вторично. «Джиу-джи!» — неистовым голосом заорет на весь лес и вдруг затихнет, чутко вслушиваясь в сумеречные звуки и, вероятно, ожидая, когда на ее кукование подлетит, наконец, самка. Необыкновенно трудна охота за этой таежной птицей: во всех направлениях на вашем пути лежат упавшие старые кедры, скользким мохом покрыты скалы — труднопроходимая тайга.

Долго стоял я на вырубке в надежде услышать минорный свист незнакомца, но бесполезно. Вообще птичьего пения почти не было слышно. Стемнело. Множество звезд загорелось на небе, стих ветерок. Только в стороне журчал неугомонный ручей, время от времени подавала голос ширококрылая кукушка, да где-то далеко вверх по долине кричала крупная сова — длиннохвостная неясность.

Оставаться в потемневшей долине не было смысла. Я вышел на знакомую тропку и не спеша, с пустыми руками, возвращался домой. Не подумайте только, что я потерял надежду разгадать загадку. Напротив, был глубоко уверен, что вскоре достигну намеченной цели.

Утром на другой день я опять отправился на знакомую сопку и вновь безуспешно пробродил на ней до самого вечера. И вдруг, когда в лесу потемнело, я услышал совсем незнакомое пение; оно меня поразило. «Кто же это поет? Какая еще новая, неизвестная птица?» — ломал я голову. И чем темнее становилось в лесу, тем отчетливее и громче лились чудные звуки. Стараясь не зацепить кустика, не произвести в сонном лесу ни единого лишнего шороха, я стал медленно идти на голос.

Вот среди молодых стройных осин высоко поднимается к небу отживающая свой долгий век корявая лиственница. Ее вершина расползлась в стороны, многие ветви засохли. Отсюда и доносилось незнакомое пение. Еще несколько минут напряженного внимания — и на светлом фоне вечерней зари замечаю силуэт незнакомки. Птица не остается долго на одном месте: то и дело соскальзывает с ветви и, медленно взмахивая крыльями, как бы плавает над деревом в воздухе, и вновь на короткое время садится на его вершину. И во время ее полета чутко дремлющий лес наполняется странными звуками: они сливаются в необычную и прекрасную песнь. К сожалению, у меня не хватает ни слов, ни умения, чтобы рассказать другим, чем именно замечательна и красива была эта песня. Но когда я слушал ее, она поражала оригинальностью звуков и производила чарующее впечатление.

В далеком детстве я был также поражен, когда в один из новогодних дней десяток разноцветных бенгальских огней неожиданно осветил нарядную елку в темной комнате. И сейчас я неподвижно стоял в полумраке молодого осинника, смотрел на вершину старой

лиственницы, стараясь уловить и запомнить сложные переливы, и сравнивал их с пением других знакомых мне птиц. Но песня изобиловала неожиданными вариантами и отличалась от всего, что я слышал в прошлом. Отличалась так же, как среднерусский пейзаж, нарисованный русским художником, отличается от своеобразной японской живописи.

Низко над моей головой, циркая и хоркая, пролетел вальдшнеп. До страсти я люблю вальдшнепиную тягу. Однако на этот раз я почти не обратил на него внимания. Меня интересовали только незнакомое пение и птица, которая продолжала оставаться для меня загадкой. И вот в тишине грянул безжалостный выстрел. Он прокатился по лесу и откликнулся эхом в далеких сопках. С помощью карманного фонаря, ползая на четвереньках, я отыскал среди прошлогодней листвы небольшую птичку. Она отличалась яркой и в то же время аляповатой, грубой окраской. Ее грудь и брюшко покрывало кирпично-красное оперение, верхняя часть головы и затылок блестели голубым цветом.

Я узнал в ней незнакомку, которую так верно описал мой хозяин-охотник. Вероятно, настоящую песню этой замечательной птицы удастся слышать не в дневное время, а с наступлением в лесу сумерек и темноты. Называется она лесной каменный дрозд. Экземпляр лесного дрозда, добытый в сопках реки Гуры, и сейчас хранится в моей коллекции.

## ПЕРЕВЕДЕННЫЕ ЧАСЫ

Когда в августе мне случается отдыхать на Южном берегу Крыма, признаться, я бываю не очень доволен. В это время особенно теплое и спокойное море, появляются фрукты. Можно хорошо покупаться, полежать на горячем песке, поесть виноград. Одна беда — в августе на Южном берегу полуострова почти нет никакой охоты. Местной дичи здесь очень мало, а массовый пролет с Севера еще не начался.

Иной раз спозаранку встаю я с постели, выхожу на холмы за город и, усевшись, терпеливо ожидаю рассвет. И, как правило, не найдя ни одной дичины, не спеша спускаюсь с холмов к берегу моря, покупаюсь немного и возвращаюсь домой. На пыльной дороге попадутся серенькие птички — хохлатые жаворонки, сорокопута-жулана увидишь на сухой вершине кустарника, да где-то в стороне цикнет синица.

Как-то в двадцатых числах августа в Алуште, где я отдыхал, выдался особенно жаркий день и необычайно душная ночь. После купания в море с вечера я крепко уснул, но вскоре проснулся от духоты да так и не мог сомкнуть глаз. Поднявшись с постели, я вышел на воздух. Стояла тихая и яркая ночь. Мириады звезд мерцали на небе, да из садов доносился несмолкаемый гомон ночных насекомых. Спать не хотелось. «Но чем бы заняться?» — думал я, доставая из кармана часы и пытаюсь в сумраке рассмотреть стрелки. Скоро пять, до рассвета не особенно долго. Я вздохнул свободнее. Но странным показалось мне, как быстро прошла эта душная крымская ночь. Не пойти ли на холмы, к Старой бойне? Вдруг, на мое счастье, встретятся перепелки. Недолго думая, я переоделся в костюм, в котором обычно ходил на охоту, взял ружье и патроны и, миновав городок, стал медленно подниматься по склону.

Вот и вершина одного из широких холмов. Мелкий кустарник и колючая сухая трава покрывают твердую, каменистую почву. Выбрав удобное место, я сел на полянке и стал ждать рассвета. Снизу едва доносился невнятный шум морского прибоя. Волны чуть вздымались на морской глади и сонно рассыпались, набегаая на берег. Кажется, без конца можно смотреть на эту картину, слушать ночные звуки. И на этот раз, право, не знаю, сколько времени я просидел таким образом.

Но почему так долго не рассветает? Неужели в темноте я перепутал на часах стрелки?

Вдруг над головой крикнула птица. Этот хорошо знакомый мне крик, безусловно, принадлежал пролетающей перепелке. Потом где-то поблизости с той же полянки взлетела другая птица. С характерным шумом крыльев она поднялась на воздух и, повторяя свое «чак-чак-чак», быстро пронеслась совсем близко мимо меня к морю. Значит, есть пролетные перепелки. «Вот удача! — торжествовал я. — Скоро рассвет, будет охота», В этот момент низко над головой со свистом и кряканьем пролетела утиная стая, затем в небе крикнула ночная цапля и в довершение всего засвистели крупные кулики-кроншнепы. Вероятно, свыше десятка птиц, долетев до морского берега, стали описывать большие круги в поисках места для отдыха. И безмятежная ночь сразу наполнилась их печальными, чудными голосами.

Еще долго я сидел на вершине холма над морем, вслушивался в ночные крики летевших к югу пернатых и с нетерпением ждал солнца. Впервые я был свидетелем большого ночного пролета птиц на Южном берегу Крыма и был уверен, что утром здесь, на холмах, будет Неплохая охота. Но надежды мои не оправдались.

Рассвело. Взошло солнце. Держа ружье наготове, я стал обходить полянки, заросшие колючкой лощинки, мелкий дубовый кустарник. Но ни перепелов, ни другой дичи не было видно. Часа полтора, не доверяя своим глазам, бродил я с ружьем по пологим холмам, тщательно топтал кустарники в надежде найти хоть что-нибудь интересное. И представьте себе — без результата!

Когда солнце поднялось высоко и я обычным путем возвращался домой, на пыльной дороге вновь встретил тех же хохлатых жаворонков и сорокопутов-жуланов, неподвижно сидевших на сухих верхушках колючих кустарников.

Беспокойны ребячьи руки. Дома я точно установил, что, добравшись до карманных часов, они перевели стрелки и я вышел из дому не в обычное время, а еще с вечера и просидел в ожидании рассвета большую часть ночи.

Бедны кормами выжженные солнцем холмы Южного побережья Крыма. Пролетные птицы не задерживаются здесь при безветренной и ясной погоде. Они делают вынужденные остановки лишь в тех случаях, когда шумит беспокойное море, когда сильный ветер мешает пернатым странникам пересекать широкий морской простор.

## БАРСУЧИЙ ЖИР

Однажды в солнечный ноябрьский день, возвратившись с охоты, я застал Михаила за делом. Засучив до локтей рукава и вооружившись большим ножом, он сосредоточенно снимал шкуру с крупного барсука.

— Эх, Михаил, Михаил! — покачал я головой. — Опять ты полезного зверя зря погубил.

— Как это зря? — выпрямился и покраснел Михаил. — Вот ты зря всяких птиц стреляешь, которых и не едят вовсе, а я зря ничего не гублю! — вспыхнул он.

— А все-таки зря убил, — продолжал я. — Ведь барсучьей шкуре цена маленькая. Она уже из моды вышла, колючие воротники даже самые отчаянные модницы носить перестали, а ты продолжаешь уничтожать такого полезного зверя.

— Ничего ты понять не хочешь, — отмахнулся от меня Михаил с досадой и опять взялся за работу. — Шкуре, это верно, цена грош, — после долгой паузы, видимо несколько

успокоившись, продолжал он. — Зато сало, то есть жир барсучий, почитай, лучше медвежьего, а ты все «зря» да «зря», — вновь горячась, передразнил он меня. — Знаешь ли ты, что жир барсука от всяких болезней помогает? Живот у человека больной — барсучий жир пьет, чахоткой заболевает — опять жир пьет, ногу кто косою порежет — перво-наперво жиром заливает. Вот тебе и зря! Недаром в любой аптеке жир принимают, сколько хочешь возьмут и дорого заплатят. А вот отнеси своих птиц — тебя туда с ними не пустят. И сапоги мазать — лучше не надо, — несколько помолчав, продолжал Михаил. — Как жиром их пропитаешь, они мягкие станут и воду не пропускают.

Этот разговор происходил в деревеньке горной Армении, во дворе моего давнишнего приятеля, старого охотника Михаила Ивановича Чичова. Этой осенью я прожил у Михаила около месяца. Работа моя подходила к концу, пора было подумать о возвращении в Москву. Чтобы закончить исследования, оставалось сходить в соседнее ущелье Понзор, где в изобилии водились закавказские белки. Мы с Михаилом собирались туда со дня на день, но эта экскурсия все откладывалась.

— Ну что же, Евгений, завтра в Понзор пойдем что ли? — наконец как-то за ужином спросил меня Михаил. — Денька два по лесу побродим и назад вернемся, а потом ты и в Москву поедешь.

Закончив ужин, мы усадились набивать патроны. Копаясь в сундуке с боеприпасами в поисках куда-то запропастившейся коробки с порохом, Михаил случайно наткнулся на пузырек с желтоватой жидкостью.

— Возьми-ка, — подал он его мне. — Это барсучий жир. Я его давно для тебя берегу, а вот отдать забываю. Если чем заболеешь, попьешь его — вспомни мое слово, добром старика помянешь.

Я взял бутылочку. На что она мне? Чувствовал я себя превосходно, да и в будущем болеть не хотел. Ну зачем мне эта бутылочка с барсучим жиром? Но и старика обижать не хотелось, и я решил использовать жир для другой цели. Густо смазал им свои охотничьи сапоги, а остатком пропитал кожаную сумочку, в которой носил инструменты для препарирования шкурок с добытых птиц: ножницы, пинцет и скальпель.

На другой день мы с Михаилом отправились в ущелье Понзор и провели там более суток. К вечеру третьего дня, когда солнце стало склоняться к западу, бросая длинные тени, мы с Михаилом решили кратчайшим путем направиться в Воскресеновку. Для этого нужно было подняться высоко в гору, перевалить через хребет, где в это время местами уже лежал снег, и спуститься в соседнюю долину. Усталые после долгой горной охоты, мы часто останавливались, отдыхали. Наконец пересекли широколиственные леса и достигли березняков в субальпийской зоне.

До перевала уже близко. Едва переводя дух, смотрю на вершины противоположной горной цепи. Еще полчаса трудного подъема, а дальше легкий спуск по тропинке до самой деревни. «Трудная дорога почти вся позади», — думаю я. Окидываю взором ущелье — там, внизу, море желтой и багровой осенней листвы крупного широколиственного леса. Вдруг целая стая кавказских тетеревов с шумом и свистом вырывается из соседних зарослей шиповника и летит в сторону. Почти одновременно звучат два частых выстрела, и черный петушок, неуверенно ковыльнув в воздухе, падает на землю. Птица убита замечательно чисто — нигде ни кровинки, и я решаю, не откладывая, снять с нее шкуру, удобно усевшись на крутом склоне у большого плоского камня, достаю сумочку с инструментами и не спеша снимаю шкуру с птицы.

Потом мы опять поднимаемся в гору. Медленно тянется этот последний тяжелый подъем. Но вот и зубчатая вершина перевала. Прямо в лицо бьют лучи вечернего солнца, внизу,

прихотливо извиваясь по ущелью, тянется шоссейная дорога, да далеко влево сквозь дымку едва маячит Воскресеновка. Мы с Михаилом выбираем хорошо пробитую скотом тропинку и начинаем быстро спускаться все ниже и ниже. Это легко и приятно после часов подъема в горы. Скоро и шоссейная дорога, а там недалеко и до дому. Однако мой удачный выстрел по крупному серому сорокопугу несколько задерживает нас. С этой интересной для меня птицы я тоже решил сразу снять шкурку. Но где же сумочка с инструментами? Неужели я оставил ее за перевалом?

Мне было бесконечно жаль сумочку. Много лет я пользовался ею во время поездок и привык к каждому инструменту. Было обидно оставлять ее в горах Армении. Но я, утомленный тяжелым переходом, находился в Караклисском ущелье, а сумочка лежала по ту сторону перевала — в ущелье Понзор. Вспомнив тяжелый путь, я с досадой махнул рукой и стал нагонять ушедшего вперед Михаила. Сошью новую и подберу новые инструменты в Москве. Хорошо хоть, что исчезновение сумочки почти совпало с окончанием моей работы и отъездом в Москву.

Прошло около года. Я вновь приехал в Армению и уже недели две путешествовал в горах Караклисского ущелья. Однажды во время охоты в горах меня захватил большой туман. Он медленно надвинулся со стороны горного озера Гокча и, как молоком, заполнил сначала долины, потом увалы и, наконец, альпийскую зону. Кругом все исчезло, скрылось солнце, умолкли птицы. Боясь потерять ориентировку и сбиться с дороги, я осторожно пошел хребтом.

Мне было хорошо известно, что хребет, постепенно понижаясь, приведет меня к большому камню, от которого проторенная тропинка спускалась прямо к Воскресеновке. По моим расчетам, до тропинки было не более получаса ходьбы. Но я прошел около часа, потом еще с полчаса, а камня и тропинки не было видно. Быть может, передвигаясь в тумане особенно осторожно, я шел слишком медленно и не успел дойти до знакомого места?

Я двинулся дальше, на этот раз тщательно осматривая каждый камень. Но в густом тумане все было искажено и выглядело необычно. Крупный камень иной раз казался мне большой скалой, а сидящая на нем маленькая птичка горный конек казалась крупной птицей, уларом. В таких случаях я судорожно сжимал в руках ружье и едва удерживался от выстрела. Так, придерживаясь вершины хребта, я прошел еще около часа. Наконец стало ясно, что я давно сбился с пути и иду совсем не туда, куда нужно. Продолжать поиски Воскресеновки при таком тумане было бессмысленно. Забравшись под нависшую скалу, я с головой прикрываясь телогрейкой и задремал.

Когда я открыл глаза, было уже поздно. Туман рассеялся, солнце перевалило за полдень и прямо в лицо мне бросало свои яркие косые лучи. Внизу подо мной прихотливо извивалась шоссейная дорога, и далеко слева едва маячили домики Воскресеновки. Да ведь это хорошо знакомое место! Не в первый раз вижу я эту картину. В противоположной стороне внизу широко раскинулось море побагровевшей и желтой листвы широколиственных лесов ущелья Понзор.

Четверть часа спустя я уже стоял у большого плоского камня. А на нем, четко вырисовываясь на светлом фоне, лежала моя сумочка с инструментами. Целый год пролежала она под дождем и снегом, солнцем и ветром, но ее кожа, смазанная барсучьим жиром, сохранила эластичность и мягкость, а металлические инструменты лишь чуть-чуть покрылись ржавчиной. Много лет прошло с того времени; своей старой сумочкой пользуюсь я и сейчас. И до сих пор она мягкая и эластичная. Вероятно, таково свойство барсучьего жира.

Мне хочется рассказать вам об одном случае.

— Смотрите, Евгений Павлович, как будто вот в той стайке белая утка, — указал мне мой

спутник Вячеслав Васильевич, когда мы вышли из мелколесья и приблизились к берегу обмелевшего Мшичинского залива в Дарвинском заповеднике. Загородившись шляпой от ярких лучей солнца, я сквозь сильные стекла бинокля стал внимательно рассматривать летящую стайку. Несомненно, это были утки-широконоски, а одна из них совершенно белого цвета. Таких ненормально окрашенных белых животных, в коже которых нет красящего пигмента, принято называть альбиносами.

Стайка уток вместе с уткой-альбиносом описала большой круг над заливом и опустилась на лесное озеро примерно в километре от места, где мы находились. Желая добыть интересную птицу, мы с Вячеславом Васильевичем спешно направились к этому месту. Но нам не удалось добыть эту утку. Не успели мы пройти и половины отделяющего нас расстояния, как стайка вместе с белой широконоской вновь поднялась в воздух и потянула к заливам Морозихи. «Какая досада, ушла!» — провожали мы стайку разочарованным взглядом. А впрочем, еще не все потеряно. Вполне вероятно, что стайка регулярно прилетает на лесное озеро в поисках пищи, и, быть может, ее удастся еще встретить в другой раз. Придя к такому выводу, мы несколько успокоились.

Спустя два дня, надеясь встретить белую широконоску, я вновь был на озере. Стояла ясная и теплая погода.

Чтобы подойти незамеченным, я вышел к озеру со стороны леса и, миновав густой прибрежный ивняк, окинул взглядом знакомое место. Солнце успело уже высоко подняться над лесом, и его лучи искрились в воде озера и Мшичинского залива. Здесь и там среди неподвижной глади поднимались высокие кочки; сквозь желтую прошлогоднюю осоку на них пробивалась молодая зелень. Уток нигде не было видно.

Постояв немного и зная, что водоем неглубок, я решил пройти водой вдоль всего озера: «А вдруг стайка кормится в противоположном конце и не видна отсюда?» К моей досаде, вода в озере оказалась чрезвычайно мутной. Вероятно, недавно здесь были утки. Они подняли столько ила, что брести по озеру было небезопасно. Каждую минуту я рисковал попасть в глубокую яму, вывороченную корнями упавшей ели, и с головой выкупаться в одежде. И вот, чтобы избежать купания, я вырезал из ивы тонкую, гибкую палку и, прощупывая ею глубину мутной воды, стал медленно продвигаться вперед.

Пройдя половину озера, я действительно увидел уток. На небольших плёсах среди островков желтой прошлогодней осоки плавало несколько пар широконосок. Издали были хорошо видны коричневые уточки и яркие пестрые селезни. Утки вели себя не совсем обычно, как-то беспокойно. Они то и дело с характерным для этого вида звоном крыльев взлетали в воздух и, пролетев несколько метров, вновь опускались на воду. После минуты недоумения мне стало ясно, что уток беспокоит какой-то невидимый хищник. Вероятно, он бредет по воде с противоположного конца озера и подгоняет широконосок навстречу мне. Сообразив это, я прижался спиной к стволу затопленного сломанного дерева и старался не двигаться.

Мой прием, испытанный не один раз в других случаях, и на этот раз дал блестящие результаты. Вскоре близко ко мне подплыли четыре широконоски. Высоко подняв головы и не замечая меня, они все свое внимание сосредоточили на каком-то крупном звере. Этот зверь без всякой предосторожности шумно бродил по мелкой воде озера, часто меняя направление, исследовал кочки, порой засовывал голову в осоку и пытался схватить что-то живое. Издали я принял зверя за енотовидную собаку: это животное в поисках лягушек часто заходит в неглубокие водоемы.

Но когда зверь подошел близко, к своему большому удивлению, я узнал в нем очень крупного и невероятно толстого барсука. Он был поглощен отыскиванием и ловлей лягушек и подходил все ближе и ближе к дереву, у которого я стоял. Когда между нами оставалось не более двух шагов, обратив, наконец, внимание на неподвижный предмет, барсук остановился

как вкопанный. Вся его фигура и полосатая морда выражали страшное недоумение. Целую минуту от смотрел на меня испуганными и растерянными глазами, готовый броситься наутек в случае явной опасности. Но я не шевелился, и что несколько успокоило зверя. Барсук осторожно подошел ко мне еще ближе, вытянулся вперед, насколько было возможно, и стал с удивлением обнюхивать мои высокие сапоги у дерева, к которому я прислонился. Запахи оказались разными, и вероятно, поэтому обнюхивание продолжалось довольно долго!

Оставаться неподвижным мне стало трудно, и я решил проучить беспечного зверя. Когда он несколько осмелел, я взмахнул палкой и вытянул его по боку во всю длину. Конечно, удар не был слишком болезненным: грубая шерсть, толстая кожа и подкожный слой жира предохранили от этого. Однако зверь был поражен случившимся. Со всей силой он рванулся от меня в сторону, разбрызгивая воду, достиг берега и бешеным галопом ринулся к мелколесью. А я стоял в воде, покатываясь со смеху, удивляясь, откуда взялась такая невероятная прыть у толстого и неуклюжего барсука. Только страшный испуг мог заставить этого зверя бежать так быстро. Не правда ли, жестокая шутка? Конечно, нельзя так пугать миролюбивое животное, да еще где! В Дарвинском государственном заповеднике! И поэтому я вынужден оправдаться перед читателем.

Мне хотелось надолго отпугнуть барсука от этого озера, и вот почему. Обследуя кочки в поисках лягушек, барсук мог легко найти и разорить многочисленные гнезда уток. Сам же он мог стать жертвой крупного, матерого волка, свежие следы которого мы часто встречали близ озера. Они пересекали грязевые берега Мшичинского залива и уходили в глухое моховое болото. Ни разорения гнезд уток, ни гибели барсуков от зубов серого разбойника, естественно, я не желал.

А пищу он найдет себе и в другом месте: барсук всеяден. Он питается разнообразной растительной и животной пищей. Зверь находит ее как на поверхности земли, так и раскапывая верхние слои почвы.

Замечательно сильные ноги, вооруженные крепкими и длинными когтями, позволяют ему легко и быстро вскрывать мышинные норки и добираться до их обитателей. Выкапывает он также из земли личинки майских и других жуков, находя их при помощи прекрасно развитого обоняния. И если в средней полосе на лесной полянке вам случайно попадутся многочисленные не глубокие «копки», то поблизости нетрудно разыскать и барсучью нору. Особенно охотно зверь выкапывает ее на склоне лесного оврага или на холмике старой угольной ямы.

Во множестве поедая вредных насекомых, их личинки и мышевидных грызунов, барсук приносит большую пользу сельскому и лесному хозяйству. К сожалению, численность этого полезного животного во многих частях страны за последнее время сильно сократилась. Особенно в наших среднерусских лесах часто находишь опустевшие барсучьи жилища. Остаток костра у входа в нору и закопченный свод подскажут вам, что зверя пытались выгнать наружу дымом. Неумеренная охота за барсуком с применением раскопки нор и других недопустимых способов может повлечь за собой почти полное исчезновение животного.

## ФИЛИНЫ

Филин заселяет огромную территорию. От западной государственной границы он распространен у нас через всю европейскую часть Советского Союза и Сибирь до цепи Курильских островов на востоке; в широтном направлении его нет только в настоящих тундрах Севера. Птицы из различных мест иногда хорошо, а иногда едва уловимыми

признаками отличаются друг от друга. Только внимательный глаз орнитолога-систематика способен разобраться в деталях окраски оперения, позволяющей отнести филина к той или иной географической расе.

Мягкие перья, покрывающие брюшко и бока филина, высоко ценятся в Казахстане. Тонкий поперечный рисунок пера, по поверью стариков-казахов, — изречение корана. Но эти мудрые слова и фразы написаны таким трудным и мелким шрифтом, что читать их могут только люди, посвященные в древнюю тайну. Перо филина с поперечным рисунком приносит счастье дому и предохраняет человека от дурного глаза. Вот почему их высоко ценят и прикрепляют к детским шапочкам. Живых филинов держат в юртах, где они пользуются заботой и почетом. К сожалению, не только убитый дикий, но и живой домашний «носитель счастья» частенько подвергается бесцеремонному ощипыванию.

Однажды в жаркий полдень я не спеша возвращался домой из поселка Джулек. Поравнявшись с мазанкой знакомого мне колхозника Василия, я увидел крошечную сову — буланую совку. В этот огненный полдень совка неподвижно сидела под крышей дома и благодаря своей покровительственной окраске почти сливалась с пыльным глиняным фоном стены. Невольно я замер на месте, любясь птицей.

— Что там увидел? — приоткрыв окно, спросил меня хозяин.

Я объяснил ему, что смотрю на буланую совку, устроившуюся у него в тени под крышей. Василий закрыл окно, надел ватную телогрейку и широкополую войлочную шляпу, вышел из дому и тоже стал смотреть на сидящую птицу.

— Сычом у нас называют, — сказал он, указывая на совку. — Большой сыч в Каратау есть, филин по-нашему звать.

В то время я изучал птиц района и крайне интересовался распространением филина. И вот Василий рассказал мне, как однажды он заночевал у колодца Дайрабай-Кудук в пустынных горах Каратау и там натерпелся страха от крика филина. Увлечшись, он хлопал себя по коленям, издавая басистые звуки. «Угу-гу-ху... гопп-у... гопп-у...», по его словам, на все горы кричали птицы. Рассказ был передан с такой неподражаемой живостью и мимикой, что произвел на меня сильное впечатление. Как зачарованный, я слушал его, ловя каждое слово. Кого-то, хорошо знакомого, напоминал мне рассказчик, но кого именно, не мог понять, и эта навязчивая мысль мучила меня всю обратную дорогу к дому. И вдруг мне становится ясным, что этот тучный человек с большой головой, круглыми глазами и басистым голосом бесконечно напоминает мне ту самую птицу, о которой он рассказывал, — филина. Недаром и рассказ произвел на меня впечатление, как будто я слышал его не от человека, а от самой птицы. После этого случая колодец Дайрабай-Кудук, затерянный в пустынных горах Каратау, стал для меня каким-то сказочным местом, где по ночам дико кричал филин, и от этого крика трепетало и сжималось сердце большого и сильного человека.

— Хочу как-нибудь побывать в Каратау, — между прочим сказал я за вечерним чаем местному лесничему. — Вот только проводника где взять надежного?

— Ну, это легко сделать, — ответил мой собеседник. — У нас тут замечательный казах-охотник есть, зовут его Сеит-Косын. Он всю степь и горы, как свои пять пальцев, знает. Как встречу, я его к вам попрошу зайти.

Однажды вечером, когда я приводил в порядок собранную коллекцию и разложил ее на широком столе, ко мне, чтобы скоротать время, зашли соседи-охотники.

— Знаете вы этих птиц? — указал я им на пустынных, величиной с голубя, двух видов рябков и саджу.



— А чего тут не знать — это турач, — ткнул мой собеседник на чернобрюхого рябка, — это туртушка, — указал он на рябка белобрюхого, — а это... — охотник запнулся. — Наверное, самка турача, — сказал он, наконец, сравнивая черную окраску брюшка обеих птиц.

— Вот и переврал все, — смеясь, перебил я его и только хотел объяснить гостям, как называются птицы, которых они стреляют на каждой охоте, как скрипнула дверь и на пороге появился старик казах. Это был тот самый Сеит-Косын, с которым обещал меня познакомить лесничий. Высокий и стройный, с узким красивым веселым лицом, просто, но опрятно одетый, он сразу произвел на меня чарующее впечатление. После нескольких фраз, сказанных при знакомстве, я почувствовал расположение и доверие к этому человеку. Мне казалось, что я давно знаю Сеит-Косына, и, чтобы втянуть в разговор и остальных гостей, я попросил казаха познакомить нас с тремя пустынными птицами, в названиях которых мы только что не смогли разобраться.

— Стреляем их на каждой охоте, такое замечательное жаркое делаем, что пальчики оближешь, а как они называются, не знаем — разве это годится, — пояснил я новому знакомому. Сеит-Косын улыбнулся.

— Все бульдурюк, — сказал он, указывая рукой на всех рябков. — Кара-баур-бульдурюк (чернобрюхий рябок), — взял чернобрюхого рябка в руки и отложил в сторону.

— Кентер (голубь). Знаешь, как кентер кричит? Ак-баур-бульдурюк (белобрюхий рябок), — показал Сеит-Косын на вторую птицу и положил ее рядом с первой.

— Большая стая летит, «кау-кау» кричит громко, слышал? А это совсем другой бульдурюк, «куян-аяк» (заячья лапка) у него, — взял от саджу. — Сары-баур-бульдурюк, или кулан-баур-бульдурюк называется. Быстро пустыня летит и, как струна музыки «тень-тень-цир-тень-цир-тень», кричит.

Как видите, в двух словах Сеит-Косын познакомил нас не хуже любого знатока-орнитолога с интересующими нас птицами. Все три птицы действительно относятся к семейству рябковых. Но саджа, отличаясь от прочих строением лапки и другими признаками, выделяется учеными в отдельный род.

Но особенно поразило меня объяснение Сеит-Косына в другом случае. Это произошло много позднее, когда мы стали с ним большими друзьями.

— Совсем другой птица, — горячился Сеит-Косын. — Летай другой, кричи другой, кусты сядет, хвост короткий — бос Тургая звать.

Речь шла о двух близких жаворонках. Самостоятельные виды они или только географические расы, мы до сих пор плохо знаем. Но для Сеит-Косына жаворонки были разные — это была уже тонкая систематика.

Прощаясь в этот вечер, мы с Сеит-Косыном решили в ближайшие дни выехать в Каратау. Только бы достать вторую лошадь. Конечно, мне не отказал бы в ней знакомый лесничий, но, вспомнив один маленький эпизод, я не хотел этого делать. Три дня назад, уезжая в районный центр, лесничий попросил меня остаться у него дома.

— Дайте Гнедому клевера и пустите коров, когда придет стадо, — сказал он на прощанье.

Маленькое поручение я выполнил с точностью. Но когда коровы вошли на широкий двор, Гнедой вдруг перестал жевать клевер и, прижав уши к голове, бросился к одной из них. В следующий момент он укусил корову зубами в бок, а затем, круто повернувшись на месте, нанес ей в живот удар обеими ногами. После этой дикой выходки Гнедой вновь занялся клевером, злобно косясь в сторону. И когда я его окликнул и подошел ближе, он опять прижал

уши и повернулся ко мне задом.

— Ну и зол же у вас Гнедой, — сказал я лесничему на другой день.

— Чудная лошадь, — ответил тот, — быстроногая, горячая, но приходится с ней держать ухо востро. Хочу ее продать, а не продам — рано или поздно убьет обязательно.

Исподволь я подготавливался к выезду в Дайрабай-Кудук и с нетерпением ожидал, когда Сеит-Косын достанет вторую лошадь. За последние дни я отказался от далеких экскурсий и исследовал ближайшие тростниковые заросли Чиилинки. Это искусственное водохранилище брало свое начало в 30 километрах южнее и, сделав по безводной местности большой полукруг, вновь впадало в Сырдарью у станции Байганин.

Однажды, охотясь за водяными курочками, я случайно взглянул на свой дом. Кто-то стоял на плоской крыше и махал шапкой. Причалив лодку к берегу, я поспешил к дому. Там во дворе под широким навесом жевали клевер две оседланные лошади.

— Чай пить в дорогу пора, — весело встретил меня Сеит-Косын. — Смотри, какого я тебе скакуна привел, — указал он на черную лошадь.

Низкая и длинная, с сухой костлявой мордой, с широкой грудью и тонкими ногами, она действительно производила впечатление быстроногого скакуна.

— Смирный, стрелять с седла можно, — продолжал Сеит-Косын, — а бегают как... ух! — и, несколько наклонившись вперед, откинув назад правую руку с нагайкой, он прищурил глаз и оскалил зубы, желая изобразить этим наездника, когда его быстроногий конь несется полным карьером.

— Не конь, а ветер: сел здесь — слез гора.

Непродолжительные сборы, стакан чаю, в спешке обжигающего губы и рот, и мы, удобно усевшись в седла, наконец, трогаемся с места. Солнце к этому времени низко опускается к западу и светит нам в спины. Мы пересекаем железнодорожную линию и рысью пускаем лошадей на восток. Там, за бугристыми песками, едва маячат невысокие горные отроги хребта Каратау. Прячется солнце, яркий день сменяется короткими сумерками, а затем — такой же яркой звездной и лунной ночью. Пески далеко позади: мы пересекаем обширную глинистую равнину — мертвый такыр. Четко отбивая копытами по твердой почве, дружно и бодро идут вперед наши кони. Порой один из них фыркает, встряхивает головой, грызет удила, и тогда в такт движению побрякивает уздечка.

— Какой глупый человек, — повернувшись ко мне в седле, смеется Сеит-Косын, — покой себе не дает. Весь земля спит, деревья, люди, птицы спят, только охотнику шайтан не дает покою, гонит его ночью через степь в Каратай. — И, замолчав на короткое время, как будто сожалея, что беспокойный шайтан на ночь глядя вытолкнул его из родной кибитки и погнал в степь к горам, Сеит-Косын затягивает долгую песню, состоящую только из одного слова. «Ка-ра-тай...» — монотонно тянет он звучным голосом. «Каратай», — продолжает он, меняя интонацию.

Я молчу, улыбаюсь, но в душе не согласен с ним, не верю его словам, зная, что без степных охот, без неожиданных ночных выездов жизнь Сеит-Косына потеряла бы прелесть. В эту ночь мне не хочется спать и я готов без конца ехать вперед, слышать, как отбивают дробь копыта, как побрякивают медные бляхи уздечек, как поет Сеит-Косын. В эту ночь мне не хочется отрывать глаз от прозрачной дали с неясными очертаниями гор на горизонте, от звездного неба, от стройного старика-всадника в белом халате, стянутого в талии широким поясом, за спиной у которого, как влитая, висит винтовка.

«Чудная ночь, — думаю я, — прекрасна жизнь... особенно жизнь такого беспокойного человека, которому шайтан и ночью не дает покоя».

Северо-западные отроги хребта Каратау, где помещаете колодец Дайрабай-Кудук, — неширокая и низкая горная цепь. Образуя несколько параллельных хребтов, разделенных пологими долинами, Каратау приобретает здесь характер возвышенной степи и вклинивается в полупустынную местность Бикесары. Жестокие северо-восточные ветры хозяйничают в Бикесары и в пустынных отрогах Каратау зимой и в ранневесеннее время. Неделями иной раз бушует ветер, свистит в камнях, сложенных здесь и там в кучи скотоводами для ориентировки, жалобно завывает в ущельях. И тогда, гонимые холодным ветром, антилопы-сайги, зайцы и многие птицы спешат укрыться у подножия западного склона отрогов.

По-видимому, прячась от весенне-зимнего ветра, вдоль западного склона пустынных гор в изобилии гнездятся филины. Вот в крутом склоне, заваленном крупными каменными обломками и плитами черного известняка, темнеет отверстие. Это просторная низкая пещера. Напряженно сжав в руках ружье, я осторожно переступаю с камня на камень, осматриваю скалки, выбоины. Вот и свободный вход в пещеру. Я заглядываю внутрь ее, исследую глазами каждую четверть, но что за странность — и там нет желанной птицы. Тогда я кладу на камни ружье и, опустившись на колени, только хочу проникнуть внутрь, как слышу неясный шорох — взлет птицы. Обернувшись, я вижу лишь второго филина. Он вырывается среди камней ниже меня и, взмыв вверх, в ту же секунду исчезает за каменным выступом.

— Обманул, — хохочет внизу Сеит-Косын над моей неудачей.

Свод пещеры настолько низок, что позволяет передвигаться только на четвереньках. Но бесчисленные иглы съеденных филином ежей и мелкие острые косточки песчанок и мышей, покрывающих пол, впиваясь в колени и ладони рук, затрудняют передвижение. Расчистив небольшое пространство, я удобно усаживаюсь в пещере, тщательно исследую остатки съеденных животных. Хорошо заметные скопления однородных костей, шкурок и шерсти позволяют предполагать, что филины питаются в различные годы не одной и той же пищей.

Вот, например, толстый слой игл, черепов и шерсти ежа. Видимо, все лето филин ловил этих животных, выедая мясо и оставляя колючую шкуру или заглатывая куски зверька вместе с иглами. А вот скопление шерсти и костей грызунов, а среди них остатки бесчисленных полевок, песчанок, тушканчиков, изредка и зайцев. Огромна численность грызунов-вредителей, уничтоженных одной парой, вернее семьей, поселившихся здесь филинов. Впрочем, на пустынной территории предгорий никто не занимается земледелием, и грызуны не приносят значительного вреда человеку; нежелательны они здесь, пожалуй, как хранители и передатчики инфекционных заболеваний.

Так, в исследовании пещер и каменных нагромождений, в безуспешной охоте за осторожным филином, после бессонной ночи, проходит интересный, но утомительный день.

У затухающего костра, растянувшись на кусках кошмы и подложив под головы седла, мы с Сеит-Косыном лениво перебрасываемся перед сном короткими фразами. В небе мерцают звезды, пахнет тлеющим кизяком и полынью, в балке кричит филин, а за ближайшим хребтом ему глухо вторит другой.

Ранним утром я проснулся от выстрела. «Дзынь», — резко грянул он над самым ухом, заставив меня подняться на локти. Это стрелял Сеит-Косын, и сейчас, впившись глазами в сумрачную равнину, он перезаряжал винтовку. По прилегающей к хребту степи, окутанной бледным рассветом, поднимая пыль, быстро двигалась группа животных — это были антилопы-сайги. Но не в них Сеит-Косын разрядил винтовку. Недалеко от нас, наискось приближаясь к хребту, скакал какой-то одинокий зверь. «Дзынь», — вновь прозвучал выстрел,

и одновременно я понял, что вторым выстрелом мой спутник поранил волка. Через несколько секунд, ковыляя, раненый волк скрылся в ближайшей балке. Вновь зарядив винтовку, Сеит-Косын пошел по следу зверя, а я, плотнее завернувшись в одеяло, продолжал прерванный утренний сон.

Когда я проснулся, уже сильно пригревало солнце, в голубом небе пели бесчисленные жаворонки, а в стороне под небрежной ногой человека время от времени звенел щебень — с противоположного крутого склона балки, направляясь к лагерю, спускался Сеит-Косын. В правой руке он держал за ногу убитого филина.

Через несколько секунд я уже держал в руках ценную добычу. Но Сеит-Косын успел добросовестно выщипать у филина те самые перья с тонким поперечным рисунком, которые, по древним преданиям стариков казахов, приносят счастье владельцу. Я уверен, что эти перья, ускользая от человека, приносят ему огорчение. Когда у меня на коленях лежал убитый филин с ощипанным оперением, несмотря на чудное веселое утро, мне было совсем невесело. Но, безусловно, я был бы счастлив, если бы перья не успели перекочевать с филина за пазуху Сеит-Косыну.

Счастливому человеку всегда хочется сделать что-нибудь приятное огорченному ближнему. Хотелось это сделать и обладателю замечательных перьев.

— Смотри, — обратился он ко мне, показывая лапы филина. — Всю весну быстрый мышь камень ловил — пальцы себе кровь делал. Действительно, на сгибах пальцев филина кровоточили незаживающие ранки. Они образовались от частых ударов о камни во время ловли грызунов среди каменистых россыпей. Так мне в руки попал первый ощипанный филин, а позднее за ним еще три такие же птицы. Расскажу об одной птице, добытой мной несколько лет спустя после случая с Сеит-Косыном.

В ту весну мы с приятелем и русским проводником совершали большой переход на верблюдах по пустыне Кызылкум. Углубившись в пустыню на широте города Кызыл-Орда, мы несколько дней спустя достигли древнего речного русла Джаны-Дарьи и отсюда круто повернули на юго-восток. Однажды в глубине песчаной пустыни я вспугнул и удачным выстрелом убил филина. Добыча филина в этой местности была для меня особенно интересна, и вот по каким причинам.

Мне было хорошо известно, что горные страны, лежащие на востоке от Сырдарьи, населены гималайским филином. В Закаспии и Бухаре гималайский филин замещается уже другой географической формой — туркменским филином, а на Устюрте и в степях Северо-Западного Казахстана — каспийским филином. Мне было интересно выяснить, какой же филин населяет обширные песчаные пространства пустыни Кызылкум, расположенной как раз между ареалами трех названных географических рас.

Когда после моего выстрела птица упала на песок, первое, что я сделал, — это поспешил защитить ее не только от рук, но и от взгляда нашего проводника. В одно мгновение я был возле филина и завернул его в куртку, вызвав недовольство и недоумение моих спутников. Как и обычно, в полдень мы остановились на дневку, и пока варился обед, я снял с филина шкурку и набил из него тушку, то есть чучело без декоративной позы. Закончив с этим, я тщательно завернул филина в марлевый полог и спрятал его в один из вьючных ящиков. Лучшей упаковки в условиях передвижения на верблюдах невозможно было придумать, и я был вполне спокоен за сохранность птицы. Спустя два месяца я возвратился в Москву и, вскрыв ящик, осторожно развернул филина. Представьте же мое удивление и досаду, когда я увидел что большая часть мелких перьев боков и брюшка птицы оказалась выщипанной.

Много позднее я выяснил, что добытый филин относится к гималайской форме. Как оказалось, он населяет не только горы, но и на сотни километров проникает в прилегающие

пустыни.

Теперь мысленно перенесемся в северо-западные казахстанские степи. Есть среди них совсем маленький железнодорожный разъезд Джулдуз, расположенный в 12 километрах от степного городка Акбулака. Во время летних поездок я неоднократно посещал этот тихий уголок нашей Родины и немало побродил по прилегающей к нему плодородной степи. Уж очень хороши эти места для охотника и интересны для натуралиста.

В четверти километра к западу от разъезда степь круто обрывается к широкой речной долине. Глянешь с высоты на луговые просторы, и глазам представляются бесчисленные маленькие и большие, округлые и продолговатые озера, одни из них обрамлены зеленой луговой растительностью, другие — желтыми прошлогодними тростниками. А за ними вдаль, блестя на солнце, прихотливо извивается лента воды. Это обмелевшая река Илек с ее песчаными отмелями и косами. На восток от разъезда широко раскинулась холмистая ковыльная степь, и кажется — нет ей конца и края. Глубокие овраги изрезали эту площадь в различных направлениях; вдоль них зеленеют хлебные посеы, темнеют пятнами свежевспаханные земли и бахчи. И если долина Илека — царство всевозможных куликов и уток, то степи — жаворонков, сусликов и степной дичи.

Однажды, бродя с ружьем по степному оврагу, я нашел гнездо филина. Оно помещалось на склоне балки, среди обвалившихся комьев глины. В нем были яйца. Неподалеку от гнезда под обрывом, четко вырисовываясь на красном фоне глины, валялись черепа серых и рыжеватых сусликов. Их было более сотни. Филин, целиком заглатывая не крупную добычу, выбрасывает не переваренные части — кости и шерсть — в виде так называемых погадок. Выброшенную шерсть в таких случаях быстро используют мелкие птицы для выстилки гнезд, а кости выбеливает солнце. Если учесть, что каждый суслик в течение лета уничтожает около 16 килограммов зерна и зеленых побегов растений, то легко представить, как велика была в данном случае польза, приносимая парой филинов.

Но почему же именно сусликами питались птицы? Ведь известно, что филины — ночные птицы, а суслики ведут дневной образ жизни.

В ту весну наблюдалась массовая гибель грызунов; суслики, полевки и мыши гибли во множестве. Пройдешь, бывало, по степи с километр и наткнешься на целый десяток мертвых и больных зверьков. Однако это продолжалось недолго. Спустя две недели грызуны совершенно перестали попадаться. Но зато во множестве сохранились суслики и полевки на отдельных маленьких участках, куда, по непонятным для меня причинам, не проникла эпизоотия.

Филины гнездились как раз в центре густонаселенного пятна и питались сусликами и полевками, к июлю почти истребили уцелевших после эпизоотии грызунов. Мне не удалось выяснить, чем питались птицы, когда пищевые запасы иссякли.

В начале июня, когда оставаясь близ гнезда до позднего вечера, я несколько раз наблюдал, как птицы ловили полевков. Бесшумно скользя над землей, филин вдруг нырял, коснувшись земли лапами, схватывал зазевавшегося грызуна. И тогда тонкий короткий писк зверька достигал моего слуха. В июле, посетив балку, я уже не нашел филинов на избранном ими участке.

Недавно я познакомился с филинами нашего Севера. Я их наблюдал в мрачных хвойных лесах, покрывающих берега Рыбинского водохранилища.

С начала августа, как только открылась осенняя охота на уток, я почти ежедневно выезжал на вечернюю зорю. С детства я люблю эту охоту и не только потому, что местами она бывает очень добычлива, а потому, что это для меня лучший отдых. Бывало, засветло выберешь хорошее место, тщательно замаскируешь лодку и терпеливо ждешь вечера. Времени до зари

еще много, оно тянется медленно, но мне не скучно. Вокруг своим чередом идет жизнь, и можно наблюдать много интересного. А как хорошо кругом — сказать трудно, нужно самому прочувствовать это.

Неподвижен затопленный лес; как зеркало блестят чистые плёсы воды. Маленькая птичка камышевка-барсучок с полосатой головкой, не обращая внимания на мое присутствие, занята своим делом. Она перепархивает с ветки на ветку, склевывает насекомых, изредка издает негромкие трещащие звуки. Из затопленного березняка на чистой воде появляется крупная водяная птица — поганка. Со скрипучим писком за ней следуют полосатые птенчики.

Но вот, наконец, солнце скрывается за горизонтом, и все окружающее: вода, кустарники, лес вдаль и небо — меняет цвета, а ближайшие предметы — очертания. Сразу становится сыро, прохладно и как-то особенно тихо кругом, и если тишина вдруг нарушается всплеском рыбы или мелодичным посвистом кулика, то отчетливый звук слышен непривычно далеко.

На смену дневным звукам один за другим рождаются новые звуки — голоса наступающей ночи. С характерным свистом крыльев в стороне протянет стая уток, переговариваясь между собой частым покрякиванием, в потемневшем небе крикнет серая цапля, и опять все притихнет на короткое время. «Ууб-буу», — наконец, донесется из далекого леса басистый голос. «Ууб-буу», — это кричит филин.

«Но чем может питаться здесь филин?» — долго ломал я голову и не находил ответа. Мышевидные грызуны встречаются крайне редко, белок и зайцев, ежедневно бродя по лесам, я почти не встречал, а ежей, вероятно, и совсем не было. Как при этих условиях может оседло жить в лесах крупный ночной хищник? Мое недоумение разъяснилось лишь после того, как мне показали гнездо филина в нем недавно нашли двух подросших, но еще не летающих птенчиков. Осмотрев остатки съеденной пищи, к своему огорчению, я убедился, что местные филины в летнее время питались здесь дикими утками. Как же филину удавалось поймать осторожную дикую утку? Не мог же он со своим медленным полетом ловить на лету быстрокрылую птицу? И вот мне вспомнилось, как несколько раз, когда я оставался на воде до сумерек, мое внимание привлекали странные звуки. Я слышал всплеск воды, испуганный крик утки, а затем все стихало; не слышно было и свиста, какой издают утки крыльями во время полета. Почему испуганно кричала утка? Но звук, привлечший мое внимание, не повторялся, мертвая тишина стояла кругом, и я переставал об этом думать. Не филин ли это схватывал с воды утку, бесшумно подлетев к ней в темноте ночи?

Однажды я задержался после вечерней зари особенно долго. Уж очень была хороша наступающая ночь, и не хотелось возвращаться домой. На западе небо совсем потемнело, давно пере. стал кричать филин, когда я вывел лодку из зарослей и не спеша погнался кормовым веслом. Ни единого всплеска воды, ни единого шороха — лодка, как неясная тень, бесшумно скользила по темной водной поверхности. Вдруг над самой головой я почувствовал слабое дуновение воздуха. Взглянув вверх, я отпрянул назад и инстинктивно, стремясь защитить руками лицо, уронил шапку и весло в воду. У самого лица я увидел большие глаза и лапы филина. Птица щелкнула клювом, поджала ноги как сумасшедшая, шарахнулась в сторону и через несколько секунд как бы растаяла в темноте ночи. Конечно, филин не рассчитывал на встречу с человеком и был испуган не менее, чем я. Но если бы вместо моей головы была утка, она не успела бы ни нырнуть в воду, ни взлететь в воздух и, издав короткий испуганный крик, неминуемо попала бы в страшные когти ночного хищника.

Филин с его своеобразным криком — истинное украшение нашей русской природы. Лес без филина, мне кажется, все равно что детство без сказок.

ПРИВЫЧНЫЕ ЗВУКИ

Если весной, когда уровень воды сравнительно низок, вы с запада обогнете Мшичинский залив в Дарвинском заповеднике и пересечете топкое моховое болото, то обязательно попадете к началу лесистой гривы. Покрытая на возвышенных участках старым ельником, а в моховых понижениях — угнетенным низкорослым сосняком, она на несколько километров протянулась с запада на восток и выходит к широкому водному простору Рыбинского водохранилища. Эта грива носит название Морозиха. В прошлом всю эту территорию покрывали леса, потом их затопили водой. От избытка влаги погибли деревья, осыпались листья и хвоя, в воду упали отжившие великаны. Только на высокой гриве сохранился зеленый лес. Темные ели и сейчас высоко поднимают свои вершины, широко раскинули ветви березы.

Гриву Морозиху не часто посещают люди. В стороне она, да и не легко в весеннюю пору проникнуть к этому месту. Контрабандой иной раз нагрянут сюда ягодники за перезимовавшей под снегом клюквой или побывает охрана заповедника, и вновь на гриве наступят тишина и безмятежный покой. Только порой с открытой воды налетит беспокойный ветер, да в ответ ему глухо зашумят вершинами старые ели. Зато много здесь зверей и птиц. Нередко забредет на гриву медведь, по ее краям гнездятся крупные хищные птицы, часто встречаются лоси.

Однажды в прохладный майский день мы с приятелем Вячеславом Васильевичем решили проникнуть на гриву Морозиху. Люблю я с этим знатоком природы не спеша побродить по молчаливому заповедному лесу.

Мы достигли лесистой гривы, осмотрели по пути сначала гнездо ястреба-тетеревятника, потом большого подорлика и, спустившись в низину, пересекли угнетенный сосновый лес. Болотистая почва и высокие моховые кочки сильно затрудняли наше движение. Время от времени с хлюпаньем проваливалась в болото нога, с треском ломался сухой валежник.

— Смотрите, филин, — тронув меня за локоть, шепотом предупредил Вячеслав Васильевич.

В нескольких шагах впереди на толстом суку корявой сосны я увидел большого филина. Развесив в сторону ушные пучки перьев, он неподвижно сидел к нам спиной и не обращал никакого внимания ни на всплески воды, ни на треск валежника — вообще на весь шум, производимый нами. Меня поразило такое поведение филина, чрезвычайно чуткой и осторожной птицы. Шепотом я сказал это Вячеславу Васильевичу. Но и едва слышный шепот, видимо, достиг тонкого слуха птицы. Филин медленно повернул голову. Одно его длинное ухо подозрительно поднялось вертикально, затем поднялось другое, прищуренные глаза сразу открылись, стали круглыми. Сорвавшись с сосны, филин почти над самой землей быстро полетел прочь от беспокойного места и, лавируя между деревьями, исчез за зеленой завесой.

— Эх ты, филька-простофилька! — усмехнулся я.

Обитая на глухой, отдаленной гриве, филька в значительной мере потерял свою прирожденную бдительность: ведь редко заглядывает человек в его владения.

В ту весну в Дарвинском заповеднике серых ворон было особенно много. Сначала они держались по берегам разливов стаями потом численность их несколько уменьшилась. Вероятно, часть птиц отлетела в другие места, к рыбным промыслам, где корму значительно больше, а остальные разбились на пары. В конце апреля, выбрав наиболее богатые водяной птицей места, вороны построили гнезда и вскоре отложили яйца. Куда ни пойдешь, всюду наткнешься на пары серых ворон. Еще издали, с вершины старого дерева, заметят они идущего человека и зоркими глазами хищника следят за каждым его движением.

Придется нам временно прекратить экскурсии и заняться воронами, решили мы с Вячеславом Васильевичем. Утки уже начали откладывать яйца, а ворон в этом году загнездились особенно много. И если сейчас не отстрелять их, не сократить их численность, они наделают много бед заповеднику — погибнут утиные гнезда. На другое утро после этого разговора мы уже не пошли, как обычно, на дневную экскурсию, а занялись подготовкой к истреблению хищников. Осмотрели со всех сторон шалаш, заблаговременно поставленный на окраине луга близ деревеньки, подправили его свежими сосновыми ветками, неподалеку от шалаша вбили колья. На этом и закончилась подготовка к предстоящей вороньей охоте.

Уже года два около соснового леса, в просторном сарае с дверью, затянутой металлической сеткой, содержался взрослый филин. Маленьким смешным птенцом принесли его когда-то из заповедного леса. Но птица не стала ручной и доверчивой. На отшибе стояла эта постройка, ее редко посещали люди, и молодой филиненок в уединении стал постепенно таким же диким и нелюдимым, как и филины, живущие на свободе. Когда кто-нибудь приближался к металлической сетке и заглядывал внутрь сарая, он угрожающе щелкал клювом, тарасил глаза, а затем, сорвавшись с места, носился по всему сараю.

Время от времени пленного филина использовали как приманку при отстреле серых ворон в заповеднике.

— Когда вы последний раз фильку кормили? — спросил я приятеля.

— Дней десять или двенадцать назад, — ответил он.

— Как это десять или двенадцать — вы, наверное, шутите? Мне было хорошо известно, что Вячеслав Васильевич очень любит животных и не допустит небрежного отношения к птице, содержащейся в неволе.

— Нет, не шучу, именно так. Мы его обычно в течение месяца, иногда два, иногда три раза кормим. Вот и завтра получит двух-трех ворон, и опять попостится по меньшей мере с недельку. Не удивляйтесь, этого вполне достаточно. Завтра поймаем его, сами убедитесь, какой от тяжелый.

И действительно, несмотря на длительные перерывы между кормежками, филька оказался сильным и вполне упитанным. С трудом я прощупал у него киль, что, несомненно, доказывало здоровье птицы.

Стояло прохладное утро, когда я забрался в шалаш, удобно уселся на кучу веток и, приготовив ружье, стал терпеливо ждать. Ц1агах в пятнадцати от шалаша, на земле, привязанный веревкой За ногу, сидел наш филька. Избыток света сначала ослепил птицу, она оставалась неподвижной. Потом филин стал медленно поворачивать голову, озираясь кругом, и хлопал глазами, видимо, не зная, что предпринять дальше.

Интересно, что филины способны на такое долгое голодание. «Как в этом отношении они похожи на тигров!» — думал я, вспоминая прочитанную статью натуралиста Левы Капланова. Поставив себе задачу изучить питание уссурийского тигра, он целыми месяцами ходил на лыжах по тайге хребта Сихотэ-Алиня по тигровому следу. В результате упорных исследований ученый установил, что тигр на свободе ловит и поедает добычу примерно раз в полторы-две недели. Задерет оленя, попирует над ним денька два или три и идет дальше. А там, смотришь, через недельку-другую вновь попадет в лапы хищнику кабан или другая крупная жертва — и опять вволю отъедается тигр перед новым длительным воздержанием.

На этом мысли мои оборвались. Где-то позади шалаша настойчиво застрекотала сорока. Предчувствуя неприятность, филька поспешил убраться с открытой поляны. Поднявшись на крылья, он рванулся в сторону, но привязанная к колу веревка натянулась до отказа и повалила его на землю. Тогда, раскрыв широкие крылья, хлопая глазами и щелкая клювом,



филька принял боевую позу, топчась на одном месте.

В этот момент высоко над шалашом я услышал тревожное воронье карканье. Ворона летела, описывая небольшие круги над луговиной, как бы скликая на помощь ворон-соседей. Вскоре к ней присоединилась другая птица, потом третья, еще и еще... И вся компания, наполняя тишину утра возбужденным карканьем, закружилась в воздухе, спускаясь все ниже и ниже. Вот одна из ворон пролетела над самым филином, другая, продолжая кричать, уселась на верхушку рядом стоящего дерева.

Возбуждение нападающих птиц передалось и фильке. Он вновь попытался подняться на крылья, и его неудачный взлет вызвал страшный переполох среди вороньей компании. Грянул выстрел, потом второй, за ними последовал третий, и все превратилось в какой-то хаос. Филин подскакивал вверх, защищался от пикирующих сверху птиц, набрасывался на упавших после выстрела, а вороны, не понимая, в чем дело, и, вероятно, приписывая все несчастье ненавистной ночной птице, с еще большим возбуждением продолжали нападение.

Возбуждение фильки не прекратилось и после того, как воздушная атака закончилась и мы подобрали и уложили в заплечный мешок убитых ворон. Филин и на нас тарачил глаза и щелкал клювом. Когда же мы попытались взять его в руки, он, защищаясь, перевернулся на спину и выставил вперед мохнатые когтистые лапы.

— Что и говорить, смельчак! Дорого сумеет продать свою жизнь, если в этом будет нужда, — уронил Вячеслав Васильевич скрутив, наконец, филина. — До смерти боится только одну птицу — безобидного кулика-сороку. Как прилетит этот пестрый, красноносый кулик, начнет с громким свистом пикировать сверху, тут уж не выдерживают филькины нервы. Распластается он на земле, раскроет крылья и лежит, словно мертвый.

— Жалко все-таки эту птицу, я бы выпустил ее на волю, — сказал я Вячеславу Васильевичу, когда мы водворили фильку в сарай и бросили ему убитых ворон.

— Ничего не выйдет из этого, уже пробовал, — безнадежно махнул рукой мой собеседник. — Улетит в лес, сядет на дерево и будет сидеть на одном месте голодный несколько суток сряду. Приходи и бери руками. Ведь выкормыш, — пояснил он.

## ОДНО ПЕРЫШКО

— Ну как, Миша, поедem завтра на острова? — спросил я как-то за ужином хозяйского сына.

— Если не будет дождя, пожалуй, поедem, — ответил он. — Только не туда, где мы были в прошлое воскресенье.

— Мне все равно, куда ни ехать, лишь бы на островах побывать, — согласился я.

— Поедem через Гнилую протоку к Саровке — там большой затон с ключами, вода чистая, и всегда рыбы полно, — продолжал Миша. — А когда Гнилой будем ехать, я вам филинов покажу. Уже раза два на Гнилой протоке этих филинов я поднимаю, и все в одном месте. Наверное, они там постоянно живут. Уж очень хороши филины, здоровые, как бараны, уши висят, глаза круглые, во какие большие! — продолжал Миша.

В том 1938 году ранней весной я впервые приехал в Приморье и, поднявшись вверх по реке Большой Уссурке, остановился у старой колхозницы в небольшом селении Вербовке. Внук моей хозяйки Миша Евченко по воскресным дням возил меня на плоскодонной лодчонке по притокам, тихим затонам и островам этой реки. Сетью он ловил рыбу или колол острогой щук,

а я тем временем отстреливал интересных птиц и снимал с них шкурки. Здесь было много пернатых, которые встречались впервые. Естественно, что сбор птиц поглощал все время, и было жаль тратить его на филина, с которым я уже неоднократно сталкивался в прошлом. Я твердо решил не увлекаться крупными птицами. Что будет дальше, посмотрим, а сейчас не до филинов. Но не все зависит только от вашей воли.

В то утро мы с Мишей сначала высадились на большом острове и обошли кругом лесное озеро. С характерным кряканьем с него поднялась парочка уток-мандаринок и тут же исчезла за свисающими к воде деревьями. Потом мой спутник показал глубокий родник с ледяной и совершенно прозрачной водой. На дне родника неподвижно лежала большая мягкотелая черепаха. Поехали дальше, вскоре свернули с основного русла и попали в узкую проточку с быстрым течением; ее загромождали занесенные сюда обломки упавших в воду деревьев. Течение стало не столь стремительным, и нас уже медленно понесло дальше. По сторонам поднимался старый лиственный лес. К самой воде наклонились плакучие ивы, с одной стороны, наполняя воздух пряным запахом, цвела черемуха, широко раскинули горизонтальные ветви грецкие орехи, да к самому небу поднимали вершины гиганты-тополя. Чудный, незабываемый лес!

— Это и есть Гнилая протока, вон за тем поворотом в прошлый раз я спугнул пару филинов, — предупредил меня Миша. — Зарядите ружье крупной дробью.

Перед тем я охотился за желтоспинными мухоловками, и мое ружье было заряжено полузарядниками самой мельчайшей дроби. Ею не убьешь и не поранишь филина: густое и мягкое оперение птицы, как настоящая броня, предохранит ее от слабого заряда и мелкой дроби.

Исполняя просьбу Миши, я взял ружье в руки, повозился с ним, как бы вкладывая другие патроны, но оставил в стволах те же полузарядники. «Все равно не буду стрелять в филина», — еще раз старался убедить я себя. Но именно в этот момент на берегу протоки среди высокого папоротника Миша увидел сидящую птицу.

— Филин. Стреляйте, стреляйте, филин! — показывая шестом и пригибаясь на лодке, зашептал он.

Не один, а два филина, потревоженные нашим появлением, бесшумно поднялись из прибрежных зарослей.

— Стреляйте, филины! Бейте! Ну, бейте же! — вдруг закричал мальчуган не своим голосом.

И я не сдержался. Вскинул ружье и, стараясь не попасть в летящих филинов, сделал два частых выстрела. Обе птицы, лавируя между деревьями, благополучно полетели дальше. Только после второго выстрела я заметил, как задний филин потерял несколько перьев: вероятно, их выбили боковые дробины заряда. А тем временем нашу лодку несло дальше вниз по течению.

— Вон он, смотрите, на дереве, — вдруг зашептал опять Миша, указывая на старый тополь.

Шагах в семидесяти в стороне я вновь увидел того же филина. Он сидел на толстом суку у ствола дерева и следил за проплывающей мимо лодкой. Какой-то странной на этот раз показалась мне птица: необычно свисали по сторонам головы длинные и широкие ушные пучки перьев, да непривычно смотрели желтые большие глаза. Филин ли это?

Поспешно отыскал я в патронташе патрон, заряженный крупной дробью, сунул в ружье и выстрелил. Но на этот раз расстояние было слишком большое, и ни одна, дробиная не попала в птицу. Филин снялся с сука и исчез за зелеными ветвями деревьев. Вот досада! Я проводил его глазами, зная наперед, что теперь подойти к стреляной птице почти невозможно.

— Вернемся назад, — обратился я к мальчугану. — Когда я стрелял там, дробь выбила у филина перья. Мне обязательно нужно отыскать хоть одно перышко!

Миша подогнал лодку к знакомому месту и мрачный сидел на корме, пока я бродил по прибрежным ивовым зарослям. Когда же я нашел и показал ему выбитое перо загадочной птицы, он только сплюнул в сторону и не проявил к нему ровно никакого интереса. Его фигура выражала презрение к охотнику, спуделявшему так близко по большой птице.

Перо обладало необычным рисунком. Я осматривал его еще и еще, пытаюсь восстановить в памяти рисунок пера обыкновенного филина, и, наконец, не придя ни к какому выводу, бережно уложил его в записную книжку. Потом неоднократно я один плавал на лодке по протокам Большой Уссурки в надежде добыть странного филина, но безуспешно.

Прошло несколько месяцев, я возвратился в Москву и здесь путем сравнения смог точно определить хранящееся у меня перо. И что же вы думаете? С досады я схватился за голову, и все закрутилось перед глазами. Перо, выбитое дробью на островах Большой Уссурки, несомненно, принадлежало крайне редкой птице — рыбному филину.

## ПОДЗАТЫЛЬНИК

Не люблю я писать о том, чего не видел своими глазами. Ведь в пересказе — не ваши чувства, а часто и не ваши слова. И все же мне хочется рассказать об этом смешном случае; он произошел с моим старым товарищем Сергеем Павловичем Наумовым. Рассказал он мне о нем так ярко и интересно, что я решил написать об этом.

На вьючных лошадях добрался Сергей Павлович с небольшим конным отрядом до города Верхоянска и оттуда стал продвигаться далее к северу. Пройдет отряд километров пятьдесят, выберет начальник интересное место и работает здесь несколько дней, и вновь снявшись с лагеря, отряд идет дальше...

Как и во всякую подобную экспедицию, Наумов захватил в Якутию дробовое ружье. Только на этот раз пользовался он им сравнительно редко, таскал за плечами и явно предпочитал своеобразную и трудную охоту при помощи фотоаппарата. Интересное это дело, особенно для хорошего специалиста и настоящего полевого работника. Много замечательных снимков удалось сделать ему во время этой поездки.

Однажды в разреженном лиственничном лесу Сергей Павлович встретил интересную для зоолога птицу — бородатую неясыть. Это — большая сова; по размерам она несколько уступает обыкновенному филину и отличается от него рядом признаков. Окраска птицы — светло-серая, на голове нет перьев, называемых ушками, на светлом фоне лицевого диска уже издали заметен тонкий, четкий рисунок: каждый глаз окружен многочисленными концентрическими кругами. Не часто удается наблюдать бородатую неясыть в естественной обстановке, еще реже находят ее гнезда.

Сова близко подпустила к себе Наумова, и он попытался запечатлеть ее на пленке. Птица не спешила улетать, и Сергей Павлович снял сову сначала издали, потом решился подойти ближе и сделал новый снимок. Но после этого птица сама подлетела еще ближе, присела на вывороченный корень упавшей лиственницы, затем слетела с него, сделала небольшой круг и вновь возвратилась на старое место.

Наумов пришел к выводу, что где-то рядом помещается гнездо совы, и решил воспользоваться этим случаем, чтобы сделать серию снимков на близком расстоянии.

Предположение его вскоре оправдалось: что-то заверещало и защелкало у его ноги, и он увидел на земле светло-серый комок пуха. Комок оказался уже достаточно подросшим пуховым птенцом бородатой неясыти. Держа наготове аппарат, Наумов ногой подталкивал пухового совенка. Бесцеремонное обращение не нравилось птенчику: он шипел, тарачил глаза и щелкал клювом. Заслышав невнятные звуки, к птенцу подлетела взрослая птица. В трех шагах от стоящего человека она уселась на корень упавшего дерева, тоже защелкала клювом и вновь отлетела немного подальше. Чуть согнувшись вперед и терпеливо следя за каждым движением взрослой птицы, Наумов долго оставался на одном месте. Но трудно бывает в Якутии сохранять неподвижность в летнее время. Около вас собирается множество мелких жалящих насекомых. Крылатые мучители, назойливо звеня, лезут в глаза, в рот и уши. Охота с фотоаппаратом в этих местах много труднее, чем охота с дробовиком или винтовкой. Гнус со всех сторон облепил Сергея Павловича. Затылок и шею он прикрыл широким шарфом — Затылок и шею он прикрыл широким шарфом, на руки натянул кожаные перчатки и вновь, приведя аппарат в боевую готовность, замер на месте, терпеливо выжидая, когда бородатая неясыть усядется особенно близко и удобно. Опять, заслышав шипение и щелканье, взрослая птица описала небольшой круг в воздухе, подлетела близко к стоящему человеку и снова уселась на торчащий корень. Нельзя было упустить этого удобного случая. Наумов осторожно навел аппарат на резкость, нащупал спуск затвора и... Неожиданный и сильный удар по затылку сбил Сергея Павловича с боевой позиции. Не удержавшись, он упал на землю, аппарат отлетел в сторону. Интересная съемка прекратилась.

Пока самец бородатой неясыти пытался всеми средствами защищать своего птенца от забредшего к гнезду человека, самка не проявляла особого беспокойства. Она сидела поодаль на высоком дереве и наблюдала за тем, что происходило внизу. Но всему есть граница и мера. Надоело и самке быть только зрителем. Снявшись с высокого дерева, она сверху ударила человека и свалила его на землю.

— А знаешь, как съездила? Как будто туго набитой подушкой стукнули по затылку, — рассказывал мой приятель. — Три дня шея болела. Не случайно я не устоял на ногах и растянулся.

А ведь Сергей Павлович Наумов — высокий, большой человек.

— Но ты, надеюсь, не выстрелил в птицу? — поторопился спросить я.

— Что ты, даже в голову не пришло. Отыскал аппарат и, потирая затылок, убрался из совиных владений.

Поведение бородатой неясыти — не редкий случай, не исключение. Многие совы — честь им и слава! — умеют защитить свое потомство и смело бросаются на врага, даже на человека. Этим особенно отличаются сычики, полярные совы и совы-неясыти. Они бьют противника своим телом и наносят рваные раны когтями.

## ЧИБИСЫ

— Чибисы прямо на нас летят, — невольно пригибаясь к земле и всматриваясь в пестрых птиц, предупредил я отца. Но отец равнодушно глянул на летящую стаю.

— Хоть их и едят, но ведь это не настоящая дичь, — пояснил он, не поднимая своей двустволки. — Серьезное ружье никогда не сделает по чибису выстрела.

«Почему же не дичь?» — хотел спросить я, провожая стаю глазами.

Но что-то отвлекло мое внимание и я не задал вопроса ни в тот момент, ни позднее. Это произошло в детстве, когда я только начинал ходить с отцом на охоту. Авторитет отца был настолько велик, что я всю свою жизнь, не зная конкретных причин, избегал стрелять чибисов.

Много охотясь на Украине, я в конце концов убедился, что в чибиса действительно редко выстрелит настоящий охотник. Но почему? Не потому ли, что чибиса любят там, называют чайкой и слагают о нем песни?

Одну песню мне привелось слышать в маленьком хуторке над Днепром, куда я зашел однажды переночевать после охоты за куропатками. В ней не было ничего особенного, яркого и красивого — простые слова, несложное содержание: когда-то давно ехали на волах чумаки с солью и остановились на ночлег в открытой степи у ставка; над ними с криком летала чайка. Поискав немного, чумаки нашли подросших птенцов чибиса, «чаенят», и заправили ими кашу. Наутро, когда чумаки покинули место ночлега, чибис, издавая жалобный крик, оплакивал погибших птенчиков. Эту песню пела пожилая женщина, у нее был слабый голос, но она спела ее с таким чувством, что простые слова произвели на меня очень сильное впечатление и глубоко врезались в память. Бабка моя была тоже украинка. Быть может, и она знала и пела моему отцу песню о чайке и чаенятах? Не потому ли отец не стрелял чибисов и не советовал стрелять мне? А может быть, и по другой причине? Он не был зоологом, но много свободного времени проводил на охоте, любил и понимал природу. Мне кажется, он знал, что чибис заслуживает покровительства со стороны человека.

Много гибнет дичи от всевозможных хищников!

Побывайте хоть один раз на местах зимовок под Ленкоранью или на туркменском берегу Каспия, и вы убедитесь в этом. Стаи уток — шилохвостней, свиязей, красноголовых и красноносых нырков — сплошными массами покрывают воду. В стороне темными пятнами видны скопления лысух, еще дальше, в мелководном заливе, белеют лебеди и розовые фламинго. Где-то в небе гогочут гуси. Но яркое южное солнце слепит глаза, мешая рассмотреть летящую крикливую стаю. Много скапливается птицы на наших зимовках, но много здесь и различных хищников. Во всех направлениях над самой водой и тростниками вьются камышовые луни. То и дело они бросаются вниз, пытаясь схватить ослабевшую утку. На отмелях, четко выделяясь на светлом фоне, неподвижно сидят крупные птицы — орланы. А проведите в местах птичьих зимних скоплений хоть одну январскую зорю; Вот на горизонте прячется солнце, надвигаются ранние сумерки. И теплый, почти жаркий день сменяется прохладной ночью. Иной раз даже ударит небольшой морозец, и мелкая неподвижная вода рисовых полей и луж покроется за ночь тонкой ледяной коркой. Потемнеют заливы, исчезнут из виду массы сидящей птицы. Только все чаще над головой в небе, издавая крыльями своеобразный свист, пронесутся утки. В поздние сумерки они стаями поднимаются с открытых морских заливов и летят на внутренние водоемы за пищей. А навстречу им одна за другой тянут гусиные стаи. Целый день гуси провели на далеких озимых посевах, а сейчас в темноте крикливыми косяками летят к месту ночлега, на открытую мелкую воду опресненных речушками морских заливов.

Где-то в стороне закричит шакал. «Аайааааааааа...» — долго тянет он жалобным голосом. Ему вторит другой, потом третий. «Ай-ай, ай-ай, ай-ай, ай-ай», — подхватят сотни голосов. И вдруг все окрестности, вся окружающая вас темнота ночи наполнятся плачем и дикими воплями. Это крик сотен шакалов, вышедших на ночную охоту. Потом все утихнет. На южном небе загорятся мириады звезд. А над головой продолжают свистеть крылья, да время от времени с испуганным кряканьем с озера или лужи взлетят утки, потревоженные ночным разбойником.

Пройдите по тем же местам, когда взойдет солнце. На кочках среди разливов и по бровкам на полях риса вы обязательно обнаружите десятки свежих поедей. Круглые следы дикой кошки

или шакала, остатки перьев из крыла какой-нибудь утки или лысухи без слов расскажут вам о ночной трагедии. За долгую зиму много погибнет дичи от четвероногих и пернатых разбойников.

Кончатся морозы на Севере, вскроются сначала реки, потом озера — и вся сохранившаяся на зимовках птица полетит к местам гнездовья. Однако и во время пролета их преследуют хищники.

Но вот наступает самое ответственное время, время размножения пернатых — весна. Высмотрит утка или тетерка укромное для гнезда место, отложит яйца и, стараясь ничем не выдать своего присутствия, ведет себя особенно осторожно. На короткое время оставляя гнездо, чтобы утолить жажду и голод, утка прикрывает его гнездовым материалом. Она делает это так искусно, что совершенно скрывает яйца от зорких глаз хищника. Однако и при таком поведении нелегко бывает сохранить кладку. В наших тундрах, где много гнездится гусей, гаг и северных уток, в поисках пищи рыщет неутомимый песец, летают хищные птицы-поморники. Яйца для них лакомство. Маленькая оплошность наседки — и, как правило, гибнет вся кладка.

Изучая Север, ученые давно обратили внимание на существующую взаимопомощь среди обитателей тундры. На обрывах и крутых каменистых склонах по берегам рек и озер нередко гнездится сокол-сапсан. Рядом с гнездом этого быстрокрылого хищника, среди камней и лишайника, часто устраивают гнезда краснозобые казарки, а иногда и другие гуси. На птиц, гнездящихся с ним по соседству, сокол не обращает внимания: он бьет птиц только в воздухе, и сидящие на гнездах гуси — не его добыча.

Завидев издали в тундре песца, сапсан вылетает ему навстречу и с криком, «kozyряя» сверху, изгоняет непрошеного гостя из своих владений. Оберегая свое гнездо, сокол, не сознавая этого, охраняет и гнезда гусей-соседей; в соколиные владения избегает залетать даже поморник.

А вот целая колония небольших белых птиц — полярных крачек. И эти пернатые нападают на каждого забежавшего песца, залетевшего поморника или крупную чайку. Обыщите кочки вокруг колонии, и вы обязательно найдете несколько гнезд гусей, гаг или уток. Под охраной смелых и шумных защитников здесь они благополучно выведут свое потомство.

Однако пернатое население тундры живет в несколько особых, я бы сказал, в благоприятных условиях. Сотни километров можно проехать по тундре весной и не встретить человека. И многие гуси, утки, гнездясь в одиночку, спокойно высидивают яйца и выводят свое потомство, не особенно нуждаясь в посторонней защите. Не спугнут с гнезда наседку, не найдут гнезда и хищники.

Значительно труднее сохранить гнездо утке, тетерке или глухарке в лесных или лесостепных областях нашей страны. Здесь обитают самые отчаянные и страшные среди пернатого населения разбойники — серая и черная вороны. Эти хищники одарены большой сообразительностью и при поиске гнезд умело используют и небережливого человека, и его домашних животных. На одиноко стоящем дереве среди речной поймы или на окраине мохового болота рано построит ворона гнездо и отложит в него пять или шесть яиц. И когда наступит середина мая — самый разгар размножения у диких уток и боровой дичи, — в гнезде вороны появятся воронята. Они быстро растут, требуют много пищи и вынуждают своих родителей энергично заниматься ее добыванием.

Ранним утром усядется ворона на верхушку дерева и с этого наблюдательного пункта зорко следит за окружающим. Обладая превосходным зрением, хищник на большом расстоянии замечает ничтожные мелочи. Время от времени пощелкивая кнутом, пастух гонит стадо. Черные, рыжие и пестрые коровы разбредаются по зеленому лугу и щиплют траву. И вдруг

из-под самой морды животного взлетает утка. Не ускользает это от зорких вороньих глаз, и несколько секунд спустя она уже тащит в клюве яйцо злополучной птицы на свой кормовой столик. Впрочем, понятие «кормовой столик» известно немногим охотникам. Это место, где Пернатый серый разбойник выпивает похищенное яйцо, глотает птенцов, то есть съедает свою добычу. Наполнив желудок и Пищевод, ворона спешит к своему гнезду и досыта кормит птенцов. Кормовой столик может помещаться на маленьком островке среди речного разлива на стогу сена или просто на возвышенно сухом участке среди мокрого луга. Не один десяток яиц съедает за долгий весенний день пара ворон, вскармливая свое потомство. К счастью, и здесь, в средней лесной полосе, обитает немало пернатых защитников. Одним из первых прилетает к нам весной некрупная пестрая птица — чибис и выбирает для своего гнезда кочку среди мокрого луга или сухой открытый участок неподалеку от озера или болота.

«Чи-ви, чи-ви, чи-ви!» — кричит птица в течение всего светового, а иногда и темного времени суток, кругами летая над своим гнездовым участком. Когда же самка отложит в едва заметное углубление в почве крупные пестрые яйца, чибисы никому не дают прохода. Они с криком встречают и провожают каждого случайно забредшего сюда человека, смело бросаются на собаку и немедленно изгоняют залетевшую ворону и всякую другую хищную птицу. Пикируя сверху и часто повторяя свое нападение, чибис умудряется повернуть в сторону даже корову, слишком близко подошедшую к его гнезду. В местах, где чибисов не стреляют на мясо и не разоряют их гнезд, они нередко образуют колонии. И тогда подчас обширная луговина становится настоящим заповедным участком; туда избегает заходить лисица и далеко стороной облетают его серая ворона и коршун. На берегах крупных озер большое значение в сохранении гнезд водяной птицы имеет также кулик-сорока. Этот кулик размером с голубя. Пеструю черно-белую окраску его перьев дополняют длинный кораллово-красный клюв и красные ноги. Обладает также кулик-сорока далеко слышным и пронзительным голосом-свистом. «Ки-вить, ки-вить, ки-вить!» — издали услышишь его настойчивый крик, как только приблизишься к владениям беспокойной птицы. Когда в гнездо бывают отложены яйца, самец с неутомимой энергией широко облетает гнездовой участок и яростно нападает на каждую залетевшую хищную птицу.

При близком знакомстве с куликом-сорокой вы с удивлением выясняете, что он совсем не страшная птица. Его длинный клюв мягок и слаб, ноги годны для хождения, но не могут нанести каких бы то ни было повреждений противнику.

Однако его пестрое оперение, ярко-красный клюв и стремительное воздушное нападение, сопровождаемое пронзительным свистом, как психическая атака, действуют на всякого хищника. Коршун, ворона, даже сокол-сапсан при появлении кулика-сороки всегда бросаются в бегство. И там, где пары куликов-сорок поселятся на лето и отложат яйца, понемногу соберутся утки. Как и под защитой чибисов, здесь они благополучно выведут свое потомство.

Однажды я решил съездить на крошечный островок в Рыбинском море. Этот островок, расположенный неподалеку от берега, издавна занимало колониальное гнездовье малых и речных крачек.

Крачки — сравнительно небольшие связанные с водой птицы из отряда чаек; от них они отличаются вилообразным хвостом.

Когда я приблизился к острову метров на семьдесят, многие крачки поднялись на крылья и полетели нам навстречу. Кружась над лодкой, они наполняли воздух резкими криками. Чем ближе подъезжал я к колонии, тем энергичнее и смелее становились птицы. Возбужденно описывая небольшие круги, они то и дело устремлялись вниз и с воинственным криком проскальзывали над самой моей головой. Несмотря на ожесточенное сопротивление владельцев, я все же проник на островок и стал знакомиться с его населением.

Около тридцати гнезд крачек содержали крошечных пестрых пуховичков и насиженные яйца.

Часть птенчиков при моем появлении с трудом выбралась из гнездовых ямок и умело попряталась среди неровностей почвы и скудных травинок.

Здесь же гнездились маленькие кулички, зуйки и мордунки. «Вот как будто и все», — осматриваясь кругом, проговорил я. Но в этот момент из-под самой моей ноги сорвалась с гнезда утка. «Гррр, гррррр, грррр!..» — услышал я ее грубый голос и сразу по нему догадался, что это хохлатая чернеть.

Шумный взлет первой утки послужил сигналом. И, хотя продолжал оставаться на месте, с этого маленького островка покинув гнезда, поднялись еще четыре утки. Тогда, не довер себе, я еще раз тщательно осмотрел каждый метр островка, а обнаружил не пять, а шесть гнезд хохлатой чернети. Одно из них оказалось покинутым. Утята вывелись и куда-то уплыли за ма-терью, и в небольшой, вымощенной пухом ямке находилось одц0 яйцо и много скорлупок. Замечательно, что яйцо лежало совершенно открыто, но под охраной беспокойных крачек сохранилось нетронутым. Желая убедиться, что это болтун, я взял его в руки и болтая, поднес к самому уху. Но скопившийся внутри газ неожиданно разорвал скорлупу и обдал меня отвратительной жидкостью. Вероятно, оно больше недели пролежало на солнце В более южных частях нашей страны в изобилии встречается еще один страшный пернатый разбойник. Его называют болотный, или камышовый, лунь. Целыми днями летает камышовый лунь низко над болотом, пытаясь поймать зазевавшегося утенка, отыскать яйца или схватить любую сидящую на гнезде птичку.

В степях Казахстана, да и во многих других областях нашего юга, различные кулики, крачки и чайки в период размножения тоже собираются вместе. Для совместного гнездования они выбирают острова и берега крупных пресноводных озер.

Целая туча белых, пестрых и темных птиц, как облако, поднимается в воздух при появлении нежелательного гостя и встречает его нестройными, разноголосыми криками. И над случайно забредшим сюда человеком кружатся крупные и мелкие чайки, нападают, «kozyряя» сверху, острокрылые крачки, бьются в воздухе, неуклюже болтая ногами, длинноногие кулики-ходулочки. Голова пойдет кругом, когда попадешь в такую колонию. А рядом, под непрерывный гомон крикливых и беспокойных соседей, спокойно на гнездах сидят гуси и всевозможные утки. Только в этом хаосе движений и звуков они могут благополучно высидеть свои яйца.

Вот, мне кажется, почему серьезный и благоразумный охотник не поднимет ружья на кулика-сороку, долговязого ходулочника и тем более — чайку и крачку. Хоть куликов и едят, но это не настоящая дичь ни для охотника-промысловика, ни для спортсмена. Стоит ли вообще стрелять всяких там «чибисов», крикливых и беспокойных пернатых, встречающих и провожающих вас иной раз во время весенней охоты или прогулки летом! Надоедливые, но, безусловно, полезные для охотника птицы.

## НЕМНОГО О НАШИХ КУНИЦАХ

Попробуйте расспросить кого-нибудь о соболе или кунице. Я убежден, что большинство лишь в самых общих чертах расскажет вам, как выглядят эти животные, где они обитают. Но зато каждый постарается в ярких красках описать, как красив, легок и ценен мех соболя и куницы.

И действительно, мех этих животных исключительно красив. А возьмите, например, темную шкурку соболя, встряхните ее и, подняв на уровень глаз, взгляните на свет в том направлении, как «ежит волос. Вся шкурка так и засияет чудным голубоватым отливом. Но не только ценным мехом замечательны эти животные. Кто хоть один раз видел их на свободе,



никогда не забудет своеобразной грации, присущей этим маленьким, но смелым и энергичным хищникам. Мне лично привелось встретиться с различными рядами куниц всего лишь несколько раз в жизни. Однако каждая встреча была чем-нибудь да замечательна и глубоко врезалась в память. Кроме того, несколько раз куницы жили у меня дома, и я смог познакомиться с их нравом и повадками достаточно близко.

В этом рассказе я и хочу поделиться теми впечатлениями, которые живо сохранились у меня после встреч со зверьками на воле и при более близком знакомстве дома.

Мне было лет пятнадцать, когда я впервые столкнулся с соболем в естественной обстановке. В том году наша семья на все лето поселилась в небольшом селении, расположенном в 70 километрах от Иркутска. Живописные окрестности, обширный парк делали его в летнее время привлекательным уголком. Чтобы подышать свежим воздухом, сюда съезжались жители не только Иркутска, но и далекой столицы. Разбитый на берегу реки парк был излюбленным местом, где встречались и проводили время отдыхающие.

Уже тогда моя жизнь протекала не совсем обычно, не так, как у моих сверстников. Конечно, и я заглядывал в парк, но при первом удобном случае я натягивал на ноги охотничьи сапоги, брал ружье и отправлялся в далекую экскурсию по лесу. Не сиделось мне в «дачном местечке». Неудержимо тянуло к природе, в лесную глушь. Леса подступали к поселку со всех сторон.

— Поедем, парень, поле городить, — сказал мне однажды хозяин дома, где мы жили. — Говорят, посев мой козы да олени здорово потоптали, так вот огородить его надо.

Конечно, я согласился и, захватив винтовку с достаточным количеством патронов, к вечеру того же дня был готов к выезду.

Ранним утром, уложив в телегу провизию и теплые вещи, мы выехали из поселка, углубились в лес и едва приметной дорогой направились к югу. Скучным мне показался этот переезд к Боровому озеру, близ которого был расположен посев хозяина. Хотелось как можно скорее попасть на место, мы же едва двигались по плохой дороге. Колеса то вязли в болотистой почве, то выбирались на твердый грунт, и тогда телега подскакивала на выступивших корнях деревьев, скрипела, раскачиваясь из стороны в сторону. Этот монотонный скрип и редкое понукание лошади были чуть ли не единственными звуками. Кругом неприветливо молчал болотистый хвойный лес, сурово молчал и мой хозяин.

— Дедушка, у Борового, куда мы едем, дичи много встречается? — стараясь втянуть спутника в беседу и скоротать время спросил я.

— Сам увидишь, — сухо ответил тот, явно показывая, что дичь его не интересует.

— Дедушка, а почему вы так далеко хлеб посеяли? — помолчав немного, вновь задал я вопрос. — Неужели ближе нельзя было?

— Значит, нельзя, — чуть ли не огрызнулся старик и стегнув кнутом лошадь, вновь погрузился в молчание. Разговор не клеился.

«Вот молчит этот угрюмый лес, — думал я, — молчит суровая природа Сибири, и человек, проживший среди нее много лет, стал таким необщительным и молчаливым. О чем думает мой спутник, когда глядит по сторонам в лесную чащу?» И в памяти одна за другой воскресают иные картины и образы. Вот веселый уголок нашего юга. В ярком голубом небе, как бы тая, плывут жемчужные облачка, отражаясь в неподвижной воде ставка, весело шумит лиственный лес, поют птицы. Сколько тепла, солнца, приветливые, веселые лица, безмятежный смех и звучная песня.

Километрах в двадцати от поселка, на северном берегу озера Борового, среди обширной вырубki стояла лесная сторожка; в ней безвыездно жила маленькая сморщенная старушка. В тот день я впервые познакомился с ней, а позднее, когда Боровое озеро и расположенная поблизости от него Черная речка стали излюбленным местом моих охот, я частенько останавливался здесь, чтобы переночевать и выпить чаю. Вечерами, когда солнце скрывалось за зубчатой стеной хвойного леса и как-то сразу становилось сыро и неуютно, я перебирался в просторную комнату, где было тепло и царил полумрак. Вот хозяйка зажигает большую керосиновую лампу, ставит на стол кипящий самовар, и в избе становится еще уютнее. За чаем она рассказывает о своем немудреном житье-бытье вдали от людей, на небольшой вырубке.

— Летом ничего, — говорит она, — скучать некогда. На телегах приедут за грибами, за ягодами — места в избе не хватает. Одних провожу, глядь — уже другие гости пожаловали. Так лето и идет незаметно. Вот зимой, правда, скучно. Занесет избу и все дороги снегом, сижу одна, не чаю, когда из деревни навестит кто. Ночи длинные. Другой раз к самому окну подойдут дикие козы и стоят рядом на свету, по сторонам смотрят. Это значит, их волки загоняли — вот они и ищут у меня спасения.

Что-то жуткое было в рассказе хозяйки. Я представлял себе, как робкие, беззащитные звери, потеряв надежду спастись бегством, жмутся к освещенному окну сторожки и глядят большими испуганными глазами в темноту ночи. А за сугробами, совсем близко — серые хищники, сама смерть.

На этот раз мы не задержались в сторожке.

— Полина! — крикнул старик, останавливая лошадь у изгороди и роясь в телеге. — Дочка тебе передать велела, — подал он Л небольшой узелок.

— Да вы в избу зайдите, чайку выпейте, — начала было старушка. Но мой спутник дернул вожжами, и лошадь рванулась с места.

— В другой раз, — не то ей, не то на свои невеселые мысли проворчал старик, удобнее усаживаясь в телеге.

Четыре дня, обгораживая поле, прожили мы у Борового озера: рубили молодые сосны, очищали стволы от сучьев, перетаскивали их к полю и укрепляли между вбитыми в землю кольями. Напряженная работа не позволяла мне вырваться на охоту, и ружье лежало без толку. Лишь в вечерние сумерки, когда молчаливый лес наполнялся мощным рывканьем «диких козлов», я брал в руки винтовку и до полной темноты пытался подойти к кричащему зверю. Надо сказать, что в то время я мечтал застрелить рогатого самца косули, чтобы из головы животного изготовить чучело. Но чуткие животные всегда своевременно замечали меня, и осуществить свое желание мне не удавалось.

В одно прекрасное утро, когда я был поглощен работой, вдруг неподалеку от поля раздалось громкое рывканье. Я обернулся и увидел косулю. Высоко подняв украшенную рогами голову, она не спеша, шла мимо нашего лагеря. Из моих рук выпал топор, я лег на землю и поспешно пополз к телеге, где лежала винтовка. Но на обычном месте ее не оказалось. Трясущимися руками я перерывал в телеге наши пожитки — среди них винтовки не было. «Куда она могла задеваться?» — ломал я голову, соображая, что непоправимо теряю минуты. А тем временем «козел», не ускоряя шагу, прошел мимо деда и скрылся за первыми стволами сосен.

— Дедушка, да куда же винтовка исчезла? — взмолился я и тут же увидел ее на сучке дерева, где я стоял, когда «козел»

— Дедушка, да куда же винтовка исчезла? — взмолился я и тут же увидел ее на сучке дерева, где я стоял, когда «козел» появился на краю поля. Чтобы выстрелить, мне незачем

было ползти к телеге, стоило только протянуть руку

— Эх ты, разиня! — сурово бросил старик и вновь принялся затесывать кол для изгороди.

После этого случая у меня опустились руки. Работа не клеилась я готов был все бросить и отправиться один в селение.

— Что, парень, раскис? — обратился ко мне как-то дед. — Вот кончим городьбу, провожу тебя на Черную речку — там козла сразу убьешь. Они туда на водопой ходят — убить просто, только надо место хорошее выбрать.

Желая как можно скорее попасть на Черную речку, я принялся за работу с удвоенной энергией. К полудню следующего дня изгородь была закончена, и мы с дедом перебрались к сторожке. Когда солнце стало склоняться к западу, мой хозяин оседлал лошадь и шагом направился к Черной речке; закинув ружье за плечи, пешком последовал за ним и я.

Черная речка — это глубокий лесной ручей. Он служит как бы границей между глухой тайгой и разреженным смешанным мелколесьем. Его темная студеная вода то едва струится среди лесной чащи, то вырывается на широкий простор лесного болота. И тогда по его сторонам среди луговой травы блестят открытые участки воды — бочаги; по болоту желтеют крупные лилии.

— Хорошее место, — бросил старик, не слезая с лошади и осматривая тропу, пробитую среди болотной растительности. — Вон на той лесине и сидеть надо. — С этими словами он вытащил из-под себя меховой полушубок, подал его мне и, сказав, что утром будет ждать в сторожке, поехал обратно.

— Да ты не топчи зря траву — ведь козы след твой учуют, — крикнул он уже издали.

Кончается день. Скрывается солнце, освещая только вершины старых деревьев; высоко над лесом с криком летают два больших черных ворона. «Крук-крук-крук», — доносятся с высоты знакомые голоса. Потом медленно наползают сумерки, над болотом ко мне летит какая-то утка. Свистя крыльями, она делает полукруг и улетает обратно. Но мне не до птиц. Удобно усевшись на дереве, я не отрываю глаз от звериной тропы.

Вот где-то позади меня рывкает косуля, ей откликается другая, третья — сначала далеко, потом ближе и, наконец, совсем рядом. Могучий звериный крик волной прокатывается по всему лесу, эхом отдается вдаль, замирая за зубчатой стеной кедровника. Я неподвижно сижу в засаде, и мне кажется, что вот-вот на тропе должно появиться животное. Но проходит час, еще полчаса, много времени, а косули все нет и нет. Тропа, хорошо заметная при дневном освещении, уже совсем не выделяется на темном фоне; подо мной черная тьма.

«Как просто все в мечтах охотника и как сложно в действительности», — думаю я, но в это время слышу осторожную поступь какого-то зверя. Вот он проходит вблизи дерева и вступает в воду; под его ногами хлюпает болотная почва. Для меня ясно, что это косуля, что она идет к водопою той самой тропой, но мне не легче от этого — я не вижу в темноте зверя. И тогда без всякой надежды я навожу винтовку, ориентируюсь на слух, и нажимаю гашетку. Резко звенит выстрел, а за ним следуют характерные звуки быстро скачущего по болоту животного. Вскоре они стихают, и тогда мне становится ясно, что охота закончена — мне здесь больше нечего делать, но и уйти до утра некуда. И, чтобы скоротать время, я запахиваю полушубок, прочнее усаживаюсь на ветвях дерева и, склонив голову, начинаю дремать.

Я проснулся на рассвете. На побледневшем небе едва мерцали одинокие звезды. С каждой минутой, казалось, они подни— мались все выше и выше. В сумраке дремали деревья, а над болотом, насколько хватает глаз, извиваясь белой лентой, висел туман. Он клубился, медленно заползал в лесную чащу. С его проникновением сюда сразу становилось как-то

особенно сыро, холодно и неудобно. Меня неудержимо потянуло к жилью, в теплую сторожку, и я только хотел спуститься на землю, как увидел небольшого зверька. Скрываясь за стволом соседнего дерева, он выставил остромордую голову и внимательным глазом следил за каждым моим движением. Несколько секунд, затаив дыхание и боясь шелохнуться, мы с любопытством рассматривали друг друга. В этот момент из нависшего над болотом тумана неожиданно появилась глухарка. Хлопая о ветви короткими крыльями, она совсем было уселась на ту самую лиственницу, где я провел ночь, но, вероятно, увидев близко человека, неловко вильнула в сторону и с квохтаньем полетела дальше. Еще мгновение — и крупная птица, как бы тая в густом тумане, исчезла из виду.

Неожиданное появление глухарки взволновало зверька. Он быстро спустился до первой горизонтальной ветви, с изумительным проворством добежал по ней до конца, затем перепрыгнул на ближайшую лохматую ветвь соседнего кедра и исчез в голубой хвое. Глядя на него, можно было подумать, что шустрый хищник пытался догнать летящую птицу. Но это только казалось. Уже в следующую секунду я увидел зверька под собой. С такой же энергией и быстротой он деловито бежал в противоположном направлении по лежащему на земле стволу громадной лиственницы и вскоре скрылся за кустами багульника. Вот и все, что я видел.

Однако и этого было достаточно, чтобы хорошо его разглядеть. Вы, наверное, думаете, что зверек был пушист и красив то есть был таким, какими мы привыкли рисовать в своем воображении драгоценных соболя или куницу? Ничего подобного. Он был действительно замечателен, но не своей красотой, а нелепой внешностью. Большая голова с широко расставленными круглыми ушами, острая черноглазая мордочка, а главное — его широкие мощные лапы совершенно не соответствовали небольшому, тонкому и гибкому телу, покрытому совсем низким темно-бурым мехом. Лапы казались огромными, а их обладатель поразительно напоминал худенького лопухого, живого мальчугана, которому на ноги, как бы на смех, надели большие ботинки взрослого человека. Однако они ничуть не мешали зверьку двигаться с изумительной быстротой и легкостью. Проворный зверек мастерски управлялся с ними, лапы мелькали в воздухе, переносили гибкое тело, но все время были как-то на первом плане, особенно бросались в глаза.

Странного и смешного зверька я принял за куницу, одетую низким летним мехом. Надо сказать, что в то время я смутно представлял себе распространение наших куниц и допустил ошибку. Чтобы такой же ошибки не сделал мой читатель, я коротенько и в самых общих чертах расскажу об этих замечательных животных, широко заселяющих Советский Союз.

Настоящие куницы в нашей стране представлены четырьмя видами. Они распространены главным образом на лесных и горных территориях Европы и Азии.

Вот, например, перед вами небольшой, замечательный хищник, относящийся к семейству куниц, — драгоценный соболь. В далеком прошлом этот зверек был не редок в нашем отечестве. Он широко заселял тайгу Сибири, встречаясь уже от средней части Печоры и на восток до нижнего течения реки Лены и от Алтайских гор до Уссурийского края, Камчатки и Сахалина. Прошло около века, местами исчезли лесные тущобы, отступила перед человеком тайга, а с этим частично исчез, частично отступил вглубь и драгоценный соболь. И его распространение стало не повсеместным, как прежде. В небольшом количестве он сохранился только в глухих участках тайги, отделенных иной раз многими сотнями километров один от другого.

И вот в это критическое для зверька время ему на помощь пришел советский человек. На обширных пространствах Сибири прекратился соболиный промысел, один за другим появились временные заказники и специальные соболиные заповедники. Охрана и заботливое отношение к животному вскоре дали плоды. Количество соболя возросло, отдельные населенные им пятна на наших глазах соединились друг с другом, численность

соболя стала понемногу восстанавливаться. Однако этот естественный процесс все же шел слишком медленно. И тогда на помощь соболю пришла наша передовая техника. Там, где соболей стало много, их отлавливали сетями и самолетами быстро перебрасывали за тысячи километров, в те участки, где драгоценные зверьки жили когда-то.

Водились соболи и водятся в наше время также в Японии, Корее, Китае и в северных частях Монголии — только эти зверьки по качеству меха значительно уступают нашим. Дело в том, что соболи из различных мест своего распространения не одинаковы. Они отличаются размерами, окраской, пышностью и мягкостью меха. Уральские соболи, например, сравнительно крупных размеров, но обладают светлой окраской и стоят относительно дешево. Мелкие же, но темные соболи из горных центральных частей Сибири ценятся очень дорого. Кстати надо сказать, что здесь не водятся других куниц, кроме соболя. Таким образом, в молодости я столкнулся в Сибири не с куницей, как думал когда-то, а с соболем. Только зверек был покрыт низким летним мехом и не произвел на меня того впечатления, какое производит он в пышном и красивом зимнем наряде.

Где же обитает соболь, какой образ жизни он ведет, чем питается? — эти вопросы, конечно, интересуют читателя. Глухая и мрачная тайга, каменистые россыпи, поросшие кедровым стлаником, — вот излюбленные места его обитания. Ведет он наземный и ночной образ жизни, поедая главным образом мелких грызунов, кедровые орешки и ягоды. При нужде он легко взбирается по древесным стволам, немного уступая в способности к лазанию другим, настоящим древесным животным.

В лесных и лесостепных районах европейской части нашей страны, в горах Кавказа и в самых западных частях Сибири обитает ближайший родственник нашего соболя — лесная куница. Родство этих двух животных настолько близко, что в области общего распространения, на Урале и в самых западных частях Сибири, они часто образуют помеси. Зверьки гибридного происхождения широко известны местным охотникам под именем кидуса.

Близкое родство соболя и лесной куницы в то же время не мешает им различаться повадками и образом жизни. Лесная куница в отличие от соболя — настоящий лесной и древесный зверек. Она поселяется в старых лесах, устраивает гнезда в древесных дуплах и лучше всех своих родственников лазает по деревьям. Питается лесная куница не везде одинаково. В средней и северной полосе она поедает белок. Хищник отыскивает беличьи гнезда и, если спугнет грызуна, упорно преследует его на деревьях. Поедает эта куница также полевок, ест крупных жуков и лесные ягоды, отдавая предпочтение рябине. Вот об этом лесном хищнике мне и хочется рассказать читателям.

Несколько лет тому назад, в одно ясное декабрьское утро, когда выпавший ночью снег белым пухом окутал ветви деревьев, услышав лай своей собаки, я приблизился к старой мохнатой ели. «Опять, наверное, белка», — с досадой подумал я и попытался отозвать собаку.

Ведь белка — это объект промысла, а я не промысловик, а спортсмен-охотник. Но пес, видимо, не разделял моей точки зрения. Он не обращал внимания на оклики, вертелся около ели, пристально всматриваясь в ее запорошенные снегом ветви. Веселый и задорный «лай» звучно раздавался в тишине молчаливого зимнего леса. Азартный четвероногий охотник весь превратился во внимание, когда я выбрал толстую валежину и ударил ею по стволу дерева. Этим, однако, я не достиг цели. С дерева посыпался снег. Он запорошил мне глаза, набился за воротник куртки.

— Да нет там ничего! — прикрикнул я на Гаудика. С этими словами я поймал его за шиворот, перехватил под руку и понес в сторону. Но лайка, как вьюн, вертелась в моих руках, наконец, выскользнула из объятий и стремглав бросилась к уже знакомой нам ели. «Тахх...» — прозвучал ружейный выстрел, и с ели вновь посыпался снег. Это я издали выстрелил по дереву, рассчитывая спугнуть белку. Но осыпался снег, и вновь все осталось по-прежнему:

белки не было видно. Однако и на этот раз собака не желала уходить от ели и, наученная горьким опытом, уже не давалась мне в руки.

«А вдруг в густых ветвях скрывается что-нибудь интересное?» — мелькнула у меня догадка. Я снял патронташ, отложил в сторону ружье, шарфом завязал шею, чтобы за воротник не насыпался снег, и полез на дерево. Недалеко от вершины ели я заметил что-то темное. Это оказалось гнездо белки. «Неужели там белка, а быть может?..» Мысль моя оборвалась на этом. Весь снег, скопившийся на гнезде, полетел мне в лицо. На одно мгновение совсем близко я увидел великолепную лесную куницу. Много лет прошло с того дня, но и сейчас я как будто вижу перед собой чудный светло-дымчатый мех зверька, яркое оранжевое пятно на горле и пушистый хвост. Быстро пробежав по ветви, куница перебралась на соседнюю ель, затем на другую и, не спускаясь на землю, пошла наутек. Следом за ней с лаем помчался Гаудик.

Пока я с весьма рискованной быстротой спустился, вернее скатился с ели на землю, одел патронташ и схватил ружье, куница успела уйти очень далеко. Все же, не теряя надежды, я бросился да где лаяла собака, но вскоре убедился, что догнать куницу не так то просто. Передвигаясь по деревьям, она часто меняла направление. Как только сбита с толку собака несколько отставала, куница спускалась на землю, с большой быстротой пробежала значительное расстояние и, лишь достигнув участка крупного и густого леса, вновь взбиралась на дерево. В течение целого дня то по следу, то теряя его, пробродил я в поисках ценного зверя. Но кончился день, потемнел лес, напоминая, что пора прекратить охоту и выбираться к станции.

Хочется мне также рассказать читателям о жизни этих животных в неволе. Лесная куница с детства как-то особенно интересовала меня. Я перечитал все книги, где была описана жизнь зверька, и чем ближе знакомился с ней, тем больше мечтал достать живую лесную куницу. Когда наша семья переехала в Москву, я, наконец, смог это сделать. На добытых мной живых зверей и птиц я выменял самку лесной куницы в Московском зоопарке. День, когда это случилось, был памятным днем в моей жизни. Он начался для меня настоящим праздником, а закончился большим огорчением.

Это случилось в самом начале зимы. Полученная мной куница уже оделась в великолепный зимний мех и была замечательно привлекательна. Я принес клетку домой и выпустил из нее свою драгоценную пленницу в пустую просторную и светлую комнату. Из дров и ветвей здесь я соорудил искусственные деревья, а из ящика и еловой коры нечто вроде дупла.

Около получаса выпущенная куничка знакоилась с новым помещением. Мягкими, бесшумными прыжками она не спеша обежала комнату во всех направлениях, с какой-то особенной грацией и легкостью вскакивала на подоконники, на искусственные деревья, забралась в дупло и вновь спустилась на пол. Мне было ясно, что зверек, привыкший к другой обстановке, не находил себе места и, видимо, нервничал. Но, не зная в то время нрава куниц, я не мог предполагать, сколь велико это нервное напряжение. Счастливым, неподвижно сидел я в углу комнаты и, как зачарованный, следил за каждым движением красивого лесного хищника.

А в это время с куничкой творилось что-то неладное. Взобравшись на искусственное дупло, она вдруг как-то странно попятилась назад и оскалила острые зубы. Казалось, зверек пытается защититься от врага-невидимки. Еще мгновение, и, скатившись на пол, куничка забилась в страшных судорогах. Она извивалась, содрогалась всем телом и оскаленной пастью хватала воздух. Такое состояние продолжалось недолго. Конвульсии становились все реже и реже, потеряв силы, наконец, куничка затихла, в потухших глазах, как мне казалось тогда, угасала жизнь. Потрясенный случившимся и не зная, чем помочь бедной куничке, я ждал конца. Но это была не смерть, а сильный нервный припадок. Прошло минут пять. Измученный припадком зверек с трудом поднялся на ноги и неуверенной походкой скрылся в

темный угол за поставленного дерева.

Сейчас, после того как у меня жили в неволе ласки, горностаи хорьки и куницы, мне хорошо известны эти припадки. Я не зная их происхождения и первоначальной причины, но знаю, что они обычно начинаются при сильном нервном потрясении. Если заболевшего зверька не изолировать от раздражающих внешних условий, припадки становятся чаще, сильнее и нередко ведут к гибели. Интересно, что различные виды кунных в разной степени подвержены этому заболеванию. Чаще других от припадков погибают горностаи и ласки, очень часто и тяжело ими болеют все настоящие куницы, и, напротив, среди хорьков и перевязок, относящихся к тому же семейству, эта болезнь чрезвычайно редкое явление.

Куничка прожила у меня недолго. Вскоре припадки участились. Всякий незнакомый предмет, внесенный в комнату, где жила куничка, или незнакомый запах действовал на нервную систему больного животного и вызывал новый приступ. Не желая быть постоянным свидетелем этих мучений, я возвратил зверька зоопарку.

Прошло около года. Я достал другую куницу. На этот раз мне попал исключительно крупный и темный по окраске самец. Он, вероятно, происходил из тайги европейского севера, где обитают особенно крупные и темные куницы. Я назвал его Васькой. Вновь приобретенную куницу сначала я держал отдельно, в той же комнате, где жила первая, а позднее, когда Васька привык, предоставил ему полную свободу во всей квартире. Здесь он жил на правах домашней кошки. Однако я не привязался к Ваське. Среди окружавших его людей он жил своей собственной замкнутой жизнью, не терпел, когда на него обращали внимание, и каждого встречал сердитым ворчанием. Прожив в моей квартире около двух лет, Васька подох. Я снял с него шкурку и когда осмотрел череп, то понял, что зверь дожил до глубокой старости — сохранившиеся редкие зубы были стертые до самых корней.

После припадочного зверька и старого злобного Васьки я как-то охладел к куницам и уже не думал заводить новую. Но как раз в это время мне попала совершенно ручная молодая куничка, которую я буду всегда вспоминать с большим удовольствием.

Однажды в холодный декабрьский день ко мне приехал из Калининской области знакомый охотник. Перед тем я несколько раз останавливался у него при поездках в глухую деревеньку, расположенную километрах в двадцати от Вышнего Волочка.

— Степана из Заболотной помнишь? — обратился он ко мне, едва переступив порог и развязывая шарф на шее. — Подарок тебе от него привез.

С этими словами он расстегнул полушубок и извлек оттуда привезенный для меня подарок, но такой необычный — совершенно ручную лесную куничку.

Но не только сам подарок произвел на меня впечатление. С большим удивлением я смотрел также на своеобразную «клетку в которой привезли зверька. Представьте себе свернутую из бересты трубку. Оба ее конца затянуты металлической сеткой. Когда я взял ее в руки, желая выяснить, что же в ней скрывается, оттуда, несмотря на крайнее неудобство и тесноту, глянули черные и такие ласковые глаза веселой молодой кунички. Зверек, видимо, с нетерпением ждал, когда же, наконец, его выпустят на свободу. зашептал: хотелось как можно скорее освободить бедного пленника. Но куда его поместить хотя бы на первое время? Правда, у меня была клетка, но я так давно ею не пользовался, что никак не мог вспомнить, где она сейчас и цела ли вообще. Совет приятеля облегчил мне эту задачу:

— Не надо клетки. Зачем она? Ведь куница совсем ручная и с лета жила в избе на полной свободе.

Я с величайшим удовольствием сорвал решетку и выпустил зверька в комнату. С этого момента без всякой клетки новая пленница, под именем Кунчик, прожила у меня дома более

трех лет. Во всех отношениях она не походила на двух куниц, живших у меня до ее появления. Вероятно, в руки людей она попала в раннем возрасте, и искусственное кормление отразилось на ее росте. К середине зимы она едва достигла самого мелкого размера для лесной куницы. К этому времени зверек успел закончить линьку и надеть пышное зимнее одеяние, но мех был слишком светлый, а желтое горловое пятно — слишком бледно.

«Грош цена такой кунице», — пожалуй, сказал бы любой меховщик, осматривая мех животного. Однако для меня это не имело значения. И верно, какое мне дело до качества ее меха, когда она нравилась мне во много раз больше самого красивого соболя. Прошло не более месяца со времени появления у нас кунички, однако она стала не только моей, но и общей любимицей. «Удивительно симпатичный, веселый и смысленый зверек», — думал я, когда иной раз подолгу наблюдал за ее поведением. Ручная куничка вела себя среди людей, как настоящее домашнее животное. Вот она неторопливым, бесшумным галопцем приближается к стулу, вскакивает на него и, опершись широкими передними лапками на край стола, с любопытством заглядывает вперед. Дальше нельзя — это ей хорошо известно, и куничка исследует стол издали. Она смешно морщит свою подвижную мордочку, щурится, ее влажный нос вздрагивает, улавливая вкусные запахи. — Нельзя, Кунчик! — негромко, но резко говорю я и тихонько ударяю рукой по столу. Этого вполне достаточно. Зверек нехотя прыгает на пол и бежит в другую комнату.

Вскоре я выяснил, что куничка большая лакомка. Она до странности любила варенье, мед и сладкую манную кашу. Используя эту слабость, мне и удалось многого достичь в отношении ее приручения. Терпеливо, по многу раз сряду, я заставлял Кунчика прибегать на мой зов и вскакивать на руки и плечи. Только здесь он получал вознаграждение. «Кунчик, Кунчик», — не видя зверька в комнате, бывало, крикну я, и он, в надежде получить лакомство, тотчас появится около. Спустя несколько месяцев я уже брал ручную куничку во двор, где она бегала на свободе, копалась в снегу и вскакивала на меня, как только я звал ее по имени. Одновременно с куницей в небольшой вольере у меня жила белка, и я невольно сравнивал поведение этих двух древесных животных. Изредка я запирали куничку в кухне и на некоторое время выпускал белку в комнату. Каждая такая прогулка обязательно кончалась хотя бы маленьким огорчением. Иной раз зверек свалит с полки фарфоровую статуэтку и, перепуганный звоном разбившейся вещи, прыгает на другую полку, откуда на пол также летят безделушки. И как же в этом отношении безупречна была куничка! За три с лишним года жизни в моей квартире она не разбила ни одной вещи.

Славный был Кунчик — веселый, понятливый и, как ни странно для хищника, удивительно добрый. Рассердить зверька, казалось, не было никакой возможности. Мнешь, бывало, его пушистую шкурку, тискаешь руками, а он даже не догадается пустить в ход свои острые зубы. Разве такого ручного зверька не приятно держать в неволе? Он, вероятно, полностью утратил стремление к свободе и, живя в нашей квартире, заменял домашнюю кошку.

Никогда бы я не расстался с ним, но одна беда — зверек ненавидел кошек. Это в конце концов заставило меня расстаться с ним. При всяком удобном случае он бежал в кухню, где сталкивался с соседскими кошками и затевал жестокие драки. Большой серый кот, принадлежавший соседке, вскоре стал настоящим моим несчастьем. Он был вдвое больше куницы и, конечно, мог ее задушить при первой же схватке. Однако лесной хищник нападал на него с такой стремительностью и так ловко увертывался от когтей и зубов противника, что кот всегда терпел поражение. В таких случаях он пытался спастись бегством через открытую в кухне форточку. Этим путем он пользовался для посещения крыши соседнего флигеля.

Однако, спасаясь от своего врага, кот часто срывался с форточки, падал на подоконник и кухонный стол и бил посуду. Квартира наполнялась звоном бьющегося стекла, оханьем хозяек и кошачьим фырканием.



Взъерошенный кот с горящими злыми глазами забивался узкий промежуток между двумя столами и с шипением, размаивая когтистой лапой в воздухе, пытался защитить себя от зубов противника. Желая предупредить драки, я перестал выпускать зверька в кухню. Но это не избавило меня от неприятностей: куница сталкивалась с кошками в нашем дворе, куда я иногда брал ее погулять. И вот однажды она разорвала ухо белой кошке, жившей в соседнем флигеле. Ранка была ничтожная и совсем не опасная, но из нее обильно сочилась кровь, пачкая пушистую шкурку. «Посмотрите, что наделал ваш хищный зверь», — трагическим голосом обратилась ко мне ее хозяйка, показывая действительно сильно окровавленную кошку. Что я мог сказать в защиту Кунчика?

После этого случая я, наконец, решил расстаться с драчуньей-куничкой, выпустить ее на волю. Осуществить это мне хотелось как можно скорее, до выезда в намеченную экспедицию, но я ждал окончания весенней охоты. Мало ли что может случиться с ручным зверьком на свободе, когда на лесных опушках вечерами гремят частые выстрелы. Ждать оставалось недолго, а пока я решил выбрать хорошее место для Кунчика и при каждом выезде за город на вальдшнепиную тягу до наступления вечера бродил по лесу.

Глухой ельник с примесью лиственных деревьев, разросшийся по обрывистому берегу небольшой речушки, особенно понравился мне. Здесь было уютно и тихо. Высоко к небу поднимали свои остроконечные вершины мохнатые ели, дремали толстые дуплистые осины, доживая свой век; у речки росли ольха и рябина. В самой чаще не было солнца, пахло грибами и сыростью, вокруг полусгнивших пней росла брусника. «Спокойный уголок — зверьку будет здесь привольно», — решил я и прекратил поиски.

Наступил май — кончилась весенняя охота. В одно прекрасное утро я посадил ручную куничку в маленькую корзинку и отправился к выбранному месту. Вот и знакомый участок леса — все здесь как будто по-старому, только душистые ландыши всюду пробились наружу сквозь лесной валежник. Поставив корзинку на пенек, я открыл ее и выпустил зверька на волю.

Бедный, смешной Кунчик! Он никогда не был в лесу и, попав сюда, вел себя очень странно. Видимо, масса незнакомых запахов поразила его значительно больше, чем новая обстановка.

Он влез на гнилой пенек, потом осторожно спустился на землю и, наткнувшись на стебель какой-то травы, стал исследовать его со всех сторон. Зверек нюхал его, лизал и все это делал с таким заразительным наслаждением, что я невольно последовал его примеру и, сорвав стебель, поднес к лицу. От него исходил запах молодой зелени и какой-то чудной свежести. А Кунчик тем временем знакомился с молодым деревцом. Он обнюхал нежную кору, дотянулся до нижней веточки и, пригнув ее к земле, стал объедать липкие душистые почки. Потом его привлекла лесная подстилка: он засовывал в нее мордочку, разгребал лапами опавшую хвою и, наконец, среди нее обнаружил навозника. Спасая свою жизнь, жук попытался забраться обратно, но это ему долго не удавалось. Кунчик же с удивлением сначала издали наблюдая за его движением, затем коснулся носом, резко отдернул назад голову и, вероятно, убедившись, наконец, что жук съедобен и совсем безопасен, съел его с жадностью.

Наблюдая за поведением куницы, я понял, что при содержании в неволе я лишал ее многих вещей, в которых, вероятно, нуждался организм животного. Но съеденного жука для Кунчика оказалось мало. Зверек, усиленно втягивая в себя воздух, стал шарить кругом, копаться в опавшей листве, заглядывать под валежник. Сначала поиски ограничились небольшим участком, где была обнаружена первая добыча. Однако второй жук, как нарочно, не попадался, и Кунчик расширил поле своей деятельности. Бегая кругом и исследуя почву, он вдруг обнаружил что-то совсем новое и непонятное — недалеко от него среди мха и травы сидела небольшая травяная лягушка. Кунчик прижался к земле, вытянулся во всю длину и,

осторожно передвигая ноги и вздрагивая, пополз к неизвестному для него животному. Я с интересом наблюдал, что будет дальше. Лягушка подпустила хищника совсем близко. Когда между ними осталось не более десяти сантиметров, она сделала несколько крупных прыжков в сторону, а смешной Кунчик — я не мог удержаться от смеха — подпрыгнул с такой силой и так высоко, как будто его подбросила какая-то неизвестная сила. Когда лягушка подпрыгнула еще раз, пораженный зверек стал подползать к ней и вновь высоко подскочил, когда она, спасая свою жизнь, запрыгала прочь.

Пользуясь этим, я осторожно отошел в сторону, потом вброд перешел речку и, едва заметной тропинкой углубившись в лесную чащу, остановился. Не бежит ли за мной куничка? Но кругом было тихо. Вероятно, любопытный зверек заинтересовался лягушкой до такой степени, что не заметил моего отсутствия, иначе он, конечно, побежал бы за мной следом.

Неужели я больше никогда не увижу веселого Кунчика? Мне стало грустно. Не позвать ли его, если он прибежит на зов, не пускать его на волю, а ограничиться только прогулкой? «Кунчик, Кунчик!» — хотел крикнуть я на весь лес. Но вместо этого быстро зашагал по тропинке в том направлении, где, по моим расчетам, была железнодорожная станция.

Волюшка-свободушка всем милей всего, С волюшкой-свободушкой не нужно ничего, — вспомнил я простые слова и уже с облегчением взглянул кругом — на молодую зелень берез, на темные ели, на весеннее голубое небо. Хорошо в мае в нашем лесу!

На Украине, в Крыму, в горных областях всего Кавказа и шестами в азиатской части нашей Родины — на восток до Алтая — распространен другой близкий вид — каменная куница. Внешностью она похожа на лесную куницу, от которой, однако, легко отличается по ряду признаков. Горловое пятно зверька, например, никогда не бывает желтым или оранжевым, как у лесной куницы. Оно чисто-белое, занимает область горла и груди и отсюда двумя небольшими выступами заходит на основание передних ног. Хвост каменной куницы не особенно пышный, а мех более грубый и редкий, чем у лесной: не случайно пушники называют ее жесткой, а лесную — мягкой куницей.

На Кавказе и в Крыму каменная куница живет в горных лесах, часто устраивает гнезда в дуплах и охотно лазает по деревьям. Однако лес для этого зверька вовсе не обязателен, не обязательны также и горы. Вы можете встретить каменную куницу даже среди безлесной холмистой степи, если там есть каменистый овраг, каменоломня или развалины каменных строений человека. Одним словом, этот зверек неприхотлив в выборе места. В южных частях нашей страны он обыкновенен, а местами даже многочислен. Осторожные зверьки ведут скрытный ночной образ жизни и потому редко попадают на глаза и еще реже становятся добычей охотников.

В свое время с ружьем в руках много побродил я на Украине в окрестностях Запорожья, но долгое время даже понятия не имел, что там живут каменные куницы. Однако, как только я выяснил, что каменистые обрывы степных балок заселены ценными пушными зверьками, и стал специально за ними охотиться, я за один зимний сезон добыл семь экземпляров. Сейчас я не буду рассказывать об этих охотах — в них не было ничего замечательного. Мне Хочется рассказать читателям о другом — об охотах за куницами на Южном берегу Крыма, где в иные годы эти зверьки встречается очень часто.

Вероятно, читателям приходилось во время отпуска или придется в будущем побывать в курортном городке Алуште. Сойдя с поезда в Симферополе, вы садитесь в автобус или троллейбус. Сначала он быстро катится по шоссе среди открытых холмистых предгорий, потом медленно поднимается в гору сквозь лесную чащу. Немного больше часа езды — автобус достигает алуштинского перевала, и перед нами открывается широкий простор. На далеком морском горизонте голубая водная гладь как будто сливается с таким же голубым небом; слева четко вырисовываются освещенные солнцем причудливые скалы вершины

Демержи. Ваша машина, делая повороты, спускается все ниже и ниже, и, наконец, миновав большую часть города, останавливается на алуштинской автостанции.

Я не знаю, куда отсюда направится читатель: быть может, он поедет дальше — в Ялту или останется в одном из алуштинских домов отдыха. Впрочем, это и не имеет большого значения. От автостанции одна из дорог пойдет у самого моря. Прогуляйтесь по ней, и в нескольких километрах от Алушты недалеко от берега вы заметите выступающие из воды живописные каменные глыбы — Черновские камни. Еще несколько сот метров вперед, и вы достигнете подножия горы Кастель. Ее вершина покрыта мелким кустарником, обращенные к морю склоны густо заросли причудливыми деревьями тернентина, средняя часть загромождена обвалом, известным под названием «Хаоса». Поднимитесь к этому месту — сюда вас приведет тропинка, прихотливо извиваясь среди деревьев. Под ногами зашуршат сухие опавшие листья, нижние ветви заставят нагибать голову, но не обращайтесь на это внимания. Минут двадцать пути по крутому склону — и вы у той самой россыпи. Среди обломков скал и крупных камней чернеют глубокие щели и впадины, по краям неподвижно стоит молчаливый лес. Я не случайно описываю это место. Обращенные к морю склоны Кастели и каменные обвалы Демержи особенно богаты каменными куницами.

В том году, к которому относится мой рассказ, многие охотники Алушты вдруг заболели «куней горячкой». Потеряв в значительной мере интерес к зайцам и зимующим вальдшнепам, они со страстью увлеклись охотой за ценным пушным зверем. Целые ночи напролет, забравшись в каменные россыпи, сидели охотники в засадах, чутко вслушивались в неясный шелест сухой листвы, в слабый звон осыпающегося шифера, всматривались в нагроможденные камни, освещенные лунным светом.

Много терпения требуется при такой охоте. Часами нужно сидеть неподвижно, чтобы не выдать себя, не спугнуть чуткого зверя. А тут обманчивый лунный свет затрудняет стрельбу. Нелегко при этих условиях добыть такого непоседливого и быстрого зверя, как каменная куница. И если при искажающем ночном освещении охотник делал вполне естественный промах или осторожный зверек, подойдя на близкое расстояние, замечал опасность и бесследно исчезал среди каменной россыпи, то таким вполне нормальным явлениям придавали фантастический оттенок. Конечно, этому способствовала своеобразная обстановка ночной охоты, сказывались также бессонные ночи охотников. Так или иначе, но рассказы о неудачных охотах за каменными куницами часто приобретали преувеличенный, почти мистический характер. Все это только сильнее разжигало азарт и делало куницу в глазах охотников особенно драгоценной добычей. Не скрою — рассказы о куницах и на меня подействовали. Я тоже захотел хоть одну ночь посидеть на скалах.

— Пойдем на Демержинский обвал, — сказал мне однажды молодой парень Сергей. — Там все же реже, чем в других местах, бывают охотники, а 7 километров — путь недалекий.

Я согласился и на другой день в послеобеденный час зашел за приятелем. Его я застал в унынии.

— Сломал пружину затвора, — показал он мне свое ружье. — Вот тебе и охота.

— Ну, не беда, Сергей, — старался я его успокоить, — посидим с одним ружьем, по очереди. Час просидишь ты, час я — это даже интереснее — кому повезет.

Еще не успело скрыться за горами солнце, когда мы добрались до Демержинского обвала и, усевшись на краю крутой россыпи, стали ждать вечера.

Вот яркий солнечный день сменили сумерки, затем наступила ночь. Взошла луна — стало как-то особенно тихо. Только порой среди камней шуршали опавшие сухие листья. Какой-то зверек, быть может куница, но вероятнее маленький грызун — полевка, занимался своим делом. В стороне закричал сын: его голос необычно печально прозвучал в тишине ночи.

— Куница, — поспешно ткнув Сергея и показывая рукой на россыпь, едва слышно прошептал я.

В 20 метрах от того места, где мы сидели, она появилась из расщелины и сейчас неподвижно сидела на большом камне. Но Сергей не видел зверька. Он напряженно смотрел в том направлении, куда я показывал, потом вопрошающий взгляд перевел на меня и вновь стал пристально смотреть на россыпь. Опасаясь, что непоседливая куница скроется среди камней, я выхватил ружье Из рук товарища и выстрелил. Когда стих грохот и рассеялся дым, мы одновременно увидели хвост куницы. Он вертикально поднялся над камнем. Некоторое время содрогался в воздухе и затем исчез из виду. Безусловно, куница была убита.

Несколько секунд спустя Сергей уже был на месте. Он наклонился, и я был уверен, что сейчас Сергей поднимет убитую куницу и, торжествуя, покажет мне ее издали.

— Спички есть? — вместо этого услышал я его голос и, сообразив, что тут что-то неладно, поспешил на помощь.

Убитая куница глубоко провалилась между камней. Всю ночь напролет ворочали мы с Сергеем тяжелые глыбы, жгли спички и сухую траву, но так и не добрались до драгоценной добычи. К счастью, в эту ночь никто не проходил мимо Демержинского °бвала и не был свидетелем, как два неудачника в поте лица без толку трудились на россыпи.

Два года спустя я вновь приехал в Алушту и частенько посещал холмы, чтобы пострелять пролетных перепелов.

Однажды в Сентябре мы с Сергеем спозаранку пошли к Демержинскому обвалу. Еще стояла полная ночь и в ожидании рассвета мы уселись на камни.

— Помнишь, Сергей, куницу? — кивнул я головой на россыпи.

— Как не помнить, — ответил мой спутник. Такие случаи не забываются. Сколько в ту зиму с куницами историй было, — продолжал он. — С Василием, что под Кастелью живет, я из-за куниц совсем разругался. Как встретимся сейчас на улице, — он в одну, а я в другую сторону смотрим, не замечаем друг друга. А причина такая, что рассказать смешно.

И он рассказал действительно смешной и глупый случай, которым я уж позволю себе поделиться с читателем.

Как ни интересна охота за куницами, но вскоре всем стало ясно, что толку от нее мало. Иной раз несколько ночей сряду просидит в засаде охотник и даже не увидит зверя. Спустя некоторое время часть охотников излечилась от «куньей горячки» и опять занялась зайцами. Не надо, мол, журавля в небе, лучше синицу, да в руки. Для ловли куниц же стали употреблять особые ящичные ловушки — продолговатый ящик с падающей дверкой. Если зверь заглянет в такую ловушку и тронет приманку, тяжелая дверка захлопнется наглухо. И так как всем местным охотникам было хорошо известно, что куницы часто посещают окраины города, то и ловушки ставились неподалеку от жилых построек. При этих условиях не надо далеко тащить тяжелый ящик и проверить ловушку можно в любую минуту.

«Сергей, а Сергей!» — в одно прекрасное утро окликнул его знакомый охотник Василий. Сергей остановился. «Иди сюда, куницу поймал, помоги мне ее из ловушки вытащить». С мешком в руках Василий стоял на дне оврага, где среди камней была укреплена ящичная ловушка; ее дверка была закрыта. Услышав о кунице, Сергей забыл все на свете. Охотники поставили ловушки вертикально, натянули на один конец мешок и, выдернув из пазов дверку, вытряхнули в него зверя.

— Здоровая какая! — приподнимая мешок, торжествовал Василий, Сергей тоже протянул

было к мешку руку. Но в этот момент куница забила, пытаясь выбраться наружу.

— Подожди, — отстранил Василий Сергея, — еще выскочит, — и, чтобы оглушить куницу, размахнулся и ударил мешком о землю.

— Маааау, — послышался оттуда кошачий вопль.

— Да это кот, ты кота поймал!

— Какой там кот — говорю, куница! — и Василий трясущими ся руками приоткрыл мешок и заглянул внутрь.

Лицо его изобразило страшное разочарование — в мешке действительно сидел большой черный кот.

— Я тебе говорю — кот! — и Сергей последовал его примеру. Но, заглянув, тотчас подскочил, как ужаленный.

— Да ведь это мой кот, зачем ты его бьешь!

— А, твой? Так и получай его! — вспылал также Василий. С этими словами он с такой силой поддал мешок ногой, что злосчастный кот вылетел наружу и, шлепнувшись о землю, стремглав бросился по оврагу к жилым постройкам.

Во время поездки в Уссурийский край в самый разгар полевой работы заболела моя собака Гаудик. Карабкаясь по крутому щебнистому обрыву, он сорвал себе коготь и засорил ранку. Вскоре лапа распухла и, видимо, не давала ему покоя. Конечно, Гаудик и на трех ногах был готов следовать за мной куда угодно. Но, боясь осложнений, я запер его в своей комнате и ходил на охоту без собаки. Надо сказать, что с непривычки я сразу почувствовал себя в тайге одиноким и незащищенным... Это чувство мне самому казалось смешным и нелепым, ведь в руках у меня была заряженная двустволка, и чем в сущности мог защитить меня мой маленький, четвероногий товарищ? Но я так и не смог подчиниться логике — мне явно не доставало чутья, глаз и ушей верной собаки. Вместо того чтобы все свое внимание сосредоточить на птицах, я реагировал на каждый шорох и треск валежника — все мне казалось в тайге подозрительным. И не напрасно.

Уже на другой день я столкнулся с медведем. Зверь разворотил большой гнилой пень и, видимо, в тот момент был всецело поглощен муравьями; он заметил меня, когда я подошел к нему на близкое расстояние. Прозевал и я — ведь кругом царил подкупающий безмятежный покой. В десяти шагах от меня, услышав шаги, медведь резким движением поднял голову и замер на месте. Перед ним стоял человек. Маленькие глаза животного выражали испуг и недоумение. Но затем, сообразив в чем дело, он отрывисто рявкнул и кинулся прочь с такой поспешностью, что под его напором затрещала лесная чаща. Долго, как показалось мне, стоял я на том месте, стараясь вдохнуть в себя воздух, руки и ноги дрожали, а в воздухе еще продолжала висеть поднятая зверем мелкая пыль сгнившего дерева.

— Да почему вы не хотите брать моего Тузика? — кипятился после моего рассказа о случившемся ветеринарный фельдшер, У которого я поселился. — Ведь это настоящая зверовая лайка — на не уступит вашей собаке. Только не спускайте его с ремня первый день, а потом он сам никуда не уйдет от вас на охоте.

Ну что можно возразить против таких доводов? На время болезни Гаудика я решил воспользоваться собакой моего хозяина. Засидевшийся дома Тузик был бесконечно рад этому. Пока я прикреплял к его ошейнику длинный сыромятный ремень, он бурно выражал радость: облизал мои руки, а затем ткнул в лицо своим большим влажным носом.

Вот мы и в сопках. Свободный конец ремни я привязал к ронташу-поясу — следуя за сильным Тузиком на «буксире», ц было легко подниматься на крутые склоны. Признаюсь, я сразу оценил эти преимущества большой и сильной собаки. Разве маленький Гаудик смог бы с такой легкостью и быстротой втаскивав меня на высокие сопки? Большая сила Тузика как-то совмещалась в нем с мягкостью нрава — он безупречно подчинялся моим требованиям и не мешал наблюдать за птицами. Присутствие же чуткой собаки позволяло мне отбросить и излишнюю осторожность Много лет прошло с того дня, но и сейчас я вспоминаю его с досадой и, как ни странно, с большим удовольствием. И не потому, что этот день изобиловал дичью, а потому, что впервые в жизни столкнулся на свободе с замечательным зверем — с гималайской куницей — харзой. Да как столкнулся! Не в обиду будь сказано Тузику, но если бы со мной был Гаудик, вероятно, редкий зверь попал бы мне в руки. Впрочем, расскажу все по порядку.

Осмотрев каменистый берег Большой Уссурки, мы с Тузиком перевалили сопку и забрели в участок глухой хвойной тайги. Она покрывала крутой северный склон оврага, на дне которого журчал ручеек. Громадные кедры широко раскинули свои лохматые ветви и давали так много тени, что под ними не росла трава. Почву покрывал мох да валежник, сквозь него пробивался папоротник, местами высоко поднялись к небу, а потом погибли от недостатка света молодые деревья. Какая-то особенная тишина охватила нас, как только мы вступили в это царство хвои и мха. Ни один птичий голос не нарушал лесного молчания, и я, сообразив, что тут мне нечего делать, только решил выбраться из мрака к свету, к солнцу, как мое внимание привлек Тузик. Он энергично обнюхивал почву, древесные стволы — его поведение явно показывало, что пес нашел след какого-то зверя. Еще несколько секунд — и я заметил, что Тузик напряженно смотрит вверх на деревья.

Следуя примеру собаки, я невольно поднял голову и... не далее как в пятнадцати шагах от себя на толстой горизонтальной ветви увидел харзу. Куница не сидела, как обычно сидят на деревьях другие древесные животные, хотя бы белки; нельзя было также сказать, что она затаилась в хвое. Пусть представит себе читатель, например, лисью шкурку или даже горжетку, повешенную на ветвь хвойного дерева. Она держится средней своей частью, так сказать, брюшком, а голова, хвост, задние и передние ноги безжизненно свисают вниз. Почти в таком же положении увидел я на кедре харзу. Опираясь на хвою брюшком, она опустила вниз все четыре ноги, хвост и только голова ее была чуть приподнята — глаза зверя напряженно следили за мной и собакой. Затаив дыхание, я медленно поднял ружье и прицелился. Тузик, не сводя глаз с куницы, замер, ожидая выстрела. Все три живых существа — куница, собака и человек — неестественно долго оставались неподвижными.

«Как стрелять на таком близком расстоянии? — напряженно работала моя мысль. — Ведь большой заряд дроби вдребезги разобьет череп, в клочья разорвет шкурку — зачем тогда напрасно губить животное? Но нельзя и упустить харзу, ведь в зоологическом отношении это большая ценность». И я, чтобы увеличить расстояние между мной и куницей, решаю пятиться назад, насколько это возможно. Но увы! Я забыл, что мы с Тузиком связаны крепким ремнем, а его не оттащить от этого места. «Отстегнуть патронташ, — мелькает у меня счастливая мысль, — впрочем, поздно, нельзя больше медлить — собака бросится вперед и спугнет зверя». И я тщательно навожу ружье мимо головы животного; боковые дробины заряда, по моим расчетам, обязательно должны зацепить голову.

И вот мертвая тишина сменяется хаосом звуков. Гремит выстрел, затем раздается треск сломанного дерева, визжит, лает, завывает собака. Одновременно со звуком выстрела я соображаю, что заряд прошел мимо, расчеты не оправдались — я промахнулся. В тот же миг со страшной силой меня тащит вперед могучий Тузик; я хватаюсь, пытаюсь удержаться за довольно толстый ствол молодого дерева, но под бешеным напором собаки подгнивший ствол ломается под самым корнем и вместе со мной летит по откосу, с треском давит сухой валежник. Несмотря на ссадины и ушибы, уже в следующую секунду я вскакиваю на ноги и скидываю ружье. Гремит второй выстрел, с кедров сыплется хвоя, падают сучья, а

перепуганная харза быстро бежит по ветвям деревьев, перескакивает большие пространства, на мгновение повисая в воздухе. А по земле, ломаясь сквозь чащу, с воплями за ней гонится мой Тузик. После выстрела я срываюсь с места, бегу за собакой, но, сообразив, что это не поправит дело, прекращаю преследование; ведь в ружье пустые гильзы, а патронташа нет на месте — его сорвал с меня и утащил на ремне Тузик. Игра проиграна — я безоружен.

Еще несколько минут до слуха доносится треск ветвей, лай и визг собаки; постепенно звуки становятся все тише и тише и, наконец, замирают вдали за лесистыми сопками.

И тогда в тайге становится опять так тихо, что я слышу, как напряженно стучит мое сердце, а на дне оврага, то ворчливо и глухо, то нежно и звучно, журчит по камням ручеек. Долго я еще остаюсь на этом злополучном месте, ожидая собаку; должна же она, наконец, бросить куницу, отказаться от бесполезной попытки! Но ее нет и нет. Проходит около часа. В стороне за темными кедрами хрусти? сухой валежник, и я поворачиваюсь в том направлении, рассчитывая увидеть Тузика. Однако это опять не он, а маленький олень — кабарга. Не подозревая о близости человека и быстро семеня ножками, он бежит мимо по стволу лежащего на земле дерева. С интересом я слежу за каждым ее движением и, когда она исчезает, направляюсь в обратный путь.

С Тузиком мы встречаемся неподалеку от дома. Возбужденный и веселый, он нагоняет меня на лугу. Длинный сыромятный ремень тянется за ним по траве, но патронташа на его конце нет и следа. Наверное, Тузик разорвал и потерял его во время погони за зверем.

Харза — самая крупная куница нашей страны. Ее длина (от кончика носа до конца хвоста) достигает более метра. Что-то змеиное, гибкое и в то же время сильное и злобное чувствуется в длинном и тонком теле животного. Бурая спина, желтовато-бурое брюшко и яркая золотисто-желтая грудь делают мех харзы довольно красивым. Однако низкий и сравнительно жесткий волос обесценивает шкурку — мех харзы стоит недорого.

Область распространения харзы — Юго-Восточная Азия. Она населяет Гималайские горы, Индию, Китай и Индокитай, острова Малайского архипелага. К нам она проникает на среднее течение Амура и в Уссурийский край.

О жизни харзы на свободе мы знаем, к сожалению, немного.

На реке Большая Уссурка она изредка населяет широколиственные леса речной долины, но значительно чаще встречается в мрачной хвойной тайге сопки. По словам местных охотников, в зимнее время харза явно предпочитает держаться небольшими группами, совместно нападая на сравнительно крупных животных. Звери успешно преследуют кабаргу и косулю, ловят белок, соболей и различных лесных птиц. Поселяясь на берегах лесных рек, харза ловит также и рыбу. Большая часть ее жизни проходит на земле в лесной чаще, однако звери легко взбираются по древесным стволам и, делая большие прыжки, могут быстро бегать по деревьям, не спускаясь на землю.

«Ну какой же это охотник и натуралист, если его постоянно преследуют неудачи?» — справедливо могут упрекнуть меня. Мне хочется убедить читателя, что подобное представление обо мне не совсем верно и что я никогда не был охотником-неудачником. Напротив, мне «везет» на охоте, однако естественно, что наряду с так называемым охотничьим счастьем случаются и неудачи. И если удачные случаи легко забываются и теряют свою привлекательность, то досада, вызванная каким-нибудь неудачным случаем, на всю жизнь ярко сохраняется в вашей памяти. Что рассказывать о том, как метким выстрелом вы добыли даже самую ценную дичь. Ведь наряду с кратковременным торжеством где-то глубоко в вашем сознании копошится неприятное чувство — сожаление о загубленной жизни. Зато, например, случай с харзой я буду всегда вспоминать с такой остротой и досадой, как будто он произошел не много лет тому назад, а совсем недавно. Мне кажется, что, прочтя о

куницах и вспомнив о моих неудачных охотах за ними, читатели будут иметь о них хотя бы самое общее представление.

## ЗАЙЦЫ И ЛОСИ

Как-то осенью, в начале ноября, я решил поискать зайцев. Еще с вечера со спаниелем добрался до своих знакомых в деревеньку, расположенную километрах в четырех от станции Крюково. Переночевав на сеновале, я встал до восхода солнца и, ежась от холода, отправился на охоту.

Выдалось ясное студеное утро. Пожелтевшая трава, комья земли на озимых полях, кочки и осока по краям болота — все покрыто инеем. Выглянуло солнце. Медленно поднялось оно над зубчатой стеной хвойного леса. Под его лучами чуть-чуть отмякла и потемнела озябшая за ночь земля. Но не ожила, продолжает дремать, засыпает на долгую зиму природа. В полях, в лесу, в воздухе грустная тишина, не слышно и не видно ничего живого. Только на лугу у самой деревни гогочут белые гуси, да вдали на краю молодого березняка как-то неумело и неуверенно бормочет молодой петушок-тетерев. А ведь по-своему хороша и поздняя осень!

Надо сказать, что места эти небогаты дичью. Поздней осенью и зимой в ельниках попадается рябчик, в благоприятные годы стаи тетеревов кормятся на березах, а вот зайцев — беляка и особенно русака — и прежде было немного. Издавна в окрестных деревнях держали первоклассных гончих собак и за зиму умудрялись выколотить зайчишек почти полностью. Однако до меня дошли слухи, что в предыдущий сезон заболела одна из лучших местных собак, и заяц кое-где сохранился. Кроме того, ранней весной, еще по снегу, я несколько раз наткался на белячий и русачий следы. Зная хорошо места под Крюковым, я и решил попытать счастья.

Начал я с поисков русака. Всматриваясь в каждый клочок земли, обошел вспаханную целину, зеленеющую озимь, спустился в лощину, где тщательно осмотрел каждый кустик. Потратив на поиски около двух часов, решил, что искать русака бесполезно: зайца нигде не было. Видно, наученный горьким опытом, он спокойно отсыпался после ночи где-то в другом безопасном месте.

— Ну что ж, Чок, пойдем в лес, может там белячка найдем, — обратился я к спаниелю.

И уже с меньшей надеждой, так сказать на авось, мы направились к темному ельнику. Только зашли мы туда, как впереди с шумом поднялся рябчик. Но он поднялся в такой чаще и так быстро исчез в кроне густой ели, что я не успел выстрелить. Тогда я осторожно стал подходить к дереву в надежде обнаружить сидящую птицу. Однако мой старательный пес бегал небольшими кругами и с азартом обнюхивал лесную подстилку, при этом он так шумел, что подойти к чуткой птице было мало надежды.

— Перестань носиться! — шепотом прикрикнул я на собаку V тут же увидел крупного рогача — лося.

Он стоял среди ельника и с удивлением смотрел на суетливо бегающую собаку. А тем временем Чок, не замечая лося, подкатился почти под самые его ноги.

— Эй, ты! — замахал я ружьем на лося, боясь, что он ударит собаку. Известно, лоси ударом передней ноги способны насмерть повалить не только собаку, но даже крепкого и сильного зверя.



— Эй... ты... убирайся отсюда! — продолжая махать руками, кинулся я к ошеломленному великану.

И только тогда он повернулся и странной, трясущейся рысью побежал в чащу. Под напором мощного тела с треском ломались сухие еловые ветки. Потом треск оборвался: видимо, напуганный лось не хотел уходить дальше. Непослушание собаки меня возмутило.

Мой же глупый четвероногий приятель в своем азарте так и не заметил рогатого великана. Надо сказать, что ни на коров в лесу, ни на лосей он не обращал внимания. Вероятно, по его понятиям, лось, как и корова, не дичь — не случайно в них никогда не стреляет его хозяин! И потому, когда я, улучив удобный момент, вытянул его хворостиной, он на секунду остановился и посмотрел на меня таким удивленным и непонимающим взглядом, что моя досада мигом исчезла — мне стало смешно и немного стыдно. Но ведь хорошо то, что хорошо кончается!

— Зайца лучше ищи! — уже другим тоном прикрикнул я на собаку и зашагал дальше.

Впереди меня, обнюхивая отсыревшую землю, бежал Чок.

Замечательный лес в этом месте: высокий и густой, почти не тронутый топором, тянется на много километров. Иной заберешься в чащу, поглядишь кругом — и как-то поверить но, что ты под Москвой. Старые мохнатые ели поднимают к небу свои вершины, местами встречается дуб, много осин и кудрявых берез. Сквозь лесную глушь протянулся глубокий овраг. Весной в половодье по его дну стремительно течет веселая речка, журчит пенится, несет валежник. Позднее она обмелеет, обсохнет овраг и среди молодых тальников и густого малинника останутся только глубокие бочаги — ямы. Их края зарастут тростником и осокой. Такой глухой овраг — самое место для зайцев. Одна только досада, самого зайца редко здесь удастся встретить. Где-то, конечно, лежит белячок, но трудно искать, когда подходящих мест сколько угодно, а зверя мало.

В тот памятный день долго бродили мы с Чокком по лесу, но все безуспешно. В лесу стояла безжизненная тишина. Видимо, лес собирался заснуть на долгую зиму. Только в одном месте наткнулись на суетливую стайку маленьких птичек. Около полусотни различных синичек, корольков, поползней и пищух, обыскивая кору и ветви деревьев и наполняя лес звонкими голосами, перемещались по чаще. Где-то впереди стучал дятел. Летом таких стай синиц не увидишь. Рассыплется зимняя стая, разбредутся птицы по лесу, и каждая пара тогда займет свой гнездовой участок, защищая его от вторжения соседей. А придет осень — и вновь объединятся пернатые обитатели леса, выберут вожаком пестрого дятла и дружно и широко кочуют в поисках пищи.

Пролетела, прошла мимо звенящая птичья лавина, и в лесу вновь воцарилась мертвая осенняя тишина.

«А может быть, в болоте лежат беляки? — пришла мысль в голову. — Его не часто посещают охотники, там для зайца спокойно». Я имел в виду большое лесное болото, оно находилось недалеко от места, где я охотился. «Не заглянуть ли туда?» Я решительно повернул в сторону.

Около получаса ходьбы, и густой хвойный лес поредел, появились корявые сосенки, запахло моховым болотом. Вскоре посветлело вдали, и лес как-то вдруг оборвался. Открытая низина, окаймленная стеной темного ельника, раскинулась впереди. Это и было знакомое мне болото. В прежние годы сюда частенько опускались для отдыха крикливые стаи пролетных гусей. Позднее местами низкорослой березкой заросла открытая площадь, поднялся молодой осинник, и осторожные птицы уже не решаются снижаться над местом прежних стоянок. Однако и по наши дни Гусевым болотом называют его местные жители и охотники. Но и здесь зайцев не оказалось. После затяжных осенних дождей болото затопило водой, и лечь беляку

было негде. Зато среди пожелтевшей травы во всех направлениях шли широкие тропы. Их протоптали лоси. На каждом шагу попадался помет животных и недавно сломанные и объединенные молодые осинки. Жилось лосям здесь неплохо.

«Что же делать?» — приуныл я зайца искать больше негде и нечего — все равно не найдешь, только напрасно набьешь ноги. Но неужели возвращаться старой дорогой? Терпеть не могу этого, лучше краем пойду вдоль болота, а потом сверну в сторону и пересеку лес в другом месте. Так я и сделал.

Прошел немного — и вдруг замер. Недалеко от меня, среди глубокой воды, на открытом месте стоял крупный лось. Очнувшись от неожиданности, я тоже вышел на чистую болотину и стал терпеливо ждать, что будет дальше. Прошло минут пять, а зверь не обращал на меня никакого внимания. Зато моему Чоку надоело это бездействие, да еще среди холодной воды, и он стал на меня лаять. И лай собаки не потревожил флегматичного зверя. Он лишь как-то нехотя повернул большую рогатую голову. Чего он стоит, почему не боится? Мне стало не по себе... Не лучше ли оставить его в покое? И, осторожно повернув назад, я медленно отступаю к лесу.

Вдруг сильный всплеск воды от большого бегущего зверя заставил меня судорожно обернуться. Я ждал нападения лося: старые рогачи изредка позволяют себе подобные выходки. Даже лосиха, если она с детенышем, может иногда кинуться на человека. Но, к счастью, все произошло иначе.

Когда, несколько струсив, я стал выходить из болота к еловому лесу, лось ни с того ни с сего сам испугался. Разбрызгивая длинными ногами воду, он рысью пересек глубокое место, выбрался на небольшой островок и вновь стал среди молодого осинника. Видимо, ему казалось, что здесь он в безопасности. Однако крупный зверь и среди зарослей оставался весь на виду, как хорошая мишень для верного выстрела.

И хотя я еще не успел оправиться от пережитого страха и, признаюсь, руки и ноги дрожали, мне вдруг стало смешно и весело.

— Называется, убежал! Называется, спрятался! Совсем потерял осторожность дикого зверя. Эх, ты, лопухий!

Еще раз ВЗ1лянув на стоящего в осиннике лося, я зашагал своей дорогой.

Как со мной частенько бывает, и на этот раз, идя домой, я сбился с пути и долго колесил по незнакомому лесу. Время от времени, выбравшись на открытое место, по солнцу определял нужное направление. Но как только углублялся в чащу и терял зрительную ориентировку, незаметно для себя отклонялся в сторону. Вскоре я убедился, что передвигаюсь по лесу так же, как бегает в чаще заяц — кругами. Выдаются же такие незадачливые денечки!

Нет, надо выходить на любую дорогу — она не будет кружиться по лесу и выведет к определенному месту. А иначе будешь колесить до вечера. К счастью, вскоре подвернулась широкая лесная тропа; судя по клочкам повисшей сухой травы на придорожных деревьях, по ней с лесных полей вывозили сено. Сначала она шла сквозь густой ельник, потом пересекла широкую вырубку и спустилась в низину

— Чок, а ведь у нас, кажется, завтрак есть, — обратился я к собаке, вспомнив, что еще с вечера в мой заплечный мешок сунули какой-то порядочный сверток. — Давай-ка закусим.

Дорога в этот момент шла заболоченным мелколесьем. По сторонам тянулись молодые поросли густого осинника, встречались открытые полянки с редкими елками. Я выбрал сухой клочок земли, уселся на полусгнивший пенек и развернул завтрак.

— Э-э, Чок, да у нас с тобой завтрак на славу. Тебе косточки с мясом, мне колбаса.

Проголодавшийся пес в один миг уничтожил лакомые кусочки и стал облизывать свои грязные лапы. Нелегко усердной и азартной собаке дается охота.

Предвечерняя тишина царила кругом. С ясного неба ласково, как бы прощаясь, едва грело осеннее солнышко. Где-то в стороне играла гармоника, слышались голоса, время от времени гремели выстрелы. Это, по-видимому, деревенские ребята, пользуясь теплым, погожим днем, вышли за околицу погулять и попробовать ружья.

Сколько разнообразных звуков вдали!.. Выстрелы, голоса людей. Где-то, вероятно тоже в деревне, лает собака, гогочут гуси. А в общем какая безмятежная тишина кругом, какой покой!

Вдруг неясные шорохи привлекли мое внимание. Они исходили из густого осинника. Казалось, кто-то едва слышно крадется по лесу. Я отложил в сторону хлеб, взял в руки ружье и насторожился.

Из чащи вышел довольно высокий лосенок. Чуть-чуть позади него шла мать-лосиха, ее голова находилась над спиной молодого животного. Уши обоих лосей, направленные вперед, вздрагивали, шевелились, ловя какие-то звуки, а морды выражали настороженность дикого зверя. Я сразу понял, что лосей беспокоят голоса людей и выстрелы.

Не замечая меня, лоси медленно прошли мимо и скрылись в осиннике. А я, не отрываясь, следил за их осторожным, бесшумным движением. Как тени, прошли они рядом так тихо, что их шагов не услышала и отдыхающая рядом со мной собака. Впрочем, я уже говорил, что Чок не отличался хорошим слухом.

Лоси скрылись, и я только хотел продолжать прерванный завтрак, как услышал громкий треск и увидел большого лося-самца. Видимо, отстав от первых, он ломился сквозь чащу; под его бесцеремонным напором трещали сучья, валежник, качались осинки.

— Куда лезешь! — с дрожью в голосе закричал я, вскакивая с места, когда этот великан оказался рядом.

Уловив необычную интонацию моего голоса, Чок вскочил на ноги и разразился отчаянным лаем. Затем он кинулся навстречу лосю.

— Назад! — крикнул я, боясь за собаку.

А этот рогатый «невежа» даже не пожелал изменить направления. Он лишь немного обогнул нас и тяжелой рысью побежал вслед за другими лосями.

Солнце успело опуститься к самому горизонту, когда я, огибая небольшое болотце, подходил к дому.

Меня окликнули. Я обернулся. Из молодого соснячка, росшего на краю трясины, вышла знакомая девушка.

— Галя, зачем вы туда ходите, ведь это опасное место — окна среди трясины! Корова, лошадь там утонули. После этого случая туда никто не заглядывает, а вы забрались, да еще одна.

— Я осторожно, — оправдывалась Галя. Мне зелени — веточек клюквы — достать нужно было. Вот я и достала. А вы с охоты идете, убили что?

— Ничего не убил. Видите, пусто. Впрочем, время и ноги убил, — пошутил я.

Так часто острят над охотником люди, увидев пустую сумку. По их убеждению, охотники только за дичью — ради куска мяса — на охоту ходят. А не удастся добыть ничего — над ними смеются. Им и в голову не придет, что охота — это здоровье. Сегодня я километров двадцать отшагал по лесу. Правда, никого не убил, но зато ноги размял, проветрил голову и настоящим воздухом надышался, теперь целую неделю за двоих работать смогу. А кроме того, я сегодня пять лосей близко увидел. Так близко, что прямо струсил.

— Верно, страшно, — поежилась Галя. — Вдруг бросится. Да, забыла сказать, я интересного зверька — как его? — кролика встретила. Он из-под самой моей ноги выскочил, напугал меня даже и в кусты убежал.

— Где это вы его отыскать могли? — усомнился я.

— В том соснячке, у трясины.

— Никакого здесь кролика быть не может, — решительно возразил я.

— Правда же, кролик! Белый. Ну, не весь белый — пестрый такой.

— Пестрый?.. Да ведь это не кролик, это заяц-беляк! Я его по всему лесу ищу, а он в сотне метров от дома лежит. Вот так здорово! Холодно уже стало, ноябрь, он в зимнюю шкурку оделся, а снегу нет. Оттого и подпустил вас так близко.

— Значит, заяц? А я думала, кролик, Евгений Павлович. Еще светло, вы его поищите, он где-то там, в том соснячке спрятался.

— Поискать? — Я задумался. — Нет, не буду искать. Не надо мне этого зайца. Поздно уже, на станцию надо спешить, да и неохота стрелять зайца-соседа. Галя, только не говорите о зайце ребятам, — попросил я, прощаясь с девушкой.

— Никому не скажу, — засмеялась она.

«Аи да косой! Ну и молодец! — вспомнил я, сидя в вагоне. — Спокойное местечко выбрал: в сосняк на трясины ведь не заглянет охотник. В голову никому не придет, что здесь, у самой деревни, может жить заяц».

Впрочем, такие случаи не исключение. Мне известно несколько мест, где в немалом числе сохранились зайцы. Вспомним старый московский стенд. В недалеком прошлом он прилегал к территории сельскохозяйственной выставки. На нем частенько практиковались охотники, пристреливая дробовые ружья. В воскресные дни проводились соревнования в стрельбе по тарелочкам, и тогда открывалась настоящая канонада. И что же вы думаете? Рядом со стендом, где сутились, разговаривали люди, где звенели резкие выстрелы, в мелком кустарнике среди поля преспокойно жил-поживал серый зайчишка. Его благополучие охранял строгий закон: на территории стенда никто не имел права стрелять ни по зверю, ни по налетевшей птице. Этим правилом и сумел воспользоваться наш косой.

С северной и западной сторон сельскохозяйственной выставки широко раскинулся Останкинский парк. В прошлом это была лесистая окраина столицы. Шереметьевский парк и прилегающий к нему лес заселяли подмосковные звери и птицы. Иногда сюда забредали лоси, постоянно встречались зайцы, лисицы и лесная птица. Москва разрослась. Лес окружили жилые постройки, и незаметно он вдруг оказался в центре Останкина. Шереметьевский парк превратился в парк культуры и отдыха. Обитавшие здесь когда-то животные частично исчезли, а заяц-русак и лисица сумели ужиться в новых условиях. Нередко их удается встречать в парке культуры.

В прошлом мне частенько приходилось бывать в этом лесу.

В Останкине, неподалеку от дворца Шереметьева, помещались биологическая станция Московского университета и голубиный питомник. По долгу службы в те годы я был обязан три дня в неделю работать на станции. Делал я это с большим удовольствием. Вот только надоедали длительные переезды: около часа шел трамвай от моей квартиры. И чтобы не тратить напрасно времени и совместить приятное с полезным, я стал вставать спозаранку, часов в шесть, ехал совсем на другом трамвае до научного городка и через картофельные поля, через древесный питомник и парк культуры шел я в Останкино. К началу занятий, бодрый после прогулки, я появлялся на станции.

Однажды в конце ноября, пересекая парк, я поднял русака. Он лежал среди густых зарослей на пологом склоне заболоченной лощины. Заяц выскочил так неожиданно и бежал с такой быстротой, что я видел его лишь одно мгновение. «Эх, досада, упустил косога!» — сетовал я, осматривая свежую лежку. Я пошел по его следам. Вскоре я уже стоял у забора, отделявшего парк от сельскохозяйственной выставки. Сломанная доска помогла косому улизнуть в недостижимое для охотника тихое и безопасное место.

Дня три спустя я специально зашел в лощину, где недавно поднял зайца. Держа ружье наготове и осматривая каждый кустик знакомого склона, я дошел до его конца, но не поднял зайца. «Неужели залег в другом месте?» — подумал я и в этот момент уловил слабый шорох. Пропустив мимо незадачливого охотника, заяц выскочил сзади и на этот раз убежал в другую сторону. Я опять пошел по его следу. Бойкий русак сделал большой полукруг по парку и ушел на выставку, воспользовавшись другой широкой щелью в заборе. Третья попытка добыть зайца неделю спустя опять кончилась неудачей. Следы привели к мелкому сосняку. Здесь русак, вероятно, с разбегу сделал огромный прыжок и сквозь дыру в заборе махнул на территорию выставки. «Эге, да ведь это не простой заяц, — покачал головой я. — Это мудрый заяц, да еще спортсмен: не всякий сумеет сделать такой прыжок и проскочить сквозь дыру на высоте роста взрослого человека». Территория сельскохозяйственной выставки — его защитница. Не случайно он знает ходы, выходы и все изъезжены в деревянном заборе. А ведь жалко стрелять в такого мудрого зайца. Раз и навсегда я решил прекратить на него охоту. Но не я один охотился в этом месте. Другие охотники лезли из кожи, чтобы добыть косога. Устраивали нечто вроде загона, пускали по следу гончих собак, однако ни одна из этих попыток так и не увенчалась успехом. Шустрый русак каждый раз невредимым уходил на территорию сельскохозяйственной выставки. А гончаки визгом и воем изливали свою досаду, будучи не в состоянии пролезть сквозь слишком узкое отверстие в высоком заборе.

— Эй ты, косога, как живешь? — иной раз кричал я, осторожно проникнув в участок кустарника, где обычно ложился знакомый зайчишка.

Невнятный шелест и свежий размашистый след на снегу в направлении выставки безошибочно доказывали мне, что знакомый мудрый косога невредим.

Да, зайцев под Москвой мало осталось... Зато лосей много. Куда не заглянет охотник в поисках дичи, всюду может наткнуться на этого зверя. А наткнувшись, полюбуется лесным великаном, иной раз даже вскинет ружье, прицелится — да только выстрелить не решится: строг закон в отношении лося.

Вероятно, в связи с большой численностью лосей и стремлением молодых животных к расселению, они частенько появляются там, где, казалось бы, им и делать нечего. Даже в Москву, в Останкинский парк забредают иногда осенью лоси.

Лось — типичный обитатель лесов нашего Севера. Там, где молодые осинники и березки, иногда хвойное мелколесье чередуются с обширными участками лесных болот или вырубок, особенно охотно держатся лоси. Длинные ноги позволяют им легко передвигаться по глубокому снегу, а широко расставленные пальцы копыта облегчают ходьбу по болоту.

Как-то в ненастный сентябрьский день во время охоты на вальдшнепов мне привелось пересекать широкие поля картофеля. Это оказалось чрезвычайно трудно. Глинистая почва была в буквальном смысле слова пересыщена влагой. Сделаешь шаг — и нога медленно погрузится в вязкую грязь почти до колена. С трудом вытащишь одну ногу — завязнет другая. Чтобы пройти метров четыреста, я потратил около получаса. Весь в липкой грязи, с выпачканными руками и даже ружьем, измученный, я, наконец, добрался до твердой земли и сел отдышаться. Слева из мелколесья до меня донеслись необычные звуки — улюлюкали, громко свистели пастушки-ребята. Повернувшись, я увидел двух лосей.

Крупная безрогая самка бежала впереди, за ней следовал тоже крупный годовалый лосенок. Я нагнулся ниже, притаился. Минуту спустя оба зверя пробежали мимо вдоль всего топкого поля. Меня поразила быстрота и легкость, с какой по этой ужасной грязи передвигались животные. Размашистой рысью, далеко выбрасывая вперед длинные ноги и поднимая в воздух грязевые комья, казалось, без всякого напряжения бежали могучие горбоносые звери.

Врагов у лося немного. Местами поздней осенью и зимой за ним охотятся волки. Но гибнут от серых хищников лишь сравнительно молодые, робкие животные, «неудачники». К сожалению, таких немало. Стремительным нападением отбивают их волки от стада. И когда испуганный зверь пытается спастись бегством, волки стараются разорвать ему брюхо и уж после этого повалить на землю. Старые, опытные лоси никогда не допускают такой оплошности. Прижавшись к дереву, они отбиваются передними ногами и не даются волку.

Несмотря на гигантскую силу, лось человеку редко бывает опасен. Издали услышав шаги, он бесшумно уходит прочь, стараясь избежать неприятной встречи. Правда, запрет на охоту лосей местами отразился на поведении животных. В Подмоскowie лоси стали не так пугливы и осторожны, как, например, в Сибири и на Дальнем Востоке, где за ними постоянно охотятся. В общем, этот лесной великан редко не уступает человеку дорогу. Не трогай, не пугай лося, и он тебя не обидит. Но все же не подходи близко к старым самцам и особенно в осеннее время, когда начнется брачный период. Тогда лось-самец способен броситься на человека.

Самка с лосятами иной раз тоже ведет себя агрессивно. Однажды такой случай произошел в Дарвинском государственном заповеднике на берегу Рыбинского водохранилища.

Лосей там множество. И хотя по соседству обитает несколько волчьих выводков и они всю зиму питаются почти только лосятиной, все равно лосей в заповеднике много, и куда ни забредет любитель природы, всюду с ними столкнется. И понятно, здесь не трогают зверя, не гремят выстрелы, и потому лесные великаны не избегают человека и ведут себя особенно смирно.

Однажды в начале мая, выйдя на окраину леса у селения Борок, я увидел крупную лосиху с двумя маленькими лосятами. Пересекая поляну неторопливым шагом, семья горбоносых обитателей леса направилась к сосновому мелколесью. Звери подпустили меня совсем бл! ко и, не проявляя никакой тревоги, скрылись в лесном болоте. Об этой встрече я упомянул не случайно.

Именно эта семейка несколько позднее приобрела в Борке скверную репутацию. И вот по какой причине.

Крупная самка с двумя лосятами и осенью продолжала держаться близ окраины поселка. Но так как лосей у Борка вообще было много, то и на эту лосиху с лосятами не обращали внимания. Ну бродят у селения лоси — что здесь такого? Пусть наблюдатель или «научник» запишет в дневник о новой встрече с лосями. Но какое дело до этого местному жителю?.. Так бы, вероятно, продолжалось и в дальнейшем, если бы не произошел один неприятный и в то же время смешной случай.

Жил в то время в деревне Борок молодой парень, звали его Славушка. Был Славушка

богатырь на редкость: высокий, плечистый, красивый, просто кровь с молоком. Так и веяло от него здоровьем и недюжинной силой. Вот с ним-то и произошел неприятный случай.

Поехал он на розвальнях в самом начале зимы за сеном. Стога стояли недалеко на лугу и, чтоб с осени их не травил скот, были обнесены изгородью из молодых осинок. Подъезжая к одному из стогов, Славушка наткнулся на лосиху с лосятами. Лосиха стояла на открытом месте, а ее два здоровенных, долговязых детеныша объедали кору с осиновой изгороди. Для меня и сейчас остается загадкой, почему лосят привлекла именно эта изгородь: ведь поблизости было сколько угодно осинового мелколесья.

Парень поступил весьма опрометчиво. Остановив лошадь и захватив вилы, он без должного почтения и страха направился к стогу, чтобы наложить воз сена. Ну, а лосиха-мать на свой лад поняла поведение непрошеного гостя. И когда лосята, тараша на человека белесые глаза, отбежали в сторону, она вытянула вперед горбатую морду и ринулась на парня.

Одно мгновение растерянности могло дорого обойтись Славушке. Но, быстро оценив положение, он бросил вилы, вскочил на изгородь и, судорожно цепляясь за скользкое сено, вскарабкался на вершину стога. Удачный выход из трудного положения! Лосиха ходила кругом, но даже не пыталась повторить нападения.

Прошло около часа, быть может и значительно больше. Лосиха бродила кругом, издали обнюхивала противника, но не изъявляла ни малейшего желания удалиться от этого места. А парень в легком пиджачке сидел на вершине стога. Кругом лежал снег, вдали над деревней в морозном воздухе из труб поднимался дымок, в стороне понуро стояла лошадка. Что и говорить — знакомый зимний пейзаж, он так близок каждому русскому северянину. Не думаю только, что им любовался Славушка. На стогу было как-то особенно холодно, с замерзшей Мологи тянул леденящий ветер.

— Но! — наконец закричал парень. — Ну, но же!.. Пошла!.. — понукал он, размахивая на стогу руками.

Наконец скрипнули полозья, продрогшая лошаденка двинулась с места и шагом пошла к деревне. Два с лишним часа просидел Славушка в осаде. Потом из деревни пришла подмога и отогнала лосиху с ее глупыми лосятами.

После этого неприятного случая местные жители избегали встречи с лосиной семейкой. Издали завидя в лесу лося или заслышав подозрительный треск валежника, они спешили взобраться на дерево и отсиживались в безопасном месте. А так как встречи с лосями здесь довольно часты, то и прогулки по заповеднику стали не очень приятны.

За последние годы лосей в Подмоскowie стало так много, что появилась возможность отстреливать старых животных. Нельзя же охранять и разводить лосей до бесконечности! Но опасно и отменять существующий запрет. Чтобы использовать ценного промыслового зверя и в то же время сохранить высокую численность его, охота на лосей допускалась только по особым разрешениям. Она выдавалась на непродолжительное время. Удастся добыть лося — значит, вам повезло, значит, вы настоящий охотник. А не успели уложиться в указанный срок — теряете на отстрел право и вините только себя. В этом много здравого смысла.

— Евгений Павлович, давай поедем на охоту за лосем, — как-то в начале зимы обратился ко мне мой старый приятель Нестор Григорьевич. — Ты получи разрешение, а я организую охоту. Наверняка — головой ручаюсь, уьем лося.

И Нестор Григорьевич пояснил, что километрах в ста от Москвы у него есть знакомый лесной объездчик. Живет он в лесной сторожке, а кругом в лесу в большом количестве держатся лоси. Этот объездчик и берется подготовить охоту. Он выследит и обложит лосей, даст телеграмму, чтоб мы выезжали, поставит на хорошие номера при облаве. В общем — только

стреляй. Кроме того, на машине можно подъехать к самой сторожке, так что и вывезти убитого лося будет нетрудно.

Как ни хорошо описал Нестор Григорьевич охоту, я все же решил отказаться.

— Нет у меня ни малейшего желания участвовать в облавах на смиренного зверя. Поставят тебя на номер, нагонят зверя, а ты стреляй в него, словно в корову. Не люблю, не лежит сердце к такой охоте. Я люблю побродить по лесу, сумею подойти близко к чуткому зверю.

— Побродить, побродить! — передразнил меня Нестор. — Хорошо тебе побродить, а мне с моим животом нелегко за лосем гоняться. Значит ты не поедешь? Ну, тогда хоть достань разрешение, я один пойду. Достанешь?

Номер — место, где стоит охотник. Номера образуют линию стрелков, на которую загонщики гонят зверя. (Прим. автора.)

— Не знаю, попробую, — нехотя ответил я.

Потом печатались какие-то письма и заявления, пересылались в управление охоты, получались ответы. Долго, до самого января, затянулось это сложное дело. Однако перед тем как рассказать о результатах затеи, скажу несколько слов о самом охотнике.

Нестор Григорьевич уже пожилой человек. Ему, вероятно, под семьдесят. Седые длинные волосы, клином седая бородка, толстый живот, во рту мундштучок с неизменной сигаркой «душистой» махорки. И, несмотря на преклонный возраст, в нем столько энергии, юмора, жизни! Он прекрасный стрелок и настоящий любитель-охотник.

Привет тебе, дорогой мой приятель, люблю тебя, старый Нестор!

— Ты знаешь, Евгений Павлович, на лося-то я получил разрешение, сегодня прислали, — однажды сообщил мне Нестор Григорьевич. — Поедем-ка с нами, чего ломаешься.

— Да не ломаюсь я, пойми. Ну, просто не хочется. И кроме того, я, как закончу занятия, на Кавказ хочу ненадолго съездить.

— Ну, твое дело, — махнул он рукой. — Не хочешь, не надо.

Потом раза три в течение недели я встречал Нестора. Он суетился, куда-то спешил, волновался. Видимо, подготовка к лосиной охоте его полностью захватила.

— Телеграмму от объездчика получил, лосей обложил, выезжать надо, а тут халаты еще не сшили, — попыхивая сигаркой наскоро сообщал мне Нестор Григорьевич.

Но я так и не дождался лосиной охоты — на все каникулярное время укатил в Закавказье.

Прошло две с половиной недели. Вновь Москва, занятия в институте. Вскоре я опять повстречался с Нестором Григорьевичем.

— Ну как с лосями? — спросил я приятеля. Лицо его исказилось.

— Да ну их к шуту! — отмахнулся он, выпуская изо рта целое облако дыма. — Ничего не убили. Знаешь, некогда сейчас, потом расскажу.

В тот же вечер Нестор Григорьевич рассказал мне, как неудачно и глупо сложилась охота.

Много было хлопот. Но зато, казалось, все предусмотрено, не должно быть осечки.

Незадолго до захода солнца знакомый объездчик еще раз обошел на лыжах вокруг участка,



где стояли лоси. Возбужденный быстрым движением и морозным воздухом, возвратившись домой, он сообщил охотникам последние новости. Нет выходного следа — значит, лоси продолжают стоять на старом месте. В общем, все в полном порядке. Утром охота.

Вот, наконец, и долгожданное утро.

Большое багровое солнце поднимается над зубчатым лесом, блестит, искрится снег. В белых халатах, стараясь не шуметь, пять охотников углубляются в мелколесье и занимают указанные номера. И в лесу наступает мертвая тишина. Она длится более получаса. За это время лесной объездчик должен сделать большой полукруг, зайти с другой стороны и стронуть лосей по направлению стрелков.

Чутко, напряженно Нестор Григорьевич вслушивается в зимнюю тишину, всматривается в даль мелколесья. Но еще, вероятно, рано, лосей не видно. Сколько напряжения во всем этом, и как невыносимо медленно тянется время.

«Пах!..» — в морозном воздухе вдруг резко щелкает выстрел. Он доносится с соседнего номера. Проходят секунды. Затем далеко впереди мелькают темные силуэты крупных животных. Это бегут лоси. Но бегут они не на стрелков, а куда-то в сторону. С треском ломается деревце, качаются ветви, с них осыпается снег.

В чем дело, что произошло, неужели сосед промахнулся? Ведь ушли лоси! Подождав еще минут пять, Нестор Григорьевич пошел к соседнему номеру.

— Это вы стреляли? — спросил он у соседа-охотника.

— Да, я, это я в зайца выстрелил. Выскочил он из-под ног и сел вон на той полянке. Я его и смахнул. Какой белый, совсем вылинял! Что это вы на меня такими глазами смотрите? Не надо, говорится, журавля в небе, лучше синицу, да в руки. Вот я и пальнул по зайцу. Что тут особенного?

— Да вы с ума спятили! — закричал Нестор.

Не стоит вспоминать, что произошло дальше. Рассказывая о неудачной охоте, Нестор Григорьевич и сейчас страшно сердился, дымил махрой и ругал охотника.

А мне было весело. Вот это охота!

— Ты чего из себя-то выходишь, Нестор Григорьевич? Все получилось именно так, как нужно. Скажи мне, пожалуйста, тебе удалось добиться разрешения на отстрел лося?

— Ну, удалось, — ответил Нестор Григорьевич.

— А на охоту ты ездил?

— Ну и что же, ездил! — повысил он голос.

— На номере ты стоял, лосей видел?

— Ну, видел. Лося-то не убили?!

— А зачем тебе лось? Мяса, что ли, нужно?

— Мяса мне не нужно. А за такие вещи бить мало! — вспыхнул Нестор Григорьевич и рассерженный вышел из комнаты.

«Вот это что надо! И волки сыты, и овцы целы», — смеялся я в душе, провожая глазами своего друга.

## ЮНЫЕ ОХОТНИКИ-НАТУРАЛИСТЫ

Много встречал я ребят на своем пути. И на охоте, и в научной командировке обязательно столкнешься с незнакомым парнишкой и заведешь с ним знакомство.

— Тебе что? — спрашиваю я мальчугана, заглянувшего в мою комнату.

— Ничего, — с ноги на ногу переминается он у двери.

— Ты к кому пришел, тебе что-нибудь нужно?

— Нет, просто так, — отвечает он, а сам глазами так и пожирает стол, где обычно я пишу дневник, набиваю патроны или снимаю шкурки с добытых животных. Ведь здесь так все необычно и интересно!

— Живешь на станции?

— Ага.

— А зовут как? — продолжая заниматься своим делом, после долгой паузы вновь задаю я вопрос.

— Меня?

— Да нет, не тебя — его! — кивком головы указываю я в угол комнаты. Парнишка растерянно осматривает пустое место, потом переводит взгляд на меня. Но вот его физиономия расплывается в широкой улыбке. Ведь не сразу поймешь шутки незнакомо приезжего дядьки.

— Петькой зовут, — уже другим тоном, задорно, продолжая улыбаться, отвечает он.

— Ну что же, значит, Петька, — между делом продолжаю я. — Ты не охотник?

— Может и охотник, да ружья нет.

Вот так и состоится знакомство. Ну, а потом? А потом в первое воскресенье он пойдет со мной на охоту. Неделю спустя будет опять воскресенье, а там незаметно подойдут каникулы. Привыкну к мальчугану, он тоже привыкнет ко мне, и на всю жизнь мы станем друзьями.

Велика наша страна, бесконечны ее просторы, но куда ни загляну я во время своих обычных поездок, всюду найду близкого человека. И эти люди — или выросшие ребята, встреченные когда-то мной во время охоты или научной командировки, или молодежь, прочитавшая мою книжку о беспокойной, но полной происшествий жизни.

Привет вам, молодые друзья — охотники и натуралисты!

ВАСЯ

В летние месяцы 1947 года я проводил исследовательскую работу на Рыбинском водохранилище в Дарвинском государственном заповеднике. Уехал туда в конце мая и, поселившись со всей семьей в отдельном деревенском домике, прожил, кажется, до конца августа. В этом заповеднике я и познакомился с подростком Васей.

Чудный был мальчишка! Сколько ему было лет, я точно не знаю. В то время числился он подсобным рабочим заповедника и выполнял самые разнообразные поручения.

Быть может, кто-либо из вас уже читал в этой книге рассказ «Средства защиты». В нем я описываю смешной случай, когда во время кольцевания птенцов моего спутника Васю отделали речные крачки. Увидев, что Вася поймал одного из плывущих пуховых птенчиков, речные крачки тесной группой спикировали с большой высоты почти до самой воды и облили всего мальчишку бел-м пометом. Пострадавший и есть мой герой Вася.

В июне кто-то из сотрудников поймал маленького лосенка. Перепуганного зверя со связанными ногами и широко раскрытыми дикими глазами привезли на лодке к нашему дому и поместили в овине. Уход за пойманным лосенком и кормление его поручили Васе. Вот мальчик и бегал к нам раза три, а то и четыре в течение дня. Прибежит, бывало, чуть свет, схватит весла и, усевшись в лодчонку, уплывет на соседние острова. Не пройдет и получаса, глядь, вернется он с целой охапкой молодых веток краснотала, накормит своего питомца и побежит в деревню по другим поручениям.

— Вася, подожди! — иной раз окликал я убегающего мальчугана. — Я на острова еду, поедешь со мной?

— Поеду, поеду, — отвечал мальчик. — Я только мигом в контору сбегаю.

И верно, минут через десять босоногий Вася появится на нашем крыльце, готовый ехать куда угодно, хоть на край света, хоть на неделю, в любое время дня и ночи. «Замечательный мальчишка! Удивительные способности выполнять любые поручения с неподдельным удовольствием и весельем», — не раз думал я, присматриваясь к жизнерадостному и энергичному мальчугану. Особенно любил он ездить со мной, потому что без охотничьего ружья я никогда не отправлялся на экскурсию: вдруг попадется что-нибудь интересное, а ружья нет. Поездив несколько раз с Васей, я, наконец, понял, что охота для этого мальчугана самое большое удовольствие, а охотничье ружье — заветная мечта.

— Елена Генриховна, Васе просто необходимо ружье купить, — обратился я к матери Васи, встретив ее как-то на улице. — Парень ведь мечтает стать настоящим охотником, а ружья нет.

— По-вашему, значит, нужно купить? Признаться, я об этом сама думала. Купить, что ли? Пускай охотится. И в то же время страшно как-то ружье в руки давать — мальчишка ведь, в голове ветер.

— Вот поэтому и нужно именно сейчас купить. Пусть смолоду научится с ружьем обращаться и не смотреть на него как на игрушку. Тогда ружье совсем не страшной вещью будет. Только перед тем как его подарить, самые суровые условия поставить необходимо.

— Что же, Евгений Павлович, давайте купим. Вы уж помогите мне в этом деле, а то я в ружьях ничего не понимаю, да и Васе, пожалуйста, внушите, что с ружьем надо быть осторожным.

Одним словом, мой совет купить мальчугану ружье был принят. Через несколько дней я собирался съездить в Москву и обещал Елене Генриховне выбрать и привезти для Васи ружье.

— Ну, гражданин охотник, — обратился я к нему на одном из привалов. Мы загнали лодку в чашу затопленного мелколесья и решили здесь позавтракать. — Так, вот, гражданин охотник, у тебя скоро собственное охотничье ружье будет. Твоя мать деньги на ружье дала, я его в Москве покупать буду.

В тот же миг Вася кинулся мне на шею с такой силой, что я едва удержался в легкой лодчонке.

— Смотри только, если ружье хоть один раз у тебя случайно выстрелит или я увижу, что ты в кого-нибудь целишься, хотя бы в курицу или собаку, не увидишь больше своего ружья никогда. Сам возьму и заброшу его в воду. Запомни это...

С этого дня Вася бродил, как в тумане. Деликатный мальчишка не решался спросить меня о дне выезда, но, видимо, ждал этого момента, как небесной манны. И когда, наконец, я уехал, он часто бегал на пристань и встречал все пароходы, привозившие людей из Рыбинска и Весьегонска.

А я тем временем закончил дела в Москве и, выбрав для Васи дешевенькую, но добротную одностволочку, выехал в заповедник не совсем обычным путем, то есть не поездом и затем пароходом, а на попутной машине. Она довезла меня до деревеньки Противье, расположенной на берегу залива, как раз против пристани заповедника.

Издали я видел, как пришел сначала один пароход с юга, потом подошел и отчалил другой из Весьегонска, а я сидел на вещах в Противье и ждал попутной лодки. Потом минут сорок езды по беспокойной свинцовой воде, и я почти дома, в своем заливчике.

— Ружья тебе не привез, не нашел подходящего, — с напускным равнодушием говорю я Васе, пока он вытаскивает на берег мои вещи.

— Ну ничего, в другой раз, — без всякой тени досады, весело отвечает Вася.

Хороший мальчишка!

— На, держи свою драгоценность! — протягиваю я ему купленную одностволку. — За патронами потом придешь, когда распакую вещи.

Одно мгновение растерянный Вася стоит на месте, потом вырывает у меня ружье и сломя голову несется к своему дому.

— Одурел парнишка от радости, — говорит хозяин лодки. Действительно, совсем одурел! Со смехом слежу я, как мелькают по улице босые Васиные ноги.

А потом целый месяц непрерывной муштровки.

— Вася, куда это у тебя опять ствол смотрит? Сто раз тебе говорил: когда заряжаешь ружье, держи его в сторону!

— И бестолковый же ты мальчуган! Разве со взведенным курком через канаву прыгают? Мало ли что может случиться... Споткнешься, нажмешь гашетку, а потом ружье виновато, само, мол, стреляет. Сначала курок спусти, а потом прыгай.

— Да ты совсем очумел, что ли? Как опять ружье держишь? Поверни ствол в сторону, а потом уж курок спускай.

В общем извел, совсем замучил меня Васька. Но прошло около двух недель, и все наладилось. Вася, наконец, научился обращаться с одностволкой.

Прошло несколько лет, много воды утекло с того времени, как мы охотились с Васей под Вельегонском. Парнишка вырос. Слышал я от кого-то, что он работает механиком под Архангельском, работает хорошо, с увлечением, но охоту также не забывает. И вот однажды, два года назад, приехал Вася в Москву и неожиданно заявился прямо ко мне. Здоровенный, симпатичный, кудрявый парень — смотреть любо!

— Чего же молчал столько лет, строчки не написал ни одной? — упрекнул я его.

— Честное слово, Евгений Павлович, много раз собирался писать вам о том, как живу, как охочусь, но так и не смог собраться.

— Ну, хоть собирался и то хорошо! — смеюсь я. Просидели мы с ним целый вечер, вспомнили заповедник, затопленные леса, островки, населенные крачками.

— А ты помнишь, как первую утку убил? — спрашиваю я Васю.

— Как не помнить, конечно, помню, — отвечает парень, а сам смеется.

И мне живо представилась эта охота.

Вот прямо на Васю летит большая кряковая утка. Вместо того чтобы дожидаться, когда она подлетит ближе, он ложится на землю и быстро ползет ей навстречу. Да и где ползет — прямо по неглубокой воде, среди кочек болота. Потом гремит выстрел, и убитая утка падает на открытый плёс торфяного карьера. В то же мгновение мальчуган осторожно кладет свою новую одностволку на сухую кочку и в одежде бросается в воду. Проваливаясь до плеч и по шею в полужидкую торфяную грязь, он неудержимо стремится вперед и, наконец, хватается за шею убитую птицу.

— Во-о!.. — кричит он, поднимая над водой первую добычу. Поза мальчишки, его дикий вопль напоминают торжествующий крик краснокожего воина, снявшего скальп со своего противника. За вечерним чаем рассказал мне Вася, что накопил изрядную сумму денег и мечтает купить новое охотничье ружье.

— А где то, которое я тебе в Борок привез? — спрашиваю я парня.

— Цело и бьет по-прежнему хорошо. Но ведь одностволка, Евгений Павлович! Хорошую двустволку купить хочется.

— Что же, найдем и двустволку. Только знаешь, Вася, первое не продавай, на память его сохрани. А лучше братишке отдай — пусть охотится.

Порешили мы с Васей посмотреть, какие есть ружья.

Поздно мы легли в этот вечер. Вася быстро заснул, а я еще долго ворочался в постели, вспоминая беспокойную свинцовую воду, затопленные леса, песчаные островки и косы. Кажется, и во сне мне снилось, что, не ощущая трудностей, я скольжу на лодчонке по Широким разливам Мологи и снимаю свою двустволку, когда из затопленного леса взлетают утки.

— Послушай, Вася, что это ты в такую жару плащ на себя напялил? — спрашиваю я утром своего гостя.

— Нельзя никак, неудобно, Евгений Павлович: костюм у меня такой, что по Москве ходить стыдно.

— Вот уж неверно! Откуда ты взял это? В Москве так много народу, что ни меня, ни тебя никто не заметит и на наши костюмы не обратит внимания. Снимай-ка плащ, собирайся

скорей, времени у меня не так много.

— Евгений Павлович, да ведь штаны у меня такие, что на улицу выйти нельзя.

Глянул я на штаны Васи и — что вы думаете? — не стал настаивать. Все штаны в заплатах, по швам разрезаются.

— Что же это, ты Вася, в таких штанах ходишь? Сам же говоришь, что зарабатываешь хорошо, а штаны драные.

— Вот так получилось! — смеется Вася. — Деньги есть, а купить нельзя. Как стал я на ружье откладывать, решил ни на что не тратить, пока ружья не куплю. Вот за это время мои штаны и разлезлись.

— Вот что я тебе предлагаю: сейчас штаны купим, — это рядом, напротив, — а потом по магазинам за ружьем пойдём.

— Нет, Евгений Павлович, сначала ружье. Вдруг дорого стоит, денег не хватит.

— Да я тебе дам денег, а ты потом вышлешь, — пытался убедить я своего гостя.

— Нет уж, давайте сначала ружье, а потом другое, — уперся парень.

— Эх ты, жених, а штаны драные! — махнул я на него рукой.

— Какой я жених! Я охотник, — отшучивался Вася. Нашли, выбрали мы с ним хорошее двуствольное ружьишко, попробовал его бой Вася за городом и, убедившись, что ружье бьет превосходно, счастливый укатил на Север — в Архангельск. Денег хватило и на ружье, и на брюки, и на другие покупки.

А впрочем, нет в этом рассказе ничего особенного. Ведь и я не смог бы поступить иначе, если бы у меня не было охотничьего ружья.

Да, укатил Вася на Север, в Архангельск, и давно уж молчит, не шлет весточки. Что тут поделаешь! Видно, опять частенько написать собирается, но — вот несчастье! — не дается ему эта премудрость.

## НЕ ВСЕМ БЫТЬ ОХОТНИКОМ

В предыдущих очерках я рассказывал о ребятах-охотниках, бывших спутниках моих охотничьих выездов и экспедиционной работы. Интересный это и своеобразный народец. А сколько таких незаурядных ребят в нашей стране? Так много, что представить трудно. Откуда появилась и как развилась у них страсть к охоте, к натурализму, не вполне ясно. Впрочем, это и не имеет большого значения. Важнее другое. Большинство из них настоящие, прирожденные охотники. Их хлебом не корми, лиши всяких благ в жизни, только дай им ружье и возможность хоть не часто вырваться в лес и развлечься любимым делом — охотой.

Однако далеко не всем молодым людям прививается любовь к этому виду спорта. И хотя сплошь и рядом в семьях отцы и дядьки используют каждую свободную минуту, чтобы выбраться с ружьем за город, охота юношам все же не особенно нравится. За свою жизнь я не один раз сталкивался с подобными случаями и считаю их нормальным явлением. С не меньшим удовольствием иногда наблюдаю я, как у ребят проявляются другие полезные склонности. Одни интересуются устройством автомашины или трактора, другие — самолетом

или электроприборами. Все это одинаково хорошо. Бояться надо другого. Страшно в детях отсутствие интереса ко всякому полезному делу.

Когда мой сын был еще маленький, я купил для него необычное ружье. Оно и сейчас сохранилось в нашей семье и висит над моей кроватью. Чудное, замечательное ружьецо фирмы «Фран-кот», бельгийской работы. Оно весит так мало, что с ним может охотиться пятилетний ребенок. Несмотря на крайнюю легкость и предельно мелкий калибр, ружье обладает превосходным боем. В прошлом я с ним нередко выезжал на охоту и вполне убедился в его боевых качествах.

Как-то осенью несколько дней я провел в городе Черный Яр на берегу Волги и, урвав время, выбрался в окрестные луга за утками. Меня сопровождал один из местных охотников.

— Ну разве это ружье? Разве на уток с такими ружьями ходят? — с презрением качал он головой, вертя в руках «фран-котку». — Возьмите мое, у меня два, а это дома оставьте. Из своего все равно ничего не убьете — ведь это не ружье! Это... это спринцовка!

Уязвленный словами постороннего для меня человека, я наотрез отказался. Я знаю и люблю свои ружья.

Несколько разойдясь в стороны, мы шли камышами степного лимана; вода достигала пояса. Время от времени из густых зарослей тростника поднимались утки. Они с кряканьем взмывали вверх и спешили улететь прочь от охотников. Гремели выстрелы. Мой сосед был «не в ударе» и делал частые промахи. После каждого неудачного выстрела он ругался. Ругал ружье, ругал уток. А мне, напротив, везло. Я стрелял более удачно и за короткое время взял несколько кряковых уток. Как тряпка, они валились после моих выстрелов из «франкотки».

— Москвич, а москвич! — вдруг, остановившись среди открытого плёса, закричал мой спутник. Несколько крупных крякашей, потревоженные криком, вырвались из травы и, свистя крыльями, понеслись в сторону. — Слышишь, москвич!.. Я за твою спринцовку две свои двустволки даю!.. — кричал мой новый знакомый.

Как уже знает читатель, эту маленькую двустволку я предназначал сыну. Но он был еще слишком мал. «Нос еще не дорос», — говорил я ему, когда он тянулся к ружью и просил взять его на охоту.

Прошло два года. Однажды я взял сына на вальдшнепиную тягу. Но, к сожалению, охота не удалась. В этот вечер неуютно было в лесу. Потемнел багровый закат, на прогалине стало как-то особенно сыро и холодно.

— Рано, нет еще тяги, — сказал я, вынимая из ружья патроны и вешая на плечо двустволку.

— Да. Тяга домой, — ответил мой юный охотник, ежась от холода.

«И верно, дома уютно, тепло», — думал я, шагая по темному лесу, ломая тонкий ледок на замерзших лужах. Только настоящий охотник может мириться с такими невзгодами.

Да, первая охота, к сожалению, была неудачна. Но позднее не один раз нам удавалось возвращаться домой с добычей. Однажды на Рыбинском водохранилище мы плыли на лодке по затопленной местности. Наступал тихий вечер. Косые лучи заходящего солнца блестели в неподвижной поверхности плёсов, здесь и там из воды безжизненно поднимались погибшие сосны и ели.

— Смотри, впереди утки, — предупредил я.

Около десятка уток-шилохвостней, вытянувшись в косую цепочку, летели прямо на лодку. Отложив весла, мы взялись за ружья. Когда птицы поравнялись с нами, я выстрелил, но

неудачно. На одно мгновение утки собрались в воздухе в тесную кучку, а затем, звеня крыльями, стремительно поднялись выше. Мне казалось, что вторично стрелять не было никакого смысла — птицы успели подняться слишком высоко. Но именно в этот момент прозвучал выстрел, и один шилохвостень, описав дугу в воздухе, свалился в воду.

— Здорово, высоко взял! — невольно похвалил я.

Но и после удачных охотничьих выездов сын не пристрастился к охоте. Он любил природу, любил побродить по лесу, но не пытался добыть дичь.

Ну что тут поделаешь! Если нет страсти к охоте, привить ее почти невозможно.

«Ну, а дочка?» — часто в письмах задают мне вопросы читатели. Дочка? О дочке я сейчас расскажу.

Когда ей было лет пять, я впервые взял ее на охоту. В том году после долгой и холодной зимы дружно наступила весна. Освободилась от снега земля, голубовато-зеленая дымка окутала еще не успевшие покрыться листвой деревья. Теплые, почти жаркие дни сменяли тихие и ясные вечера.

— Поедем на тягу, — предложил я как-то жене, возвратившись с работы. — И Машку с собой возьмем.

Мы наскоро собрались и сели в дачный поезд. Вот и Голи-цыно, вот и знакомая лесная полянка, где ни один раз за последние годы я стоял на тяге. Выбрав сухой участок на опушке леса, мы стали ждать вечера.

Где-то поблизости «тенькали» зяблики да время от времени звенела короткая несложная трель овсянки.

Но вот в стороне за зубчатой хвойной стеной скрылось солнце, сумраком подернулся неподвижный лес. И с вершин потемневших елей полились долгие звуки — это пели дрозды. Потом они смолкли. Только песня зорьки порой доносилась из хвойного леса. Но умолкла и эта неугомонная птица. Минут пять, как будто напряженно ожидая чего-то нового, длилось молчание. И не напрасно.

«Ци-вить... ци-вить», — вдруг ворвались в тишину долгожданные весенние звуки. «Ци-вить-хорк-хорк...хорк-хорк...», — понеслись они над дремлющим лесом. Это поднялся в воздух и потянул вальдшнеп.

Я осмотрелся кругом, стараясь глазами отыскать летящую птицу. Что делать, если я слышу только на левое ухо и плохо разбираюсь в на. давлении, откуда доносится звук.

— Вот он, — услышал я голос рядом.

Грянул выстрел, и птица комочком упала в поросль.

Я поднял вальдшнепа и осмотрел добычу. Потом перевел взгляд на своих спутниц. Отвернувшись в разные стороны, они упорно и долго молчали.

Жалко, значит!.. Мне стало как-то не по себе. «Только бы не налетел второй», — думал я, хорошо зная, как бывает трудно в такие моменты сдержаться охотнику. К счастью, еще один появившийся вальдшнеп протянул слишком далеко.

Потухла заря, в лесу стало темно. Мы зашагали вдоль вырубки к железной дороге. Идти было трудно. Размокшая почва, кочки и темнота заставляли двигаться особенно медленно. Вдруг над самой головой громко циркнул и захоркал вальдшнеп. Не помню, как и случилось, но я



быстро вскинул ружье и выстрелил по неясной тени. Много потом мы потратили времени, пока среди потемневшего мелколесья ощупью отыскивали и вторую птицу.

После этого вечера время от времени я один выезжал за город. Мне хотелось еще и еще раз отстоять вечернюю зорю на лесной опушке. Но, представьте себе, сожаление о застреленной птице не пропало даром. «Все проходит, но ничто не проходит бесследно», — часто думаю я.

Однажды слишком рано я попал на место обычной охоты. До тяги осталось много времени. «Не попытаться ли подманить рябчика?» — подумал я, доставая из кармана коробочку с пищиком. Надо сказать, что самец рябчика в весеннем наряде был мне просто необходим. Я давно решил добыть птицу, но все откладывал это: не поднималась рука на обитателя леса в весеннее время.

Я просвистел, подражая самцу, и стал слушать. Слушал долго, потом просвистел опять и опять слушал.

Вскоре из хвойного участка леса донесся ответный свист рябчика — это свистел самец.

«Ага, решил откликнуться», — повеселел я и, стараясь подражать голосу птицы, просвистел вновь.

Рябчик долго не отвечал. Потом просвистел еще раз и опять замолчал.

Минут десять неподвижно стоял я, прижавшись к стволу дерева, вслушиваясь в голоса леса, но безуспешно. Рябчик замолчал окончательно.

«Опять, вероятно, сфальшивил», — с досадой подумал я. Дело в том, что и до настоящего времени мне не удалось научиться хорошо свистеть рябчиком: слух, видно, плохой, а старый и опытный рябчик быстро распознает фальшивые нотки и обычно перестает откликаться.

И когда в этот раз я почти потерял терпение и готов был оставить свою затею, рябчик вдруг стремительно пролетел над полянкой и уселся шагах в сорока от меня на одиноко стоящую молодую елку. Но представьте себе мою досаду: как только птица уселась на дерево, она тут же исчезла среди темной хвои. Подняв ружье и держа его наготове, я внимательно осматривал ветви. Птицы нигде не было видно. Тогда я взял пищик в рот, закрыл лицо шляпой и вновь просвистел, стараясь свистеть именно так, как свистела эта самая птица. Вышло неплохо, но откуда исходит свист, определить было трудно. Результат получился блестящий.

Глупый рябчик уже открыто прошелся по ветке елки, затем, пролетев небольшое расстояние, сел на молодую осинку. Теперь мне была видна не только сама птица, но ее глаза, клюв, даже каждое перышко. Весь распушившись, несколько подняв хохолок и опустив крылья, он принял боевую позу и ждал появления противника.

Мне оставалось только вскинуть ружье и нажать гашетку. Но безмятежный покой, царивший на лесной поляне, тяжелые сережки, висевшие на осинке, и воздух, напоенный весенним запахом, — все это изменило ход моих мыслей.

— Ты долго будешь испытывать терпение охотника?! — стараясь придать грубость голосу, обратился я к рябчику.

На одно мгновение изумленная птица оставалась почти неподвижной. Только беспечный пушистый комочек из перьев на моих глазах принял строгие очертания. Потом рябчик сорвался с ветки и стремительно полетел в темный ельник. «Пррррр...» — услышал я шум полета, «пррррр», — видимо, уселся он в густую елку.

Как жалко, что на этот раз со мной не было никого!.. Подождав минут десять-пятнадцать, я

начал свистеть опять. Рябчик долго не откликнулся. Потом раз просвистел свою песню и опять замолчал. Вероятно, ему очень хотелось подраться и выгнать самца-соседа, но он так и не решился выйти на лесную полянку, где торчало двуногое чучело. Невнятный шелест подсыхающей прошлогодней листвы убедил меня, что встревоженный рябчик не находил себе места. Долго бегал он туда и сюда по краю елового леса, не решаясь выйти на чистое место. Наконец все стихло.

За горизонтом потонуло солнце. Умолкли дрозды. Еще раз проскрипела и смолкла зорька. Тихо стало в лесу. Стороной протянул вальдшнеп, минут пять спустя, хоркая, другой налетел на меня. Я как будто неплохо прицелился, но вспомнил о смешном рябчике и промахнулся. И не беда. Домой я вернусь поздно. В городе мои грязные сапоги, телогрейку и отсутствие дичи не заметят по-весеннему одетые люди.

Хороша весенняя охота на нашем Севере, хороша она и в других местах; только жаль стрелять птицу в чудную весеннюю пору.

Быстро пролетела весна. Не успел я вволю постоять на тяге, надышаться пряным весенним воздухом, как закрылась охота. Незаметно прошло и лето. Наступила осень. Всей семьей мы поехали в Крым, в Алушту. Хорошо в это время на юге. Синее небо, спокойное море. Только одна беда для охотника — скучно, почти нет охоты. Пролетные перепелки на Южном берегу Крыма в большом числе появляются в самых последних числах августа, иногда в сентябре, но в то время мне нужно возвращаться в Москву — с сентября начнется учеба в вузах. Да, за последние годы каждый раз я уезжаю из Крыма перед самой перепелиной охотой.

В те сроки, когда я бываю на Южном берегу Крыма, мало надежды встретить пролетных перепелов. В редких случаях запоздавших птиц застанет рассвет, и они не решатся при дневном свете лететь через море. Трудно бывает найти такую опоздавшую перепелку. Но долго сидеть без охоты скучно. И время от времени я поднимаюсь с постели до восхода солнца и с ружьем в руках обхожу холмы близ Алушты.

Однажды я захватил с собой дочку. Мы поднялись на холмы и, усевшись на склоне, решили ожидать рассвета. Прошло с полчаса. Взошло солнце и косыми лучами осветило покрытые пожелтевшей травой полянки, низкорослые кустики дубняка. Пора было начинать охоту. Но мы не спешили...

Надо сказать, что охота за перепелами в Крыму при массовых высыпках бывает чрезвычайно добычлива. За час-полтора без особенных трудностей добудет охотник штук сорок, а иногда и больше этой мелкой, но ценной дичи. Выпустит он все патроны, настреляется вволю и, обвешанный дичью, как триумфатор, идет через город.

— Ну что ж, попытаем счастья, — без всякой веры в удачу поднялся я с места.

Мы не спеша стали обходить поляны, лощинки с низкорослым кустарником. И так около часа то поднимались на вершины, то опускались по их склонам. Становилось скучно — дичи и в помине не было.

— Пойдем-ка к морю, все равно здесь до сентября ничего не будет, — обратился я к Маше.

Но именно в этот момент — я даже глазам своим не поверил — из-под самых ног у меня вырвались две перепелки. Я не был готов, но все же успел вскинуть ружье и выстрелить. Одна птица упала, другая пролетела около сотни метров и уселась в кустарник. Подняв перепелку и на ходу заряжая ружье, я поспешил к месту, где села вторая. Мне было хорошо известно, что птица прекрасно бежит и может убежать далеко от места, куда она опустилась. Нельзя было терять драгоценного времени.

— Папка! — услышал я сзади. Не оборачиваясь, я отмахнулся рукой. — Папка! — кричала

дочка.

В этот момент она мне страшно мешала. Ведь, оглянувшись, я мог потерять место, куда села птица. Но дочка не унималась:

— Слышишь, папка!!

— Ну что ты кричишь, что тебе нужно? — обернулся я к ней, потеряв терпение.

— Не стреляй больше. Настрелял — и хватит! — сопровождая каждое слово жестами, решительно протестовала она издали.

«Как это настрелял?» — не сразу дошло у меня до сознания. Ведь я уже говорил, что, по крымским понятиям, настрелять — это значит обвешаться дичью. А тут что? Что, собственно, настрелял? Одну перепелку? Невольно я вынул из сумки и осмотрел добычу.

— Настрелял — и хватит! — боясь, видимо, что я опять пойду отыскивать отлетевшую птицу, продолжала дочка.

И вся ее маленькая, тоненькая фигурка выражала протест и безоговорочное требование прекратить охоту. Настрелял, мол, и хватит, хорошенького понемножку. И вместо того чтобы по-настоящему рассердиться за испорченную охоту, я вдруг усмехнулся. Видали вы подобного командира? Закинув ружье за плечи, я возвратился назад, и мы стали спускаться с холмов к Алуште.

«Настрелял и хватит», — все время вспоминал я фразу, выражение лица и мимику дочки.

## ПОХОДНАЯ КУХНЯ

Трудно себе представить, как бывает дорого время в научных экспедициях. Хочется как можно шире охватить исследуемую территорию, стационарно поработать в наиболее интересных пунктах, заняться биологией отдельных видов животных. Одним словом, сделать как можно больше, а времени — такая досада! — оказывается совсем недостаточно. Вот и стараешься использовать для работы не только каждый час, но и каждую минуту. Для этого иной раз поздно ложишься, встаешь спозаранку. Жара неносная, или тучами обложило все небо до самого горизонта, или идет непрерывный дождь — все равно экспедиционный день должен быть использован по возможности полностью. А самое главное, чтобы ваше время принадлежало только вам и не зависело от причуд и капризов людей, с которыми вам поневоле приходится сталкиваться. Это, так сказать, предпосылка, обеспечивающая успешный ход исследований. К сожалению, не всегда так бывает.

Вот, например, приезжаете вы в горы Киргизии, в Казахстан или на Северный Кавказ и предполагаете заняться напряженной полевой работой. Желания и энергии у вас больше чем достаточно, вы рветесь к делу. И вдруг — какое неудобство! — ваше время оказывается зависящим от хозяйки квартиры.

— Куда это вы без еды на охоту? Никуда не пойдете! — решительно заявляет хозяйка, столкнувшись со мной ранним утром у калитки своего домика. — Через полчаса завтрак будет готов, покушаете и тогда идите, куда вам нужно.

— Да я скоро вернусь, мне утром на пасеку попасть необходимо и оттуда я прямо к завтраку, — пытаюсь объяснить я свой ранний выход.

— Никуда! — протестует хозяйка, вталкивая меня обратно. — И разве можно: утром — и без еды? Да что после этого обо мне соседи скажут!

А вот другой памятный случай. Я и два моих университетских товарища весной 1927 года поселились на лето в гостеприимной семье местного лесничего. Он с женой и ребятами проживал на маленькой железнодорожной станции Байгакум.

— Уж как хотите, но к обеду чтобы никто не опаздывал! — поставила условия хозяйка. — Ведь вас трое, и если каждый будет являться, когда ему вздумается, я должна буду в такую жару целыми днями торчать у примуса.

Доводы были настолько убедительны, что мы хоть и скрепя сердце, но дали согласие, обещав приходить к обеду своевременно. Однако обещание оказалось выполнить не так просто, как казалось нашей хозяйке. Частенько то один, то другой из нас забирался слишком далеко от дома или просто, увлекшись охотой, опаздывал к обеду.

— Если еще хоть один раз кто-нибудь не явится вовремя, — сказала нам однажды она, — запрю дом, уйду к знакомым и, как школьников, оставлю без обеда. Не верите? Так увидите! — вдруг решительно заявила она, заметив улыбки на наших лицах.

И действительно, свою угрозу жена лесничего вскоре осуществила. Как-то, промокший до нитки, усталый и голодный, я возвратился с Чиилийского водохранилища. С раннего утра я пытался добыть там неизвестную мне маленькую водяную курочку; ее не было в нашей коллекции. Но меня преследовала неудача. Потратив массу времени, я так и не взял ни одного экземпляра. Наконец я отказался от тщетных попыток убить курочку и направился к станции. «Все равно птица будет в моих руках, — старался я себя успокоить. — Пообедаю, отдохну немного и опять на Чиилин-ку». Но дверь дома лесничего оказалась запертой. В засове висел большой незнакомый замок. Вероятно, хозяйка специально достала его у соседей, чтобы исполнить свою угрозу.

Я присел на лавочку. Вот тебе и Чиилинка! Вместо отдыха и обеда изволь ждать у моря погоды. Нечего сказать, веселое занятие. Ну ладно, пусть ушла семья лесничего, но где же мои приятели, где Леонид, где Гришка? Неужели их тоже утащили к каким-то знакомым? Нашли время!

Но не только лишение обеда и отдыха раздражало меня: мне нужно было поделиться своими переживаниями. Хотелось рассказать, как по пояс в воде мне пришлось продираться сквозь тростниковые заросли и как несколько раз я на одно мгновение замечал впереди себя неизвестную водяную курочку. Конечно, я бы добыл ее, но сегодняшний день так и кончился для меня неудачно. Один раз я не успел выстрелить, потом мое испытанное и надежное ружье вдруг дало осечку. Всем этим мне необходимо было с кем-нибудь поделиться.

Я же сидел на лавочке у запертой двери и ждал возвращения хозяев и товарищей. «Куда их занесла нелегкая, и когда они, наконец, вернуться?» — думал я, с тоской поглядывая на дорогу к поселку Джулек. Но дорога оставалась пустой: ни пешеходов, ни подводы не было видно.

Когда мое нетерпение достигло предела, я решил попытаться проникнуть в запертую квартиру не через дверь, а иным способом. Обойдя дом, я нашел небольшое окошко: оно вело в кладовую. Кладовая же сообщалась с кухней. Если дверь в кухню окажется незапертой, я сумею проникнуть в комнаты. Я осторожно вынул из окна стекло и хотя с большим трудом, но все же пролез в кладовку. К счастью, дверь оказалась незапертой, и я очутился в кухне. Какая благодать! Переодевшись, утолил голод тем, что нашел в кастрюлях, и до прихода хозяев решил выспаться. «Не закрыть ли на крючок дверь изнутри?» — мелькнула у меня веселая мысль. — «Око за око, зуб за зуб», — усмехнулся я, и входная дверь оказалась запертой не только для желающих выйти из дома, но и для желающих

попасть в свою квартиру хозяев.

Проснулся я от какого-то шума и разговора. Это возвратилась домой вся компания. Лесничий, его жена и мои приятели, недоумевающая, дергали закрытую дверь.

— Ну как ты ее заперла, что отпереть не можешь? — ворчал лесничий.

— Как я могла запереть — замком, конечно! — оправдывалась его жена.

— Однако замок снят, а дверь остается запертой. Ничего не понимаю! — возразил мужской голос.

Выждав минут пять, я решил сменить гнев на милость.

«Не рой другому яму, сам в нее попадешь», — ехидно улыбаясь, открыл я двери недоумевающей компании.

— Как вы попали домой? — донимал меня позднее лесничий. — Значит моя квартира и с замком на дверях оказывается для всех доступной!..

— Нет, не для всех, — ответил я. — Только для тех, кого ваша супруга Марина Алексеевна оставила без обеда!

Сейчас, плотно пообедав, я не смог бы вылезть через маленькое окошечко в кладовой даже в том случае, если бы в этом была необходимость.

Впрочем, такая зависимость от хозяев имеет и хорошую сторону. Приятно, что и далеко от дома, от семьи вы встречаете милых, симпатичных людей; они заботливо и внимательно относятся к вам. Случай с женой лесничего я и мои товарищи всегда вспоминаем с большим удовольствием. Уж очень хорошо жилось нам, студентам, под строгим надзором Марины Алексеевны. Но бывает и иначе.

Недавно, приехав для полевых исследований в Приморье, попал я к одним старикам. Деду было лет восемьдесят с лишним, бабке тоже около этого. У стариков снял я комнату и договорился с хозяйкой, чтобы она за хорошую плату взяла меня, так сказать, в свои нахлебники.

— Вы, бабушка, помните, что мне никакой роскоши не надо. — Если будет, например, простой картофельный суп или борщ, а вечером горячий чай — мне больше ничего не нужно. Люблю я также жареную картошку. Вот только, бабушка, молока мне не давайте.

Договорившись с хозяйкой, я с головой ушел в изучение животного мира этого замечательного уголка. Но не прошло и недели, как старуха, забыв о нашем договоре, стала все чаще поить меня молоком и кормить молочными блюдами. И вполне понятно — продать молоко в маленькой деревеньке было почти невозможно, и хозяйка, видимо, решила приучить меня к этому продукту. Поневоле иной раз напьешься с утра молока и отправишься в далекую экскурсию.

— Бабушка! — наконец не вытерпел я. — Верите ли вы, что мой желудок молоко совсем не варит,

— Эх, такое добро не пить! — вмешался дед. — Желудок не варит, так старая сварит его, и кушайте на здоровье!

— Не хотите молока пить, неволить не буду, — прибавила старуха.

И с этого дня хозяйка готовила мне к утру пару вареных яиц. Яйца я люблю, от них не

отказывался, но все-таки, посудите сами, что значит пара вареных яиц на целый день для взрослого и здорового человека.

Не нравилось мне у стариков и по другой причине: они были мрачны и неразговорчивы. Довольный результатами дневной экскурсии, вернешься, бывало, вечером и сядешь к столу. За ужином хочется поделиться впечатлениями, услышать живой совет от местного, знающего свой край человека. Но за ужином, как и в другое время, царило молчание.

— Знаете, дедушка, сегодня я далеко забрался в тайгу и с высокой сопки увидел на юге реку, — это, наверное, какой-то приток Большой Уссурки?

Я долго, терпеливо ждал, но не получил ответа.

— Мне очень хочется попасть на эту реку. Пройти туда, мне кажется, легче всего и ближе через вашу заимку?

— Ваше дело, — наконец, после долгого молчания безучастно ронял дед.

— Як хоште, — столь же безразлично вторила старуха, и начатый разговор обрывался.

Неудовлетворенный, я наливал из чайника жидкий чаек, — он оказывался чуть теплым.

— Бабушка, печка топится — можно я чай подогрею?

— А чего его греть, чайник горячий! — потрогав его рукой, отвечала старуха.

«Чайник, верно, горячий, а вот чай холодный!» — с раздражением думал я, выпивая стакан остывшего чая, и уходил в соседнюю комнату, где приводил в порядок собранные за день материалы.

Такая обстановка вскоре мне надоела. «Не надо мне больше забот скупой старухи, лучше я сам о себе позабочусь, хоть работа страдать не будет», — решил я. И я вспомнил один давнишний случай. Он ясно доказывал, что настоящий охотник, если захочет, найдет себе везде пропитание.

Лет тридцать тому назад я и один из моих товарищей-студентов Леонид Владимирович Шапошников возвращались однажды на станцию Солотье. Нам нужно было пройти около 35 километров по пустынной местности. Взятого продовольствия нам не хватило, еще вечером за ужином мы прикончили свои запасы. Таким образом, выйдя, не закусив, ранним утром, мы вскоре почувствовали невероятный аппетит. Утолить его было нечем. Правда, у нас с собой были охотничьи ружья, но по пути не встречалось дичи. Кроме того, в патронташах остались только полужарьдки — патроны, набитые самой мелкой дробью, пригодные для стрельбы небольших птичек.

Часам к двенадцати мы сильно устали. Сравнительно плохое питание все предыдущие дни, вынужденный пост сегодня, а также изнуряющая жара — все это отразилось на наших силах. Спотыкаясь, мы едва передвигали ноги, бредя по пустынной местности; часто садились на раскаленную почву, чтобы хоть немного восстановить силы.

И вот в одну из таких передышек я заметил несколько бурых голубей. Они то кругами летали над казахским кладбищем, то рассаживались на глиняные постройки. Завидя птиц, мы с Леонидом поспешили к кладбищу в надежде добыть хоть одного голубя. К нашему разочарованию, осуществить это оказалось не так просто.

Заметив людей, осторожные птицы улетели.

Тогда, не видя никакой дичи, я выстрелил по стайке воробьев, державшихся в густых колючих

кустарниках. Но только один злосчастный воробей попал мне в руки. Наскоро оципав его и поджарив на огоньке, мы разделили его пополам. Каждому из нас досталось по крошечному кусочку едва поджаренного мяса. Мы съели эти кусочки с громадным аппетитом, почти с жадностью.

Конечно, чтобы насытиться, нам нужно было съесть еще не менее десятка такой мелкой дичи. Но — вот чудо! — ощущение сильного голода вдруг исчезло, нам стало весело, силы восстановились. Со смехом мы поднялись на ноги и уже без особого напряжения дошли до станции.

После этого случая, исследуя Среднюю Азию, я всегда брал с собой соль и спички. Я был уверен, что даже самая маленькая дичина выручит, если в пути у меня не хватит продуктов.

И вот, когда у старухи мне стало невыносимо, я решил перейти на самообслуживание. Достал небольшой отрезок толстой, но достаточно мягкой алюминиевой проволоки, скрутил ее так, чтобы она поместилась в карман моего заплечного мешка, туда же сунул спички, пробирку с солью и кусок черного хлеба. «Это моя походная кухня», — объяснил я мальчугану Юрке, который в то время частенько сопровождал меня. После того как у меня появилась походная кухня, я сразу почувствовал себя свободным и независимым.

Раннее утро. В домике, где я поселился, царит тишина. Стараясь пересилить дремоту, я одеваюсь, захватываю ружье, бинокль, заплечный мешок и осторожно выхожу на улицу. Тихо и в поселке. сторожевые псы и те перестали лаять и заснули сладким утренним сном.

Я миную последние домики и огороды и выхожу на проторенную тропинку: она идет прямо на юг вдоль глубокой заросшей кудрявыми ветлами и кустами канавы. Минут пятнадцать неторопливой ходьбы — и я у большого спокойного озера.

Берега его поросли осокой да тростниками. Алеет небо, алеет вода. Незабываемо хорошо кругом в прохладное раннее утро. Влево на неподвижной водной поверхности, завидев меня, замерла стайка уток, а впереди за широким простором вейниковых болот на посветлевшем небе четко вырисовывается темная полоса лесистых сопок.

Зайдя в сапогах в холодную воду, я обмываю голову, шею и руки и, почувствовав себя совсем другим, обновленным, бодро направляюсь через болото к далекому горному лесу. Время от времени я добываю интересную для меня птицу. Усевшись на первую удобную кочку, снимаю с нее шкурку, укладываю ее в заплечный мешок и иду дальше.

Но вот на пути зеленая мочежинка с массой пролетных азиатских бекасов. Со своеобразным криком «чирк-чирк-чирк» они вырываются из-под самых ног, высоко поднимаются в воздух, чтобы пролететь небольшое расстояние и камнем упасть с высоты на соседнее болотце. Несколько выстрелов, и я обеспечен превосходным мясом. С части убитых бекасов я снимаю шкурки для коллекции, других, сильно испорченных дробью, использую только в пищу. Оципав и посолив заплывшее жиром мясо, я насаживаю его на проволоку и укрепляю над маленьким огоньком костра. Пятнадцать минут спустя все готово. Мой завтрак необычно вкусен и питателен.

Поев, я продолжаю свой путь, заранее зная, что до вечера мне попадет еще не одна дичина, обеспечив вкусный и сытный ужин.

— Юрка, ты будешь есть? — поджарив однажды мясо ожиревшего чирка-клоктуна, предложил я кусок мальчугану.

Вот уже несколько дней мальчуган, мечтая стать охотником, безропотно шлепает за мной по болотам, осторожно носит добытых птиц и внимательно следит за каждым моим движением, когда я снимаю с них шкурки.

— Чего не берешь? Хорошее мясо, попробуй.

Но избалованный Юрка брезгливо морщит нос и отказывается от угощения.

— Ах вот как, не хочешь! Не так подано? Ну и не надо, мне больше останется, — усмехаюсь я и с большим аппетитом уплетаю сочный и вкусный кусок дичи.

Юрка жует кусок черного хлеба и пожелтевшее от времени свиное сало.

— Это потому, что тебя дома закармлили, набаловали — вот тебе и кажется все несъедобным. Погоди, побродишь по тайге голодным, тогда оценишь, что такое кусок свежего мяса для охотника.

В скором времени, отведав как-то кусок перепелки, мальчик попросил второй и уничтожил большую краюху поджаренного на костре черного хлеба.

— Ну как, вкусно?

— Вкусно, кивнул головой мальчик.

— Я же тебе говорил, что приготовлю не хуже, чем твоя бабка на сковородке.

С этого времени он уже сам помогал мне готовить пищу, разводил огонь, обрабатывал мясо.

— Дядя Женя, вы не забыли походную кухню? — спрашивал он, когда мы отправлялись на экскурсию.

— С собой, в кармане! — смеясь, отвечал я. — Спрячь-ка получше спички, а то, кажется, дождь скоро будет, — подавал я ему запасную коробку.

Однажды, возвращаясь один из леса, я выстрелил и убил крупного самца косули. Сначала я попытался, донести убитого козла целиком и, вскинув его себе на плечи, зашагал к селению. Однако зверь оказался так велик и тяжел, что я вскоре отказался от своих намерений. Пришлось поступить иначе.

Сняв с козла шкуру и разделав тушу, я захватил с собой только незначительную часть мяса. Остальные куски я тщательно закопал в снег, слежавшийся в глубокой трещине среди небольших скал на гребне сопки. Сверху я положил выстрелянный патрон, из практики зная, что четвероногий хищник не решится близко подойти к месту, откуда исходит запах сгоревшего пороха. Скалы, где я спрятал мясо, было не трудно заметить. Они поросли пышным багульником, верхушки которого в это время были покрыты ярко-розовыми цветами. Те же кустарники предохраняли слежавшийся снег от солнца, и я рассчитывал, что мясо сохранится в свежем состоянии по крайней мере полторы-две недели. Мое предположение оправдалось. Как-то, охотясь с Юрой в тайге, я издали в бинокль заметил знакомые скалы. «Эге, да ведь это моя кладовая!» — сообразил я.

— Юрка, а Юрка, поешь-то нам надо? — обратился я к нему.

— А что есть-то! — развел мальчуган руками. — Ведь у нас нет ничего с собой.

— Ну, это не беда. Собери-ка хворосту да костер разожги, а я сейчас схожу вон к тому болотцу. Наверное, там есть горные дупели или утки.

С этими словами я сбросил заплечный мешок, снял куртку и сумку и, захватив только заряженное ружье, пошел сначала по направлению к болоту, а потом, когда, по моим расчетам, Юрка потерял меня из виду, повернул к знакомым скалам с багульником. Минут через двадцать, забыв даже выстрелить, я возвратился к нашему лагерю. В руке я держал



большой кусок мяса. Мясо поразило мальчишку.

— Дядя Женя, что это, что это вы убили? — раскрыл было рот Юрка.

Но я не хотел открывать ему тайну кладовой и сумел избежать объяснения.

— Что это ты костер до сих пор не развел? — сделав сердитое лицо, спросил я его вместо ответа. — Даже хворосту собрать лень. Наверное, ты думаешь, что на этом месте мы весь день торчать будем? — ворчал я, обмывая в родничке кусок козлиного мяса.

А Юрка уже не расспрашивал меня о добытой дичине. Стараясь загладить свою ошибку, он мигом собрал целую кучу сухого валежника и чиркал спичками. Струйка душистого дыма в неподвижном воздухе да потрескивание огонька дали мне знать, что все готово.

Прошло около недели. Однажды мы с Юркой вновь бродили в горной тайге. Незадолго до наступления вечера выбрались на окраину сопок. Ниже нас широко раскинулась низменность с тонкими болотами и клочками густого осинника. Осмотревшись кругом, я сообразил, что мы находимся примерно в полукилometре от моей кладовой. Только на этот раз мы приблизились к заросшим багульником скалам не с юго-запада, как в прошлый раз, а с востока. Ни слова не сказав о своей догадке мальчугану, я обратился к нему со следующими словами:

— Знаешь, Юрка, я так голоден, что не в состоянии сейчас тащиться через болото. Ведь до дома не менее пяти километров. Давай поедим как следует, передохнем немного, а когда луна поднимется, пойдем той дорогой, что идет от вашей заимки.

Мальчуган согласился.

— Вот только поесть что-нибудь достать надо. Разводи-ка костер, а я схожу на охоту.

И я направился к знакомым скалам, для пущей важности на ходу перезаряжая трехстволку.

Юрка насторожился и, как мне показалось, проводил меня странным взглядом. В его глазах светились не то надежда, не то сомнение, а быть может, просто ирония. И этому нельзя удивляться. Посудите сами — ведь более часа мы шли по тайге, рассчитывая добыть хотя бы рябчика, но так и не сделали ни единого выстрела. Во что стрелять, если, как будто назло, не встречается никакой дичи? А тут — разводи костер, сейчас принесу дичину, готовить будем. «Держи карман шире!» — вероятно, рассуждал про себя проголодавшийся Юрка.

— Что же ты стоишь, зря время теряешь? — крикнул я ему издалека, скрываясь за деревьями.

Вот и моя кладовая. Снег в трещине запылится и осел значительно ниже. Ножом я раскапываю хранилище и извлекаю наружу большой кусок козлятины. Потом несколько раз стреляю из ружья. Ведь мне необходимо выстрелить, чтобы не сразу объяснить Юрке, откуда я беру мясо. Наконец гремит выстрел, и тогда неторопливой походкой я направляюсь к нашему лагерю. Меня встречает Юрка. «Ну где твоя дичь, что убил?» — без слов вопрошают его глаза, вся фигура.

Но язык не повинуется мальчугану, глаза и рот его широко раскрыты, — в моих руках он замечает не убитую птицу, не зверя, а, как и в прошлый раз, большой кусок мяса.

Читатель видит, что мне, наконец, удалось освободиться от всякой зависимости. С ружьем за плечами и с походной кухней я одновременно сумел избавиться и от слишком заботливых, и от скупых хозяек. Разве это не достижение? Когда же я захватывал с собой маленький полог, я имел возможность никуда не спешить и ночевать там, где заставляла меня темнота. Конечно, это большое благо для охотника и натуралиста. Пусть же молодые охотники

используют мой опыт и попробуют пожить среди природы не как в чужой среде, где «ночной порой и дикий зверь, и лютый человек, и леший бродит», а как в родной, привычной обстановке, как дома.

А теперь представьте себе следующую картину. Вечереет. Солнце медленно склоняется к горизонту и тонет где-то за кудрявыми вершинами широколиственной горной тайги. Наступают ранние сумерки. Но спешить некуда. Я развожу костер и готовлю незатейливый ужин. Пока на медленном огоньке, шипя и брызгая, жарятся сочные куски дичи и румянится пропитанный жиром ломоть черного хлеба, я подготавливаю к ночевке. Выбрав удобное место, я выжигаю лесную подстилку, расчищаю площадку, и, установив над ней маленький полог, размещаю пожитки. За делом время идет незаметно.

Сумерки сменяются темнотой, когда я кончаю ужин и, затоптав огонек, забираюсь под крышу палатки. В ней уютно, как дома. Но не хочется спать. С открытыми глазами долго лежу я и вслушиваюсь в ночные звуки.

«Вак-вак-вак-вак», — без конца выкрикивает на окраине тайги большой козодой; рвякая, перекликаются между собой косули — сначала совсем близко, потом за соседними сопками. Мощные голоса разносятся по всему лесу и вдали повторяются эхом. А с обширных болот речной долины поднимается несмолкаемый гомон от кваканья бесчисленных лягушек. Вот где-то в стороне с грохотом падает отжившее свой долгий век дерево. Глухой удар, как тяжелый вздох великана, разносится по спящей тайге. «Оххх...» — еще несколько мгновений дрожит воздух. Потом все стихает. Только в болоте продолжают квакать лягушки да «вак-вак-вак» выкрикивает козодой.

Закрывшись курткой, я начинаю дремать. Мысли, звуки мешаются. Мне кажется, что я смотрю вдаль, а мимо медленно проходят картины уссурийской тайги, какие-то неясные образы. Хорошо засыпать после целого дня ходьбы и движения на свежем воздухе! Вдруг я вздрагиваю и открываю глаза.

Вероятно, неизвестный лесной обитатель случайно забрел слишком близко к моей палатке. Почуввав человека, он шарахнулся в сторону и сломя голову кинулся в чащу. Оттуда доносится тяжелый топот и резкий треск сломанной ветки. Потом шум удаляется, слабеет, и вновь тишина. Только далеко, то несколько усиливаясь, то стихая, квакают в болоте лягушки да кричит азиатская совка. «Ке-вю, ке-вю», — один за другим плывут над сонным лесом мелодичные звуки.

«Почему в безветренную погоду упало старое дерево?» — с этим вопросом я засыпаю.

## СОБАКИ

Некоторые из моих приятелей считают, что я очеловечиваю животных. Например, любя собак, я будто бы допускаю у них сознательное мышление, а в связи с этим и поступки, присущие человеку. Не могу с этим вполне согласиться. И в то же время я утверждаю, что от высокоодаренных животных, и в частности от собак, от различных видов ворон можно ожидать таких поступков, которые на первый взгляд кажутся нам совершенно невероятными. Я уверен, что это проявление большой сообразительности, а не только привычек.

В первую очередь это касается собак. Ведь на них, на спутниках нашей жизни, в течение целых тысячелетий особенно сказывалось влияние человека. На сообразительность собак я обратил внимание уже в детстве.

Как сейчас, помню курьезный случай с моей няней Васильевной. В нашем доме она была своим человеком. Когда мы подросли, Васильевна незаметно и постепенно забрала в свои руки хозяйство. Очень любила няня домашнюю птицу и, когда мы жили на маленькой железнодорожной станции Ахтуба, развела кур и индеек в несметном количестве. Осенью и зимой птиц кормили отрубями, замешивая их теплой водой в продолговатых деревянных корытцах с длинной продольной перекладиной в середине. Эта перекладина мешала птицам забраться с ногами в корыто и была удобна для переноски кормушки.

В одно зимнее утро, поставив полное корытце с отрубями против кухни, Васильевна открыла форточку, выставила через нее половую щетку и стала следить, как кормятся домашние птицы. Когда к корму подлетали вороны, она возможно дальше высовывала щетку наружу и начинала ее крутить. Озадаченные этим, осторожные вороны медленно отлетали в сторону. Вдруг во двор забежала большая дворняга. Она засунула морду в корытце и стала с жадностью глотать отруби. При появлении чужого пса птицы разлетелись.

Энергично выдернув щетку из форточки, Васильевна бросилась с ней в сени, а оттуда во двор. Вот тут-то и произошел замечательный случай, вызвавший среди нас, ребят, бурю восторга и невольные аплодисменты, а у нашей няни негодование.

Только одно мгновение собака не знала что делать. Она униженно, с мольбой, смотрела на старуху и вдруг, видимо сообразив, что кроме побоев от нее ничего не дождешься, зубами схватила корытце за перекладину и, напрягая все силы, быстро исчезла с ним за воротами. Отбежав с корытцем метров на двести от нашего дома, находчивая собака спокойно закончила свой завтрак.

Раздраженная Васильевна еще долго кричала, что она найдет управу на этих разбойников, что у моего отца зря на стене висит ружье и что она попросит какого-то Прохора или Сидора перестрелять всех собак на станции. Но я хорошо знал, что все это одни слова — Васильевна все забудет, как сядет пить чай, и не со зла она кричит, а просто от скуки. И хотя, любя Васильевну, я ничего не сказал ей, но был полностью на стороне голодной собаки.

О проявлениях сообразительности у собак и вообще о случаях с собаками мне и хочется рассказать ребятам. Если же мою книгу будут читать взрослые, то пусть они не подумают, что я страстный, увлекающийся собачник. Пород собак, например, я совсем не знаю и могу не обратить внимания на самого чистокровного медалиста. Но мимо некоторых собак независимо от их породы не могу пройти равнодушно. Болит мое сердце, когда я вижу страдания этого «умного» и совершенно по-особому самоотверженно преданного человеку животного.

Мне исполнилось шестнадцать лет, когда я был свидетелем одной немой сцены, оставившей неизгладимый след в моей памяти. И хотя эта сцена — самое обычное, повседневное явление в нашей жизни, я уж позволю себе рассказать о ней читателям. И рассказать не так, как будто это давно прошло и поблекло от времени, а как будто я вижу эту сцену сейчас и мне не полсотни, а шестнадцать лет.

Было теплое летнее утро. Солнце довольно высоко успело подняться над горизонтом и бросало ласковые лучи на тихий город, на дощатые заборы улиц, блестело в окнах. На освещенном солнцем клочке деревянного тротуара у двухэтажного дома сидел мальчик лет пяти с толстым, уже сильно подросшим щенком.

Опустившись на корточки, он неумелыми ручонками разворачивал бумажный пакетик, доставал из него кусочки хлеба и кормил ими щенка. По розовому личику мальчугана текли крупные слезы.

Вероятно, совсем недавно упитанный и такой симпатичный щенок с ласковыми детскими глазами жил в тепле и холе. И вдруг капризная судьба изменилась. Безжалостная чесотка

или стригущий лишай изуродовали его блестящую низкую шерсть, голая кожа покрылась гнойниками и красными пятнами. И баловень стал никому не нужен, опасен. Его сторонились, отводили глаза при случайном взгляде — он всюду мешал, стал лишним во всем мире. И щенок уже не лез к людям, не ждал от них ласки. И только сейчас; греясь на солнце под чужим забором, по-видимому, в последние дни своей жизни, в ребенке нашел участие.

Вместо того чтобы поступить справедливо и оборвать лишнюю жизнь отверженного, мы часто допускаем малодушие. Занеся животное подальше от дома, мы оставляем его под чужим забором — пусть другие страдают, глядя на бездомного горемыку. И торопясь домой, наверное для того, чтобы быстрым движением и усталостью заглушить сострадание, делаем так много ненужных поворотов в глухие случайные переулки. А может быть, по простоте душевной пытаемся запутать следы? Вдруг по ним нас найдет совесть?

Наверное, эта сцена повлияла на мое отношение к собакам — при всяких обстоятельствах я не мог оставаться к ним равнодушным. Однажды, казалось, у меня не осталось никакого выхода — я должен был застрелить собаку, но я не сделал этого, и все обошлось благополучно. Этим случаем я поделюсь позже, а сейчас расскажу о смешных и трогательных поступках наших друзей. Рассказ начну с собаки, принадлежащей одному из крымских охотников. Звали ее Нелька.

## НЕЛЬКА

С Нелькой и с ее хозяином Алешей Чабаном я познакомился на Южном побережье Крыма.

Это случилось в одно сентябрьское утро, замечательное тем, что пролетные перепела в большом числе остановились на дневку, превратив бедные дичью холмы в богатейшие охотничьи угодья. С рассвета на холмах собрались, вероятно, почти все алуштинские охотники. Если кто-либо из них в это утро вынужден был остаться в городе, он, прислушиваясь к непрерывной стрельбе, безусловно, не был способен ни на какую полезную деятельность.

Около восьми часов стрельба резко сократилась. Охотники спешили домой, чтобы, наскоро переодевшись и проглотив завтрак, успеть на работу. На холмах осталось два-три человека. Однако выстрелы продолжались довольно долго. Но вот сентябрьское солнце поднялось высоко, напоминая, что Крым — не Север, пора, наконец, и собакам, и людям поискать живительной тени.

Я спустился с холма в долину и у гремящего ручейка, под шапкой векового грецкого ореха, столкнулся с Алешей Чабаном и его Нелькой.

Если бы я был знатоком собачьих пород, я сразу бы обратил на Нельку внимание. Но я ничего не смыслю в этом вопросе, и только год спустя совершенно случайно выяснил, что Нелька — самых чистых кровей кофейно-пегий пойнтер. Но тогда это не имело для меня значения. Если бы мне сказали, что она беспородная дворняга, я не изменил бы о ней своего мнения. В моих глазах Нелька была незаменимым помощником серьезного охотника, скромной и сообразительной собакой.

Необходимо сказать, что Алеша Чабан сравнительно недавно пристрастился к охоте, а Нелька в то время уже достигла семилетнего стажа полевой работы. К Алеше она попала не щенком, а уже взрослой, хорошо натасканной и испытанной собакой. Ее хозяин был средним стрелком, но из-под стойки стрелял с выдержкой и редко делал промахи. Нелька обладала изумительным верхним чутьем, прекрасной стойкой и широким поиском. Оба спокойные,

неторопливые, на охоте они удивительно подходили друг к другу. Недостатки сравнительно молодого стрелка скрашивались превосходной работой собаки, и Алеша всегда возвращался с охоты обвешанный дичью. Обычно серьезный охотник своей выдержкой постепенно прививает собаке хорошие полевые качества. Здесь же, по-видимому, было обратное явление: безупречной работой Нелька постепенно воспитала в хозяине выдержанного, спокойного охотника.

— Что ты, Чабан, на голом шифере уселся — вальдшнепа, что ли, высиживаешь? — иногда посмеется над ним приятель.

— Ничего, это вам через кусты продираться приходится, мне ноги бить не надо, у меня Нелька есть, — отшучивался Алеша. И действительно, вскоре из заросшего оврага крадучись появится Нелька. Как-то особенно взглянув на хозяина, она осторожно подводит его к найденному вальдшнепу и делает стойку.

— Пора, Нелька, — спокойно подает сигнал Алеша, удобно встав и приготовившись к выстрелу.

— Ну и спуделяя! — с невозмутимым спокойствием качал иной раз головой Алеша, действительно бессовестно промазав по зайцу. С таким же спокойствием Нелька провожала глазами зверя и, убедившись, что он невредим, вновь приступала к отыскиванию другой дичи. Как-то на охоте Алеша выстрелил в перепела. Он летел над глубокой балкой и после выстрела свалился на дно, в густую дубовую поросль.

— Подождем, а пока закусим, — обратился ко мне Алеша, вытаскивая ломоть белого хлеба и две кисти винограда «чауша».

Мы уселись на шифер и, болтая о всякой всячине, не заметили, как вернулась собака. А она нет-нет да ткнет носом хозяина в спину и опять стоит сзади, так как мы сидим над крутым склоном и подойти спереди к нам неудобно.

— Да что тебе, Нелька? — начал было охотник и вдруг вспомнил. — Ах да, перепел, — взял он изо рта собаки убитую птицу и сунул ее в сумку.

— Как человек, — невольно кивнул я на собаку.

— Умна, что и говорить, — согласился мой спутник.

Но один замечательный случай особенно врезался в память — я его никогда не забуду.

Как-то зашел я к Алеше, чтоб договориться с ним о предстоящей охоте. Я застал его в кухне. Разложив на широком дубовом столе всякие банки, мешочки, мерки, пыжи, он заряжал патроны. Кроме Алеши в квартире никого не было.

— Давай помогу, — подсел я к столу, и мы, распределив между собой работу, вспоминали сроки прошлогоднего прилета вальдшнепа, места высыпок, наши удачные выходы.

Скрипнула наружная дверь.

— Кто там? — окликнул хозяин. Но вместо ответа, громко стуча по деревянному полу когтями, в квартиру проникла Нелька. Обойдя пустые комнаты, она подошла к Алеше, ткнула его в руку носом и уселась рядом.

— Ладно, ладно, иди спать, — погладил он собаку и, повернувшись к ней спиной, вновь занялся делом.

Но Нелька и не подумала уходить от хозяина. Сидя около его стула, она то дремала, свесив

свою голову, то осторожно тыкала его носом и вновь погружалась в дремоту.

Прошло около получаса. Домой возвратилась жена Алеши и также приняла участие в нашей беседе.

— Да что тебе нужно? — вдруг с некоторым раздражением обратился Алеша к собаке. — Тычет и тычет мокрым носом — иди-ка на место.

— Не кипятись, — заступилась за Нельку жена Алеши. — Посмотри-ка лучше — она что-то во рту держит.

— Ну, что у тебя там? — едва смягчив раздраженный тон, обратился к собаке Алеша. И, обрадованная тем, что на нее, наконец, обратили внимание, Нелька сунула в руку Алеши какой-то комочек.

— О... рубль! — с удивлением развернул Алеша смятую, мокрую от собачьих слюней бумажку.

— Ты знаешь, Алеша, ведь это, наверное, мои деньги, — оживилась его жена. — У меня сегодня два рубля ветром унесло, когда я на базар шла. Посмотри-ка, нет ли у нее второго рубля во рту. — Но Нельке, видимо, хотелось спать, и возня с рублем ужасно ей надоела. Не ожидая приказаний, она вытолкнула языком вторую замусоленную бумажку на руку хозяина.

— Вот и второй твой рубль, — протянул Алеша жене вторую кредитку. — Молодец, Нелька, — трудовую копейку беречь умеешь!

А Нелька, скромно выразив свое удовольствие, поспешила в сени и растянулась там на прохладном полу.

## ЦЫГАН

По моим понятиям, Цыган был самой обыкновенной дворняжкой. Впрочем, эту породу собак как будто называют южнорусской овчаркой. Но уж поскольку данный вопрос для меня мало известен, я лучше опишу внешность собаки, предоставив решать самим читателям — дворняжка Цыган или овчарка.

Представьте себе черного кудлатого пса среднего роста, с висячими ушами. Хоть шерсть у него вьется, как у барана, но она неопределенного, не то черного, не то бурого, цвета, без блеска и такая жесткая, как щетина. Посмотришь на невзрачного пса — нет в нем ничего замечательного: кудлата, и только! Одно привлекает внимание — глаза. Сквозь завитки и ключья грубой побуревшей шерсти блестящие выпуклые карие глаза смотрят на вас как будто из глубины самого собачьего сердца. Проходя мимо, вам вдруг захочется сказать собаке несколько ласковых слов, потрепать ее грубую шерсть, и за это кудлатый пес проводит вас теплым благодарным взглядом.

С Цыганом я столкнулся на Дамчинском участке Астраханского заповедника. Он сам избрал себе хозяйку в лице доброй и симпатичной пожилой женщины. Звали ее Марусей. Она готовила обеды для сотрудников и гостей заповедника. Около кухни, в тени мостков, ведущих к столовой, и протекала незатейливая жизнь Цыгана; здесь его можно было найти в течение большей части суток.

— А где же Цыган? — однажды, закончив ужин, спросила приехавшая на практику девушка. В руке она держала тарелку с остатками жареной рыбы.

— Ой, не знаю, где наш Цыган, — разведя руками, ответила с улыбкой Маруся. — Вчера Саша из винтовки стрелял — так после этого Цыгана дня два не увидишь. Отсиживается где-нибудь.

— Почему же это, Маруся? — вмешался я в разговор. Меня заинтересовали слова женщины.

Ужин был кончен; все разошлись из столовой. Сгустились вечерние сумерки. Пользуясь свободной минуткой, Маруся присела у столика и рассказала мне историю жизни своего любимца — кудлатого пса.

У Цыгана не было хозяина; вместе с другими дворнягами он принадлежал Дамчинскому кордону Астраханского заповедника. В общем собакам жилось неплохо. И вдруг случилась беда. В тростники Дамчинского участка из прилегающих степей забежал волк. Однажды в окрестностях кордона он набросился на шедшую по дороге женщину; каким-то чудом ей удалось отбиться от серого хищника. В тот же день волк ворвался в группу жавших тростник рабочих и при этой схватке расстался с жизнью. Убитый зверь оказался бешеным. Несколько дней спустя из Астрахани пришел страшный приговор. На всякий случай, чтобы предупредить распространение опасной болезни, предлагалось уничтожить всех собак заповедника, и собак на Дамчинском кордоне не стало.

Но как же остался Цыган, почему он и сейчас здоровствует?

Чудом каким-то уцелела эта собака. Направленные в пса четыре выстрела не отняли у него жизни. Быть может, только напуганный, но возможно и раненый Цыган исчез из селения. С этого страшного дня его больше никто не видел.

«Погиб, наверное, бедный раненый пес среди тростниковых зарослей», — решили в поселке и вскоре перестали об этом думать. И только впечатлительным детям в непогожие вечера, когда под порывами ветра стонали потемневшие ветлы и шуршал тростник, как-то жутко было выходить из дому. Им казалось, что в глубине тростниковых зарослей, далеко от кордона, жалуюсь на свое одиночество, тоскливо воеет собака.

С тех пор прошло около полугода.

Однажды наблюдатель участка обратил внимание на следы какого-то зверя, удивившие его своими размерами. «Крупнее лисицы, крупнее енотовидной собаки — не волк же это?» — ломал он голову.

Прошло еще несколько дней, и в одну лунную ночь удалось убедиться, что крупный черный зверь — собака, которая посещает кордон, подбирает близ жилых построек рыбки головы и другие отбросы.

Неужели это Цыган?

Но скрип двери и мужской оклик отпугнули Цыгана. На время он перестал посещать поселок.

— Ни в коем случае не трогать собаку, — распорядился директор, узнав об этом случае.

— Цыган, Цыганушка, подойди сюда, ну иди же ко мне, не бойся, — в другую ночь манил отверженного пса ласковый женский голос.

Виляя хвостом и повизгивая, собака осторожно подползла к Марусе и лизнула ей руку. С тех пор пес возвратился в Дамчинский поселок.

С этого времени никто не обижал Цыгана. Он поселился под мостками у столовой, где целыми днями суежилась Маруся. И поняв своим собачьим умом, что ему простили какую-то большую вину, помиловали его, он ласковым, благодарным взглядом провожал каждого

прохожего человека. Пес старался не мешать людям, перестал лаять, чтобы не навлечь на себя новой невзгоды. Но больше всего он боялся ружейных выстрелов, скрываясь на день, на два, когда кто-нибудь стрелял на кордоне.

## ТРИ СПАНИЕЛЯ

Мне хочется познакомить читателя с собакой по кличке Робин. Спаниель Робин принадлежал англичанину. Его хозяин, полковник Джим Корбетт, до страсти увлекался охотой и изучением жизни и поведения крупных хищников. Долгие годы он работал инспектором по истреблению леопардов и тигров-людоедов в северо-восточной Индии. О своих многочисленных приключениях Корбетт написал две прекрасные книги. Описывая в них охоту на леопардов и тигров, он частенько упоминает имя своей собаки. Четвероногому другу полностью посвящен один из его рассказов. Здесь я приведу только немногие выдержки из этой книги. Вот что пишет Корбетт о своей собаке:

«Я никогда не видел его родителей. Человек, у которого он был куплен, говорил мне, что это спаниель, имя его Пинча и отец его был отличной подружейной собакой.

Щенок мне, в сущности, был не нужен. Но случайно при мне одному из моих друзей принесли семь щенков одного помета, притом в очень грязной корзине. Пинча был самым младшим и самым тощим: было совершенно ясно, что он приблизился к пределу в борьбе за свою жизнь. Оставив менее несчастных братьев и сестер, щенок обошел меня кругом, а потом лег и свернулся у моих ног. Когда я поднял его и спрятал — утро было страшно холодным, — щенок выказал мне свою признательность, облизнув мне лицо, а я постарался не дать ему понять, что чувствую его противный запах».

Полковник дал щенку новое имя, он назвал его Робинотом. Жестокое голодание и отсутствие правильного ухода в первые месяцы жизни не прошли для собаки бесследно. В первую очередь это отразилось на ее сердце. Подросшая молодая собака, к большому огорчению ее владельца, оказалась почти непригодной для охоты на дичь. Но для собаки нет ничего более печального, как оставаться дома, когда ее хозяин берет ружье, чтобы несколько часов провести вдали от жилья, среди природы. Полковник стал брать Робина на иную охоту — на крупных кошек. Собака вскоре стала незаменимым помощником Корбетта. Обычно, выйдя ранним утром, они отыскивали следы тигра или леопарда. Пока отпечатки лап были хорошо заметны, впереди шел человек. Когда же зверь углублялся в джунгли и следы становились менее отчетливыми, идущего впереди человека сменяла собака.

Вспоминая о появлении у себя Робина, полковник Джим Корбетт пишет: «Тогда ему было три месяца, и я купил его за пятнадцать рупий. Теперь ему тринадцать лет, и всего золота в Индии не хватит, чтобы купить его у меня».

После того как книга о тиграх-людоедах была переведена на русский язык моим другом профессором Г. П. Дементьевым и попала мне в руки, у меня появился интерес к спаниелям. И вполне понятно, я так часто совершал далекие поездки в вагоне поезда. При этих условиях размер собаки имеет очень большое значение: маленький, хорошо воспитанный спаниель, конечно, не так будет мешать пассажирам-соседям, как например, крупный пойнтер или сеттер. Да и в Москве держать большую охотничью собаку очень трудно. Выезжая за город, охотник очень часто вынужден оставлять своего верного помощника дома: ведь почти все виды городского транспорта закрыты для наших четвероногих товарищей. В метро с собакой нельзя, в автобус нельзя, в травмайт тоже нельзя. Остаются только две возможности: или нанимать такси, или шагать пешком до вокзала. К сожалению, такси не очень дешевое удовольствие, а идти пешком иной раз и не под силу, особенно пожилому охотнику. Вот



охотник часто и оставляет собаку дома. И сколько же из-за этого бывает неприятностей и семейных сцен! Оставленный дома пес не дает никому покоя. А тем временем охотник лазает по болоту на четвереньках, пытаясь отыскать застреленного бекаса.

Жалко такого охотника, несчастлив он и его семья, обездолена его собака.

Маленький спаниель в этом отношении имеет явные преимущества: его можно без труда запихнуть в заплечный мешок и, так сказать, контрабандой провезти там, где невозможно провезти крупного сеттера. Кроме того, многие спаниели, безусловно, обладают высокими полевыми качествами. Они не боятся даже ледяной воды, превосходно плавают и прямо в руки подают убитую дичь. Взвесив все это, я и решил завести спаниеля.

Собак этой породы в то время появилось уже немало. Вскоре мне представился случай осуществить свое желание: в моей квартире появился беспокойный, но бесконечно симпатичный толстый щенок-спаниель.

Только не повезло мне с моей затеей. Не успела собачонка подрасти, как шофер-лихач переехал маленького щенка. В квартире после этого воцарилась какая-то особенная, гнетущая тишина.

Прошел год или немного больше. И вот однажды я получил в подарок второго щенка-спаниеля; ему исполнился месяц. Комочек, покрытый черной с белыми отметинами блестящей и шелковистой шерстью, я назвал Чокком.

— Но почему Чок? Что это значит? Какое странное имя! — задавали мне вопрос знакомые.

— Уж очень звучит хорошо! — отвечал я, — Представьте я крикну: «Чок!» Да ведь этот отрывистый звук, почти как неожиданный звук выстрела, дойдет до сознания самой горячей собаки во время ее работы. Разве не так? «Чок!» Право же хорошо. А что значит «чок» — это неважно. Мы, охотники, называем чокком резкое сужение ружейного канала ствола при выходе; оно несколько повышает кучность боя.

Представьте себе, что, дав это имя собаке, я попал в точку. Мой щенок от рождения оказался почти глухим и воспринимал только резкие звуки. Однако надо сказать, что выбрал я имя щенку еще и по другой причине. Я назвал его так и в память замечательного спаниеля; он принадлежал одному из моих знакомых, ныне умершему, Владимиру Николаевичу Шустову.

Его Чок был блестящим представителем этой породы. Крупный, выносливый и на редкость смысленый пес отличался безупречной полевой работой. Однажды в Казахстане, на Сырдарье, мы с Шустовым отправились в тугаи за фазанами. Незадолго перед этим Владимир Николаевич вывихнул себе ногу. Нога опухла, болела, и он не мог охотиться обычным способом. Владимир Николаевич достал смирную лошадь и, держа ружье наготове, верхом скакал по тугайным зарослям. Его Чок с большим мастерством отыскивал в чаще кустарников и выгонял фазанов, а после выстрела превосходно подавал убитую птицу хозяину.

Когда фазан попадал в зубы собаке, она делала большой прыжок, вскакивала на спину лошади. Шустов помогал Чоку взобраться на холку, брал убитую птицу и, ласково похлопав пса, позволял ему соскочить на противоположную сторону, чтобы продолжать поиски.

Великолепная работа собаки и отличная стрельба Шустова доставили мне огромное удовольствие. Меня поражала четкая согласованность действий человека и его четвероногого помощника. Никакой суеты, ни одной напрасно потерянной минуты, Я готов был часами наблюдать за охотой. Несколько позднее один замечательный поступок этой собаки окончательно покорило мое сердце. Чоку Шустова запрещалось кусаться. Собака твердо уяснила это строгое правило и старалась избегать инцидентов. Но при

несправедливой обиде иной раз трудно бывает сдержаться и хорошо воспитанному животному.

Однажды какой-то парень, не заметив присутствия моего и хозяина собаки, запустил в Чока тяжелым камнем. К счастью, он пролетел мимо. Однако этот камень переполнил чашу терпения собаки. С рычанием Чок кинулся вперед, чтобы наказать обидчика. Но вспышка гнева продолжалась недолго. Уже в следующее мгновение, видимо сообразив, что он нарушает закон, Чок остановился.

Своими движениями и голосом он старался показать, что продолжает преследовать обидевшего его человека. Из-под его ног летела пыль, из горла вырывалось свирепое рычание, но сам пес оставался на том же месте. Глаза убегающего парня выражали страх. Он был уверен, что расправа близка, что вот-вот сейчас собака настигнет его, вцепится в ногу. Другие глаза, глаза собаки, выражали совсем иное — веселье.

Они в буквальном смысле смеялись! «Вот, мол, я по заслугам напугал парня, но не нарушил никаких правил», — весело глянули они в лицо своего хозяина.

Чока Шустова давно не существует на белом свете, но я частенько с улыбкой вспоминаю собаку и чту ее память. В честь ее я назвал подаренного мне щенка-спаниеля Чоком.

Однако, к большому своему огорчению, вскоре я убедился, что маленький Чок по своим качествам не походил на Чока Шустова. У него было много недостатков, но, несмотря на это, я люблю Чока. Для другого охотника, я в этом уверен, он был бы настоящим несчастьем. А я привык к собаке, приновился к ее странностям, и мы без ссор превосходно проводим с ним те дни, когда нам удается вырваться на охоту. Впрочем, каждый кулик хвалит свое болото. Лучше я расскажу о некоторых поступках Чока и предоставлю самим читателям судить о моем четвероногом помощнике.

Когда Чоку исполнилось всего пять месяцев, я взял его с собой на Рыбинское водохранилище. Там я рассчитывал познакомить молодую собаку с водяной, болотной и боровой дичью. И действительно, Чок здесь прошел хорошую школу.

К открытию осенней охоты мы с одним из моих юных приятелей, студентом биофака, сошли с поезда на маленькой станции городка Весьегонска и направились к пристани. До места, где мы предполагали остановиться, нужно было проплыть пароходом 24 километра. Но поезд пришел в Весьегонск с опозданием, и это нарушило все наши планы. Пароход отчалил раньше, чем мы успели добраться до пристани. Нам пришлось сидеть в Весьегонске целые сутки. Покорившись судьбе, мы решили ждать следующего парохода. Но что делать, чем можно заняться в незнакомом крошечном городишке? Сдав вещи в камеру хранения и не зная, как убить время, мы отправились бродить по улицам.

— Смотрите, смотрите, какая собака! Уши-то больше морды, — на одной из улиц встретила нас удивленная компания подростков.

— Слышал? — обратился я к своему спутнику Лёне. — Уши больше морды — это характеризует породу. У Чока нет родословной, но он самой чистой крови, спаниель первой породы.

Я гордился своей молодой собакой.

К несчастью, следующая улица встретила нас неприятностью. Из-под ворот неожиданно появилась кошка. Шипя и фыркая, она набросилась на собачонку. Улица наполнилась щенячьими воплями и злобным кошачьим мяуканьем. Наскоро закрыв Чока своей курткой и отражая нападение взъерошенной кошки, мы с большим трудом отбили неожиданную атаку. Но когда, казалось бы, уличный конфликт был ликвидирован, вдруг появилась толстая тетка,

хозяйка кошки.

— Что вы тут с собакой шляетесь! У моей кошки маленькие котята, моя кошка собак не выносит! — кричала она на весь квартал.

Мы поспешили убраться как можно подальше от вздорной тетки и от ее кошки. К счастью, Вельегонск — крохотный городок. Стараясь избежать дальнейших неожиданных неприятностей, мы вскоре оказались за его пределами. Мелкий соснячок, высокие кочки, поросшие брусникой, безмятежная тишина и легкий ветерок отогнали куда-то в сторону только что пережитое и восстановили наше душевное равновесие.

Окрестности деревеньки представляли собой обычный ландшафт нашего Севера. На много километров протянулись топкие моховые болота. Они поросли светлыми угнетенными сосняками, морошкой да клюквой. Еще шире раскинулись затопленные лесные пространства. Куда ни глянешь — вода и вода. А над ней погибшие сосны и ели. Только местами поднимались сухие высокие гривы, поросшие живым хвойным лесом. Но зато сколько здесь обитало водяной, болотной и лесной дичи! В чащах по краям мохового болота из-под самых ног идущего человека с шумом поднимались тяжелые глухари, то и дело попадались следы пребывания медведя и лося.

Все это имело большое значение при полевой натаске молодой собаки. И надо сказать, что Чок проявил недюжинные способности. Он научился быстро находить бекасов и уток, хорошо подавал дичь, упавшую в воду, и, несмотря на возраст, отличался настойчивым поиском. Одним словом, я радовался удаче и даже гордился работой своей новой собаки. Да и как не гордиться!

С особенным азартом Чок шел за утками. Он без понукания проникал в труднодоступный затопленный лес, заставляя подниматься на крыльях молодых крякв и чирков, или ловил и подавал мне еще не умеющих летать утят-хлопунцов. Эти глупые хлопунцы доставляли мне много неприятностей. Ведь я, по охотничьему закону, не имел права использовать молодую, неполноценную нелетную дичь. Обычно такому пойманному утенку я надевал на ногу алюминиевое кольцо с порядковым номером и незаметно для собаки выпускал на свободу. Однако каждый раз при этом я сильно нервничал, боясь, что Чок обнаружит выпущенного утенка и вновь займется ловлей уже окольцованной птицы. Не могу умолчать об одном смешном и в то же время крайне неприятном случае.

Теплая и ясная погода неожиданно изменилась. Незадолго до вечера напозли тяжелые серые тучи, стало неприветливо, холодно. Когда я проснулся утром на другой день, шел по-осеннему холодный затяжной дождь. С вечера я собрался пойти на одно из озер, но разве можно охотиться в такую погоду!

Покорившись необходимости переждать ненастье, я от нечего делать занялся патронами: обжал их, четко написал номера дроби. За этим делом прошло все утро. Потом внимательно осмотрел ружье. Из-за непрерывной охоты в течение последней недели оно выглядело неказисто. Час спустя с помощью масла и тряпок ружье было приведено в образцовый порядок. Когда все дела были закончены, я сел обедать. Уныло поглядывая на мокрые оконные стекла, я без аппетита закончил свою трапезу и вышел на воздух. Дождь продолжался. Земля разбухла от избытка влаги, тяжелые капли непрерывно падали в лужи с деревьев и крыши. У крыльца понуро сидели мокрые куры.

«Неужели сидеть целый день дома, как сидят эти птицы!» — лопнуло, наконец, мое терпение. Я быстро собрался, надел ватную телогрейку, позвал Чока и, выйдя из дому, направился к знакомому озеру.

По пути, в заросшем ивняком заливе, Чок нашел утиный выводок. Я слышал, как тревожно крякала старая утка, как время от времени в воздух с шумом взлетали большие птицы. Но

ивняк на берегу залива был так густ и высок, что издали ничего не было видно. Лишь по кряканию и шумным взлетам мне стало ясно, что утиный выводок поспешно перемещается к зарослям противоположного берега.

— Чок, Чок, иди сюда! Назад, Чок! — кричал я, сколько хватало силы.

Но горячая да притом еще глухая собака не обращала на мои оклики никакого внимания и уплывала все дальше и дальше за утками. Долго ждал я, стоя на берегу под дождем, пока закончится эта погоня. Тем временем, не утихая, лил дождь, по небу бежали унылые серые тучи. Прошло более часа, ждать больше не было сил.

Но вот, наконец, появился Чок. С его боков стекала вода, во рту он держал большую живую утку. Вместо того чтобы подать ее в руки, он положил птицу на траву и стал отряхивать намокшую шерсть. Утка рванулась вперед, поднялась в воздух и, с трудом пробившись сквозь заросли ивняка, улетела к противоположному берегу.

Пораженная происшедшим, собака кинулась следом. С высокого берега она шлепнулась в воду и с воплями стала пробиваться сквозь прибрежные заросли. Опять более часа простоял я на берегу залива. То кричал — звал собаку, то ругался, то вслушивался, как упорный Чок «шуровал» во всех направлениях непролазные ивняки.

А дождь продолжался. Он лил теперь как из ведра. Моя ватная телогрейка промокла насквозь. Струйка холодной воды бежала по телу. Этим и закончилась наша с Чокком охота в тот ненастный и неудачный день.

Окончился отпуск. Утомленные непрерывной охотой, мы с Чокком возвратились в Москву.

С момента нашей охоты на Рыбинском водохранилище проходило все больше и больше времени. Из щенка Чок давно стал взрослой собакой. Но вот странность, вот досада! — с возрастом он не становился более понятлив, не приобретал новых полезных навыков, его развитие как бы остановилось. Он продолжал аккуратно подавать уток, не мял их, не душил живых. Но все мои старания приучить собаку так же аккуратно подавать прочую дичь не увенчались успехом. Да и вообще в отношении к большинству птиц, встреченных им в лесу или в поле, он держал себя не как воспитанная собака, а как настоящий разбойник. После выстрела с разгону Чок хватал упавшую птицу, мял ее, вырывал перья. Достаточно сказать, что ни один петух-тетерев при охоте с Чокком не попадал мне в руки в своем великолепном наряде — во время подачи собака неизменно выдирала целиком хвост и значительную часть перьев спины. Поэтому Чока я мог использовать только во время настоящей охоты, то есть за дичью, и не брал его с собой в научные экспедиции — ведь там я стрелял птиц для коллекции, дорожил каждым попавшимся экземпляром, стараясь сохранить в порядке каждое перышко.

Чок оказался невыносим и во многих других отношениях. Его, например, нельзя побаловать, как другую собаку. Побалуешь его излюбленным лакомством, а после этого он объявит вам настоящую голодовку: неделями не прикасается к превосходному супу, иной раз по несколько дней не берет ничего в рот.

Особенно длительны и упорны такие голодовки Чока после семейных праздников. «Только колбасы — и ничего больше, лучше голодная смерть!» — ярко, без слов выражает унылая морда и вся фигура несчастной собаки. Но зато разборчивый Чок хорошо уяснил себе, что запретный плод бывает особенно сладок. При всяком удобном случае он шарит в отбросах двора и в помойных ведрах, стоящих в кухне. И то, что Чок считал несъедобным дома, с жадностью и спешкой съедается во дворе и в кухне. В связи с этим Чок частенько травился.

С куском приманки на грызунов он проглатывал крысиный яд и жестоко мучился. Но страдания рано или поздно благополучно кончались и, как ни странно, не служили полезным

уроком. Уловив удобную минуту, Чок опять глотал яичную скорлупу или голову от селетки — словом, все, что удавалось найти на нашем дворе близ урн с отбросами.

Однажды ночью меня разбудили: Чок опять отравился. Я вскочил с постели и быстро оделся. В трагической позе собака лежала на полу с приоткрытым ртом и испуганными выпученными глазами.

— Чоконька, наелся опять, дурак! — кинулся я к собаке. «Аи, яй, ай-яй, ай-яй», — ответил он, видимо, не в состоянии подняться на ноги.

«Наверное, сдыхает», — мелькнула у меня догадка. «Как помочь? Ведь ночь сейчас, молока дома нет, и его нигде не достанешь».

Не зная, что делать, чем помочь собаке, я осторожно поднял ее и попытался поставить на ноги. Руки мои дрожали. Но несчастный Чок завизжал и беспомощно упал на бок. В самом сердце отдался этот болезненный вопль: не могу я выносить воплей животного. Все замерли в тягостном ожидании, молча и напряженно ждали развязки. На меня же вдруг нахлынула вспышка неудержимого гнева.

— Невежа! От тебя и ночью никому нет покоя! — прошипел я и дал отменного тумака собаке.

Окружающие были поражены моим жестоким поступком. Разве можно бить больное, умирающее животное! Но к общему удивлению герой трагедии даже не взвизгнул. Он поднялся, наконец, с пола, встал на все четыре ноги и, отряхнувшись, замахал обрубок хвоста. Глядя на него, всем стало ясно, что он ничуть не обижен, а, напротив, бесконечно рад наступившей развязке. В тот памятный день он вовсе не был отравлен крысиным ядом. Почесывая себе заднюю лапой ухо, Чок просто зацепил ногтем курчавую длинную шерсть. Чтобы выйти из затруднительного положения, достаточно было рвануть задней ногой. На это у него не хватило мужества.

Как видите, я чистосердечно признался в больших недостатках, даже пороках своей собаки. Но Чок вырос в нашей семье, прожил около десяти лет, и я не в состоянии заменить его другим, более подходящим для меня помощником. Хорошо или плохо, но мы продолжаем жить вместе, часто охотимся в подмосковных лесах и болотах и вполне приноровились друг к другу. За последние годы я замечаю, что Чок стал особенно хорошо выгонять пролетных вальдшнепов из густой чащи. Почти всегда птица взлетает из-под собаки в моем направлении, поэтому я редко делаю промахи. Редко уходит от меня и тетерев, поднятый Чок. Правда, иногда мы ссоримся из-за глупого упрямства собаки, но значительно чаще я бываю доволен работой своего помощника.

Года два тому назад я поехал на охоту с одним из своих знакомых.

— Степан Николаевич, почему ваша Норка так работает? Вы ищете убитую птицу, а она сидит, изображая из себя постороннего зрителя. Разве это годится?

— Слишком много вы захотели, Евгений Павлович. Ведь Норка прошла первоклассную английскую дрессировку. Ее обязанность сделать стойку, другое ее не касается.

— Все это правильно, я сам с этим согласен, но в наших условиях, право же, неудобно. Охота была лазать на четвереньках отыскивать курочку, когда у меня есть собака!

— Но и ваш замечательный Чок только из воды подает дичь, — кольнул меня собеседник.

— Ну, положим, это неверно. Правда, Чок не получил такого блестящего английского воспитания, как ваша Норка, но уж что другое, а подать он умеет.

— Да, из воды!

— Нет, не только из воды, но и с сухого места.

Не знаю, чем бы кончился наш спор — он стал приобретать несколько неприятный характер. Но, к моему счастью, неожиданный случай разрешил все быстро и справедливо.

В это время мы вышли на широкую лесную поляну. По краям ее сплошной стеной стоял смешанный, по-осеннему желтеющий лес; часть поляны заросла можжевельником. С края поляны из мелколесья, с хлопаньем взлетел вальдшнеп. Я выстрелил, и вальдшнеп свалился. Чок бросился вперед, схватил убитую птицу, но, вместо того чтобы подать ее в руки, стал бегать с ней во всех направлениях, как бы продолжая поиски. А мы, не понимая, в чем дело, стояли на открытом месте и ждали, что будет дальше. Наконец, я не выдержал.

— Чок, да что с тобой? — крикнул я на собаку.

На мгновение Чок замер на месте. Затем кинулся навстречу мне, сунул вальдшнепа в самые руки и вновь принялся обшаривать можжевельник. Пока мы пытались объяснить себе поведение собаки, она подняла петуха-тетерева.

После этого я не возобновлял нашего спора, молчал и мой спутник.

И другой случай с Чокком навсегда живо сохранится в моей памяти.

Как-то в холодное октябрьское утро, направляясь на тетеревиную охоту, я по пути заглянул на лесное болото. В начале осени на нем держалось много бекасов. Однако в связи с ранним похолоданием они, вероятно, отлетели к югу. Во всяком случае, обойдя лучшие мочажины, я сумел поднять только одного бекаса. После моего выстрела он свалился за глубокую канаву, и я, будучи уверен, что его отыщет и принесет моя собака, не пошел за птицей. Так и случилось. Чок переплыл канаву, сунулся в осоку, куда свалился бекас, и решительно повернул ко мне, держа что-то во рту.

— Ну, давай сюда, Чоконька! — встретил я пса ласковыми словами.

Чок, как и всегда при подаче, оперся лапами на мое колено и сунул мне в руку добычу. Но что-то странное, непонятное произошло в ту же секунду: в своей руке я ощутил непривычное холодное, тело. Это оказался убитый бекас, но бекас был совершенно холодным. И пока я старался уяснить себе, что же произошло и почему это случилось, Чок сунул мне в руку второго бекаса: эта птица была еще теплой. Только теперь я понял, что убитый мной бекас свалился в то место, где в прошлый вечер какой-то неиз- вестный охотник застрелил другого бекаса, но в густых зарослях так и не сумел отыскать своей добычи.

## ТУЗАРКА

Тузар, или лучше, Тузарка, — так зовут молодую лайку, сравнительно недавно привезенную в Москву с нашего европейского Севера. Не правда ли, странная, несколько непривычная кличка? Когда я впервые увидел Тузара, он не произвел на меня особого впечатления. Веселая морда, добрые живые глаза, но ведь это типично и для дворняг нашего Севера. Правда, калачиком хвост, маленькие торчащие уши, пушистая бурая шерсть с огненной подпушью. Во всем этом есть что-то лаечье, но только это не настоящая лайка.

— Держать совершенно негде: одна комната. Если есть возможность, устройте в хорошие руки, — попросил меня хозяин.

По его словам, Тузар — превосходная рабочая лайка. Ему чуть больше года, но с его

помощью успели добыть несколько лесных куниц, двух рысей и много белок. Хорошо ходит Тузар также на лося.

Временно я устроил Тузара под Москвой у знакомых, куда частенько, при всяком удобном случае, приезжал на охоту. Мне хотелось самому проверить, как работает эта собака. Провести испытание оказалось нетрудно.

Уже с первых минут пребывания в лесу мне стало ясно, что Тузар настоящая зверовая лайка. Приблизившись к хвойному лесу, я спустил его с поводка. Две минуты спустя он уже нашел и облаивал белку. «Там она, там она, там она!»— показывал Тузарка глазами, всей мордой на верхушку ели. Более двадцати белок видел я и мог застрелить за эту дневную охоту. Обладая превосходным чутьем, слухом и зрением, Тузарка быстро находил дерево и, лая, показывал место, где среди густой хвои затаился грызун. Только не по душе мне такая охота, не люблю я стрелять беззащитного веселого зверька нашего хвойного леса. Но как быть? Ведь, не стреляя, легко испортить хорошую собаку-бельчатницу. — Хватит, Тузарка! Пяток белок есть и довольно, лучше пойдем птиц поищем, — пытался я отозвать своего азартного четвероногого спутника.

И когда, отзывая Тузарку, я отходил в сторону, он хватал меня за куртку или штаны и, повизгивая, тащил к дереву. Как видит читатель, мои и Тузаркины интересы не вполне совпадали. Даже при настоящей охоте меня больше интересовала пернатая дичь, а Тузарка оказался настоящей зверовой лайкой. Впрочем, в этом я убедился еще осенью. Однажды в октябрьский денек я взял на охоту обеих собак, Тузарку и Чока. В этот ясный безветренный день в лесу не было тихо. С деревьев то и дело срывались широкие желтые листья. Они повисали в неподвижном воздухе, раскачивались из стороны в сторону и, касаясь о ветви и стволы деревьев, с шорохом опускались на землю. Минут десять неподвижно простоял я на опушке. Лес был беспокоен. И сообразив, наконец, что здесь не усидят пролетные вальдшнепы, что сегодня здесь нечего делать охотнику, я направился к речке.

Стояла осенняя тишина. Студеная речка прихотливо извивалась среди голого ольхового мелколесья. По-осеннему тенькала большая синица, да в стороне возбужденно кричали дрозды-рябинники.

Попав из настоящего высокоствольного леса на речку, собаки вели себя совершенно различно.

В надежде на вальдшнепа Чок суетливо бегал во всех направлениях, обнюхивал почву, обыскивал заросли.

Ну, а Тузар? Тузарке здесь нечем было заняться. Он лениво брел по моим следам, останавливался, как бы ожидая, когда же, наконец, я кончу топтать оголенный ольшаник, и с явным нетерпением поглядывал на ближайший лес.

Но поиски вальдшнепа продолжались; мы уходили все дальше и дальше от леса.

Молодой собаке, видимо, стало скучно. «Не поиграть ли с Чо-ком?» Он сделал большой прыжок, ударил собаку передними лапами и, будучи уверен, что его вызов примут благосклонно, отскочил в сторону. Однако Чок реагировал на это иначе. На его морде появилось злое выражение, шерсть на загривке поднялась дыбом. Одно мгновение он с ненавистью глядел на Тузарку. Потом вспышка гнева ослабла, прошла, и собака вновь занялась поиском. Вертя обрубок хвоста, черно-пегий лопухий Чок опять замелькал среди зарослей. А я с интересом наблюдал, что будет дальше.

Тузарка не унимался. Улучив удобную минуту, он сделал новый прыжок и на этот раз свалил Чока на землю. В следующее мгновение Чок уже был на ногах. Взбешенный, с оскаленной мордой, он кинулся на обидчика. «Ляск-ляск», — дважды сомкнулись его челюсти в воздухе.

Но не коротконогую спаниелю пытаться поймать шустрю подвижную лайку.

Острый момент прошел. Чок вновь занялся прерванным делом, а Тузарка стоял в стороне и с удивлением наблюдал за своим вздорным товарищем. «Чего злитесь, не хочет играть?» Его хвост был опущен, вся фигура выражала обиду. Потом внешность Тузарки мгновенно переменялась. «Шут с тобой!» — заложил он калачиком хвост на спину и с независимым видом весело отправился на лужайку. Минуту спустя, в ожидании нашего возвращения, он чем-то занялся. Обнюхивал, потом энергично рыл землю передними лапами, затем, наклонив голову набок, чутко вслушивался в какие-то подземные звуки, делал прыжок в сторону и опять копал землю.

«Как лисица мышкует», — подумал я, глядя издали.

Когда мы возвращались обратно, Тузарка играл мертвым кротом, подбрасывая его в воздух.

Прошло немного времени с момента нашего знакомства, и я убедился, что Тузарку легко перевоспитать, как мне захочется. Живя на Севере, он хорошо работал по лосю. Но охота на лосей запрещена в средних частях европейского Севера, и эти рабочие качества в наших условиях уже расцениваются не как достоинство, а как серьезный недостаток рабочей собаки. В тех местах, где я проводил воскресные дни, лосей было много, и они частенько причиняли мне неприятности. Привяжется пес к лосю и без толку гоняет его по всему лесу или, облаивая, подолгу крутит зверя и держит на одном месте. Иной раз и приходится бежать на лай, гоняться по следу, чтобы как-нибудь перехватить и отозвать собаку. Нелегкое это дело...

Как-то я прикрикнул на собаку, тихо подойдя к лосихе с крупным Лосенком; их с азартом облаивал неугомонный Тузарка. Не торопясь, я закинул ружье за плечи, стараясь подчеркнуть этим жестом, что лось вовсе не дичь в Подмосковье. Заслышав человеческий голос, лоси тронулись с места. Широкой рысью, ломая сухие ветви, они побежали от меня по густой чаще. Тузарка же остался на месте. С удивлением он посмотрел на меня, перевел взгляд в том направлении, куда скрылись горбатые длинноногие великаны, не зная, что предпринять, а затем весело поскакал в сторону. Прошло минут пять, и громкий Тузаркин лай оповестил меня, что он нашел белку.

Вскоре я убедился, что Тузарка идет также по лесной птице и умеет<sup>^</sup>задержать даже осторожного рябчика.

Надо отметить, что из населяющих наши леса куриных особенно боится собаки рябчик. Вспугнутый человеком, он охотно садится на старые и густые ели, но, завидя собаку, спешит улететь возможно дальше от беспокойного места. И не случайно сложилось мнение, что даже хорошая лайка не в состоянии посадить на дерево и удержать на месте чуткого и осторожного рябчика. Только при крайне аккуратной работе собаки испуганная птица продолжает сидеть на ветви.

Однажды во время осенней охоты в лесу мимо меня с характерным шумом пролетел рябчик и скрылся в густом, темном ельнике. Следом за ним, перескакивая через валежник, сломя голову пронесся Тузарка. Погоня затихла вдали, и в лесу воцарилась полная тишина. Не крикнет птичка, не скрипнет дерево. Потом с той стороны, куда улетел рябчик, я услышал лай собаки. Тузарка лаял совсем по-особому, не так, как обычно лаял, остановив лося или найдя белку.

Боясь наступить на сухой валежник, я стал осторожно подходить к месту, где лаяла собака, и вскоре одновременно увидел собаку и птицу.

Вытянув шею и подняв хохолок, рябчик неподвижно сидел невысоко на широкой горизонтальной ветви густой старой ели. Тузарка стоял в стороне и сравнительно редко



подавал голос. Так прошла минута, другая... Потом, видимо, пытаясь улететь в более спокойное место, рябчик медленно пошел по ветви к ее концу.

Заметив это, Тузарка, пятась назад, отошел возможно дальше от дерева и, лая издали, как бы преградил этим перемещение птицы. Рябчик остановился, повернул назад и затаился в густой хвое. Я без труда мог застрелить птицу, но воздержался. Вместо того чтобы выстрелить, я шумно вышел на открытое место. Рябчик сорвался с ветки и полетел сквозь лесную чащу, а Тузарка с визгом и лаем шарахнулся вслед за летящей птицей. Прошло минут десять, когда я вновь услышал отдаленный осторожный собачий лай. Конечно, это вторично отыскал и держал рябчика Тузарка. К сожалению, попав под Москву, Тузар первое время оказался почти бездомной собакой. Он жил во дворе одного деревенского домика и шел за каждым, кто брал его на охоту. Вскоре это отрицательно сказалось на работе собаки.

Однажды после моего выстрела Тузарка схватил, но долгое время не хотел отдать мне убитую белку.

— Дай сюда, говорят тебе! Положи сейчас же! — приказывал я собаке.

Но Тузарка не желал подчиняться, отбегал в сторону и, играя, подбрасывал белку в воздух.

— Смотрите, испортите вы собаку. Я излупил бы его как следует, — посоветовал бывший со мной охотник.

«Действительно, заслуживает хорошей лупцовки», — подумал я, пытаясь поймать собаку. И когда она попала мне в руки, я наскоро сломал сосновую ветку, размахнулся ею сколько хватило силы, но, представьте себе, не решился ударить испуганную собаку: ведь я хорошо знаю, что лайки тяжело переносят побои.

Прошла неделя. Я вновь посетил знакомую деревеньку и ранним воскресным утром отправился на охоту за белками. На этот раз, чтобы приучить Тузарку отдавать добычу, я захватил с собой длинный сыромятный ремень. «Возьму на привязь, когда найдет и станет облаивать белку, а потом буду стрелять», — решил я.

Не совсем обычное выдалось это воскресное утро. Тяжелый снег — кухта, как его называют в Сибири, — толстым слоем покрыл ветви деревьев. Словно зачарованный, как в сказке, молчаливо стоял лес в зимнем наряде.

При лае собаки первая белка не усидела на месте и, делая большие прыжки, бросилась наутек по вершинам густого ельника. Позади осыпался снег, образуя снеговую завесу. Я, конечно, забыл о взятом сыромятном ремне и выстрелил в быстро уходящего грызуна. Негромко в морозном воздухе прозвучал выстрел; в тот же момент Тузарка оказался под деревом. Он на лету поймал падающую белку и тут же, положив ее на снег, перевел пытливый взгляд на меня. «Так можно?» — казалось, спрашивали его живые глаза. И, признаюсь, я был поражен его поступком. Ведь я наказал его только один раз, да и как наказал! Причем это случилось целую неделю назад.

— Тузарочка, умница ты мой, — ласково говорил я собаке, торопясь извлечь из сумки кусок колбасы.

Проверив работу собаки, я устроил ее, наконец, в хорошие, надежные руки. Там Тузарка живет и сейчас, а иногда ходит и со мной на охоту.

— Зайдем посмотрим, как поживает Тузарка, — однажды предложил я своей жене.

Вот и высокий дощатый забор среди леса. Неподвижно стоят большие березы и старые заиндевевшие ели, в глубине двора издали виднеется крыша дачного домика, лает собака. В

морозном воздухе скрипит калитка, и обрадованный Тузарка бросается нам навстречу. Он привык, что мое появление здесь всегда связано с выходом на охоту. Но сегодня я без ружья, да и поздно. За зубчатой стеной темного ельника скрывается багровое солнце, к вечеру крепчает мороз. Я треплю Тузарку, глажу его пушистую голову, а он вертится как волчок, старается лизнуть мне лицо.

— Ну довольно, на охоту пойдем в другой раз. Оставайся дома, — внушительно говорю я на прощание собаке.

Тузарке не хочется сидеть дома, но послушный пес все же подчиняется, исполняя мое приказание.

К станции мы идем узкой дорожкой лесной просеки. По сторонам запорошенные старые ели, под ногами звонко скрипит снег.

— Интересно, неужели усидит дома? — спрашиваю я жену. — Наверное, прибежит посмотреть, куда мы отправились, — вдруг на охоту!

Но на просеке никого. «Значит, решил остаться», — успокаиваю я себя и еще раз гляжу назад на дорогу и вдруг замечаю Тузарку: полным ходом он бежит вслед за нами.

— Ты куда? Это еще что такое! — кричу я собаке.

Шагах в тридцати Тузарка останавливается на дороге, пытливо смотрит в глаза, вслушивается в интонацию моего голоса — ведь я стараюсь придать ему строгость. Прыжок в сторону, потом несколько прыжков по глубокому снегу, и Тузарка, обойдя меня, прячется за мою жену. Здесь он надеется найти защиту. А она гладит Тузарку и говорит самым обычным спокойным и тихим голосом:

— Иди-ка домой, Тузарка, нельзя с нами гулять. Ну, беги скорей!

И Тузарка неожиданно срывается с места и, положив на спину пушистый хвост, весело бежит дорожкой мимо меня до конца просеки и скрывается за ее поворотом к дому.

## РЫЖИЙ ДЖЕК

С Джеком я познакомился в 1955 году на Дальнем Востоке. В эту весну мне не сиделось на одном месте. Большую часть мая я провел в низовьях реки Большой Уссурки, потом посетил Комсомольск-на-Амуре, а оттуда проехал железной дорогой к Советской Гавани и около двух недель прожил в Усть-Гуре.

В селении Усть-Гур, в домике местного охотника, где я временно поселился, мне и привелось встретиться с Джеком.

— Это нас Жека, — заявил мне сынишка хозяина, двухлетний Коля. — С папой он ходит зимой на охоту и не боится медведя.

— Нет, это мой Джек! — стараясь улыбнуться, запротестовал вал я.

— Неправда, Жека наш! — пришла на помощь Коле его старшая сестренка Любочка. — Если я скажу, он вас укусит, — продолжала она, обнимая собаку.

Но Джек, типичная дальневосточная лайка рыжей окраски, вопреки предупреждению ребят,

встретил меня вполне дружелюбно. Он обнюхал мою куртку, потом сапоги и охотничий нож в чехле, висевший на поясе, и, видимо, понял, что я охотник.

После этого между нами сразу установились самые дружеские отношения. Около двух недель обследовал я тайгу по берегам беспокойной прозрачной реки Гур, проникал в соседние сопки и иной раз брал с собой лайку моего хозяина. Для рыжего Джека эти дни были настоящим праздником. Спугнет он с лежки маленького оленька — кабаргу — или найдет белку, и тогда молчаливый и угрюмый кедровник наполнится вдруг громким и задорным лаем. Люблю я, когда в лесной тишине, предупреждая охотника, лает собака. За самое сердце берут эти чудные звуки.

Однако молодая лайка оказалась настоящей зверовой собакой, меня же несравненно больше интересовали птицы. Но не в том беда, с этим можно было мириться. Был у Джека другой большой недостаток, и он частенько мешал мне при сборах коллекций. Заслышу я в тайге незнакомый крик птицы и пытаюсь выяснить, чей это голос. Держа ружье наготове, осторожно подхожу к месту, откуда исходят звуки, иной раз подниму бинокль и рассматриваю перепутанные ветви дерева. Сколько нервного напряжения в этих поисках! И вдруг рядом появляется рыжая лайка. Не понимая, в чем в сущности дело, и всматриваясь туда же, куда смотрю я, она лает от нетерпения.

— Молчи, рыжий осел! — стараясь сделать злое лицо, шепотом одергиваю я молодую собаку.

Но в таких случаях назойливый Джек спешит отбежать в сторону и, следя за каждым моим движением, лает на меня издали.

— Ну погоди, рыжий!.. Не возьму больше тебя на охоту, — грожу я кулаком Джеку.

И верно, зачем я буду брать эту собаку, если она мне мешает охотиться? Я стал брать Джека только в тех случаях, когда он не мог помешать мне своим лаем, а чаще просто оставлял его на цепи, уходя утром из дому. Не нравилось это рыжему Джеку. Когда с ружьем за плечами я скрывался на окраине поселка, он закатывал невероятный концерт, от которого болели уши даже у самого спокойного человека.

Как-то в раннее летнее утро, незадолго до окончания полевых исследований на реке Гур, я направился в соседнюю тайгу, чтобы добыть для своей коллекции одну неизвестную для меня птичку. Ни разу не видел я незнакомку, но при посещении глухих участков тайги неизменно слышал ее голос. Короткая, несложная песенка, как загадка, звучала где-то в темно-зеленых вершинах кедровника, но самого певца не было видно. Осторожно приближался я к кедром, откуда исходили знакомые звуки, и подолгу простаивал на одном месте, стараясь всеми силами сохранить полную неподвижность и тишину. Дорого давались такие минуты. Множество комаров, издавая назойливый звон, наполняли воздух над неподвижно стоящим охотником, впивались в шею, лезли в глаза и уши. Вот и сегодня я упорно продолжал стоять под большим кедром, ладонью осторожно давил на своем лице массу крылатых мучителей, но не спускал глаз с того места, где с небольшими интервалами пела незнакомая птичка. Я слышал, как монотонно тикают часы в кармане, как напряженно стучит мое сердце, как звучит простая песенка незнакомой птички. Медленно, бесконечно тянется время.

«Джиу-джи, джиу-джи», — вдруг слышу я другой голос, и от этого громкого звука замирает сердце: это кричит кукушка. И, забыв о пении неизвестной птички, я пытаюсь отыскать в чаще леса знакомую мне кукушку.

«Джиу-джи, джиу-джи, джиу-джи», — повторяет она где-то там, на самых вершинах высоких кедров. Крик нарастает, становится громче. Но вот он оборвался. Мертвая тишина воцаряется в темной тайге. И опять я слышу тиканье часов в кармане да работу своего

сердца.

Вдруг в стороне хрустит ветка. Невнятный звук, как неожиданный оклик, заставляет повернуть голову. И я замечаю сначала движение, потом вижу — кого же? — рыжего Джека. Он стоит в стороне и всматривается в вершины кедров, где я пытаюсь отыскать ночную кукушку. Неужели залает?

— Откуда ты взялся? — едва слышным, сдавленным шепотом, глядя прямо в глаза, обращаюсь я к Джеку. — Что тебе надо?

Последняя фраза — вернее, интонация голоса и недовольное выражение моей физиономии — производит на собаку сильное впечатление. Как от выстрела, будто убитая насмерть, собака валится на бок. Для меня несомненно, что с появлением в лесу Джека трудная охота за ночной кукушкой и неизвестной для меня птичкой закончена. Достаточно воспользоваться биноклем или поднять ружье для выстрела, и лес наполнится собачьим лаем. И, отбросив всякую осторожность, я подхожу к рыжему Джеку. Вытянув в сторону ноги и закатив глаза, он лежит неподвижно, как мертвый, целое облако комаров уже вьется над лежащей собакой.

— Обморок, что ли изображаешь? — стараюсь сохранить грубость голоса, бесцеремонно толкаю я ногой рыжего Джека.

Но рыжий не реагирует на мою грубость и продолжает лежать неподвижно.

— Довольно тебе, не пора ли прекратить эту комедию, сдох с перепугу что ли? — говорю я, едва изменив интонацию голоса.

И это магически действует на собаку: «умирающий» Джек вмиг становится на ноги, бодро отряхивает приставшую к шерсти сухую хвою, и, закинув пушистый хвост на спину, ждет приказа.

— Ну, отправляйся, ищи там свою четвероногую дичь, — указываю я рукой в сторону, и счастливый пес исчезает за стволами молчаливо стоящих кедров.

Проходит минута, потом другая, много минут.

И вот из глубины темного леса до меня доносится отдаленный собачий лай. «На кого лает собака? Наверное, белка. А вдруг, куница-харза или даже мохнатый хозяин тайги?» — думаю я и неохотно иду на лай. Что можно сделать еще? Ведь рыжий — хорошая зверовая лайка, а я только временный его спутник, охотник за редкими птицами.

Быстро прошли две недели. Закончив полевую работу, я сел в поезд и уехал в Хабаровск, а оттуда в Москву. За короткий срок пребывания на Гуре я так и не познакомился ближе с Джеком. По словам его хозяина, пес, несмотря на молодость, был настоящим, серьезным охотником. Собака проявляла высокие рабочие качества и вправду, как и говорил маленький Коля, не боялась медведя. Ну, а для меня рыжий Джек не всегда был полезен. Своим несвоевременным лаем иной раз он отпугивал птиц, мешал охотиться и часто выводил меня из терпения. Но все это далеко позади. И сейчас, живя в большом, шумном городе, с удовольствием я вспоминаю веселую рыжую лайку и те пасмурные летние дни, которые я проводил с ней в тайге за широким Амуром.

## ДВА ГОНЧАКА

На Октябрьские праздники в 1955 году меня пригласили на охоту за зайцами.

— Неплохие места для Москвы, зайца-беляка много, а главное — две гончие собаки, и обе работают, — пояснил мне знакомый, оставляя адрес.

Несколько дней спустя после этого разговора, переночевав в деревеньке, мы захватили собак и направились в ближайший смешанный лес. В нем, по словам местных охотников, водились зайцы.

Обе собаки принадлежали к одной и той же породе, но их отношение к дичи оказалось совершенно различным. Коренастый гончак пятилетнего возраста (имени его я не помню) не проявлял ни малейшего интереса к запаху и к следам зайца. Спущенный с поводка, он деловито направился в лес. Минут двадцать спустя к нам долетел его громкий и настойчивый лай. Не понимая, на кого он лает, я осторожно выбрался на поросшее мелким сосняком моховое болото. Там нервно и напряженно топталась группа лосей; собака деловито и умело держала их на небольшом участке. «Так вот оно что! — сообразил я. — Этот гончак работает только по запрещенному лосю, а его хозяин, бывалый браконьер, предпочитает стрелять крупную дичь — лосей, которых в этих лесах достаточно».

Оставив лосей на лесном болоте, я, ориентируясь на голос, пошел отыскивать другую собаку.

«Ай-ай, яй-яй, яй-яй!» — доносился издали не то визг, не то лай. Временами он становился чуть слышным, стихал где-то вдали за покрытыми лесом холмами, потом вновь нарастал, становился громче и вдруг обрывался. Молодая Ледка, путаясь и порой теряя след, безусловно, гоняла зайца. Раза три сначала удалялся, а потом приближался ко мне Ледкин голос. И вот, наконец, среди молодых сосен мелькнул крупный беляк, и в морозном воздухе щелкнул выстрел.

Откровенно говоря, я был удовлетворен этой охотой — уже давненько мне не приходилось стрелять под Москвой зайца.

Но Ледка не унималась. Длинные ноги собаки с неудержимой энергией бросали большое тощее тело то в молодой соснячок, покрывающий склоны высоких холмов, то далеко вниз, на моховое болото.

«Ай-яй» — вновь до меня долетело издали визгливое тьяканье. «Ай-яй-яй-яй-яй!» — перешло оно в непрерывный собачий вопль. «Неплохая собака, опять с лежки подняла зайца, — соображал я, стоя среди мелколесья на вершине холма. — Только интересно, где же хозяин Ледки, где другие охотники? Неудобно ведь стрелять второго зайца из-под чужой собаки». Однако лай вскоре умолк. «Наверное, скололась, потеряла след — еще молодая», — думал я продолжая оставаться на прежнем месте.

В лесу стало тихо-тихо по-зимнему, никакого движения, ни звука, словно замерло все.

И вдруг я услышал над головой знакомый свист крыльев. Около десятка рыжих тетерок и черных самцов-косачей летели над лесом. Опять в морозном воздухе щелкнул выстрел, черный петух камнем свалился на землю и покатился вниз по крутому склону холма; я поспешил к своей добыче. Но мне не удалось взять косача: меня опередила Ледка.

Она прибежала на выстрел, схватила птицу своей большой пастью и, ласково махая толстым хвостом и улыбаясь глазами, следила за каждым моим движением. Виноватое выражение собачьей морды, помахивание хвостом и какая-то настороженность — все это, безусловно, доказывало, что собака предвидела неприятность. Неизвестно, как поступит, как поведет себя этот малоизвестный охотник, не попытается ли он отнять ее добычу?

Терпеть я не могу трепаной дичи. Ведь я зоолог и даже с самой обычной убитой мной птицы снимаю шкурку.

— Молодец, собака! Ну, дай сюда, Ледка! — ласковым голосом подзывал я костлявую гончую.

Но не тут-то было! Ледка отбежала в сторону, зажала косача передними лапами и стала драть из него перья.

— Брось сейчас же! — уже иным тоном приказал я собаке. — Оставь!

Но и это не помогло. Схватив косача, Ледка отбежала от меня подальше и на этот раз еще сильнее стала драть птицу. Раза три без толку пытался отбить я у Ледки добычу. Ледка уносила ее все дальше и дальше и, ободрав с птицы перья, стала пожирать мясо. Тогда я пустился на хитрость. Сняв с плеча зайца, я помахал им издали. «Ну, смотри!» — и бросил его рядом на снег, а сам настороженно следил за каждым движением собаки — вдруг еще бросится.

Мой маневр удался: к зайцу Ледка проявила большой интерес. И нечему удивляться: заяц не какая-то случайная птица — для Ледки, гончей собаки, это настоящая дичь.

— Иди сюда! — подзывал я собаку, толкая зайца ногой. Ледка бросила косача и подошла ближе. Тогда я еще уменьшил разделявшее нас расстояние. Потом резкий прыжок вперед, я лечу на снег, качусь под гору, но все же успеваю схватить убитого косача. Наконец, он в моих руках. Но что это за косач? Жалкие остатки перьев на куске мяса. И это все, что я получил после удачного, красивого выстрела. «Вот тебе результат охоты с чужой незнакомой собакой!» — с огорчением смотрю я на свою добычу и никак не могу сообразить, куда же сунуть этот кусок мяса — не отдавать же его плохо воспитанной Ледке!

Я решил прекратить охоту и повернул к дому. А Ледка, проводив меня удивленным взглядом, пошла к болоту отыскивать потерянный след зайца.

Среди гончаков много превосходных собак-работниц. Основная их дичь — зайцы, лисицы. Хорошо идут гончаки также по крупным копытным животным, гонят рысь, медведя и волка. Но, несмотря на все это, я почти равнодушен к подобной охоте; нет у меня большого пристрастия и к самим гончакам.

Ограниченны и примитивны они по сравнению с другими собаками. В свое время у моего деда был первоклассный по своей работе, даже знаменитый гончак. Но нелепым поведением он частенько поражал окружающих. В холодные зимние вечера дед нередко пускал его в комнаты. Гончак ложился на полу против камина и дремал. Однако тишина и блаженство продолжались недолго. Щелкнув в камине, на пол выскакивал предательский уголек. Глупая собака схватывала его, обжигала рот, и квартира наполнялась визгом и воплями. Такие происшествия регулярно повторялись в течение всей жизни этой собаки.

Надо заметить, что в тех местах, где появляются хорошие гончие, быстро сокращаются в числе или даже полностью исчезают зайцы. Не житье косому в подобном соседстве.

## ЧЕТВЕРОНОГИЙ ДРУГ

Во время поездок меня особенно интересовали птицы. Чтобы познакомиться с малоизвестной мне птицей, посмотреть, как она живет в природе, добыть для коллекции несколько экземпляров, я готов был переносить любые лишения и невзгоды. Но, увлекаясь полевой работой, я не любил, чтобы меня стесняли даже близкие мне люди. Ведь у каждого свои привычки. Лучше всего я себя чувствовал, когда оставался один и знал, что никто не

помешает наблюдениям. Одного доставало в поездках: верного друга и помощника — хорошей собаки.

Однажды, возвращаясь в Москву из горной Армении, я из вагона поезда увидел турачей. Спугнутые шумом поезда, птицы поднимались от полотна железной дороги и, отлетев в сторону, садились в кустарники. Этого было достаточно, чтобы я сошел на ближайшей маленькой станции: захотелось добыть несколько турачей для коллекции. Полдня я пробродил с ружьем по колючим зарослям — мне не везло, я застрелил только одну птицу.

— А турачей-то у вас, по-видимому, маловато, — разочарованно сказал я встретившемуся мне колхознику-азербайджанцу.

Тот усмехнулся.

— Собака есть?

— Нет, собаки у меня нет.

— Собаки нет — турач нет, собака есть — турач полно, — ответил собеседник.

И верно. Я сам все более стал сознавать, что без четвероногого помощника не обойтись. Как бывает обидно, когда после многих трудов убьешь какую-нибудь редкую птицу, а твоя добыча упадет в такое место, где ее почти невозможно найти.

Однажды я выкосил клочок запущенного луга (а за косою мне пришлось идти в поселок за 10 километров), чтобы отыскать маленькую, но драгоценную для меня птичку. Разве пришлось бы так мучиться, если б у меня была собака?

Одним словом, после бесчисленных неудач и огорчений я твердо решил завести собаку. Но какой породы собаку выбрать? Над этим надо было серьезно подумать.

А что если взять фокса? Собака подвижная, маленькая и в то же время выносливая. Работы фокса я в то время не знал, но все мои друзья-охотники отзывались о фоксах весьма положительно. Подумал я, подумал и, наконец, приобрел прекрасного щенка фокса — звали его Бирка. Песик был шустрый и понятливый. Как только он немного подрос, я взял Бирку с собой в экспедицию в Казахстан.

Нужно было пройти по пустыне Кызылкум на верблюдах от русла реки Жанадарьи до станции Арысь. Путь длинный и тяжелый, а для собаки хорошее испытание. С первых же дней я убедился, что Бирка вынесет любое путешествие. Правда, впервые увидев верблюдов, он прямо обезумел от страха. Верблюдов привели во двор дома, где мы жили, готовясь к отъезду в пустыню. Бирка в тот момент сидел во дворе на привязи. С перепугу рванулся он изо всей силы, разорвал цепь и стремглав кинулся в дом. Забился под кровать и дрожит всем телом. С трудом извлек я перепуганного пса из его убежища.

Но спустя два дня, когда мы уже шли под палящим солнцем по степям на запад, углубляясь в пустыню, Бирка вел себя превосходно. Своим собачьим умом он понял, что верблюд — зверь для него не страшный, а в некоторых случаях может быть и полезным. Хитрый пес бежал не сзади, как обыкновенно бегают собаки, а под одним из верблюдов, укрываясь от жестокого солнца.

Окончили мы переход — пришли в Арысь, и оттуда я поехал в горы Тянь-Шаня подышать свежим горным воздухом после кызылкумского пекла. Ну, конечно, и Бирку взял с собой. Вот здесь-то он себя и показал с самой невыгодной стороны: я убедился, что Бирка не помощник для меня, а обуза.

Брал я фокса каждый день в горы, где во множестве обитали красные сурки. Залезет пес в

нору и сидит там часами, сурка облаивает. Я томлюсь у норы — жду, когда Бирка вылезет, — время напрасно теряю, но не бросить же собаку! Это еще не беда. Фокс — собака норная, так оно и должно быть. Не нравилось мне в Бирке другое. Уж очень он любил драки. Как завидит чужую собаку, сейчас же начнет с ней грызться.

А в Киргизии собаки страшные — киргизские овчарки. Такой могучей собаке ничего не стоит загрызть маленького фокса.

К моему великому огорчению, во дворе у соседа на цепи сидела овчарка, бегала вдоль протянутой проволоки. Вот Бирка и стал ходить к ней в гости, чтобы подраться. Первый раз отодрала овчарка маленького забияку ужасно. Отлеживался Бирка дня два, стонал целые ночи, зализывал раны, а затем, улучив минутку, опять улизнул на соседский двор. На этот раз овчарка изгрызла его до полусмерти, но Бирка и тут не угомонился.

Однажды слышу я хриплое рычание, взвизгивание. «Ну, — думаю, — опять собаки грызутся!» Схватил метлу и бегом во двор к соседям. Прибежал туда, да так и застыл от удивления. Смотрю и глазам не верю: фокс по всему двору гоняет здоровенную овчарку, кусает ее и все норовит в горло вцепиться. Овчарка — собака сильная, увертливая, но цепь мешает ей уйти от Бирки. То сбросит с себя овчарка вцепившегося фокса, то в сторону отскочит, то в будку залезет. Но Бирка от нее не отстает ни на шаг, даже лезет в будку и всаживает клыки в тело противника.

Едва я отогнал Бирку метлой от соседской собаки. И сейчас мне непонятно, почему на этот раз так смело вел себя Бирка. После этого случая овчарка стала бояться фокса. Как завидит его, начинает беспокойно метаться по двору, искать защиты у своей хозяйки.

Не давал мне покоя Бирка и во время горных походов. Завидит табун баранов, пасущихся на зеленых увалах, и к нему кинется. Знает ведь, что табун охраняют собаки-овчарки. Пока прибежишь на место происшествия — там уже творится что-то невероятное: перепуганные бараны рассыпались куда попало, собаки дерут Бирку, а он в каком-то упоении, как пиявка, впивается зубами в своих врагов.

Надоели мне Биркины драки. Помощи от пса мало, а беспокойства — хоть отбавляй. Однако расстаться с фоксом было жалко — привык я к нему. Когда мы вернулись в Москву, Бирка вдруг сбежал, оставив на память свою родословную. Поискал немного Бирку и стал думать о приобретении новой собаки.

Вот тогда-то и появился Гаудо, или Гаудик, ставший моим верным другом и спутником в путешествиях. С первого взгляда он очаровал меня своей внешностью. Принадлежал Гаудик к породе оленегонных лаек. Пушистый, хвост калачиком, ушки торчком, глаза быстрые и такие умные — кажется, все понимает пес, только говорить не умеет.

В тундрах нашего Севера оленегонные лайки выполняют ответственную работу — пасут оленей. Отобьется олень от стада, собака вмиг его назад вернет да еще укусит как следует в наказание за беспорядок. Если у такой пастушьей лайки проявляется интерес к охоте, оленеводы бьют собаку смертным боем: знай, свое дело, а охотой не смей заниматься! Однако среди оленегонных лаек нередко встречаются отличные охотничьи собаки: чуткие, зоркие и неутомимые.

Я это знал, но, наученный Биркой, без пробы не решился взять Гаудо и, наскоро снарядившись, выехал с собакой в глухую деревушку, затерянную в лесах Калининской области.

Тихая осень. Неподвижен прохладный воздух. Куда ни глянь — тянутся моховые болота с корявыми низкорослыми сосенками, а среди них, как острова, темнеют ельники. Только по дальним краям болота пестрит разноцветной листвой мелкоколесье: краснеет осина, желтеет



береза. Изредка тревожно, по-осеннему, цыркнет лесной конек, застучит по сухому стволу дерева дятел, и опять тишина.

Мы с Гаудо в лесу еще до рассвета. С ружьем наготове осторожно брожу я по краям рёлок, пересекаю осинники, березовые перелески, чутко вслушиваюсь и всматриваюсь вокруг. Собаку я почти не вижу. Она занята своим делом. Появится на мгновение из чащи, взглянет на меня, и опять я брожу один.

Но вот издали доносится лай Гаудо. Пролаял он раз, другой и замолчал. В густом осиннике хлопают крылья тяжело взлетающей птицы, и снова лай азартный, звучный. По-звериному осторожно, стараясь, чтобы сухая ветка не хрустнула под ногой, чтобы не зашелестел палый лист, спешу туда, куда зовет меня четвероногий приятель. Кончился густой осинник, на пути освещенная солнцем прогалинка, на кочках рдеет брусника, а дальше отдельные ели, большие осины и редкое мелколесье — далеко видно... А вот и Гаудо. Его чуткие уши издали слышали мою осторожную поступь, и, чтобы отвлечь внимание птицы, пес лает еще азартнее, взвизгивает, роет землю и вдруг, со злобой бросившись на молодую сосенку, треплет ее тонкие ветки зубами. По глазам собаки, по направлению ее лая стараюсь догадаться, где скрывается птица.

«Там он, там он, — лает Гаудик. — Там он, там он», — повторяет пес, обежав дерево с другой стороны. Ну, теперь все ясно. Лесной великан — глухарь — сидит на дереве и с недоумением следит за своим смешным противником. Глухарю надоела эта комедия, и, наклонив голову, он как бы дразнить собаку: «Лай сколько тебе влезет, все равно не достанешь».

Но гремит выстрел, сыплются сбитые дробью листья, и, пораженный неожиданным грохотом, глухарь срывается с места. Тяжело хлопая крыльями, он снижается почти до земли, но затем, выровнявшись в воздухе, летит над болотом. Был момент, когда Гаудик чуть было не поймал на лету птицу. Он подпрыгнул, как мячик, но щелкнул зубами в воздухе и тотчас же с отчаянным воплем кинулся за глухарем по болоту.

От этого вопля по спине пробежали мурашки. «Экая, право досада — как это я промахнулся! Не гожусь, наверное, для такой охоты». Руки дрожат, зубы мелкую дробь отбивают, патрона из ружья не могу вытащить. А лай оборвался где-то на болоте за корявыми соснами. Не успел, видимо, Гаудик вновь «посадить» птицу на дерево — подвели маленький рост и короткие ноги, не угнался пес за летящей птицей, потерял из виду добычу.

Наконец я все же вытащил пустой патрон и, вложив новый, поспешил в том направлении, куда убежал пес. Не прошел и сотни метров, как слышу — снова лает Гаудик. Стал подходить на лай собаки и вскоре опять увидел лесного великана на дереве. Только на этот раз глухарь уже не дразнил собаку, а сидел чутко, напряженно, перья плотно прижаты к телу. А Гаудик, умница, словно шар, под деревом катается, лает, визжит.

Выстрелил я во второй раз — убил птицу. Ломая сухие сучья, упала она под дерево, забила широкими крыльями.

«Умница ты этакая», — в восторге гляжу я на Гаудо. Сгреб его в охапку, поднял и расцеловал его пушистую голову. А пес в ответ на ласки как зарычит да схватит меня за левое ухо, так кровь сразу и выступила. Растерялся я, выпустил собаку из рук, за укушенное ухо держусь.

А Гаудик бегаёт кругом, носом струи воздуха ловит. Побегал он так, пометался, глядь — и второго глухаря неподалеку поднял и вдогонку за взлетевшей птицей, как пушистый шар, укатился по болоту. Понял я тогда, почему Гаудик на ласки ответил такой злобой: некогда ему было, хотелось и другую птицу не упустить. Чужал пес, что добыча близка, где-то рядом, а тут новый хозяин с нежностями лезет — работать мешает. Нашел тоже время...

Спустя полчаса убил я и второго глухаря, потом в одного промахнулся. Пошли дальше. Нашел Гаудо белку, затем рябчиков. Шутя я с ним охотился, легко: дичь будто сама в сетку лезет. Сетка все тяжелее и тяжелее становится, режет плечи, мешает подходить к дичи. Сбросил я ее на минутку, а когда нужно было положить в сетку новую добычу, никак не мог вспомнить, где я сетку оставил. Лес кругом однообразный, примет никаких нет.

Объяснил я как мог собаке про свою беду. А Гаудо вроде как подсмеивается надо мной. Слушает, что я ему говорю, а морда такая плутовская. Все понял пес, видимо, раньше обучен этому был. Побежал сначала по ветру, потом метнулся в сторону и, поймав нужную струю воздуха, привел меня к сетке с дичью.

Вернулись мы в деревушку. Гаудик веселый, довольный и утомления не видно — точно на охоте не был.

По дороге к дому загнал на ворота кошку и давай на нее лаять. Только лает совсем по-иному, не серьезно, как на охоте, а балуясь, с озорством.

После этой охоты все мои опасения рассеялись. По своему нраву Гаудик оказался не пастухом, а настоящим охотником. Убедившись в этом, я решил приобрести собаку.

Вот мы и в Москве. Гаудик быстро привязался к моей семье. Все полюбили его за деликатность и веселый нрав. Даже не понятно было, откуда у полудикой собаки Севера могли взяться те навыки, которыми обладал Гаудик. Малышей он не трогал, позволяя им терзать себя за густую шерсть, но не любил ласк взрослого постороннего человека.

Если в квартире раздавался один звонок, значит, к нам пришли — надо встречать; два, три звонка Гаудика не интересовали — соседские гости его не касались. Когда все дома, в квартиру мог войти и выйти из нее чужой. Но если квартира пустая, Гаудик каждого встречал лаем, а уж если человек вошел, то назад его пес ни за что не выпустит. Все вещи в квартире для посторонних неприкосновенны — их нельзя трогать.

Брать в руки, переставлять с места на место любой предмет имели право только члены нашей семьи: посторонний же человек не должен ни к чему прикасаться руками. Положение гостя оказывалось весьма затруднительным. Протянет кто-нибудь из посторонних руку, чтобы посмотреть какую-нибудь вещь в нашей квартире, например лежавшего на диване плюшевого медвежонка, и, неожиданно наткнувшись на пушистый мех собаки, отдернет руку обратно. И в тот же момент Гаудик вновь исчезнет под кроватью или в другой комнате и оттуда следит за поведением гостя. Ведь ему необходимо успеть появиться между вещью и рукой, как только рассеянный человек опять нарушит правила внутреннего собачьего распорядка. После ухода гостя Гаудик вздохнет свободнее и, как после трудного дела, отдыхает.

Когда семья садится за стол, Гаудик отправляется в другую комнату и терпеливо ждет, пока обед кончится. Он знает, что после обеда получит вкусные вещи.

Гуляя по тихой улице, можно побегать; по шумной улице, где проносятся автомобили, необходимо степенно идти у левой ноги хозяина. Маленьких котят обижать нельзя, однако блох у них искать можно. Взрослые кошки — это враги, но квартирные кошки, хоть и кошки, но свои: пугать их можно, но трепать нельзя. Кошки двора и улицы, по понятиям Гаудо, вне закона. При случае можно драть их сколько угодно. Но даже на коварного врага — кошку — надо нападать только открыто.

Однажды я вышел с Гаудо во двор, а там стоит кошка — смотрит в другую сторону. Гаудик подошел к ней совсем близко, но кошка так была чем-то увлечена, что ничего не слышала. Подождав немного, пес ткнул ее носом в бок. Обернулась кошка, да как выгнет спину и зашипит. Тут уж Гаудик медлить не стал и дал ей трепку. Он всегда смело бросался, не закрывая глаз, как другие собаки, хотя при схватке с кошкой очень легко потерять глаза.

Но как Гаудика раздражали наши домашние кошки — представить трудно. Нет у них, по-видимому, никаких строгих правил, а если они и существуют, то кошки могут от них отказаться при первом удобном случае. Главное же, Гаудик смотрел на всех кошек, как на самых отчаянных воров, готовых украсть все, что пригодно в пищу. Живя, в общем, довольно мирно с нашей домашней кошкой, он неустанно следил за ее поступками и при всякой попытке вскочить на обеденный стол или украсть что-нибудь съестное заставлял ее спасаться бегством.

Однажды я был свидетелем одного из таких случаев. Удобно усевшись на кушетке, я читал книгу, порой бросая взгляды в соседнюю комнату. Мне была видна застекленная балконная дверь и проходящая под ней широкая цементная ступенька. В дни, когда наш истопник, видимо, увлекшись, создавал в квартире температуру, близкую к тропикам, хозяйки ставили продукты на цементную ступеньку под балконную дверь. Здесь было менее жарко. Вот и в тот памятный день на ступеньке стоял кувшин с молоком и лежал большой кусок масла. Вначале он, видимо, был завернут в бумагу, но потом его развернули, и он лежал совершенно открыто на куске бумаги, положенной на мелкую тарелку. Никому в голову не пришла мысль спрятать масло. Гаудик в отношении продуктов был безупречен и зорко следил за поведением других обитателей нашей квартиры.

В квартире царили безмятежный покой и молчание. Я читал книгу, Гаудик и кошка, вероятно, спали сном праведников. Но вдруг неожиданно тишина была нарушена. Скользя по паркету ногами и звеня когтями, из-под кровати стремительно выскочил Гаудик и со злобным рычанием кинулся на нашу кошку. В тот момент она находилась у балконной двери и, подпрыгнув вверх и оттолкнувшись о раму, вскочила на край буфета. Отсюда, не спускаясь на пол и перескакивая с одного предмета на другой, она опрометью шмыгнула мимо меня в прихожую, а оттуда в кухню. В общем случилось настолько обычная вещь, что я не нашел нужным ни во что вмешиваться и продолжал спокойно сидеть на кушетке.

Не предполагая о близости Гаудо, кошка решила воспользоваться молоком или маслом и была изгнана из квартиры собакой.

Но как же замечательно вел себя после этого Гаудик. Он деловито осмотрел стоявшие на цементной ступеньке продукты и нашел неполадки. То, что масло лежало совершенно открыто, ему, очевидно, не нравилось. Он осторожно сунул нос под бумагу, приподнял ее край и старательно прижал к маслу. Однако собачий нос — не рука человека, упругая бумага вновь откинулась в сторону. Минут десять из другой комнаты я с интересом следил, как лайка пыталась справиться со своей задачей. В конце концов Гаудик достиг цели. Кусок масла с трех сторон был тщательно прикрыт бумагой. Еще в двух-трех местах старательно подавив непослушную бумагу своим влажным черным носом, смешной Гаудик убедился, наконец, что все в порядке, и отправился вздремнуть после трудной работы.

Разве это не замечательный поступок для животного? Разве он не свидетельствует о сложной нервной деятельности собак? Безусловно, это результат многовекового общения с человеком. Любя простор и свободу, Гаудик чувствовал себя вполне счастливым только на природе. Большой многолюдный город, московскую квартиру — все это пес рассматривал как временное явление, как вынужденное житье между поездками. Но, естественно, иной раз эти перерывы оказывались весьма длительными, и Гаудик, явно скучая от бездействия, придумывал занятия, о которых я рассказывал.

Особенно хорош Гаудик был во время наших поездок. Обычно я начинал собираться и укладывать вещи за несколько дней до отъезда. Пес замечал это — становился беспокойным, даже гулял неохотно: все спешил домой, видимо, опасаясь, что его не возьмут в экспедицию. Целые дни он дежурил возле вещей, а ночью, свернувшись в пушистый комочек, чутко спал на чемодане. Если нужно было передвинуть вещи, чтобы вымыть или подмести пол, приходилось передвигать вместе с чемоданом и взобравшегося на него

Гаудика.

Но вот приходит день отъезда. Большинство вещей уже с вечера сдается в багаж, а дома остаются только маленький чемоданчик, ружье и заплечный мешок. В этот день пес сам не свой. Он напряженно следит за каждым моим движением. И наконец, наступает заветная минута. Я развязываю заплечный мешок, и Гаудик, не дожидаясь моей команды, молча и поспешно влезает в него и сворачивается в клубочек. Как ненавидит пес этот же самый мешок, когда я, никуда не собираясь, просто хочу похвалиться перед гостями способностями собаки. Гаудик возмущается, рычит, выполняя мое приказание. Но когда пес знает, что мешок появляется не ради забавы, его не надо принуждать к этому.

Однажды, возвращаясь с охоты, я слез с дачного поезда и вошел в метро. Рядом со мной на поводке шел Гаудик — что поделаешь, я часто бываю рассеян.

— С собачкой нельзя, — остановил меня при входе милиционер.

Сообразив, что сделал большую глупость, я огорченно отошел в сторону. «Не пускают, — обратился я к собаке, — придется пешком тащиться. А впрочем...» Я быстро снял рюкзак, развязал его, открыл и наклонился к собаке. Молча и деловито на глазах милиционера Гаудик забрался внутрь.

— Ну, а теперь можно? — завязав рюкзак и закинув его за плечи, обратился я к милиционеру.

— С вещами можно, — едва сдерживая улыбку и пропуская меня, ответил тот.

При поездках на вокзале я могу оставить чемодан и заплечный мешок на платформе с полной уверенностью, что с вещами ничего не случится. Гаудик не допустит этого. Мне стоит только сказать собаке: «Смотреть надо», — и пес — весь внимание. Он скромно сидит на вещах и лишь показывает зубы тому, кто вздумает подойти к багажу слишком близко.

По несколько раз в год мы с Гаудиком совершали поездки. Весной, например, отправлялись в горы Армении, летом — в Вышний Волочек, в августе — в Крым на отдых, в октябре на Сырдарью. Холода Гаудик не боялся, но, будучи покрыт густой и высокой шерстью, плохо переносил южную жару. Я вынужден был прибегать к стрижке: низко срезал высокую густую ость и оставлял подпушь. До чего же смешон становился пес после такой операции! Темно-бурая, почти черная, голова резко разнилась от светло-палевого, почти желтого тела. Гаудик страшно боялся стрижки, первые дни чувствовал себя несчастным, стыдился своего вида и большую часть дня прятался под кушеткой. Но проходило несколько дней, и пес примирился со своей обезображенной внешностью.

За годы наших совместных путешествий я оценил все достоинства лайки. Эту умную, выносливую собаку можно назвать жемчужиной нашего Севера и ею гордиться. Пес шел на любую дичь и легко осваивал незнакомую охоту. В горах Гаудик находил и поднимал уларов, кавказских тетеревов, на озерах ловил нелетных утят, заставлял подниматься на крылья взрослых уток, а на Сырдарье — фазанов. Он отыскивал дичь не хуже легавой собаки.

Увлекался пес охотой до страсти, но и мне помогал собирать для коллекции птиц и зверушек. Зато к себе и к своей работе требовал уважения. Обидишь его, — пес долго не может простить обиды. Но любил и ценил собаку я не только за эти качества. Гаудик был не просто исполнительной собакой, но моим помощником и другом. Он старался помочь во всем, на что был способен. Какое, например, ему дело до всевозможных маленьких птичек. Ведь до того момента, как попасть ко мне, он был охотничьей собакой и прекрасно знал, что такое дичь. Прочие обитатели наших лесов и полей его мало интересовали. Но это было только вначале. Собака видела, что время от времени ее новый хозяин стрелял маленьких птичек и бережно укладывал добычу в коробку.

И вот однажды вскоре после того, как я добыл дятла, лес вдруг наполнился веселым лаем. Я поспешил туда, где лаял Гаудик: ведь он никогда не лаял напрасно. Но в этом случае я ошибся — Гаудик лаял не на дичь, а на дятла. «Да ты что, совсем одурел?» — с досадой обратился я к собаке. Лай прекратился, Гаудик виновато смотрел на меня. После этого случая пес не лаял на то, что не принято считать дичью, и лишь отыскивал застреленную добычу. В другой раз Гаудик подбежал ко мне, когда я, опустившись на колени, тщательно рассматривал гнездо маленькой птички. «Гнезда искать надо, — обратился я ко псу, указывая на гнездо рукой. — Ну-ка, подай голос!» Исполняя приказание, собака пролаяла два раза, сделала это как-то бессознательно и смотрела мне в руки, как будто я держал в них лакомый кусок. «Да нет у меня ничего, — поднес я к собачьему носу пустые руки. — Когда гнездо найдешь, тогда голос подавать надо — понял?» Собака с недоумением посмотрела на меня и еще раз обнюхала гнездышко. «Ничего не понял, дурак ты этакий!» — ласково потрепал я своего любимца и пошел дальше. На другой день — трудно поверить этому, но Гаудик нашел гнездо маленькой птички, лаем привлек мое внимание и, тыча носом, указал на куст, где находилось гнездо с яйцами. «Неужели мог понять?» Растерянно переводил я глаза с гнезда на собаку и обратно. Гаудик задорно лаял на куст и на меня, как будто стараясь показать, что ему все понятно. Тысячи гнезд осмотрел я позднее, пользуясь услугами собаки. Нашел я благодаря псу такие гнезда, которые ранее не попадали в руки ученых.

Расскажу еще об одном случае, ярко характеризующем моего четвероногого друга. Как-то я услышал лай собаки. «Что там еще такое, — подумал я, всматриваясь в мелкий кустарник, расположенный метрах в семидесяти от меня среди мокрого луга. — Небрежно лает, наверное напутал», — соображал я, оставаясь на месте. Откровенно говоря, уж очень не хотелось тащиться назад через сырое место. Но Гаудик появился на краю зарослей и явно показывал, что он нашел что-то и ждет хозяина. «Ну что тебе?» — с некоторым раздражением обратился я, подойдя к собаке. Тогда он привел меня к заросли и показал задушенного грызуна — полевку. Может быть, нужно, — так бери, — выражали живой взгляд глаз собаки, поза, весь вид. «Ну что же, пригодится», — забывая, что передо мной не человек, а собака, сказал я и сунул полевку в сумку.

Вот какой был Гаудик! Сообразительный, веселый и преданный мне всем своим собачьим сердцем, он действительно был надежным другом. Именно в таком друге вы остро ощущаете нужду, как только отрываетесь от цивилизованного мира и подолгу в одиночку скитаетесь среди природы.

## НЕИЗВЕСТНЫЙ ДРАТХАР

— Где бы мне достать хорошего дратхара? Нравится мне эта порода, — обратился ко мне на перемене между лекциями мой приятель Нестор Григорьевич.

— Это зачем? На что тебе какой-то дратхар понадобился? — неодобрительно спросил я. — Мало тебе своих хороших собак. Заведи сеттера или лайку, их работу мы знаем. А то дратхара! Будет ли еще дратхар работать в наших условиях?

Надо сказать, что в то время собак этой породы только начали завозить к нам, и мы имели смутное представление об их полевых способностях.

— Не понимаешь ты ничего! — с сожалением пожал плечами Нестор Григорьевич. — Ты работы дратхара не представляешь: ведь это единственная универсальная собака. Она и стойку превосходно держит, и зайца гоняет с голосом — одним словом, это то, что «во как!» — Нестор показал на горло — необходимо городскому охотнику. Не могу же я в городских условиях и гончака, и легавую, двух собак сразу держать!

— Вероятно, ты прав, только не нравится мне это модное увлечение. Многие наши охотники дратхаров сейчас заводят, и ты в том числе.

— Да ты собак этих, наверное, и во сне не видел, не снились они тебе! — ни с того ни с сего кольнул меня Нестор Григорьевич. — Дратхар, дратхар, а сам о них никакого понятия не имеешь. Критик нашелся!

— Что значит не видел, понятия не имеешь? Представь себе, видел! — возразил я.

Характер разговора, тон Нестора Григорьевича мне, признаться, был неприятен. Дымит своей махоркой и ни с того ни с сего говорит дерзости.

— Да и что, собственно говоря, может привлечь в собаках этой породы? Здоровенные, как хорошая лошадь, съедают больше, чем четыре другие собаки, вниз, как мочала, усы свисают, слюни текут. Такая собака мне старую швабру напоминает.

— Как это швабру?!

— Да так, швабру, да при том старую швабру! — с насмешкой ответил я.

Не знаю, чем бы закончился наш разговор, если бы не звонок. Он напомнил, что перемена закончена.

— А я все-таки купил дратхара! — несколько месяцев спустя сообщил мне Нестор Григорьевич. — Правда, родословной достать не удалось. Собака недавно привезена, но экстерьер замечательный, хоть на выставку, и работает неплохо. По зайцу попробовать еще не успел, но по тетеревам стойку хорошо держит. — И Нестор Григорьевич выпустил изо рта целое облако табачного дыма.

— И, знаешь, на редкость послушная и воспитанная собака, — продолжал он. — Каждое слово, каждое требование, как закон, выполняет. Скажешь: «Дай правую лапу» — дает правую. «Левую дай» — дает левую. Даже заднюю ногу давать умеет.

— Зачем же заднюю? — желая подразнить Нестора Григорьевича, задаю я вопрос.

Но на этот раз мой приятель был в благодушном настроении и ответил спокойно.

— Конечно, не нужно! — попыхивая сигаркой, улыбнулся он. — Просто хорошая дрессировка видна. А впрочем, что говорить! Известно же, что каждый кулик хвалит свое болото, а вот поедем как-нибудь вместе, увидишь, как по тетеревам стойку держит. Пожалуй, еще сам дратхара завести захочешь.

Прошло месяца два или три. Досадно, как быстро бежит неумолимое время. Несколько раз приглашал меня Нестор Григорьевич на охоту с новой собакой, не раз рассказывал о ее достоинствах и вдруг... замолчал. Да и как замолчал! Замолчал надолго, видимо, замолчал бы совсем, если бы я сам как-то не напомнил ему о собаке. А случилось это таким образом.

Прошла осень, потом вся зима, весна и лето, и настала новая осень.

— Хоть бы ты меня, Нестор Григорьевич, раз на охоту взял, показал бы, как твоя новая собака работает, — обратился я однажды к приятелю.

— Да она еще щенок, какая от нее работа? Натаскивать надо!

— Как это так? С каких пор твой дратхар в щенка превратился? Ведь он, по твоим же словам, больше года тому назад по тетеревам отличные стойки делал? А теперь вдруг щенок?

— А, вот ты о чем! — усмехнулся Нестор Григорьевич. — Мы о разных собаках говорим. Того дратхара у меня давным-давно нет. Отдал я его. Другую молодую собаку, тоже дратхара, завел, но только еще как следует натаскать не успел.

— Как же это случилось? Я ведь хорошо помню, как ты долго искал дратхара, нашел, наконец, и купил, а потом хвалил его, говорил, что стойки превосходные делает, и вдруг другая собака, которую даже натаскать не успел. Не могу понять, как все это случилось?

— А вот понимай, как хочешь, — случилось, да и только! Отдал я ее даром одному леснику. Не подошла она мне. И рад бы не отдавать, ведь она мне в копейку обошлась, а отдать пришлось, — уклончиво ответил Нестор Григорьевич.

— Чудно все это, даже поверить трудно. Ну, объясни, почему это вдруг взял да отдал? — привязался я.

— Не вдруг, вдруг такие дела не делают, — после долгой паузы начал Нестор Григорьевич. — Терпел я, терпел, а все-таки решил отдать, хоть и хорошая собака была.

И мой приятель подробно рассказал мне несложную историю.

Уже с первых дней жизни на новом месте у собаки проявились какие-то странности. Утром между собакой и Нестором Григорьевичем были самые лучшие отношения. Собака скакала вокруг хозяина, когда он одевался и брал поводок, чтобы пойти на прогулку, с тоскливой покорностью провожала его глазами, когда он уходил на работу, но крайне недружелюбно встречала его, когда Нестор Григорьевич возвращался домой вечером.

— Ну чего ты боишься? Иди же ко мне! — ласково подзывал он собаку и протягивал к ней руку.

Но собака явно избегала хозяина. Она пряталась от него, следила за ним недружелюбным взглядом и, когда он пытался подойти ближе, глухо рычала, а ее глаза загорались недобрым блеском. Более месяца продолжалось такое странное поведение дратхара.

— Утром и днем все ничего, а вечером — волком смотрит, того и гляди искушает.

— Но в чем же дело, Нестор Григорьевич? Я ничего понять не могу, — не выдержал, наконец, я.

— Я тоже долго понять не мог. Ведь если бы щенком ко мне попала, а то взрослой купил. Наверное, ее прежний хозяин «за галстук закладывал» и, когда напивался, лупил собаку, вот она и привыкла запаха алкоголя бояться.

— Так вот в чем дело! Значит, собака на тебя рычала, когда ты в нетрезвом виде домой являлся... Теперь все понятно.

— Какой там нетрезвый вид! — возразил Нестор Григорьевич. — Каплю выпьешь, никому и в голову не пришло бы, что выпил, а она своим собачьим чутьем обнаружит и рычанием весь дом взбудоражит. За последнее время, веришь ли, житья от нее просто не стало. Подумал я, подумал, помучился с ней и, наконец, отдал знакомому леснику. Сейчас взял щенка, скоро натаскивать его буду.

— А все-таки жалко дратхара, — сказал я. — Работал, говоришь, хорошо да еще такой ценной особенностью отличался — водки не выносил.

— А ну его к шуту! — только проворчал в ответ Нестор Григорьевич.

## ТРИ СОБАЧЬИ СУДЬБЫ

В октябре 1956 года мне привелось недельку провести в горах Киргизии на высокогорной станции Академии наук. Эта станция расположена в ущелье Кызылсу, в хребте Терской-Ала-Тоо, на высоте 2800 метров над уровнем моря. Выезжая в Киргизию на этот раз, я не собирался подниматься высоко в горы. Ушли те золотые деньки, когда горы были мне доступны. Станция располагалась слишком высоко, а высота противопоказана моему здоровью — так утверждают врачи. Однако все случилось не так, как я рассчитывал. Волей-неволей мне пришлось посетить высокогорную станцию, и, так как в ее окрестностях обитало много интересных птиц и зверей, я прожил здесь неделю.

— Когда будете проезжать Покровку, остановитесь там ненадолго, загляните на нашу высокогорную станцию. Это незаурядное место, — посоветовал мне один из сотрудников Киргизской академии наук. — База на восточной окраине поселка, мы дадим туда телеграмму, вас встретят, обеспечат жильем и предоставят верховых лошадей, чтобы подняться до места.

От всего сердца поблагодарил я за оказанное внимание. Спустя час после этого разговора телеграмма была отправлена, а я, втайне предполагая провести время не в горах, а внизу, в зарослях облепихи того же ущелья, выехал на машине в Иссык-Кульскую котловину, рассчитывая вскоре попасть в Покровку. Но в Покровке меня не встретили. Телеграмме не суждено было попасть в руки станционной администрации, и я, явившись на базу, оказался там неожиданным и — больше того! — непрошеным гостем.

— Куда могла пропасть телеграмма?! Я своими глазами видел ее подписанной и был свидетелем, когда ее отправляли! — пытался я убедить директора.

Но он, видимо, больше всего на свете ценя покой, только пожимал плечами и выражал явное недоумение. Еще раз повторяю, что посещение высокогорья не входило в мою программу. Однако отказаться от этого при создавшемся положении, когда на моем пути вдруг появилось препятствие, я не хотел. К счастью, на станции, недавно принадлежащей Московскому географическому институту, а затем переданной Киргизской академии наук, еще продолжало существовать двоевластие. То, чего не пожелали сделать осторожные новые хозяева, не долго думая сделали москвичи. Одним словом, на другой день к вечеру меня перебросили на автомашине в горный лесхоз, откуда в сопровождении десятиклассника Павлика я уже пешком отправился дальше.

Вскоре напоззли тучи и вечерние сумерки сменились ночью. Освещая тропинку карманным фонариком, мы медленно поднимались вверх по ущелью старым еловым лесом. Сверху бесшумно падали крупные хлопья снега.

«Как резко изменилась погода! В Покровке днем по-летнему жарко — градусов двадцать выше нуля, — а здесь хлопьями валит снег, наверное, совсем скоро наступит зима», — думал я, поднимаясь все выше в горы едва заметной лесной дорожкой.

Часа два спустя мы добрались до широкой поляны. На ней стояла высокогорная станция. Несмотря на позднее время, в окнах ее светились приветливые огоньки. Издали слышав наши шаги, несколько собак различной породы и масти кинулись нам навстречу. Дружелюбно помахивая хвостами и повизгивая, они встретили моего спутника Павлика, а заодно и меня, незнакомого им человека.

— Вот так охрана! — не выдержал я, глядя голову крупной белой собаки.

— А что здесь охранять? Да, кроме того, они меня издали узнают. Ведь все они моей мамы



питомцы; она брошенных собак под свою защиту берет, — пояснил Павлик.

Как оказалось позднее, под опекой матери Павлика, Юлии Павловны, в ее совсем не просторной квартире, безмятежно проживали три спасенные ею собаки. Одну из них звали Тата, другого пса — Кузя, третью — Текеч. И хотя все собаки жили под одним кровом и пользовались защитой одной хозяйки, жизнь их протекала по-разному. Большую часть дня и ночи Тата спала на кушетке в комнате Юлии Павловны. Кузина жизнь проходила в темном проходном коридоре, а Текеч жил на балконе. Днем, когда солнце поднималось над снеговыми вершинами гор, застекленный балкон прогревался. Однако ночью, уже в октябре, на балконе царил настоящая стужа. При дыхании клубился пар, леденели окна, в ведрах замерзала вода.

Интересно, что размещение собак на горной станции отнюдь не зависело от Юлии Павловны. Не считаясь с теснотой и явными неудобствами, она охотно поместила бы всех четвероногих питомцев в своей маленькой комнате. Но собаки и без хозяйки сами распределили между собой жилую площадь. Издавна занимая кушетку, вздорная и ревнивая Тата не подпускала Кузя к Юлии Павловне и бросалась на него, как только он появлялся в дверях комнаты. Здоровенный, но миролюбивый пес Кузя избегал ссоры и устроился в коридоре. Здесь он привык получать пищу и укладывался спать, загромождая своим большим телом выход наружу. Ну, а Текеч? Больше всего на свете он любил свежий воздух, кое-как примирился с крышей над головой, но совершенно не мог выносить атмосферу утепленного помещения. Холодный балкон оказался для него самым подходящим местом на станции.

До того как попасть к Юлии Павловне, жизнь каждой из этих собак проходила по-разному. Быть может, отчасти поэтому они отличались одна от другой не только своим внешним видом, но и нравом. Сейчас мне и хочется кратко рассказать об этих четвероногих друзьях человека.

Тата — неказистая маленькая собачонка неопределенной породы. Возвращаясь с экскурсии, я всегда встречал эту собаку в комнате Юлии Павловны. Когда я обедал или вечерами приводил в порядок собранные за день коллекции и писал свой дневник, она неизменно спала или, сидя, дремала на кушетке своей хозяйки. «И дремлет, качаясь, и слышать не может, глаза застилает туман», — обязательно вспомнишь стихи, как только взглянешь на сонную собачонку. Темная ее шерсть неопределенной окраски не успела вылинять окончательно. Не отросшая короткая шерсть покрывала переднюю половину тела животного, а на задней висела кочьями. Кончики небольших торчащих ушей, выдавая дворнягу, безнадежно повисли вниз. Не помню точно, как выглядел хвост. Кажется, в виде обрубка хвост сохранился только наполовину. Одним словом, уже с первого взгляда внешность собаки производила невыгодное впечатление. Что и говорить, неказистая собачонка. Это впечатление усугублялось еще недовольным видом и вздорным нравом. Избалованная собака нежилась на кушетке, с кряхтением поворачиваясь с боку на бок, и глухо рычала, когда мимо дверей комнаты проходил коридорный Кузя. Ну и Тата! Ох и Таточка!..

Но вскоре я обратил внимание на глаза избалованной собачонки: они подкупали своей смышленостью. Выпуклые и блестящие, они незаметно следили за всем, что происходило в коридоре и комнате. Вот Татка, не отрывая головы от кушетки, поворачивает морду к двери, и ее взгляд выражает недовольство и явное пренебрежение. И хотя я не смотрю, кто именно входит в комнату, но и без этого, по выражению собачьих глаз, вижу, что пришел сын Юлии Павловны — Павлик. Он бесцеремонно обращается с избалованной Таткой, часто мнет ее, не давая покоя, и сейчас она недовольна его появлением. Но вдруг в одно мгновение выражение выпуклых глаз собаки меняется. Теперь они выражают не досаду, а беспредельную преданность. И сразу становится ясно, что в комнату входит хозяйка.

К смешной, неказистой дворняжке с выпуклыми глазами и лучистым взором, естественно, возникает симпатия.

— Татка, не пора ли тебе прекратить спанье! Хочешь «ключик»? — бросаю ей на кушетку конфету.

Она, не жуя, как-то брезгливо глотает лакомство и исподлобья смотрит отнюдь не ласковым взглядом.

— Давай познакомимся. Можно тебя погладить? — издали протягиваю к ней руку. Но собака морщит губу, показывая острые зубы. — Нельзя, значит? Ну и не надо. Противная ты дворняга, подальше от такой собачонки.

Несколько лет назад Юлия Павловна подобрала брошенную всеми дворнягу где-то на улице селения Покровки. И бездомной собаке улыбнулось счастье. Правда, жизнь редко течет совершенно спокойно и гладко. Как-то Татка попала в капкан, поставленный на лисицу, и чуть не замерзла; после этого долго болела нога. Были и другие невзгоды. Но теперь все это далеко позади, и жизнь Татки течет без зазоринки. «Не родись богатым, не родись красивым, а родись счастливым». Эта поговорка вполне подходит к моей новой знакомой — неказистой, но в общем незаурядной дворняге Татке.

Иначе сложилась жизнь у незадачливого коридорного пса Кузи. Не так давно породистого красивого щенка желто-пегого сеттера Кузю привезли на высокогорную станцию. Но, к сожалению, никто не заинтересовался его охотничьими качествами и способностями, а вскоре он совсем лишился хозяина и стал никому не нужен. Много невзгод вынес пес за свою короткую жизнь. После чьей-то неудачной попытки застрелить обездоленную собаку тяжело израненный дробью Кузя попал под надежное покровительство Юлии Павловны и, как мы уже знаем, поселился в коридоре. Само собой разумеется, пережитые невзгоды не прошли бесследно. Больше всего на свете Кузя стал бояться ружья, выстрела и постепенно потерял природное влечение к ружейной охоте. Однако время от времени он все же проявлял интерес к птицам.

На краю усадьбы станции, искрясь и журча, текла горная речка. На ней постоянно держались некрупные, но заметные темные и белобрюхие птички — оляпки. Часто махая короткими крыльями и подавая голос, они низко перелетали с места на место, порой бросались в воду, чтобы спустя секунду-другую сухими вновь появиться на камне. Эти смешные оляпки всегда привлекали внимание Кузи. Иной раз часами он гонял птиц по реке, энергично перепрыгивал с камня на камень, попадал в ледяную воду и вновь выбирался на сухое место. Охота за подвижными птицами никогда не кончалась успешно. Оляпка близко подпускала к себе собаку, возбужденно подергивала коротким хвостом, а затем перелетала на соседние камни. Прозябший и измученный, но неизменно довольный, Кузя возвращался в коридор, и, лежа там, облизывал лохматые мокрые лапы. Но охота на речке случалась не особенно часто, и жизнь коридорной собаки протекала и однообразно, и скучно.

От нечего делать Кузя пытался сторожить станционное помещение, но делал это так неудачно, что всегда оказывал окружающим медвежью услугу. Заслышит, бывало, невнятный шум на усадьбе, с лаем выскочит на широкий двор и, настезь открыв двери наружу, выстудит всю квартиру. Нескладного Кузю никто не наказывал, не бранил за эти поступки. Все привыкли давно к его бестолковым выходкам. Добрый и преданный пес делал все от чистого сердца. Что же делать — неудачник, и только!

Третья собака, по кличке Текеч, на горной станции доживала свою грустную старость. В прошлом Текеч принадлежал киргизу-охотнику.

Этот охотник, по имени Толемыш, и сейчас живет в маленьком домике на краю ельника на другой стороне горной речки. У его жилья на зеленой поляне здесь и там валяются кости и рога горных козлов — тау-теке. Бывший хозяин собаки не случайно дал ей имя Текеч. Когда пес был помоложе, он превосходно шел на горных козлов, а потому и получил кличку Текеч,

то есть козлятник. В постоянной горной охоте много лет прожил Текеч у киргиза. Потом незаметно подошла старость, и четвероногий помощник стал бесполезным. Вероятно, смерть от винтовки хозяина ожидала собаку, но ее взяла под свое покровительство Юлия Павловна. Теперь на балконе горной станции костлявый от старости пес доживал свои дни. В дневные часы он грелся на солнышке, а ночами крепко спал, свернувшись в клубок от холода.

На второй или третий день моего пребывания на станции случилось маленькое происшествие. Оно живо сохранилось в моей памяти, и, когда я о нем вспоминаю, мне становится и смешно и досадно.

В горах резко изменилась погода, и я, рано возвратившись с охоты, уселся за стол и приводил в порядок коллекцию. Вскоре за окном послышался конский топот, и около десяти карих и гнедых лошадей проскакало мимо. Шум разбудил спящих собак. С громким лаем, распахивая настежь коридорные двери, из дому кинулся сеттер Кузя. За ним последовала проснувшаяся на кушетке Татка. И вдруг со двора донеслись невыносимые, страшные вопли собаки. Они наполнили все жилье. Не помня себя, я выскочил из-за стола и в следующую секунду был уже на крыльце. Я был уверен, что увижу растоптанную лошадьми собаку. Однако все объяснилось проще, чем я ожидал, и никто, кроме меня, нового человека, не обратил на собачьи вопли никакого внимания.

Против крыльца, топчась и извиваясь на одном месте, неистово голосил костлявый Текеч.

— В чем дело, что случилось?! — кинулся я к одному из рабочих.

— Да ничего не случилось, — с усмешкой ответил он. — Ноги себе старый пес отлежал. Спросонья забыл, что кости болят, и кинулся за другими собаками.

## ВСТРЕЧА С КИРГИЗСКОЙ ОВЧАРКОЙ

Это произошло в горах Киргизии неподалеку от озера Сары-чилек. Не могу понять, почему его так называли? Сары-чилек в переводе на русский язык — желтое ведро. Хотел бы я, чтобы мои читатели взглянули на «желтое ведро» своими глазами. Они увидели бы такую величественную красоту, что о ней рассказать почти невозможно, а нарисуешь — никто не поверит, что художник передал на полотне те самые краски.

По пробитой скотом тропинке, по крутым увалам я в тот безоблачный день медленно поднимался к белым вершинам. Пройду немного, остановлюсь, чтобы отдышаться, и не могу глаз оторвать от чудной картины. Внизу бирюзовая гладь большого продолговатого озера, над ним серые и черные скалы, потом бархатистая зелень горных лугов, а выше искристый белый снег на ярком голубом фоне южного неба. Жжет солнце, холодком тянет с горных перевалов, блестит, извиваясь вдаль, пенный горный поток.

Приблизительно после часовой ходьбы добрался я наконец до вершины холма и здесь решил отдохнуть перед новым подъемом. Почти ровная вершина холма, разукрашенная пестрыми цветами по яркому зеленому фону трав, примыкала к причудливым скалам, к седым осыпям. Под ними росли последние деревца арчи. Для отдыха меня потянуло к этой группе деревьев. Но не успел я сделать и сотни шагов, как замер на месте. Только теперь я заметил светлую юрту. Она стояла на зеленой лужайке и терялась на фоне седой осыпи. От юрты, пересекая зеленый луг, прямо на меня неслась пестрая киргизская овчарка. Такой красавицы, такого олицетворения силы и ловкости, как эта почти белая с редкими черными пятнами собака, я давно не встречал.

Никогда я не боялся собак. Кусали они меня в детстве, штаны без конца рвали, но нет у меня к ним страха, и только. Но на этот раз что-то серьезное, внушительное было в фигуре, в движении быстро бегущего ко мне животного. Я снял с плеча ружье. Секунду спустя я взвел курок, а еще через мгновение, ощутив явную опасность, взвел и второй. От юрты ко мне в долгополом белом платье с распущенными черными косами бежала киргизская женщина. Она кричала и размахивала руками. И хотя я не мог слышать отдельных слов, но и без них мне стало все ясно. Она боялась и за меня, и за жизнь своей любимицы.

Когда собака приблизилась шагов на восемь, я прицелился и выстрелил мимо головы животного. По моим расчетам, выстрел должен был оглушить, остановить собаку, но на этот раз мне стало страшно, — он почти не оказал никакого действия. Кое-как я успел увернуться от прыгнувшей на меня собаки, ее челюсти щелкнули в воздухе. Сосредоточив все свои силы, я нанес прикладом ружья страшный удар животному. Но ни визга, ни замешательства. Сбитая ударом собака покатила по траве, но тотчас вскочила на свои упругие ноги и повторила еще более стремительное нападение. Я нанес новый удар ногой, потом вторично сбил собаку прикладом на землю. Четверть минуты спустя я отбил еще два яростных натиска и, наконец, видя, что выхода нет, перебросил в руках ружье, чтобы успеть в любой момент выстрелить.

Неожиданно собака изменила приемы своего нападения. Вместо смелых стремительных натисков, между которыми у меня были кратковременные передышки, она вдруг быстро закрутилась вокруг меня и, увертываясь от моих ударов, пыталась схватить меня за ногу. Для меня это было во много раз хуже. Один раз я споткнулся и чуть не упал на землю и в конце концов почувствовал сильное головокружение. Игра становилась опасной. «Довольно», — мелькнуло в моей голове страшное решение, и, ожесточенно отбиваясь стволом ружья, я указательным пальцем нащупал гашетку. К счастью, в этот критический момент подоспела киргизская женщина. Я испытал еще один невероятный натиск, и все вдруг прекратилось. Женщина обхватила собаку за шею руками, и та покорно легла на траву, без всякой злобы следя за мной глазами. С ее разбитых губ на белоснежную мохнатую грудь, на мощные лапы капала кровь.

— Ките-ките, — кивком головы указала мне киргизка на соседнее ущелье. Я понял, что нужно возможно скорей уйти отсюда, и пошел, спотыкаясь о камни, но не быстро, а медленным шагом.

Я боялся, что, увидев мое поспешное отступление, собака вырвется из ненадежных рук ее владелицы.

В этот день я отказался от подъема к снеговым вершинам. После всего пережитого я неуверенно стоял на ногах, сильно болели руки. Собака ни разу не схватила меня зубами, но, вероятно, от ее когтей на моем теле были глубокие ссадины, а рубашка висела клочьями. Я вспомнил своего проводника в Киргизском хребте Уразовского. Избегая встречи с овчаркой, которая издали мне казалась чуть крупнее барана, он пересек такое ущелье, где, по моим понятиям, невозможно было пройти человеку. Тогда я смеялся над ним, но теперь его выходка мне стала понятна. На эту лужайку я не приду ни за что, пока у темных деревьев арчи под седой осыпью будет стоять юрта.

И вдруг мне стало как-то особенно легко на сердце и весело. Я был счастлив, что и в трудную минуту не убил лучшего друга человека — собаку.

## ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Рассказывая в этой книге о своей жизни, большую часть которой я провел с ружьем и

записной книжкой, о жизни зверей и птиц на свободе и в неволе и о наших друзьях — собаках, я, конечно, делал это с известной целью. Мне хотелось привить читателям любовь к нашей замечательной стране, к нашей богатой природе, к животным.

Не скрою, для того чтобы написать эту книгу, я отрывал время от своей основной работы и, вторично переживая прошлое, иной раз просиживал над рукописью до поздней ночи.

Кончая книгу, я надеюсь, что она принесет пользу моей Родине, способствуя сохранению ее природы. Пусть мальчуган-подросток, прочтя мои простенькие рассказы о совке Тюке, о смешном Трушке и о собаках и продумав их, станет более серьезно и бережно относиться к животным и к природным богатствам своей страны.

## ЗООЛОГ И ПУТЕШЕСТВЕННИК

В 50-60-х годах у нас, молодых московских орнитологов, существовала нерушимая традиция: после каждой экспедиции сразу же, под свежим впечатлением, зайти в Зоологический музей на улице Герцена и, не спеша, во всех подробностях рассказать о прошедшей поездке невысокому, хрупкому на вид человеку, сидящему за простым лабораторным столом в заставленной коллекционными шкафами и сундуками комнате. И не было в Москве никого, кто бы более живо, с большим интересом и непосредственностью откликнулся бы на ваш рассказ, порадовался бы новым находкам, посетовал бы по поводу неудач, подсказал бы правильное решение спорных вопросов. Этим человеком был Евгений Павлович Спангенберг, автор книги, которую вам предстоит прочесть.

Пролетели годы, пришли новые люди, мало осталось и тех, кто знал его лично. Но жизнь Евгения Павловича — это большая страница в истории советской орнитологии, и знать ее должен каждый, кому дороги птицы, кому дорога наша родная природа, в ком живет дух странствий и открытий.

Евгений Павлович Спангенберг родился в 1898 году в Читинской области, в семье инженера-железнодорожника. С раннего детства все его привязанности были отданы птицам, природе, охоте. Это и сформировало жизненные интересы будущего ученого.

Вся жизнь, все помыслы Евгения Павловича были связаны с изучением животных, особенно птиц. Любовь к природе, к дальним странствиям определила его путь — путь зоолога, исследователя, ученого. С ружьем, биноклем и записной книжкой он обошел и объехал огромную территорию нашей Родины: Дальний Восток и Закавказье, тундры Кольского полуострова, Канина и нижней Колымы, пустыни Средней Азии и Казахстана, равнины Средней России, высокогорья Тянь-Шаня — тысячи и тысячи километров пути. И отовсюду привезены уникальные материалы, коллекции, наблюдения И все это — буквально на чистом энтузиазме, по большей части пешком, с большими трудностями, потому что тогда, в сороковые и даже пятидесятые годы, экспедиции снаряжались и оборудовались не так, как сейчас. Не было к услугам зоологов ни вертолетов, ни моторных лодок, ни телеметрии, ни звукозаписывающих приборов и длиннофокусной оптики. Палатка — и та была редкость!

Еще будучи студентом второго курса физико-математического факультета Московского университета, в 1924 году Евгений Павлович вместе со своим другом Г. А. Фейгиным совершил первую поездку в Среднюю Азию, в район нижнего течения Сырдарьи. Природа и особенно птицы этой страны покорили его воображение, и последующие четыре года он посвятил расширению и углублению исследования того же района. В 1928 году Евгений Павлович вместе со своим однокурсником, а ныне профессором С. П. Наумовым пересек Приаральские Каракумы и некоторое время работал на побережье Аральского моря. Однако

он не считал исследование законченным и несколько раз снова возвращался к изучению птиц Южного Казахстана. В 1936 году он смог обследовать труднодоступный участок Кызылкумов, лежащий между старым руслом Жанадарьи и станцией Арысь. В результате этого цикла исследований, занявшего в общей сложности 9 лет экспедиционной работы, была создана база для монографического описания птиц нижней Сырдарьи и прилежащих районов. Эта сводка, опубликованная в «Трудах Зоологического музея МГУ» в 1941 году, может служить прекрасным образцом классической фаунистической работы, она содержит исчерпывающий материал по размещению и биологии птиц интереснейшей и до того времени совершенно неизученной территории. Стремление быть «первопроходцем», попасть в область орнитологического «белого пятна» и в последующие годы проявляется у Евгения Павловича постоянно. Больше всего его влекут нехоженые пути.

Параллельно исследованию Средней Азии Евгений Павлович начинает цикл экспедиций в Закавказье. Первая поездка в Азербайджан относится к 1925 году, затем Евгений Павлович работал в Ленкорани в 1929–1933 годах, в 1935–1937 годах обследовал орнитофауну Армении. Однако главная его задача — создание сводки по птицам Закавказья — осталась невыполненной.

В 1938 году внимание Евгения Павловича привлек Дальний Восток. Тогда этот край в орнитологическом отношении представлялся совершенной загадкой, и первая же поездка Евгения Павловича в долину реки Большой Уссурки принесла много неожиданного. В следующем, 1939 году Евгений Павлович снова едет на Большую Уссурку и обследует среднее ее течение со всей тщательностью, которая была присуща его полевой работе. Но итоги этих исследований сам Евгений Павлович рассматривал как сугубо предварительные и ограничился публикацией лишь нескольких статей. Только после новых поездок, последовавших уже после войны, в 1954, 1955 и 1958 годах, когда ему удалось посетить и детально обследовать южные районы Приморья, Евгений Павлович приступил к созданию монографического обзора. Эта работа, содержащая ценнейший фактический материал по биологии птиц Дальнего Востока, увидела свет только в 1965 году.

В 1946 году прерванная войной экспедиционная деятельность Евгения Павловича возобновилась. После непродолжительной, но весьма плодотворной поездки в Туркмению, когда совместно с Г. П. Дементьевым и А. К. Рустамовым он обследовал хребет Гязь-Гедык в Бадхызе, Евгений Павлович переключается на птиц Рыбинского водохранилища, где был создан Дарвинский заповедник. Эта работа была продолжена летом 1947 года, а обзор птиц Рыбинского моря, написанный совместно с И. М. Олигер, вышел двумя годами позже. Значение этой работы велико: она отражает начальный этап формирования орнитофауны искусственно созданного большого водоема и поэтому является отправной точкой для глубокого анализа всего процесса в целом. Собственно, такой анализ Евгений Павлович и ставил своей задачей, когда возобновил полевые наблюдения в Дарвинском заповеднике и прилежащих районах много позже, в 1963–1965 годы. Работа эта, однако, осталась незавершенной. Первый этап изучения фауны птиц нашей страны был завершен в 1951–1954 годах выпуском коллективной шеститомной монографии «Птицы Советского Союза», подготовленной в стенах Зоологического музея и удостоенной Государственной премии. Лауреатом этой премии по заслугам стал и Евгений Павлович, написавший несколько разделов книги.

В 1955 году Евгений Павлович начал цикл работ по фауне птиц европейских тундр. Совместно с В. В. Леоновичем он совершает первую рекогносцировочную поездку на полуостров Канин, а в 1956–1957 годах проводит там полный полевой сезон. Чтобы сравнить орнитологическую характеристику европейских тундр с азиатскими, Евгений Павлович задумал и осуществил в 1959 году трудную экспедицию на северо-восток нашей страны, в низовья Колымы. Экспедиции на север оказались в высшей мере плодотворными и помимо богатых коллекционных материалов дали массу интереснейших наблюдений, которые легли в основу более чем десятка статей.

Перечень мест, где работал Евгений Павлович, будет неполным, если не упомянуть Крым, который Евгений Павлович очень любил. Как только выдавалось несколько более или менее свободных дней, он исчезал из Москвы и неизменно объявлялся в Крыму.

Характерной чертой Евгения Павловича как ученого было стремление побывать в одном и том же месте несколько раз. Ему постоянно казалось, что он что-то пропустил, что-то не учел, что-то не доработал. Такие повторные экспедиции позволили Евгению Павловичу не только исследовать фауну с исчерпывающей полнотой, но и проследить изменения в ее составе на протяжении ряда лет, что в свою очередь давало ключ к расшифровке причин этих изменений.

Он был необычайно строг и требователен к себе и своим работам. К публикации он допускал только совершенно безупречный материал и факты, которые проверял всесторонне. То, в чем он не был уверен, могло годами ждать окончательного подтверждения: Евгений Павлович считал, что лучше промолчать, чем говорить предположительно. Никаких домыслов, никаких гипотез — только проверенные факты! Вот почему его работы составляют золотой фонд отечественной орнитологической литературы. С годами их значение не снижается, а скорее возрастает.

Птиц Евгений Павлович знал отлично. Он мог безошибочно назвать любую птицу, увидев ее даже мельком или услышав голос. Загадок для него почти не было. Особое мастерство, какое-то почти сверхъестественное чутье проявлял он при отыскании птичьих гнезд, и в его коллекции были кладки, которых ни до, ни после него не находил никто.

Евгений Павлович был выдающимся коллекционером. За свою жизнь он собрал богатейшую коллекцию птиц, большинство которых хранится сейчас в Зоологическом музее МГУ. Среди этих коллекций — уникальные экземпляры, ценность которых не определишь никакими деньгами.

Евгений Павлович был человеком в высшей степени своеобразным. Он не относился к категории людей, про которых говорят «широкая натура», «душа нараспашку». Нет, скорее он был замкнут, молчалив, как-то болезненно насторожен и недоверчив при первом знакомстве. Но вот вы заговаривали с ним о птицах — и все менялось: в его глазах возникала такая теплота, такой свет, такая радость, что всякая неловкость и натянутость первых минут таяла, уходила бесследно. Завоевать дружбу Евгения Павловича было нелегко, и «паролем» к ней были птицы. Он жил аскетом, не требуя для себя комфорта. Те, кто бывал у него дома, помнят коммунальную квартиру в старом доме, где собственное «жизненное пространство» Евгения Павловича ограничивалось небольшой комнатой. Письменный стол, постель, шкаф с книгами, коробки с коллекциями. Спартанская обстановка. А модная мебель и прочие атрибуты современного быта — зачем они были ему? Зато сколько захватывающих споров, сколько увлекательных рассказов слышали эти стены! Когда годы и здоровье наложили ограничения на его дальние поездки, для нас, молодых московских орнитологов, стало обычаем привозить что-нибудь особенно интересное для Евгения Павловича. Благодарный взгляд его был для нас лучшей наградой.

Евгений Павлович очень любил охоту и все, что с ней связано, — ружья, собак, сами поездки. Однако и в отношении охоты Евгений Павлович вел себя не так, как все. Для него охота была почти исключительно средством тесного общения с природой. Да и сама охота всегда выглядела как-то несерьезно: убьет он осенью пару чирков или вальдшнепа на весенней тяге — и счастлив целую неделю. Никогда он не участвовал в облавных охотах на лосей или кабанов, никогда не ездил в угоidia, по-настоящему богатые дичью, хотя его нередко приглашали в благоустроенные хозяйства. Стрелял он великолепно, но демонстрировал свое искусство обычно только при охоте на бекасов, да на перепелов в Крыму. Зато говорить о ружьях и собаках, об охотничьих традициях мог часами. И, слушая его, каждый понимал, что дороги Евгению Павловичу не выстрел, не дичь, а вся атмосфера очередного выезда на

свидание с природой.

Многогранность таланта Евгения Павловича особенно ярко блеснула, когда он попробовал свои силы в научно-художественной литературе. «Записки натуралиста», неоднократно переиздававшиеся и переведенные на иностранные языки, — это действительно глубоко художественное произведение. Это подлинный гимн животным, дальним дорогам, родным русскому сердцу местам. Это гимн научному поиску, радости открытия, долгой и трудной экспедиционной работе. Немало жизненных путей определила эта книга, немало людей привела в науку или, во всяком случае, открыла им глаза на природу.

Да и не только это. «Записки натуралиста» — это страницы истории, живые, бесхитростные, подчас наивные, но удивительно выразительные и предельно простые. Они с необыкновенной силой дают нам возможность почувствовать, ощутить, увидеть прошлое. А знать прошлое необходимо, чтобы еще «больше любить настоящее».

В. Е. Флинт, профессор, вице-президент Всесоюзного орнитологического общества